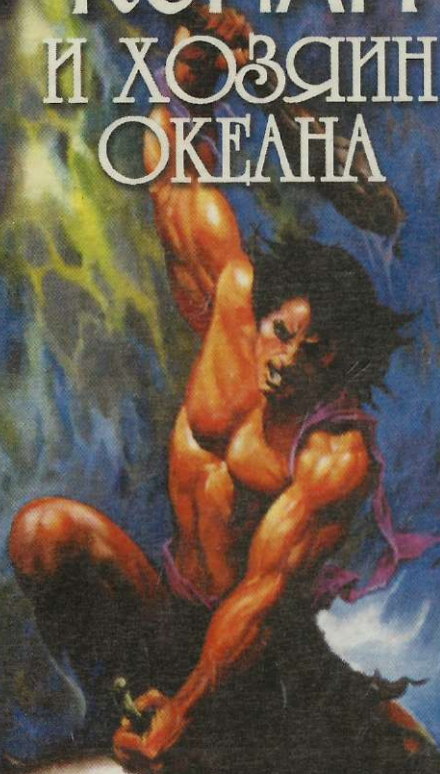

ВАННИ КИМ™

КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА

•Северо-Запад®

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К64   Конан и Хозяин Океана: Роман.— СПб.: Се-
веро-Запад, 1999. — 480 с.

ISBN 5-87365-057-8

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-057-8

© Ken Kelly, обложка, 1991.
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

же четвертые сутки бушевал шторм, и конца ненастью не предвиделось. Великий Закатный океан был разгневан, и стада волн, покорные воле неистового ветра, брели туда, куда велел им нерадивый пастух. Тяжелое свинцовое небо без малейшего просвета нависло над таким же свинцовым морем. Тучи наслаивались друг на друга, сталкивались, боролись подобно волнам под ними, и солнечные лучи не в силах были пробиться сквозь нагромождения движущихся мрачных глыб. День превращался в непрерывные сумерки, длившиеся от восхода да заката, ночь же была подобна погружению в угольную яму, плотно закрытую сверху.

Ветер с полудня и восхода, установившийся на третьи сутки, гнал парусник на полночь и закат, в самые пустынные воды океана, где на многие сотни лиг не было ни клочка суши, только непроницаемые туманы. Тучи то и дело разражались густым ливнем, в остальное же время бес-

прерывно моросил мелкий, нудный и холодный дождь.

Никто не знал, где они находятся, ибо с тех пор, как корабль, покинув Кордаву, взял курс на Мессантию, земля пропала из вида и более не показывалась.

Впрочем, сказать «корабль» было бы неверно, поелику не одно судно, но целая флотилия отплыла из столицы Зингары в Аргос в тот злосчастный день.

Солнце светило ярко, играя лучами, и веселые блики прыгали по лазурным мелким волнам ласкового моря. Ветер дул с материка и хоть не был попутным, позволял обойтись ветрилом, не прибегая к помощи весел.

Но спустя час, как берег исчез за полуночным овидом¹, ветер переменился и задул с заката, с каждым мгновением свежая. Оттуда стремительно надвигалась черная сплошная облачность. Ближился шквал. Такое не являлось редкостью для здешних вод, и никто не мог предположить, что чистое небо утра было всего лишь узкой полоской, разделявшей идущие друг навстречу другу бури. Ту, что пришла первой — от заката, с океана, и ту, что прилетела позже, с полудня и восхода, от черных побережий.

Схватка двух штормов превратила гостеприимную блестящую гладь в кипящий котел, где серые чудища с гривами седой пены, разевая пасти глубиной в восемнадцать локтей, вздымались

¹ Овид — горизонт.

потом выше мачт, набрасываясь на других таких же чудищ, сталкиваясь с ними и тут же с шипением обрушиваясь, каждый миг грозя опрокинуть или разбить хрупкое творение человеческих рук и разума — корабль.

Воздух пропитался солеными брызгами, которые, смешиваясь с каплями нескончаемого дождя, образовали тяжелый сырой туман. Дышать в этом тумане было трудно. Одежда, намокнув раз, уже не высыхала, а на волосы, казалось, налипла паутина — так влажен был воздух.

Не стоит и говорить, что корабли в мгновение ока были разметаны, как осенние листья, и кормчие потеряли друг друга из вида. Каждый теперь должен был спасаться сам.

К исходу второго дня стало ясно, что буря, шедшая с полуденного восхода, возобладала. В небесах, судя по поведению облаков, сражение стихий еще продолжалось, но над поверхностью вод правил бал ураганный юго-восточный ветер. Как безумный наездник на скачках погоняет своих лошадей, так и этот ветер гнал вперед горы соленой воды, стремясь затопить весь мир. И порой казалось, это и вправду случилось, и этот корабль — все, что осталось еще под небесами не поглощенного пока морем.

Паруса убрали со всей возможною поспешностью, да так и не случилось еще благоприятного момента, чтобы можно было хоть ненадолго поднять на мачте кусок материи размером хотя бы с простыню — даже платок был бы разорван в куски и унесен во мгновение ока.

Неоднократно судно находилось на волосок от крушения, и лишь мастерство кормчего и счастливая случайность не позволяли океану взять свою очередную жертву. Не однажды волна переклестывала через борт и с шипением тысячи разъяренных змей заливала верхнюю палубу, и после этого шпигаты долго не могли сбросить лишнюю воду обратно.

Крепкий неф, звавшийся «Полночная звезда», сработанный из дубовых досок, скрипел каждым соединением и звенел каждой частью стоячего такелажа, но даже такой напор слепой стихии не мог разбить судно. Другое дело, что при не слишком хорошей остойчивости неф все еще не был перевернут кверху килем. Еще бы, ведь надстройка кормы возвышалась над водой на четырнадцать локтей, а осадка не превышала одиннадцати, и это при обводах кормы весьма далеких от канонической. Конечно, бездушным волнам было все равно, похож корабль на молоденькую туранскую танцовщицу или на упитанную гандерскую лавочницу, но маневренность нефа оставляла желать много лучшего.

Шатры и палатки с помоста над верхней палубой, а также все их содержимое еще убрали под палубу, как вихрь уже налетел. Все, что по небрежности или за нехваткой времени было оставлено под открытым небом, ураган сорвал и унес безвозвратно вместе с самим помостом. Самым впечатляющим зрелищем была резная кровать герцогини Алоизии Кордавской, сработанная из орехового дерева, с гусиной периной, балдахин и

шелковым бельем, плывущая в четырех лигах к полудню от нефа в бескрайние и неизведанные просторы. Хозяйка наблюдала за беглянкой со слезами на глазах, пока ее не упросили сойти вниз, так как шторм шутить не любит. Кровать стояла тысячи золотых.

Океан предстал во всем своем величии, и тут в полной мере можно было осознать, чья власть в этом мире действительно имеет право зваться властью: кичливых временщиков — людских монархов или бессмертных стихий, волей коих рушатся горы и воздвигаются со дна морского острова. Теперь ветру и волнам ничего не стоило утопить в пучине аквилонский и зингарийский королевские дворы.

Мало кто осмеливался в эти дни подняться на верхнюю палубу, начисто выметенную ветром и вымытую волной и дождями. Люди, многие из которых не привыкли не то что к низкой и душной главной палубе, а вообще к морским путешествиям, жестоко страдали от качки и неизбежных неприятных запахов, от плесени и сырости корабельного чрева.

Работа моряков превратилась в пытку. После первого же дня добрая треть экипажа слегла с сильнейшим жаром. На оставшихся в строю выпала полуторная нагрузка, ведь почти никто из пассажиров не мог прийти к ним на помощь.

Капитан — бывший барахский пират Гонзало — простаивал за штурвалом до полусуток, после чего опорожнял бутылку вина, закусывал огромным ломтем солонины с хлебом и валялся без чувств, ус-

тупая место помощнику, Гвидо из Лекко, лично-му шкиперу аргосского посла в Кордаве. Когда выбивался из сил и он — обычно это случалось к полуночи — к штурвалу вставал тот, кого не страшили ни разгневанный океан, ни беззвездная темнота, ни демоны ветра и вод, ни ночные кошмары, ни морские суеверия. В самую трудную вахту — «собаку» — и часть следующей за ней, до самого рассвета, «Полночной звездой» управлял человек, исходивший всю Хайборию и несколько лет проводивший на Закатном океане, самый знаменитый разбойник и самый могущественный монарх, многократно осужденный на смерть и благословленный на царствование самим Эпимитриусом — король Аквилонии Конан Киммериец.

Он слишком дорожил жизнью, чтобы доверять ее кому-либо, и потому именно эти часы у руля безраздельно принадлежали ему.

На четвертый день еще больше похолодало, чудовищный шторм, пришедший с северо-востока утратил мощь, и ко всеобщей радости, с заката потянул свежий, но не ураганный ветер, нагнавший настоящего густого тумана, а не смеси из брызг и дождя. Наконец-то смогли поднять паруса, и «Полночная звезда» взяла курс на восход, туда, где лежал материк.

Дабы не расстраивать прежде времени пассажиров, кроме этой новости более ничего не было им объявлено. Но те, кто кое-что понимал в мореходстве и лоции Хайбории, знали, к каким землям приведет их курс фордевинд: их ждут или изобилующие шхерами и рифами суровые скалы

Ванахейма, или лесистые, низкие и неприютные берега пиктской пущи. А пристать к берегу было необходимо: запасы пресной воды даже на таком внушительном судне — длина по килю составляла сто локтей — подходили к концу.

Этот год выдался для Хайбории мирным, и у монархов Заката нашлось время, чтобы заняться наконец океаном.

Зингара и Аргос крепко держали морские коммуникации, и флоты Шема и Стигии не могли конкурировать с их парусными армадами, но баракские пираты распоясались, как никогда. А еще Аквилония, обретя спокойствие под управлением короля-киммерийца, вдруг дала знать о своих интересах на водных путях.

Торговля с полуднем была выгодна, путь морем виделся дешевле, быстрее и безопаснее сухопутного через слишком независимый Шем и враждебный Коф, новый монарх прекрасно понимал, что такое Закатный океан, и Лев заявлял свои права, пусть Аквилония и не имела выхода к морю.

Как ни горды и спесивы были властители Зингары, как ни скупы аргосские градоначальники, а разговаривать с Тарантией им пришлось. Сосед на полночной границе был слишком силен и шутить не любил. С виду Тарантия хотела не столь уж многого: снижения пошлин, возможности иметь собственный флот, неприкосновенности своих купцов и кораблей. Взамен обещалась военная помощь и всяческие льготы в торговле для зингарийских и аргосских купцов на всех сухопутных путях, куда простиралось влияние Тарантии.

На первый взгляд все выходило законно и справедливо, и Зингаре с Аргосом нечего было жаловаться на судьбу: могущественный сосед предлагал решить миром то, что мог просто взять силой, а сил у Аквилонии при нынешнем ее единстве вполне хватило бы.

На деле же выполнить условия Тарантии означало следующее: аквилонские гарнизоны в морских и речных портах Аргоса и Зингары, поток дешевых аквилонских и транзитных через Аквилонию товаров — от хлеба до пушнины и от вина до соли и железа — на полуденном торговом пути, которые будут возить аквилонские же купцы, коих теперь и пальцем тронуть нельзя. А за этим следовало вытеснение с рынка товаров аргосских и зингарийских, не отличающихся ни столь широким выбором, ни дешевизной. Кроме того, множество купцов-перекупщиков разом лишались своего хлеба, а моряков, грузчиков, ремесленников и охранников — работы.

И еще одно: на Закатном океане появлялась новая держава. Пусть аквилонцы не были морским народом, но богатое королевство могло позволить себе нанять на службу сколько угодно опытных зингарийцев и аргосцев и даже барахских пиратов, а это уж и вовсе не было на руку ни Кордаве, ни Мессантии.

И последнее, что было самым неприятным, хотя и не било по карману. Договор неизбежно должен был стать трехсторонним, что означало необходимость договора между Аргосом и Зингарой. Такое представлялось горячечным бредом, невоз-

можным, невыносимым, противоестественным еще три зимы назад, но цвета времени менялись. Пуантен изначально, возможно, и сам не рассчитав последствий, возвел на престол в Тарантии человека, привыкшего побеждать.

Воспитателями Конана были непогода, кулак и меч, но он научился у них многому, по крайней мере, гораздо большему, чем иных учат уют, шелк и стилос. Разумеется, он не стал покорной фигурой в чужой игре. Рады были такому обстоятельству в Пуантене, Боссонии и Гандерланде или сожалели втайне о содеянном, но поворачивать было поздно. Конан Киммериец не только умел держать в руках власть — он для многих успел стать другом и вернул прежнюю цену этому слову, медленно, но верно становившемуся «варварским» понятием.

Как бы то ни было, Аквилония стала сильнее. Конан заставил всех не только говорить о себе, но и считаться с собой. За короля стояли пуантенское рыцарство, тарантийская знать, гандерландские бароны и боссонское приграничье. По слухам, Пелиас, величайший маг стран Заката — тоже симпатизировал новому монарху. Не имели ничего против короля купцы, его поддерживали военные, кроме того, на время была замирена беспокойная граница по Черной реке.

Оставаться в проигравших не желал никто. Не желали этого и Зингара с Аргосом. Игру в достоинство и независимость можно было вести лунную, может быть и год, но не более. Аквилония настаивала на союзе, Пуантен договорился с

Аргосом, Зингара утешилась тем, что Аргосу придется хуже, если он будет вынужден считаться и с Тарантией, и с Кордавой, чем не считаться ни с кем.

И вот, с большими торжествами, шумом и помпой в Кордаву прибыл король Конан со свитой, послами, военачальниками, советниками и депутациями от купеческих гильдий. Туда же явились и послы от Аргоса, не обошлось и без митрианского духовенства, и в их присутствии первый договор между Зингарой и Аквилонией был заключен. Все напыщенно поздравляли друг друга, лицемерно уверяли в святости договора и кисло улыбались, но все касалось тех, кто что-то смыслил в политической ситуации. Для всех прочих придворных, баронов и в особенности для прекрасных дам прибытие великого посольства стало не более чем очередным грандиозным балом, ярмаркой женихов и невест и смотром наград, титулов и нарядов. В завершение церемонии цвет кордавского и тарантийского дворов в сопровождении представителей нескольких знатнейших семейств Мессантии, бывших при сем свидетелями и заложниками, погрузился на корабли и поутру, после буйной ночи с балом и маскарадом, отплыл в Аргос по Закатному океану, кой вскоре должен был узнать о том, что отныне становится личным водоемом тройственного морского союза.

Но то ли океан не изволил мириться с такой участью, то ли он восхотел вступить в договорные отношения на правах четвертой равноправ-

ной стороны, и подпись, поставленная им при помощи хвоста гигантской бури, оказалась столь витиеватой и длинной, что и конца не видать. Завершение этого так приятно начавшегося плавания представлялось туманным.

Опасаться приходилось не только враждебных берегов. В конце концов, близ побережья при желании можно было найти необитаемый островок с парой чахлах сосенок и маленьким родничком. Однако барахские пираты никаких договоров заключать не собирались, и законы для них писаны не были. На нефти меж тем боеспособных вооруженных воинов было не так много. Один пиратский корабль, а то и два, могли быть, конечно, отбиты, но против эскадры тихоходному и неповоротливому судну было не устоять. Конечно, в холодные воды пираты заходили редко, их корабли курсировали вдоль побережий Зингары, Аргоса, Шема и Стигии, но урагану-то ведь было все равно! И если королевский неф забросило в эти негостеприимные широты, то и пиратские корабли могли быть с легкостью отнесены сюда же.

Но пусть кто-то и мучился догадками, а король Конан был не из таких. Море — он знал это не понаслышке — всегда оказывалось гораздо более многообразно и удивительно, чем думал о нем человек. Доверив управление судном капитану и команде, поскольку непосредственная угроза для жизни и здоровья миновала, король проводил время на верхней палубе.

— Позволь побеспокоить тебя, мой король, — раздался сзади знакомый голос.

Времена скитаний прошли. Королю следовало обзавестись людьми, на которых можно положиться, людьми, которые чем-то обязаны ему, но в то же время король тоже должен быть обязан им — только тогда в окружении монарха будут друзья, а не лизоблюды и клеветы.

Бриан Майлдаф, горец из Темры — провинции на далеком полуночном восходе Аквилонии, — ныне вынужден был разрываться между своим именем, приносящим немалый доход, и государственной службой. Понимая занятость Бриана, Конан старался не слишком часто его беспокоить, но в такое путешествие горца нельзя было не взять.

Горделивые зингарийцы считали верхом изысканности поставить за своими креслами на званных приемах и просто на балах двух могучих, почти обнаженных гигантов с кожей цвета эбенового дерева, длинными копьями и огромными мечами или палицами.

Конан не был любителем дешевых эффектов и отнюдь не считал двух чернокожих телохранителей, чье воинское умение было весьма сомнительно, признаком достатка, благополучия и могущества. За его походным переносным тронем, сделанным специально под рост и вес нового короля, возвышался Бриан Майлдаф с боевым длинным изогнутым мечом в руках, а также с волосами почти желтого цвета, заплетенными в три длинные косы. Рядом с горцем стоял худой и невысокий аккуратный кхитаец Тэн И.

Зингарийцы дивились и кривили физиономии, чуть ли не пальцем тыча в варвара на троне и

двоих варваров за тронем, демонстрируя друг перед другом свое возмущение подобным безвкусицей и вульгарностью, но за всем этим была видна плохо скрытая зависть: о боевых искусствах кхитайцев прослышали уже на самом дальнем Закаате, разве что только в Нордхейме, Киммерии и у пиктов о них еще не знали. А вот горцы были известны не слишком хорошо не только в Зингаре — о них и в Аквилонии мало кто слышал достоверно.

— Знаешь, мой король, — проговорил подошедший сзади Майлдаф. — Попасть мне в самый распоследний подземный сид, если я знаю, куда занесла нас эта буря. Сдается мне, и помимо морской пучины есть немало способов распротиться с жизнью. Ты не скажешь, где ж мы все-таки очутились?

— Хорошо, не скажу, — равнодушно ответил Конан, даже не оборачиваясь на горца.

— Ну ладно! — медленно закипая, рявкнул Бриан. — Ты стал цепляться к словам, как Евсевий, а то и хуже! Что с того, коли я теперь сопровождаю короля? Мне и разговаривать надлежит, как в Палатах Мудрости? Да если я стану поступать так, это же войдет в привычку!

— Ну и что? — все так же безразлично пробормотал король.

— А если это войдет у меня в привычку, любой шемитский пройдоха со своим самым завальвающим товаром отобьет у меня самого нищего покупателя, потому что я не смогу ни обругать, ни переспорить его, ни очаровать покупателя, ни расхвалить свой товар, ни договориться с таможен-

ней, а буду только болтать без толку! А все из-за чего? Из-за того, чтобы потешить зингарийских болванов?

— Я же вот научился,— спокойно отвел убедительные — как тому казалось — доводы Бриана Конан.— И ничего. Зато теперь я могу не только командовать бандой отпетых горластых головорезов вроде тебя, Майлдаф, но и вести светскую беседу с коронованными и титулованными особами к вящей славе для себя и с пользой для государства.

Так вот,— продолжал король, произнеся эту краткую отповедь, после которой Майлдаф ненадолго умолк.— Должен сообщить тебе, Бриан, что нас занесло в такое поганое место, что все твои сиды и банши не сумеют надеть столько пакостей, даже если они соберутся все вместе, сколько может доставить пребывание здесь.

— Неужели так серьезно? — не поверил своим ушам горец.

— Увы, Бриан.— Король утвердительно кивнул.— Помнишь, я рассказывал тебе, как меня да и всех моих соплеменников любят в пуще и Ванакхейме? А теперь у этих самых берегов нам предстоит бросить якорь. Как тебе это нравится?

— Вообще-то мне это не нравится,— признался Майлдаф.— Но банши, на мой взгляд, все-таки хуже.

— Возможно,— отвечал Конан.

Пенный след за кормой таял в по-прежнему отвратительно свинцовых волнах.

— Но есть еще одно безрадостное обстоятельство. На Закатном океане, я думаю, меня еще по-

мнят, и не только на побережье. Барахас не так уж и далеко отсюда, а значит, и его пираты — тоже.

— А они что, страшнее пиктов? — изумился Майлдаф.

— Как тебе сказать,— Конан повертел туда-сюда кистью,— пикты не умеют предавать, а корсары только этим и занимаются, иначе им не прожить — работа такая.

— Ну это уж и вовсе никуда не годится,— согласился Бриан.— И что тебя понесло в этот океан? Самой большой водой, по которой я когда-либо плавал, было озеро Лохллинн. По осени на нем, конечно, было страшно, а так пересекай себе на здоровье в кожаной лодке. Здесь же посреди лета холод, ветер, дождь, вода кругом, да еще соленая, и народ, по твоим словам, неприличный. Далось тебе это море!

— Ты еще не все здешние прелести испытал на себе,— усмехнулся король.— Вот и морской болезни у тебя нет. Но ты пойми собственную выгоду: твоя шерсть поедет в Шем, Стигию, Куш...

— Через перекупщиков из Тарантии? — запальчиво спросил Майлдаф.— Сам я ни за что не поеду больше по морю, разве только ты сам встанешь у этого колеса.— Он махнул рукой в сторону штурвала.— И потом: Шем — еще куда ни шло.

Как бы ни были скупы шемиты, а одеялами накрываться им все-таки надо. Но зачем шерсть в Стигии, Куше и Черных Королевствах? Они ж там ходят голые весь год, как те толстомордые черномазые, что стояли позади зингарийского трона!

— Ты ошибаешься, любезный Бриан,— прозвучал за спинами спорщиков третий голос.— Стигийцы весьма ценят одежды из тонкой шерсти, и дальше на полдень за хорошие ткани платят хорошие деньги. И лишь зингарийские вельможи по невежеству своему и гордыне считают людей с черной кожей сплошь дикими людоедами. А те приспособления для создания воздушных струй, облегчающих неприятное воздействие жары, называются не вениками, а опахалами.

Высокий красавец-бородач с длинными черными прямыми волосами и проницательными, взирающими на все с тонкой иронией глазами, с тонкими чертами ухоженного, но загорелого и обветренного лица присоединился к разговору. Хранитель путевых карт Аквилонского королевства Евсевий посвящал большую часть своей жизни и деятельности практической проверке подлинности вверенных ему документов на личном опыте.

Он изъездил в повозке, на корабле, на коне, осле и верблюде или прошел пешком, похоже, весь белый свет, хотя и утверждал, что это далеко не так.

Евсевий был хитер и умел заговорить насмерть любого, но не был он ни трусом, ни бессовестным интриганом.

Он происходил из той тарантийской аристократии, что долгие века поставляла королевству умных и распорядительных чиновников, судей, знающих, когда нужно чтить букву закона и когда необходимо его обойти, и великих ученых, благодаря которым Аквилония могла не беспокоить-

ся о том, что ей неизвестно нечто, о чем уже осведомлены в Немедии.

— С тобой, Евсевий, я спорить не стану. Ты — единственный человек, которому я иной раз не знаю, что и ответить,— согласился горец,— но если меня продадут в рабство ваниры, съедят пикты, или мне вспорют живот пираты, будет уже все равно, поэтому будь оно проклято ваше великое море вместе с хваленными зингарийскими мореходами, про которых мне все уши прожужжали.

— Поостерегись, Бриан! — остановил расходившегося обитателя далекой Темры Конан.— Здесь, понятно, не разгуливают по волнам чародеи и волшебники, которые могут тебя подслушать, но шутить с морем все же не стоит.

— Того нельзя, этого нельзя! — возмутился Майлдаф.— Ну и место! Месьюр Тэн И со своими бесконечными правилами не придумает столько чепухи! Евсевий, ты же умный человек, скажи, ну разве в этом есть хоть какой-нибудь смысл?

— Во-первых, больше не называй меня умным человеком,— отвечал Евсевий.— Если бы я был умным, я давно бы женился и носа не высывал из родового замка под Тарантией или вовсе уехал бы жить во Фрогхамок, а не шлялся туда-сюда подобно последнему наемнику. Во-вторых и в-последних, на море я советую тебе слушать своего короля еще внимательнее, чем на твердой земле. В отличие от Тэн И, он знает всего одно, зато очень полезное правило: не трогай руками то, о чем не имеешь понятия. И это мудро. А я к тому добавлю: и языком не касайся того, чего не разумеешь.

— Ну уж по части языка тебе равных нет,— усмехнулся Конан.— Я и сам не очень верю во все эти приметы, но так уж заведено.

— Придется вас послушать,— сокрушенно согласился Бриан.— Но коли вы так много знаете, скажите хоть, когда рассеется этот туман. Ведь ничего не видно в двадцати локтях — хуже, чем ночью в бурю.

— Похоже, он рассеется весьма скоро,— заметил, оглядевшись, Евсевий.

— Это почему еще? — даже Конан, прекрасно знавший морские приметы, изумился.— Ты что-то особенное увидел?

— Да, мой король,— отозвался Евсевий.

Он, в отличие от короля и Майлдафа, смотрел не за корму, а на палубу.

— Из люка только что вылез месьор Тэн И, и поскольку ныне утро, я полагаю, что он решил помолиться. А солнце он чувствует как собака — мясо. А раз восходит солнце, туману недолго осталось жить.

Майлдаф и Конан обернулись. Действительно, у мачты стоял на коленях на своем коврике с золотой статуэткой быка и тихо молился, обратившись на восход, Тэн И. Рассеянный в густом тумане розоватый свет смешался с ватной массой и стал разливаться в ней, подбираясь все ближе. Кхитаец оказался прав. Митра не оставлял тех, кто его почитал. Светозарный бог не умел обманывать тех, кто надеялся на него.

Тем временем Тэн И закончил молитву, спрятав золотого быка в складки своей настоящей кхитайской куртки-балахона и аккуратно сложил ков-

рик. Затем он исчез в люке, опять появился оттуда уже без коврика и поднялся на корму. В течение всех пяти дней балансирования на грани между жизнью и гибелью кхитаец трудился на палубе как простой матрос, и здоровенные зингарийцы, аргосцы и черные южане изумлялись силе, выносливости и сноровке невысокого и вовсе не могучего с виду худощавого кхитайца.

— Митра приветствует нас! — улыбнулся Тэн И, кланяясь королю.— Далеко на восходе путешествуют на катту-марамах, а бури там еще сильнее, чем здесь.

— Неужто бывает еще сильнее? — Майлдаф почесал в затылке.

— Бывает, месьор Майлдаф,— закивал Тэн И.— Сначала полный штиль, очень-очень душно, потом в полдень становится темно, как в сумерки, а потом начинается такое...— Кхитаец выразительно закатил глаза.

— И они плавают в такой шторм на этих лодчонках? — заинтересовался Евсевий.

— Да, и даже почти совсем не тонут. Только их иногда уносит слишком далеко в море, и у них кончается пресная вода...

— Король, вода у нас на исходе, но Нарваэс только что лазил в воронье гнездо. Если его глаза ему не врут, то на восходе показался берег.

Капитан Гонзало, жилистый человек среднего роста с лицом отъявленного головореза, сломанным когда-то и с тех пор смотревшим куда-то вправо носом и вечно прищуренным — последствия удара тяжелой морской плеткой — левым

глазом высунул голову над настилом кормы, взиравшись по трапу. Он был облачен в линялую безрукавку, бывшую некогда ярко-зеленой, и на плечах его каждый желающий мог лицезреть образцы изобразительного народного творчества архипелага Барахас — цветную татуировку, которую не могла смыть никакая морская волна. Здесь были краген о многих щупальцах, морское чудище с фонтаном воды и пара, повешенный на рее некто, обнаженная русалка с длинным стройным хвостом и штурвальное колесо. Лицо у бывшего пирата было худое, с впалыми щеками. Глаза — злые и колючие, черные как черный жемчуг. Длинные, но жидкие и ставшие с годами какими-то неопределенно-пегими, под цвет океана в ненастье, волосы капитана покрывал красный колпак.

— Пошли туда лучше Фрашку, — лениво потянувшись, посоветовал капитану Конан. — Нарваэс после вчерашнего стоять может только в вороньем гнезде, потому что оно качается так же, как и он сам. А что касается глаз, то я не удивлюсь, если он увидел там второе солнце или летящих демонов. Фрашку пусть и молод, зато не пьет, а глаза у него видят не хуже.

— Будет исполнено, — ухмыльнулся щербатым ртом Гонзало. — А что делать, если Нарваэсу не почудилось?

— Гонзало, неужели ты думаешь, что я посоветую повернуть обратно в океан? — задал Конан риторический вопрос. — Подойти к берегу на семьдесят локтей, если позволит глубина, и лечь в дрейф или отдать якорь. Что же еще?

— Весьма разумно, — нагло ухмыльнулся вдаргорядь Гонзало. — Но благородные месьюры волнуются. Надо сообщать им, что близко берег?

— погоди, — поразмыслив мгновение, решил Конан. — Некоторые из них должны понимать, что это за берег, а из этих некоторых не все умеют держать язык за зубами.

— Будет исполнено, — кивнул Гонзало и исчез.

Тем временем туман быстро таял, и вскоре все четверо увидели, как по вантам с ловкостью кошки поднимается вверх высокий смуглый и стройный черноволосый молодой человек одетый в синие штаны и синюю же рубашу — Фрашку, воспитанник Гонзало. Именно благодаря парню старый корсар бросил разбой и нанялся на службу к зингарийскому королю и быстро сделался первым кормчим его величества. Сам его величество тоже, видимо, носился сейчас где-то по океанским просторам со своим вторым кормчим. Первого Фердруго любезно отрядил на корабль, везущий монарха Аквилонии и аргосских принца и посла, а также первого советника Зингары.

Конан слышал о Гонзало в бытность свою корсаром, но пути их никогда не пересекались. А вот про молодого Фрашку король узнал только теперь. Оказывается, пират был обязан кое-кому — а именно отцу Фрашку — ни больше, ни меньше, как жизнью. Уходя на Серые Равнины, он велел Гонзало возратить долг тем, что тот будет оберегать и воспитывать подростка. Научить Фрашку чему-нибудь, кроме морского ремесла, Гонзало не мог, а на Барахас юноше делать было нечего.

Пришлось старому пирату менять службу: вместо того чтобы служить самому себе на старости лет, он впервые в жизни служил кому-то. Хотя, надо признать, карьера Гонзало была успешной и быстрой — этим кем-то оказался король Фердруго. За свою жизнь Гонзало успел сделать себе имя, пусть и не самое доброе.

Между тем туман таял. Солнце разгоняло промозглую холодную сырость, столь надоевшую за эти дни. Конан ощутил на коже ласковое утреннее тепло, подобное прикосновению нежных девичьих пальчиков. Океан покуда был неспокоен, но в сравнении с тем, что делалось вокруг еще вчера, это был настоящий штиль. Король в сопровождении троих друзей взошел на нос. Но и оттуда пока не было видно ни малейшего намека на берег — даже обычной полоски облаков. Горизонт был пуст. Оставалось ждать, пока глазастый Фрашку уточнит то, что якобы разглядел на восходе против солнца редко виденный трезвым Нарваэс. Вернулись на корму.

— Земля! Вижу землю! — раздался с высоты тридцати локтей взволнованный молодой голос. Это был Фрашку.

— Нашел чему радоваться, — процедил Конан с раздражением. — Сейчас все — даже в трюме — услышат, как он вопит, и вылезут на верхнюю палубу.

— Эй, Фрашку! — заорал король что есть силы. — Попридержи язык! Это говорю я, король Конан!

Ответа не последовало. Видимо, Фрашку воспринял слова короля исключительно буквально.

— Ничего себе «говорит»! — Майлдаф картинно заткнул уши. — Что такого, если люди узнают о близости земли? Может, кому-нибудь станет от этого легче.

— Может, кому-то и станет, да ненадолго, — отозвался Конан. — Я уже говорил, по-моему, к каким берегам нас занесло.

— Его величество становится тем мрачнее, чем выше поднимается солнце, — заметил Евсей. — Между тем эти берега не настолько хуже иных, чтобы их так опасаться. Зингарийцы и аргосцы плавают сюда за строевым лесом и ведут торговлю — и ничего, возвращаются, — добавил ученый.

— Они не воевали с пиктами и не уничтожали их войско, месьор, — вмешался Тэн И. — Опасения государя небеспочвенны.

— Не припомню, когда государь чего-либо опасался, — отрезал Майлдаф. — Зато тем, кто с ним рядом, приходится опасаться каждый миг. Особенно простым торговцам шерстью, которых отрывают от дел и тащат на расправу к морским банши...

— Ты надоел со своими банши и своей шерстью! — вспыхнул Конан. — Экая важность — пикты! Их я не боюсь. Слава Крому, перевидал их множество, а перебил еще больше!

Дело не в том, — сказал король уже спокойнее. — Представьте себе этого благородного месьора — первого советника Зингары, эту сухопутную крысу, который, услышав слово «земля», наконец-то соизволит высунуться из трюма, закатить скандал по поводу того, что никакой земли он не зрит.

А после, узнав, что берег — вовсе не Зингара или Аргос, а пиктские чаши, что он, по-твоему, примет?

— Визг будет такой, что у меня лопнут уши,— скептически предположил Майлдаф и, вообразив это, поморщился.

— Лопнут не только уши, но и паруса,— усмехнулся Евсевий.— И как только его угораздило родиться зингарийцем?

Речь шла об особе, ставшей известной всем за недолгие две седмицы, что аквилонцы провели в Кордаве и в Океане — о первом советнике короля Фердруго — чванном, высоком, худом, даже высохшем каком-то вельможе голубых кровей — Норонья. О фамильной гордости иных зингарийских грандов ходили легенды, но Норонья представлял истинным воплощением этих легенд.

Едва возникал какой-нибудь спор или просто кто-то о чем-то кому-то рассказывал, и при сем по несчастному стечению обстоятельств случался Норонья, присутствующие немедленно могли прослушать длиннейшую, скучнейшую и нравоучительнейшую историю о том, как и почему поступил или не поступил достойный и благородный предок Норонья, оказавшись в подобной ситуации. Разумеется, что бы там ни сделал или не сделал Норонья, признавалось безусловно правильным, и горе было тому, кто смел перечить.

Доля истины, впрочем, есть в любой глупости, и кое в чем нынешний первый советник был прав. Норонья действительно были славным и благородным семейством, выдвинувшим немало госу-

дарственных мужей. Но чтобы вот так пыжиться и кичиться заслугами предков, это уж было слишком!

Впрочем, возможно, именно такой первый советник и был необходим Кордаве. Королевские решения должны быть неоспоримыми. Оспорить что-либо у графа Норонья было делом гибельным и невозможным. Служение трону граф почитал за свою первейшую обязанность и исполнял ее неукоснительно.

В этом было главное и, пожалуй, последнее его положительное качество. Своим необъявленным походом в защиту добродетели и непогрешимости граф надоел всем настолько, что некоторые попросту видеть его не могли и переставали являться ко двору, а другие лишь в пику Норонья преступали все дозволенные границы. Этим и пользовался Фердруго.

Он научился ловко управлять симпатиями графа и натравливал его на неугодных, дабы отвадить их от двора или собрать порочащие сведения. Неизвестно, знал ли об этом сам Норонья. Так или иначе, на ограниченном пространстве корабля сей муж успел опротиветь всем.

Конан не зря назвал графа сухопутной крысой. Первый советник самой морской страны ни разу не плавал дальше, нежели по Черной реке от своего дома до королевского дворца, да и то когда этого требовал протокол. Норонья не любил моря. Как это так — важный граф будет путешествовать по ненадежной зыбкой хляби и выплясывать на шаткой палубе как какой-нибудь

презренный циркач, в то время как истинному Норонья подобает шествовать и выступать! И что будет делать истинный Норонья на корабле, где есть матросы, кои, как известно, все сплошь суть пьяницы, развратники и висельники едва ли не худшие, чем придворные?

В первый же день налетевшего ненастья Норонья, преодолевая ураганный ветер, выбрался на палубу. Оскользываясь на мокрых досках настила, он с трудом доковылял до мачты и принялся высказывать что-то трудившимся здесь морякам. Уразумев наконец, что по причине ветра и шума волн матросы не слышат ни слова, он вцепился в гик, дабы показать, как следует обращаться с ним, чтобы это выглядело достойно, благообразно и не посрамило чести Зингары. Очевидно, в тихую погоду все смотрелось бы крайне трогательно, но теперь граф откровенно мешал и, чего доброго, мог быть пришиблен тяжелым гиковым бревном. Боцману Серхио, пришлось очень нелюбезно оторвать графа от мачты и водворить обратно вниз. Благодарение богам, Норонья не успел достичь штурвального колеса.

На внутренней палубе Норонья не унялся и продолжал рассказывать всем о том, как следует вести себя во время шторма. Палуба была, как водится, общая, и спастись в каюте возможности не было. Единственным средством укрыться от посторонних взглядов служили занавески и ширмы, изготовленные наскоро из бывших шатровых полотнищ. Граф, к сожалению, владел мощным, хорошо поставленным густым баритоном, кото-

рым хорошо было вещать толпе с высокой башни в стене дворца Фердаруго, но не разглагольствовать в довольно низком и гулком помещении.

На корабле находились придворные из всех вступавших в договор королевств, в том числе и дамы. Молчание зингарийцев еще можно было обосновать, они боялись всесильного первого советника. Аргосцы морщились брезгливо, посмеивались, но тоже молчали — косились на аквилонцев. Последние вопросительно взирали на Хорсу, как на доверенное лицо короля. Гандер сохранял каменное выражение лица, а Конан пока и вовсе был не у дел. Даже могучий киммериец так выматывался на ночных вахтах, что засыпал после них почти мгновенно, и никакой шум не был ему помехой. Многие стали подумывать, что королю попросту недосуг, и он не замечает возмнившего себя главным лицом зарвавшегося зингарийского вельможу. Хорсе уже намекнули, чтобы он доложил-таки королю об оказавшемся столь надоедливым воплощении добродетели, но гандер ухом не вел. Теперь выяснилось, что все-то король и видел, и слышал, но до поры не реагировал. При этом сразу стало видно, кто здесь первое лицо: все жалобы на кордавского советника стекались к аквилонскому королю.

Нынче же море дало Конану передышку и, вероятно, графу пришлось бы прикусить язык, но ссоры и раздоры Конану сейчас выгодны не были, поэтому он и призывал Фрашку к тишине.

Но утро, кажется, разбудило не только этих четверых. Из люка показалась белобрысая голо-

ва, затем широкие плечи, обтянутые курткой из черной кожи, а затем и весь гандер — среднего роста, широкоплечий, с лицом обычного ларвикского лавочника.

Глава вторая

е, кто не знал Хорсу или знал его плохо, так о нем и думали. И ошибались. Под личиной туповатого провинциала, неожиданно оказавшегося в фаворе, скрывался второй человек если не во всем королевстве, то уж точно в тарантийском дворце — первым считался все же Публий, железный канцлер всея Аквилонии. Хорса из Ларвика — столицы Гандерланда — родословная коего по мужской линии уходила корнями куда-то в холодный Ванахейм, появился на свет в семье держателя постоянного двора.

Парнишка с детства отличался от сотоварищей по уличным играм — слишком уж был сообразителен.

Узрев такое в своем отпрыске, родители отправили сына к дальним родственникам в Тарантию — учиться торговле в столице. Дядюшка принял племянника как полагается, то есть с голоду умереть не дал, но и об играх мальчику пришлось забыть.

Все изменилось, когда один из многочисленных знакомых дядюшки Хенгиста — помощник повара из дворца, ведавший закупками продовольствия, толстый, лысый, вечно с бисеринками пота на лбу аргосец Фабрицио — сообщил гандеру, что на дворцовую кухню нужен смышленный, но честный парнишка, чтобы был и поваренок, и прислуживать умел, и мог бы исполнить обязанность посыльного или старшего в команде поварят, разумеет бы грамоте и счету — словом, повару понадобился подмастерье. Дядюшка Хенгист по-гандерски здраво рассудил, что для своих сыновей и внуков у него место в деле найдется и без помощи дворца, а вот для своей родни из Ларвика он совершит, несомненно, доброе дело, коли даст возможность юному Хорсе самостоятельно заняться своей карьерой.

Так Хорса попал во дворец. Надежда повара он не обманул, служил честно и исправно, но и о себе не забывал. Гандер умел расположить к себе людей и вскоре познакомился с гвардейцами, а те научили его недурно владеть оружием. Пару раз он заглянул в гимнасий — отнести обед ланисте, и вскоре Хорса мог совершенно бесплатно получать уроки во владении собственным телом.

Мало того, он приглянулся наставнице королевской мастерской белошвеек — даме лет сорока пяти, весьма неплохо выглядевшей для своего возраста. Злые языки твердили, что когда-то она была хозяйкой дома терпимости и любовницей кого-то из видных военачальников, который, в свою очередь, прослыл фаворитом прежней коро-

левы, но да не в этом суть. Своих детей у госпожи Октавии не было, и Хорсе досталась часть — и немалая — так и не востребуемых ее материнских чувств. С тех пор юный гандер всегда ходил в новой и чистой одежде из хорошего сукна и спал не на сене, а на свежих простынях под шерстяным одеялом.

Следующим шагом стал доступ в дворцовую библиотеку. Хорса и прежде любил читать, но чтение это было беспорядочным. Книг у дядюшки Хенгиста было раз, два и обчелся, да и те в основном бухгалтерские, а у дворцовых кухонников — немногим больше. Но как-то юноше попал в руки свод отрывков из Орибазия Достопочтенного — его хранил у себя один из поваров, выходец из Черных Королевств, поелику в данном своде содержалось кое-что из описания родины Мвенго, и чернокожий мастер дел чревоугодных приобрел список, хотя читать не умел совершенно. Читал ему Хорса: вслух, ежевечерне и все одно и то же место.

Однажды, выполняя очередное поручение, Хорса очутился в библиотеке. В руках у смотрителя он увидел свиток. То был чертеж, точь-в-точь совпадающий с чертежами Орибазия.

Хорса робко — на самом деле робость эта была притворной — позволил себе осведомиться, действительно ли это Орибазий. Смотритель — седой, маленький и сухонький подслеповатый Парфентий — сначала удивленно поднял левую бровь, а затем кивнул утвердительно. Тогда Хорса решился задать еще один вопрос: а не писал ли чего-

нибудь Достопочтенный Орибазий о Гандерланде, ведь, как читал Хорса, сей великий писатель, философ и географ побывал и там. «Так ты про него читал?» — еще более изумился Парфентий и уже с интересом взглянул на молодого помощника повара, хотя вряд ли видел его отчетливо. «А кто научил тебя читать? И где ты взял сочинения Орибазия?»

Нет нужды пояснять, что вскоре Хорса получил допуск к раритетам, кои являлись предметом вожделения многих и многих охотников за редкостями.

Нельзя сказать, чтобы Хорса имел страсть к наукам. Он обладал совершенно гандерской рассудительностью: из всего, даже из просто приятного, извлекать пользу. Он прочитывал то, что, по его мнению, могло ему пригодиться — и, как ни странно, именно это впоследствии и пригождалось.

Вслед за библиотекой пала самая неприступная цитадель дворца — канцелярия. Многие зубоскалили, что даже если враги сожгут Тарантию и разгромят королевский дворец по кирпичу, то все равно начальник канцелярии Тарквиний незыблемо будет восседать за своим столом, и ни одно дело не двинется с места. Но Хорса угодил и Тарквинию. Угодил тем, что изготавливаемые им счета о приходах и расходах поварни всегда появлялись вовремя, были точны и писаны четким твердым почерком. Когда же Хорса вычислил недостачу у мясника, и об этом узнал Тарквиний, Хорсе решили — самому! — класть документы в архив и

проводить сравнение оных с прошлогодними, для чего Тарквиний дозволил гандеру еще и брать документы самому, зане иначе осуществление предыдущей операции представлялось затруднительным.

Ко всему описанному необходимо добавить умение Хорсы все видеть и все слышать. Теперь карьера для молодого человека и вовсе была открыта, оставалось добиться лишь благоволения жрецов-митраистов.

Но тут к власти пришел Нумедидес, и наступили черные времена. Никто не мог быть уверен, что наутро проснется тем, кем был вчера. Никто не мог быть уверен, что вообще проснется. Хорса оказался достаточно благоразумен, чтобы переждать. С кухни было видно многое, но кто первым попадет под подозрение при отравлении? Лекарь и повар, без сомнения. Хорса перебрался в мастерскую мебельщиков, заодно и плотничать научился.

Книжник Парфентий — если не считать Тарквиния — был единственным, кто удержался на своем месте в годы правления Нумедидеса. Старик столько повидал на своем веку и пережил столько переворотов, что ничего не боялся и все знал наперед. В первый же день по восшествии на престол Нумедидеса, он спокойно предрек, что лет через пять такой власти придет конец. Когда же во дворце заговорили о новом вероятном претенденте — некоем киммерийце по прозвищу Освободитель, Парфентий точно указал срок, когда тот захватит власть. Он же посоветовал Хорсе оста-

вить мастерские и податься на почту — в Службу переписки.

Стоило гандеру пару-тройку раз попасться на глаза киммерийцу, как король приметил его и пригласил для приватной беседы. От короля Хорса вышел хмельной и улыбающийся во весь рот — впервые в жизни. Он нашел свое место: король назначил его своим доверенным лицом. И, что не менее важно, Хорса наконец увидел человека, которому можно и должно было служить, а не прислуживать. Прежние хозяева дворца никаких восторгов у Хорсы не вызывали.

С тех пор Хорса всегда был при короле, даже когда женился на Этайн, получив вместе с молодой красивой женой графский титул. Графине пришлось оставить владение ее дяди Коннахта, наместника Темры, но и в наследное свое восточное графство она наведывалась нечасто. Мало того, она и супруга видела не каждый день. Король Конан был весьма беспокойным монархом, и дома ему никак не сиделось, а Хорса был незаменим.

Графиня скучала, конечно, но вскоре смирилась. Отлучки Хорсы были часты и внезапны, но недолги.

Теперь же король не мог поручиться, что Хорса вообще вернется. Пиктский берег не сулил ничего хорошего...

Хорса вылез на палубу, огляделся и немедленно отправился на корму — с докладом, должно быть.

— Кениг, в столь ранний час у меня есть лишь немного новостей для тебя...

— Хорса, ты неисправим! — перебил Майлдаф. — Я знаю тебя уже две зимы, а ты все еще не избавился от этой ужасающей манеры сразу переходить к делам, даже не поприветствовав старых друзей и не пожелав им доброго утра!

— Так вот, кениг, — невозмутимо продолжал Хорса. — Достопочтенный граф Норонья Кордавский изволили всю ночь не смыкать глаз, поднимая настроение и боевой дух экипажа и всех прочих, ныне, истомленные многодневным бодрствованием, почивают, ибо улеглись лишь перед самым рассветом. Посему ни то, что горланил хмельной Нарваэс, ни то, как кричал с вороньего гнезда Фрашку, он не слышал, что все почли за благо. Но некоторые придворные, в том числе и дамы, уже пробудившиеся к этой поре или вовсе не спавшие по причине морской болезни, уже осведомлены, что мы в пределах видимости берега.

— И что? — столь же невозмутимо спросил король.

— Я предупредил всех, чтобы об этом никто не объявлял громогласно, ибо мы еще не знаем, что это за берег. И в особенности чтобы не говорили графу Норонья.

— Разумно, как всегда, — бросил Конан. На самом деле это была похвала. — А сколько человек бодрствует?

— Девятеро. Трое аргосцев, трое зингарийцев, два аквилонца и шемит. Из них две женщины.

— Седеку опять не спалось? — Рот Конана растянулся до ушей, и король впервые за пять дней

разразился хриплым смехом, который старался сдержать как мог, дабы не привлекать лишнего внимания.

Седек был старым шемитом, представителем на переговорах и наблюдателем от купеческой гильдии «Гамилькар» из Асгалуна, старейшиной коей самолично являлся. Может быть, он был не самым богатым в Асгалуне, но зато самым убежденным и умудренным. Зачем шемит приехал в Кордаву, никто не знал. К переговорам его все же не допустили. Но он успевал быть везде и слышать все — даже Хорсе было чему поучиться. На вопрос, зачем он здесь, Седек отвечал, что просто должен знать, что решат великие державы.

Конан распорядился взять шемита в Мессантию на своем корабле, чтобы тот был под присмотром. Но как ни пронырливы были Седек и его старый слуга, Тэн И все же был профессионалом. Конан поручил ему узнать, что нужно асгалунцу. Пока кхитаец молчал, но Конан не торопил Тэн И. Он знал, что тот не будет говорить, пока в его распоряжении не окажутся неопровержимые факты.

— Очевидно, да. Он всю ночь жег свечи и сидел над своими счетными книгами,— подтвердил Хорса.

— Хорса, а кто-нибудь догадывается, в какие воды нас вынесло? — поинтересовался Евсевий. — Ибо царственный опасается, не поднялась бы раньше времени паника.

— Аргосцы, зингарийцы и, гм, зингарийки в полной мере осознают, каким курсом несло «Полночную звезду», так что радужных иллюзий не

питают, но Сальвиатти из Аргоса занимается в свободное от службы в городской управе время поставками леса из пиктской пущи в Стигию. Он уверен, что договорится с пиктами, буде случится такая необходимость.

— А что же прекрасные дамы? — поинтересовался Евсевий.

— Они много знают о названиях морских ветров, курсов, парусов и течений, но понятия не имеют о географии. Им все равно, пуща или Стигия, для них это определяется одним словом — «далеко». Гораздо больше их беспокоит отсутствие воды для мытья головы.

— Это вопрос серьезный,— кивнул Майлдаф. — Однажды я вез шерсть через Коф и Шем в Аграпур...

— Великий Митра! Куда тебя занесло! — воскликнул Евсевий.

— Не перебивай, это некультурно,— отмахнулся Майлдаф. — Так вот, когда мы ехали через пустыню, питьевой воды у нас было достаточно, а вот для омовения...— Горец развел руками. — И одна кофийская принцесса устроила такой скандал, что верблюды и те опешили. Пришлось-таки ее помыть, но не водой.

— А как? — полюбопытствовал Конан.

— Одна из нянек этой капризной девицы — старая карга из Хорайи — испросила у коринфийского купца бурдюк с крепким сухим вином и вылила воспитаннице на голову, и сказала: «Изволь, помойся!» — после того, как та стала швыряться подушками и склянками с дорогими бла-

говониями, а ее верблюд возмутился сим настолько, что улегся в песок и отказался идти.

— И как, это возымело действие? — заинтересовался король.

— Еще бы! — усмехнулся Майлдаф. — Видели бы вы физиономию сей красотки! Хорошо, что вино не было сладким, — закончил горец. — Кто мешает кордавским вертихвосткам омыться морской водой?

— Она соленая, — объяснил Конан, — и мыть ее нельзя. А вино я для такого безобразия не отдам, лучше сам выпью!

— Весьма разумно, — согласился Тэн И, не бравший в рот ни капли спиртного. — А что сказал Седек?

— Ничего примечательного. Посетовал на немилость судьбы к бедному шемиту.

— Ну что ж. — Конан поскреб подбородок. — Пожалуй, она действительно к нему не слишком милостива. Моей милости этот Седек не слишком приятен. Хорса, распорядись, чтобы как только он попытается вылезти на верхнюю палубу, ему намекнули, чтобы он этого не делал. Вежливо так чтобы намекнули. А если не поймет, пусть намекнут пожестче.

— А если он обратится к зингарийцам или аргоцам за справедливостью? — предупредил возможное развитие событий Евсевий.

— Пусть его, — осклабился киммериец. — Справедливости добиваться бесполезно, это знают все, а шемиты — в особенности. Надо добиваться законности.

— А какой закон он нарушил? — не понял Майлдаф.

— Евсевий, объясни, — обратился к ученому король.

— Я разумею так, — ухмыльнулся в бороду хитрый аквилонец. — Корабль, на коем мы совершаем плавание по водам, кои не принадлежат никому, является частью территории королевства Зингары. Значит, главным на нем должен быть зингариец.

— Граф Норонья, что ли? Ничего себе главный! — не обрадовался Майлдаф.

— Ну нет, — опять ухмыльнулся Евсевий, и глаза его блеснули коварно. — Главным на корабле по всем законам и во все времена является капитан, и не нам менять эти законы.

— Гонзало? — догадался Майлдаф.

— Именно, — кивнул Конан. — Евсевий всегда мыслит по-государственному, то есть как удобно государю, а значит, и Аквилонии. Хорса, потолкуй с капитаном. Полагаю, он не будет против.

— Я тоже думаю так, кениг, — согласился гандер. — С добрым утром, месьоры, — поклонился он Майлдафу, Тэн И и Евсевию и, поворотившись, поспешил на нос.

— Таков ныне этикет, — пояснил Евсевий горцу. — А Хорса всегда соблюдает этикет.

— Чем же тебе не угодил Седек? — не отставал Майлдаф от Конана.

— Не знаю даже, — раздумчиво произнес киммериец. — Он мне не нравится. Шпионить можно, конечно, но ведь не так явно. Я осознаю, что у

Фердруго дела с Асгалуном, ну так пускай и делает их с Асгалуном, но без меня. И я обойдусь без Асгалуна. Седек хотел знать о будущем? Пускай знает: на Закатном океане у штурвала стоит Хайбория; Шем, Куш и Стигия сидят в трюме, большего они не заслуживают.

— Это случится очень не скоро.— Над настилом кормы опять возникло разбойничье лицо Гонзало.— Если вообще случится. Такое пока не удавалось никому.

— Никто и не пытался, Гонзало.— Конан внимательно посмотрел на капитана.

— Пытались, король Конан,— вздохнул бывший пират.— Многие пытались, но не вышло.

— А тебе хочется, чтобы вышло? — продолжал словесный поединок Конан.

— Я уже стар, у меня сын, я вышел из дела,— выдерживая взгляд короля, ответил Гонзало.— Но я не хочу, чтобы с такой командой в трюме корабль дал течь. Барахас не усадить в один корабль, ни самих по себе, ни с кем-нибудь. Они сами плавают по Океану, сами и потонут, без всякой помощи. Не связывайся с Барахас, король Конан.

— Гонзало, ты мне угрожаешь? Или предостерегаешь? Или, может, советуешь?

— Я размышляю,— отвечал капитан.

— Ну что ж, размышляй,— примирительно сказал Конан.— Думаю, погода еще позволит нам побеседовать на самые разные темы. Но, надеюсь, сейчас тебя привела сюда не это?

— Отнюдь.— Пират в отставке опирался локтями на настил, стоя на трапе.

Разговор, видимо, был серьезный, ибо подобного Гонзало не позволял ни себе, ни другим. «Самая гнусная картина — моряк, стоящий на трапе»,— внушал он всем.

— Зачем ты приказал задержать Седeka?

— Чтобы случайно чем-нибудь не навредил,— ответил король.

— Не знаю, чем тебе может навредить асгалунец, но такое обращение навредит не меньше.

— Тебе что-то известно о нем, Гонзало? Тогда поднимайся к нам, и поговорим толком. Пока земли не видно ни с носа, ни с кормы, время у нас есть. Все эти люди, ты знаешь, мои доверенные лица. Можешь говорить все, не стесняйся. Правда, я сомневаюсь, что ты когда-нибудь чего-то боялся, но здесь я над тобой не властен. По закону здесь главный ты.

— Дело не в этом.— Гонзало поднялся на корму и встал у борта рядом с Конаном.— Я вообще не совсем понимаю, зачем тебе понадобился этот союз. Если он и будет держаться, то лишь до тех пор, пока жив ты.

— Это очень возможно, но не обязательно,— усмехнулся Конан.— У Аквилонии хватит сил, чтобы держать Закатный океан.

— Зачем, Киммериец? — продолжал спор Гонзало.— Аквилонский флот — это так же смешно, как конница Барахас под стенами Тарантии. Даже если ты стал знаменитым корсаром, хотя в Киммерии никто кроме тебя, не видел моря, это еще ни о чем не говорит. Тебе одному не переделать Аквилонию. Но даже если удастся — зачем?

— Да просто потому, что я король Аквилонии,— засмеялся Конан.

— Ну и что? — пожал плечами Гонзало.— Чем тебе так досадил Шем? И этот Седек в особенности?

— Пока ничем. Но я не для того затеял все это, чтобы Шем выглядывал у меня из-за плеча, когда я стою у штурвала.

— Понял,— кивнул Гонзало.— Ты хочешь дать урок, а Седека подозреваешь в чем-то, хотя сам не знаешь в чем. Но я не хочу ссориться с Асгалуном. Мне ходить этим морем до самой смерти, и я хочу умереть своей. И Фрашку должен жить, а не кормить акул! Когда я был корсаром, моим занятием было топить корабли, и риск самому быть пущенным на дно входил в правила игры. Но я никогда не сводил личных счетов, потому и жив до сих пор.

— А Фрашку?

— Это мой единственный долг, и я его плачу и буду платить до конца жизни. Я ушел из прежней игры и не хочу снова в нее попасть.

— Понял,— в свою очередь кивнул король.— А я пришел на Океан снова, чтобы прекратить эту игру. Что скажешь?

Гонзало помолчал, посмотрел за корму, похлопнул палец, определяя ветер, обвел взглядом корабль.

— Так, Конан с «Вестрела». Я подумаю, пока не будет видна земля. А пока не трогай Седека.

— Согласен.— Конан тяжело опустил ладонь на фальшборт, так что дерево скрипнуло.— Не знаю только, что может измениться за это время.

— Тебе ли не знать, что многое,— заметил Гонзало, уже спускаясь с кормы.— Особенно на море.

— Он-то пускай думает,— проговорил вслед Евсевий.— Но Хорса-то ждать не будет.

— Зачем же было так торопиться? — подал голос Майлдаф.

— Бриан, к той поре, как ты стал торговать, образ твоих мыслей изменился,— завел свою обычную песню Евсевий.

— Не хочешь ли ты сказать, что я поглупел? — вспыхнул Майлдаф, подозревая, что над ним издеваются.— Если ты хочешь сказать именно это, скажи прямо!

— Не прими это как издевку, Бриан,— сказал Евсевий уже без всякого ехидства в голосе.— Сейчас ты думаешь как купец. Как честный купец. А здесь происходит то, что именуют словом «политика», хотя ничего более мерзкого, чем политика, я еще не видел.

— Ты прав, Евсевий,— тяжело вздохнул киммериец.— Видишь ли, Бриан, здесь собрались те, кому я могу сказать все что угодно. Собственно, я и так король и могу говорить все что угодно. Но если я стану делать так, то чем тогда я лучше шута?

Так вот о политике. Когда я был молодым — гладиатором, после наемником,— я думал о том, как бы добыть побольше денег и славы, потому что сила у меня и без того была. А деньги и слава мне были нужны, чтобы стать королем. А для чего я хотел стать королем? Я и сам не знал. Наверное потому, что это казалось мне самым недо-

стижимым на свете, как горная вершина, где только солнце и чистота снегов. Но вот я забрался на эту вершину и увидел столько грязи, что, кажется, самое дно жизни воняет меньше. Но возвращаться туда я не хочу, потому что никогда не иду на попятный. Значит, я должен разгрести эту грязь как могу: гонять пиратов, со многими из коих был знаком, бить стигийцев, держать в трюме шемитов, которые торгуют порошком, рождающим грезы... Словом, заниматься политикой — сиречь копать в грязи...

— Вот и здесь тоже говорят о грязи! — С палубы слышалось сопрано, до приторности жеманное. — Эти висельники, из которых набрана команда, и аквилонские дикари, которые им покровительствуют, видимо, никогда не моются, как и их дамы. Я слышала, милая Арита, что где-то на восходе какие-то дикари не моются вообще, потому что думают, будто тем самым смывают свое счастье. И мы теперь уподобимся им, и скоро, Арита, нам придется сесть на лошадей без седла и жить в домах из шкур. А у мужчины будет по несколько жен, как на Восходе. Неужели не понять, что женщина перестает быть светской дамой, если у нее не вымыта голова?

— Кто это? — Конан нахмурился.

— Это графиня Силевия, государь, — отвечал Тэн И. — Родом из Кордавы. Ее муж — один из самых молодых грандов зингарийского двора.

— Молодой, говоришь... — пробормотал Конан. — Кажется, они направляются сюда. Евсевий, дай мне как-нибудь понять, если я скажу лишнее. Поссо-

риться с женой советника куда хуже, чем с самим советником. С зингарийцами я уже ссорился, и теперь мы подписали договор. От добра добра не ищут. Следующий раз поссорюсь с ними в Мессантии, и они подпишут договор с Аргосом. А теперь надо повременить.

— Да, красивая женщина при дворе может наворить бед, — кивнул Евсевий. — О, графиня, позвольте, я поддержу вас. Эти трапы крайне опасны!

— Ах, благодарю вас, месьюр... Простите великодушно, не припомню, как вас величают...

— О, мои звание, титул и имя мало что вам скажут. Я подданный его величества аквилонского короля. О, да с вами госпожа Арита!

Любезничая подобным образом, Евсевий вытаскивал на корму одну за другой двоих разряженных молодых дам. Первая — госпожа Силевия — была довольно высокая, стройная, отлично сложенная, с прекрасными каштановыми волосами, уложенными в невообразимую высокую прическу. Лицо у графини было белое — она специально, согласно моде, закрывала его от солнечных лучей — чтобы отличаться от загорелых зингарийских простолудинок. Лицо ее было миловидно, хотя красивым его назвать было трудно. Все портил прямой рот, к тому же графиня имела привычку поджимать губы. Это было лицо богатой, капризной и избалованной женщины. Глупенькой или наивной она не выглядела, но и проницательного женского ума во взгляде ее жгучих глаз заметно не было.

Ее спутница, которой нельзя было дать больше восемнадцати против верных двадцати пяти графининых, Арита, дочь известного кордавского купца Хорхе, путешествовала вместе с отцом. Купец скопил огромное состояние и имел семерых детей — но, увы, Митра не послал ему наследника. Пришлось усыновить племянника, воспользовавшись тем, что младший брат исчез где-то в океане при невыясненных обстоятельствах. Но семерых дочерей надо было как-то устроить, при этом не слишком разоряясь на приданое, то есть выдавать замуж их следовало за весьма состоятельных кавалеров, что было делом очень хлопотным. Тем не менее от четверых старших Хорхе уже сумел избавиться. И если все они походили на Ари-ту, то это было непросто.

Нет-нет, Арита не была ни уродливой, ни слишком полной или слишком тощей. Это была девушка с крепкой фигурой кордавской горожанки, овальным веснушчатым лицом, густыми черными волосами, вздернутым носиком, пухлыми алыми губами и большими темными глазами. Но в ней не было черты, столь ценимой зингарийской знатью, а именно чванства, заносчивости и упрямства, без коих дама в Зингаре не могла считаться дамой высшего света. Арита была скромна и молчалива, умела слушать собеседника, чем графиня Силевия беззастенчиво пользовалась, считая Ари-ту круглой душой. Неизвестно, что сказала бы графиня, услышав, что она свои только что произнесенные речи, но, если судить по ним, не слишком умной представлялась как раз она.

Бриан Майлдаф и Тэн И немедленно заняли места телохранителей. Майлдаф так и не снимал своего одеяния, бывшего сродни длинной, до щиколотки, юбке. Тэн И по причине торжественности происходящего пришлось сменить свою невзрачную, но очень удобную серую и просторную льняную одежду на шелковый кхитайский наряд, состоящий из штанов и куртки с поясом, расшитый золотом, бисером и цветными нитями. Вышивка на куртке, коя была ярко-красной, изображала причудливые растения, которые назывались, оказывается, просто розами и папоротниками, хотя о розах и папоротниках Конан имел совершенно иное представление. Между этими диковинами мира флоры извивались зубастые и языкатые драконы с огненно-золотыми гребнями по всей спине и длиннющими усами. Между изогнувшимися пресмыкающимися порхали маленькие цветные птички и не уступающие им по величине бабочки. Желтые штаны кхитайца все были расписаны каллиграфически вышитыми кхитайскими письменами. Искусство выведения этих непонятных карактиц (такowymi они были на взгляд Конана, разумеется) ценилось в Кхитае не меньше, чем мастерство живописи или стихосложения.

Колоритную группу на корме возглавлял сам король. За два года Конан привык к ношению предусмотренной дворцовым этикетом одежды, но сейчас киммериец был облачен в свой повседневный морской наряд: кожаные и промасленные, чтобы не намокали, штаны, высокие мягкие сапоги, тунику и черную кожаную куртку. На могучей шее

короля красовалась серебряная цепь с кулоном. Словом, костюм был предельно прост, но варвару подходил как никакой иной. Конечно, явись перед графиней в таком наряде не Конан, а, например, штурман «Вестрела» Сигурд Ванахеймский, коему этот костюм подходил не меньше, Силевия наверняка состроила бы гримаску и произнесла нечто вроде: «Фи, какой вульгарный мужлан!»

Но теперь перед нею был король Аквилонии в одежде простого матроса. Возможно, за глаза она бы и нашептала Арите, что монарх аквилонский носит лохмотья и груб, как матрос, но король был здесь: немолодой, но сильный, мужественный и по-особенному красивый.

— Приветствую прекрасных дам, осмелившихся подняться на борт этого корабля,— обратился к дамам Конан. Он решительно не знал, о чем с ними говорить.— Нравится ли вам погода нынешним утром? Ваша прическа очень мила...

— Ах, ваше величество,— тонко пропела графиня.— Вы так любезны, отрываясь от важной, должно быть, государственной беседы и снисходя до нас, простых смертных...

«Кром, Имир и Эрлик! Какая чушь! — взмолился про себя Конан.— Да на этой «простой смертной» золота и камней столько, что хватило бы на три «Полночных звезды» и жалованье экипажу на год вперед! Сейчас станет о чем-нибудь просить».

— Но, право, ваш комплимент моей прическе — это чрезмерная галантность. Увы, правды не скрыть, красивые волосы требуют много времени

и жертв, а скряга боцман жалеет ничтожной каплей воды. О король, вы столь внимательны! Прикажете этому мужлану слушаться меня! И тогда вы увидите, как должна выглядеть настоящая прическа.

Силевия сделала большие глаза и посмотрела многозначительно и многообещающе. Конан эту дворцовую игру усвоил уже давно, задолго до того, как дворец стал его постоянным местом обитания.

«Она еще глупее, чем я думал,— помыслил он.— Прическа! Лучше распущенных волос я не видел ничего!»

Король собирался уже ответить резко, но тут на выручку пришел Евсевий.

— Нет-нет, графиня. Его величество никогда не были склонны выслушивать грубую лесть, а сами и подавно не позволяют себе подобного. Ваша прическа и вправду достойна всяческого восхищения, ибо это истинное произведение искусства. У вас очень тонкий вкус, графиня. Что же до боцмана Серхио, не стоит обращать внимания на такие мелочи. Я думаю, этот добряк с радостью дал бы вам воды сколько вашей душе угодно, но ведь он на королевской службе и обязан выполнять приказания. Кроме того, известно ли вам — о, вам, несомненно, известно, зане вы прекрасно осведомлены о тайнах моря — сколь невыносимо отсутствие на корабле пресной воды в достатке. А ведь Серхио пришлось пережить такое, и его рачительность похвальна и простительна. Простите же его, блистательная графиня! Поверьте, я по-

бывал во многих странах, но таких волос и второй такой прически не найдешь нигде.

— Да? — недоуменно и высокопарно произнесла Силевия. — Хорошо, — продолжила она теплее и игривее. — Я постараюсь, доблестный рыцарь. По правде сказать, весь экипаж здесь мне кажется очень подозрительным, начиная с капитана.

— Нет-нет, смею вас уверить, это достойнейшие люди, — продолжал Евсевий. — Вот и его величество подтвердит, а он прекрасно знает океан.

— Несомненно. Мой друг Евсевий не солгал вам. Возможно, видом они не схожи с пажами в кордавском дворце, но у них сердца львов. Да вот хоть на меня взгляните: разве я похож на висельника? А ведь на мне такая же одежда, как на каждом втором из них, — разговорился Конан.

— Право, король, вы шутник! — рассмеялась графиня, хотя смех был деланным. — Я читала сочинения некого Петрониуса о ваших похождениях в молодости и ныне пребываю в затруднении, ибо события, описанные там, невероятны. Скажите, ваше величество, это правда — то, что я читала?

— Некоторым образом, — буркнул король.

Болтовня графини начинала надоедать, к тому же вот-вот должен был показаться берег. По счастью дамы наконец удалились прочь, оставив мужчин одних.

Конан посмотрел вперед. Прямо по курсу на горизонте всплывала из вод едва заметная полоска земли.

Гонзало вновь оказался на корме.

— Что ты решил, Гонзало? — спросил Конан.

— Делай как знаешь, король, — отвечал Гонзало. — Я слагаю с себя полномочия капитана.

— Вот как? — Конан посмотрел на зингарийца тяжелым взглядом. — И кто же примет командование? Твой помощник?

— Нет, — покачал головой Гонзало. — Не прими это за бунт, но никто из экипажа не возьмет на себя мои обязанности.

— Это твое последнее слово, Гонзало?

— Да, король Конан, — кивнул капитан. Бывший капитан.

— Ладно, коли тебе так удобнее, — проговорил задумчиво киммериец.

Мгновение он размышлял.

— Жаль, Евсевий ушел. Мне интересно, кто должен занять твое место по закону, — обратился Конан как бы к Гонзало, хотя было понятно, что тот не имел ни малейшего желания отвечать на вопрос.

— Нет нужды звать Евсевия, — отозвался Тэн И. — Я знаю морские уложения, государь. Командование должно перейти... Это ведь не военный корабль?

— Нет, месьор, — холодно ответил Гонзало.

— Командование переходит к высшему чиновнику из Зингары, — заключил Тэн И.

— К Норонья, что ли? — догадался Конан. — Гонзало, ты хочешь всех нас утопить и утонуть сам?

— Тогдапусти Седека, — спокойно рек Гонзало.

— Король, может, мне привязать его к ... к мачте и поднять вместо паруса? — Майлдаф сде-

лал шаг в сторону Гонзало. Рука моряка легла на рукоятку кинжала.

— Бриан, стой! — приказал Конан и для верности заключил кисть руки горца в свои железные клещи и мягко водворил его на место. — А ты, Гонзало, в следующий раз поостерегись, прежде чем лезть в драку с горцем, даже если он безоружен. Этот парень, — он кивнул на Майлдафа, — запросто снимет голову Сигурду Ванахеймскому, если ты знаешь, кто это.

— Знаю, — мрачно проговорил Гонзало, быстро и злобно взглянув на Майлдафа, и скрестил руки на груди.

— Седека я отпущу, — тяжело, будто гвоздь в толстую доску вогнал, заявил Конан. — А ты останешься капитаном. Пока останешься.

— Идет, — кивнул Гонзало. — Я обещаю, если это будет возможно, советоваться с тобой о каждом шаге. Мы идем к берегу?

— Да, пока лот не достанет дна.

— Согласен, — отвечал Гонзало. — Я могу идти?

— Иди, — бросил Конан, явно неудовлетворенный итогом беседы.

Гонзало еще раз быстро взглянул на рослого Майлдафа и стал спускаться по трапу вниз. Задержавшись ненадолго, он добавил:

— Вот так делают на Барахас, если ты запомнил. А говоришь — в трюм.

Гонзало исчез внизу.

— Наглец! — вскипел Бриан. — Конан, почему ты не возьмешь командование сам? Мало ли что может случиться на море? По-моему, это будет разумно.

— Нет, Бриан, — отвечал Конан. — Игра только начинается, и мы пока не знаем, что мы должны в ней делать. Тогда, на Дол Уладе, все было ясно. Теперь мы должны быть осторожны, как на вересковом болоте. Я знаю только, чего я хочу в этой игре. Я хочу получить Океан, ни больше и ни меньше. А потому мы не имеем права ошибаться. Сейчас лучше выждать, чтобы быстрее выцарапать этот несчастный договор, поэтому надо считаться даже со старым болваном Норонья, не говоря уж об остальных.

— Ладно, — пожал крутыми плечами Бриан. — Игра так игра. Я пытаюсь понять ее правила, чтобы помочь тебе выиграть.

— В Кхитае, — скромно заметил Тэн И, — есть такая забава. Четыре человека играют фигурками на плоской доске, каждый против всех. Силу каждого вида фигурок и способ их перемещения игрок придумывает сам и соблюдает их до конца. Но правила каждый сообщает только одному — судьбе, и он следит, чтобы никто не отступал от заявленного до начала игры. Цель — захватить ключ, который тоже перемещается по доске по правилам, которые придумывает судья и записывает на специальном свитке, чтобы любой желающий потом его проверил. Игра очень долгая и интересная, никто не мошенничает, потому что за это его более не допустят к игре — таков закон, изданный владыкой Фан Чуном. Закон выполняется всеми и по сей день.

— А что получает победитель? — поинтересовался Конан.

— Ключ. Ключ от комнаты, где хозяин дома спрятал награду для выигравшего. Иногда это бывает красивая девушка, которая по насмешке судьбы достается женщине преклонных лет, имеющей большой опыт оной игры, а иногда — кубок дорогого крепкого вина.

— Интересно,— молвил Конан.— Похоже, мы ввязались в такую же игру И известно нам лишь то, что находится в тайной комнате. Там находится Закатный океан. И мы играем за ключи. Ключи от Океана.

Глава третья

з волн вставал низкий каменистый берег. Прибой пенился среди мокрых валунов. Линия берега тянулась прямо, без мысов и бухт. Лишь подальше к северу выдавался в море короткий песчаный нос. Ни одного островка, даже небольшой скалы, не было видно. Надежда отыскать безлюдный клочок суши, чтобы безбоязненно запастись там пресной водой, встала на мертвый якорь.

Дальше, вглубь земли, за узким пляжем из крупной гальки, начинался дикий лес, постепенно взбравшийся на холмы. Кое-где виднелись голые осыпи. Это была пиктская пуща во всей своей красе. Ни дымка, ни каких-либо иных признаков присутствия человека заметно не было. Но те, кто хоть раз имел удовольствие встретиться с пиктами, не верили в пущу ничему: ни упавшему листу, ни поваленному дереву, ни мочажине с черной стоячей водой. Откуда ни возмись, прямо из болотной зыбучей трясины, мог появиться

смуглый стройный воин в боевой раскраске, выпустить стрелу или метнуть копье и мгновенно исчезнуть, словно раствориться в душном и затхлом мареве непроходимого леса, сквозь который сами пикты ходили как по чистому полю.

Но сейчас покуда было не до пиктов. Фрашку и еще один матрос — коренастый и слегка полноватый брюнет с пышными усами, стоя на носу, под руководством боцмана производили замеры глубины. Тонкий, но прочный трос с привязанным к нему тяжелым чугунным цилиндром и узлами через каждый локоть раз за разом уходил в серо-зеленые взбаламученные воды и вскоре возвращался обратно. До берега оставалось две лиги, когда боцман Серхио, наметанным глазом отсчитав, сколько локтей проглотила глубина на сей раз, возгласил:

— Двенадцать локтей и пол-локтя! Гвидо! Двенадцать локтей! — проорал он так, чтобы слышно было за мачтой, где на руле стоял красавчик Гвидо — помощник Гонзало.

— Спустить грот! Отдать якорь! — донесся ответ. — Неужто сам не знаешь, старый дурень! — не преминул присовокупить Гвидо комплимент.

Боцман не обиделся, видимо, счел таковые слова за изъявление почтения со стороны способной молодежи. Громовым голосом он принялся отдавать команды.

Заслышав громкие слова команд и почувствовав, что корабль более никуда не движется поступательно, а лишь раскачивается на зыби, постепенно стали подниматься на верхнюю палубу

придворные. Всего их было шестьдесят человек при такой же численности экипажа — не так уж и много для вместительного нефа. Но эта немногочисленность ощущалась, пока над палубой возвышался помост с шатрами, палатками и каютами. Когда же все это частью исчезло в бушующих волнах, частью было убрано, пришлось переселиться в предназначенный для команды трюм, пол в коем был посыпан песком, а рядом размещались стойла для нескольких коней, принадлежавших особо важным и богатым пассажирам. Кроме коней тут же находились куры, бараны и козы. Дабы хоть чуть-чуть смягчить непривычно суровые условия, особенно для дам, коих было девять, не считая горничных, пришлось урезать рацион для животных, отобрав у них изрядное количество свежего душистого сена, аромат которого хоть как-то перебивал запах тех же животных, прелых досок и, увы, неизбежной рвоты тех, кому докучала морская болезнь.

Теперь, наконец, осознав, что испытаниям пришел если не конец, то некоторый перерыв, выпавший после праведных трудов, на палубе появился герой предыдущих ненастных дней и ночей — Норонья собственной персоной. Граф был похож на взъерошенного альбатроса, которого нечаянно накрыло тяжелой волной и выкинуло на палубу, с которой он не мог подняться, поскольку широкие крылья, предназначенные для планирующего полета, мешают и тянут вниз. Норонья был длинен, тощ и постепенно терял волосы, отчего теперь его лоб и темя девственно розовым

просвечивали сквозь гладко прилизанные темные пряди. Чтобы сохранить пропорции лица, граф стригся коротко, но если на висках волосы кое-как удавалось пригладить, то на затылке они непослушно топорщились, что и придавало графу сходство с растрепанной птицей.

Впечатление усугублял костюм Норонья — плащ с широкими накладными плечами, тогда как широтой и силой плеч граф никак не отличался и выглядел несколько нелепо. Из-под роскошного широченного одеяния торчали хилые ноги в узких штанах.

На поясе у графа висел длинный узкий меч-ламира, подаренный зингарийским королем правде Норонья за доблесть, проявленную в боях с аргосским флотом. Любой, кто хоть когда-нибудь занимался фехтованием — а таких среди находящихся на корабле было подавляющее большинство, — узрев слабые, малоподвижные и скрюченные кисти Норонья, понимал, что к оружию — ни к холодному, ни к метательному — граф непривычен. Единственное, что умели делать эти пальцы и руки, — это держать перо.

Первым делом граф в сопровождении пажей — юношей восемнадцати лет, высоких и стройных, с иголки одетых — проследовал на нос. Помост на носу также был изрядно потрепан штормом, а главное, что был разворочен трап. Попадали на нос по наскоро сколоченной лестнице. Моряки, привыкшие ко всяким непредвиденным обстоятельствам, взбирались по этому сооружению без труда.

Но для графа стремянка вместо трапа оказалась верхом безобразия и распутства. Он немедленно призвал боцмана и принялся распекать того за недосмотр. Начав с того, что вверенный в руки боцмана инвентарь пребывает в небрежении, граф логически вывел из этого непочтение к королевской особе, насмехательство над авторитетом Зингары и, тем самым, измену родине. Посулив по прибытии на сушу арестовать разгильдяя, Норонья полез на нос, поддерживаемый под руки пажами, благо они были достаточно высоки. Длинная ламира, безусловно, мешала, поскольку из-за жесткой оттопыренной полы плаща она торчала в сторону и норовила ткнуть стоявшему слева молодому человеку прямо в глаз. Но наконец граф соизволил взглянуть в сторону берега и, увидев, что берег имеет место быть, тут же объявил об этом.

— Я вижу берег. Это значит, что мы находимся в пределах видимости земли. Да. Несомненно. А какое это государство? Аргос, надо полагать? Отвечайте немедленно!

— Нет, не Аргос, — с философским спокойствием отвечал боцман. — Это вообще не государство.

— Перестань паясничать! — взвизгнул первый советник. — Раз это берег, то на нем есть и государство!

— Это пиктская пуща, — меланхолично пояснил моряк.

— Что? — Граф снова повернулся к берегу, будто заново его увидел.

Некоторое время на его небольшом лице, изображенном глубокими морщинами, держалось выражение недоумения. Наконец граф решил, видимо, что местность выглядит вполне дикой и необжитой, чтобы походить на пиктские земли, и его не обманули. Сверля боцмана своими цвета выжженного полуденным солнцем неба Зингары светло-голубыми глазами, Норонья потребовал к себе капитана или, если тот не в состоянии прийти, на худой конец помощника.

Немедля явился красавчик Гвидо, будто прятался здесь же, под помостом. Несмотря на то что граф был первым советником и запросто мог стереть Гвидо в порошок, молодой человек имел вид не то что не подобоострастный, но, напротив, совершенно вальяжный и даже наглый, насмешливо взирая на распалившегося месьора. Но шуток Норонья не понимал, считая чувство юмора недостойным благородного человека. Его борода клинышком задралась вверх от негодования.

— Его величество король Фердруго доверил вам выполнение ответственной задачи. Вам предписывалось доставить его величество короля Аквилонии, меня, месьора аргосского посла и знатнейших и высокороднейших месьоров, включая дам, в Мессантию. Я сделал все от меня зависящее, чтобы хоть как-то загладить удручающее впечатление от вашего умения, а точнее, неумения управлять кораблем и сохранить репутацию короны зингарийской во мнении высочайших гостей. И это блестяще мне удалось, как, впрочем, и всегда. Вы же, вместо того чтобы исправить свою вопиющую

халатность в дарованное вам Митрой и мною время, занялись всем, чем угодно вашей подлой душе, но только не своими непосредственными обязанностями. Я обещаю вам, что по прибытии обратно в Кордаву обо всем будет доложено его величеству, и не сомневаюсь, что вас ждет приказ об увольнении! Бездельничайте сколько угодно, но не за счет королевской казны!

Однако я чувствую,— продолжал Норонья,— что вы то ли от непроходимой глупости, то ли от безмерной наглости не осознаете всей важности момента. Посему я желаю слышать четкий и разумительный ответ на свой вопрос: что вы намерены делать, дабы в ближайшее время мы прибыли в Мессантию для... Впрочем, для чего — это вам знать не обязательно, поелику составляет государственную тайну.

— Пополнить запасы пресной воды,— взирая на графа абсолютно безвинными, честными и чистыми глазами, отвечал Гвидо, а в полголоса, так чтобы не услышал советник, добавил: — Чтобы мне после этого плавания не пришлось искать работу, ты, проклятый старый болван, до Мессантии не доберешься и до Кордавы тоже!

Конан с Тэн И и Майлдафом находились по-прежнему на корме. Король Аквилонии с ухмылкой наблюдал, чем закончится перепалка.

— Смотри, Конан, кто это опять пожаловал к нам! — заметил Майлдаф.

И действительно, по трапу на кормовую надстройку вновь поднимался капитан с таким видом, будто бы никакого разговора и не было.

— Возникла нужда посоветоваться? — спросил приветливо Конан.

— Почти, — не смутился Гонзало, но все же замешкался, потирая свой великолепный нос. — Надо бы остановить Норонья, да и Гвидо заодно, не то первый немедля прикажет взять курс на Мессантию, а второй перережет ему глотку.

— Ты же здесь главный, вот и команду! Вот тебе мой совет, — дружелюбно улыбнулся Конан.

— Я могу это сделать, ты знаешь, — спокойно сказал Гонзало. — Только я, как и весь остальной экипаж, не хочу шляться по портовым тавернам и наниматься за гроши.

— Если я подпишу договор, ты сможешь работать на аквилонском корабле, — резонно заметил Конан. — Учти это на будущее. А сейчас, — король обращался к Бриану и Тэн И, — придется прогуляться на нос. А то этот радетель за славу Зингары еще прикажет повернуть в открытый океан, искать корабль короля Фердруго. Ступай, Гонзало, я сейчас.

Гонзало кивнул и спустился на палубу.

— Конан, зачем ты уступил ему? Пусть бы сам разбирался с этим вонючим Норонья, раз уж не хочет подчиняться тебе! — не одобрил поступок короля Майлдаф.

В ответ Конан не сказал ничего, а обратился к Тэн И:

— Как тебе мой второй ход?

— Защита Ляо Миня, — пояснил кхитаец. — Известна две тысячи лет. Почти беспроегрышная, но и к выигрышу приводит крайне редко.

— Вот как?! — по-настоящему изумился Конан. — Хм. Но в игру вступили еще не все стороны. А как дела у Гонзало? И кто такой был этот Ляо Минь?

— Гонзало играет «аиста на одной ноге, ловящего водяную змею», — непонятно сказал Тэн И. — А Ляо Минь охотился на волков, а потом стал художником и философом. Пишут, что он был очень сильный игрок.

— Однако, — многозначительно промолвил Конан. — Ну что ж, поторопимся.

Король проследовал на нос, более нигде не задерживаясь и не отвечая на приветствия.

— Хорса, сними охрану с Седека, но глаз с него не спускай, — распорядился Конан.

— Хорошо, кениг, — ответил Хорса. — Только в этом нет нужды. Седек вкушает отдохновение в мире грез.

— Хорса, изъясняйся по-человечески! — Король не был расположен отгадывать загадки.

— Я подсыпал ему белого порошка, — пояснил гандер.

— Куда?! Он же не пьет вина!

— В его любимое козье молоко.

— А порошок где взял?

— У Седека, — невозмутимо отвечал Хорса.

— Как?

— Посмотрел у него в походном сундучке.

— Ладно, сейчас некогда, — перевел дыхание Конан. — А тебя, Тэн И, я еще попрошу дать отчет.

На носу происходило нечто невообразимое. Граф Норонья рвал и метал. Он уже успел перечислить

все возможные наказания, которыми грозил зингарийский закон за различные преступления, начиная шпионажем в пользу иностранного государства и растратой казенных средств и заканчивая вооруженным разбоем и грабежом. Пользуясь своей незаурядной памятью, он вспомнил поименно всех членов команды и каждому определил меру наказания.

Некоторые аквилонские и аргосские нобили также присоединились к собравшимся, желая поближе ознакомиться с тонкостями зингарийского законодательства.

Против графа и двоих его пажей по-прежнему стоял красавчик Гвидо. Красавчиком его прозвали не зря, ибо внешность он имел весьма импозантную: длинные гладкие черные волосы, схваченные на лбу ленточкой из дорогой змеиной кожи, черные жаркие выразительные глаза, бородка, чувственные полные губы, впалые, но не худые щеки и здоровая загорелая кожа.

Гвидо был высок, строен, но силен достаточно, чтобы вытащить из толстой корабельной доски длинный гвоздь.

Так вот, Гвидо покуда молчал, но мускулы на его лице нервно подергивались, глаза, казалось, потемнели еще пуще, и вообще самый вид Гвидо не обещал ничего хорошего. Выдержанностью характера аргосец не отличался. Норонья докучал ему и всей команде, а вероятность приведения советником в действие нынешних угроз была значительна, и Гвидо не слишком задумался бы, прежде чем пустить в ход длинный морской нож, зат-

кнутый за широкий шелковый кушак. Против этого ножа, с которым Гвидо равно умело управлялся и за столом, и в драке, декоративная ламира Норонья выглядела убого, хотя граф, конечно, так не считал.

Когда советник вовсе разошелся и принялся давать моряку ценные указания по части парусов, ветров и течений, Гвидо скривил губы и резко сказал по-зингарийски прямо в лицо графу:

— Заткнись, крыса сухопутная!

Неизвестно, какая душераздирающая и кровавая сцена разыгралась бы далее, но тут, словно волнорез воду, раздвигая толпу матросов, которые, если что, немедленно вступились бы за товарища, на нос явились Конан, Майлдаф и Хорса. Вместе с Тэн И они являли собой столь решительную и неодолимую группу, что перед ними расступались, не смея спрашивать ни о чем.

— Попрожди язык, Гвидо,— сурово и без обиняков обратился к помощнику Конан.— И ступай прочь.

— За каким демоном? — нагрубил аквилонскому королю выведенный из себя Гвидо.

— Работать. Тебя зовет капитан,— невозмутимо ответил Конан, хотя слова Гвидо пришлись ему явно не по душе.

— Гонзало скажет мне сам, если потребуется. Так, ребята? — апеллировал Гвидо к команде.

— Так,— раздался хор голосов, правда весьма редкий и нестройный. Поддерживать аргосца против аквилонского короля было весьма рискованно, что и подтвердилось немедленно.

Даже горластый Норонья не успел и слова вымолвить, а только набрал в легкие воздуха для очередной тирады, как Конан легонько кивнул головой, и тут же напряженно опущенные руки Гвидо, готовые к действию, были схвачены намертво и заведены ему за спину, кисти его немедленно захлестнула веревка, а нож из-за пояса переключал к Майлдафу.

Гвидо попытался рвануться и даже лягнуть ногой неизвестного, скрутившего его сзади, но сейчас же красивое лицо его испортила гримаса боли, а вырваться не удалось. Хорса крепко держал аргосца за плечи, а Тэн И болевым приемом из своего обширного арсенала захватил и вывернул ногу помощника капитана.

— Гвидо, ты хороший шкипер. Не стоит тебе связываться в политику. С графом Норонья я договарюсь сам. Отведите его к Гонзало,— приказал Конан команде.

Никто не двинулся с места. Люди не совсем понимали, к кому относится приказ: к свите короля или к экипажу.

— Я к вам обращаюсь,— разрешил король сомнения матросов.— А тех, кто не послушает Гонзало,— усмехнулся Конан,— ждет участь Гвидо. Расходитесь!

Никто так ничего и не понял, но поспорить с киммерийцем охотников не нашлось.

— Пошли, Гвидо, сейчас потолкуем с Гонзало,— послышались голоса, и все до единого члены команды, так и не рискнув развязать Гвидо, удалились, громыхая по палубе сапогами и бряцая ору-

жием: кортиками, палашами, длинными ножами — на палубу, под сень мачты.

— Благодарю тебя, король Конан...— разразился было речью введенный в замешательство Норонья, но король решительно оборвал его:

— Граф Норонья!

— Да, ваша честь? — На лице графа появилось выражение готовности и вопроса.

— Не прими мои слова за приказ, ибо лишь достойнейший Фердруго имеет право отдавать приказания своим подданным, но прошу тебя убедительно, как месьор месьора, достойный граф,— начал Конан и сам поразился тому, как складно это у него вышло, потому что дальше все пошло как обычно: — На твоём месте я бы не стал лезть в дела экипажа, первый раз попавши на корабль. Ты, конечно, можешь сослать их всех на каторгу, но сейчас им проще сделать так, чтобы ты не доплыл до Мессантии. Ты понял меня?

— Такие речи я отказываюсь понимать! — заносчиво заявил Норонья.— Этот сброд ожидает заслуженное наказание по закону, и я выполняю свой долг месьора, чего бы это мне ни стоило!

— По закону ты должен слушаться капитана Гонзало,— вновь жестко прервал графа Конан.— Я не думаю, что Фердруго одобрил бы твои действия.

— Король Фердруго доверяет мне и всегда поступает по закону,— выпятив тощую грудь, заявил Норонья.— И мне, право, странно, что ты, монарх, вверяешь судьбу свою и своих подданных таким скотам. После сего плаванья я доло-

жу своему королю о беспорядках, творящихся на флоте.

— Да ты еще не знаешь, что такое беспорядок на флоте, поверь моему опыту,— недобро сказал Конан.— Так как быть с законом? Или мне позвать Евсевия, ученого из Тарантийской Академии, чтобы он разъяснил? Да ты ведь сам отлично знаешь закон, я только что слышал. А как посмотрит на попрание законов король Зингары?

Достойный граф открыл рот, но возразить было особенно нечего.

— Я вынужден уступить.— Граф сделал акцент на втором слове.— Но на берегу данной мне властью я сделаю так, чтобы виновные понесли заслуженное наказание и...

— Так ты будешь подчиняться капитану Гонзало в том, что касается управления кораблем и снабжения его? — настаивал на нужном ответе Конан.

— Разумеется, согласно закону...

— Да или нет?

— Да! — выкрикнул граф с оттенком брезгливости.

— Весьма разумно,— просто заметил Конан.— В остальном я буду советоваться с тобой, если только это будет возможно,— обещал он, как совсем недавно обещал ему Гонзало.— А теперь я посмотрю, что намерен предпринять капитан.

И Конан вместе с Хорсой, Майлдафом и Тэн И отправился обратно. Собравшиеся возле носа придворные остались в некотором недоумении, не ухватив сути быстрого разговора.

Но и на средней палубе к тому времени споры закончились. Гвидо растирал онемевшие кисти: Тэн И умел вязать хитрые узлы, которые от сопротивления затягивались еще туже.

— Как дела, Гонзало? — спросил довольный собой король.

— Мы готовим лодку для высадки. Гвидо я освободил. А вот что ты сделал с Седеком?

— А что такое со славным шемитским купцом из гильдии «Гамилькар»? — разводя руками, в тон Гонзало спросил Конан.

— Утром он проснулся, как всегда, бодрый, выпил молока, а потом вдруг улегся опять и presently спит как убитый.

— Убитый? — с деланным участием поинтересовался король.

— Да нет, не волнуйся. Он жив, только спит непробудно...

— Ну и пускай спит. Человек он немолодой, мог и подустать. Я тут ни при чем,— разочаровал Гонзало Конан.

— Я не уверен в этом.— Гонзало хмыкнул своим неподражаемым носом.— Но дело в другом. Здесь земля пиктов, ведь так?

— Так,— кивнул киммериец и почувствовал облегчение: игры на сегодня, кажется, кончились. Начиналось дело.

— Я плавал в разных местах, но к пиктам так и не собрался и никому не советую. Но вот сегодня пришлось,— вкрадчиво вступил Гонзало.

— И что? — Конан притворился, будто не понимает.

— Вот и понадобился твой совет.

— Быстро же, однако,— осклабился Конан.— Иными словами, ты хочешь, чтобы я принял участие в вылазке?

— Это было бы неплохо.— Гонзало легко держивал взгляд Конана. Капитан нимало не смущался тем, что недавно пытался угрожать королю, а сейчас запросто говорил монарху аквилонскому, чтобы тот уселся в лодку-вельбер и поплыл к берегу воевать пиктов.

— А если я откажусь? — спросил киммериец.

— Я не обижусь,— не смутился Гонзало.— Дело не в этом. Девять человек могут пропасть без следа, а мы останемся без воды. Мои люди совсем не знают пущи, а ты, говорят, провел в ней несколько лет...

— И ты думаешь, меня там снова ждут? — усмехнулся Конан.

— Сомневаюсь,— честно сказал Гонзало.— Это моя просьба. И еще: как только ты откапашешь хоть какую-нибудь малость про Седека, я немедленно скажу гвардейцам, и они его арестуют. Этого хватит, король?

— Пока да, капитан. Я поеду с твоими людьми. Вода и мне нужна. Но есть некоторые условия: вельберов должно быть два; второй будет караулить у берега, на всякий случай. И еще: комит Гвидо, хм, пусть не обижается. Но с нами на берег я его не возьму. И ты держи его под присмотром. Кормчий славный, но не в меру горяч.

— Хорошо,— спокойно согласился Гонзало.— Гвидо,— обратился он тут же к помощнику, кото-

рый застыл меланхолично, прислонясь к мачте, глядя на капитана и Конана колючим упрямым взглядом,— ты знаешь, где бы ты был сейчас, если б не я. Это раз. Неизвестно также, где бы ты был, если б король Конан не прекратил твои беседы с этим старым негодяем. Это два. И я тебе уже не раз говорил: у волка есть клыки, но олень их видит только перед смертью. Это три. В состоянии запомнить?

— Да,— буркнул Гвидо.

— Отлично.— Гонзало ухмыльнулся, и нос его, казалось, скривился еще больше.— Ступай отдыхать. И не спускай глаз с Седека, не будет же он спать вечно! Когда готовить лодки, король?

— Чем раньше мы отсюда уберемся, тем лучше,— философски заметил Конан.— Готовь вельберы к спуску. Я беру с собой Майлдафа и Евсевия. И захвати лук,— наказал он горцу.— Если кто-нибудь из благородных месьюров осмелится присоединиться, я их, может быть, возьму. Когда будут готовы лодки?

— Песок не успеет высыпаться до половины,— отвечал Гонзало.

— Вот и славно,— подытожил Конан.— Если в команде есть меткие стрелки, пусть идут с нами, а также все те, кто хоть немного знает лес. И поменьше горожан.

— Понял,— кивнул Гонзало.

Конан с Майлдафом, Хорсой и Тэн И спустился вниз, готовиться.

На внутренней палубе сейчас было пусто, даже больных вынесли наверх, под теплое солнце и на

свежий воздух. Мучимые морской болезнью также все были на верхней палубе — когда неф остановился, укачивало уже не так сильно. Внутри остались только спящие после вахты и Седек, которому удружил Хорса.

— Когда ж ты успел подсыпать этому хитрющему шемиту порошок? — недоуменно почесывая затылок, спросил у гандера Майлдаф.

— Так же, как и два года назад тебе, — невозмутимо отвечал Хорса.

— Да уж, тогда я выпался за всю свою беспоконную жизнь, — посмеялся Майлдаф.

Все остальные тоже улыбнулись: история знакомства Хорсы и Бриана и впрямь получилась весьма забавной.

— Только тогда вино было приготовлено заранее, — не унимался горец. — А сейчас? Ты что, накормил зельем козу?

— Тогда бы заснула коза, а не Седек, — резонно заметил Конан. — Пока нас никто не слышит, расскажи мне, любезный Тэн И, почему ты не знаешь того, что вызнал Хорса, и как вообще все это у вас получилось?

— Государь. — Кхитаец по обыкновению отвесил неглубокий поклон. — Седек здесь вовсе не за тем, чтобы посмотреть, как ты подписываешь договор.

— Это я и так знаю, — раздраженно бросил Конан, затыкая за специальные лямки на куртке метательные ножи и пристраивая на поясе кинжал.

— И вовсе не затем, чтобы убить тебя, Фердуго или Мило.

— Да, это было бы несколько самонадеянно, — отозвался король. — Дальше!

— Он здесь за тем, чтобы выслеживать Гвидо.

— Вот как!? — Рука Конана, потянувшаяся к мечу, остановилась. — Чем же аргосец так досадил Асгалуну? И почему следить за ним послали старика?

— Молодого человека из Шема ни за что бы не пустили на «Полночную звезду», а Седека знают многие, даже ты, государь, — пояснил Тэн И. — А посылать наемника из Аргоса или Зингары асгалунцы не рискнули, потому что дело важное и не должно касаться посторонних...

— Опять тайна, покрытая густым туманом, — вздохнул Конан, взвешивая меч в руке и разминая кисти и предплечья. — Еще одни последователи Илу Всеединого? Хотя постой, — остановил сам себя король. — Гонзало брякнул что-то про то, в какой выгребной яме оказался бы Гвидо, если б не он...

— Государь очень проницателен. — Тэн И отвесил еще один поклончик. — Все гораздо проще, государь. Гонзало говорил тебе, что вышел из игры на Барахас?

— Говорил, — подтвердил Конан.

— А Гвидо вышел из игры с Асгалуном.

— Из какой игры? — Конан уже догадывался, к чему ведет кхитаец. — Белый порошок?

— Не смею утверждать это как истину, но, по моему разумению, да, — кивнул Тэн И.

— Хорошо. — Конан задумался на мгновение, одновременно проверяя ножны и меч. — У нас мало

времени. Команда у Гонзало умеет работать быстро. Хорса, как случилось, что занялся Седеком до моего распоряжения?

— Не трудно сказать, кениг,— начал по обыкновению гандер, но, почувствовав тяжелый взгляд короля, тут же сообразил, что на сей раз гандерскую велеречивость придется оставить до лучших времен.

Седек не внушал мне доверия с первого своего появления, кениг. Я осведомился о связях крупной купеческой гильдии Асгалуна. «Гамилькар» всегда занимался торговлей со Стигией или через Стигию. Это и навлекло на старикана мои подозрения.

Всем известно, хотя никто и никогда не занимался доказательством этого ни на одном суде, что белый порошок приходит из-за Стикса. А раз он приходит, то кто-то его доставляет. Одиночки — не в счет: они провозят порошка ничтожно мало, и они, как ни странно это слышать, легче попадают к весторам и преторам. Стигийские корабли и караваны досматриваются лучшими офицерами на границе столь тщательно, что лишь один караван на сотню, а то и на две, может проскочить безнаказанно. А с тех пор, как Мораддин в Немедии научился натаскивать собак на поиск порошка, караванная доставка зелья стала делом и вовсе безнадежным.

Остался один путь,— сделал вывод Хорса.— Это, конечно, заставило стигийцев идти на большой риск и делиться с перекупщиками, тратиться на охрану, на продавцов, но зато они обрели еще боль-

шее влияние, и от них зависит теперь масса народа. Понятно, что в Хайборию это зелье попадает через Шем. Путь через Туран и Замору долог и опасен. Морской же маршрут — самый легкий. Кораблю легче проскочить незамеченным, да и груза он берет больше. Ссориться с шемитами не хотел пока никто. И тут вдруг тройственный союз. Разумеется, я сразу заинтересовался Седеком. У него оказался телохранитель из аргосцев, Джоакино, сынок одного из мессантийских градоначальников. Деньгами Седек привлечь его не мог — денег у Мессантии полные подвалы, складывать некуда. Значит, приманкой был порошок. А раз так, он должен быть у Седека.

Как я проверял сундуки шемита, это история долгая и отдельная,— похвалился Хорса.— Надо сказать, что я знаю многое о порошке: сколько его нужно для одного раза, как он действует, но я никогда не пробовал его сам и даже не держал в руках. Я нашел у Седека полупустую кружку с закрывающейся крышкой, где был какой-то белый порошок, но я не был уверен, что это именно тот порошок. Сегодня поутру я решил испытать действие зелья, и для этого выбрал самого Седека, ибо ты, кениг, отдал приказ арестовать его, а Гонзало такого распоряжения не давал. Когда купцу, как обычно, подали козье молоко, я подошел к нему с одной занятой вещицей.

— Что за вещица? — полюбопытствовал Конан.

— Старинная фибула из Шема. Я купил ее по случаю не так давно для Этайн. Попросил Седека оценить...

— А сам незаметно подсыпал порошок! — догадался Майлдаф.

— Ты проникателен, Бриан, — ответил Хорса, подражая манере кхитайца. — Сагу об этом непременно сложат.

— Хватит! — сердито начал горец, но тут его прервал голос капитана, заглянувшего в люк.

— Конан, вельберы готовы!

— Я поднимаюсь! — прокричал в ответ король. — Тэн И, Хорса, не спускайте глаз с Седека, Гвидо и этого... Джоакино. Мы не задержимся на берегу. Я не думаю, что пикты успели собрать большой отряд, если вообще нас заметили. И, кстати, где Евсевий? С дамами беседует? Ему пора бы тоже снаряжаться.

— По-моему, он на палубе. Должен же был кто-нибудь из нас там остаться, — резонно заметил Бриан. — Я возьму его лук и стрелы. И меч прихвачу.

— Бери, и быстро, — разрешил Конан. — Тэн И, Хорса, вы — со мной наверх.

Они взобрались по трапу и невольно сощурили глаза: в трюме стояла полутьма, а солнце светило уже вовсю. Пиктский берег настороженно молчал.

Глава четвертая

У левого борта уже покачивались на воде два вельбера — длинные и узкие маневренные лодки. Каждая лодка была рассчитана на двенадцать гребцов, рулевого и впередсмотрящего, но сейчас укомплектовывать лодки полностью нужды не было, поэтому восемь матросов, отряженные Гонзало по просьбе Конана, уже сидели в лодках и ждали остальных. При необходимости, если король не наберет достаточно добровольцев на эту экспедицию, еще несколько человек из команды готовы были занять свободные места.

Со стороны кормы появился Евсевий.

— Сколько можно тебя ждать, ученый муж! — набросился на аквилонца Майлдаф. — Иди скорей переоблачаться!

— А чем тебе не по нраву мой наряд? — недоуменно спросил Евсевий. Одет он был в свое любимое платье.

— Я бы все же советовал тебе сменить одежду, — серьезно сказал Конан. — Когда мы войдем в

лес, а сделать это наверняка придется, от твоей одежды останутся жалкие клочки.

— Да? В землях пиктов еще не бывал,— не стал спорить Евсевий.— Значит, одеть эту варварскую ким... нордхеймскую одежду?

— Ты прав, она такая же киммерийская, как и нордхеймская,— усмехнулся Конан.— Только в такой и можно ходить по пуще. Майлдаф может идти куда угодно хоть голый, он сделан из священного дуба, который растет в Темре. А я покуда узнаю у этих бездельников, не желает ли кто-нибудь совершить маленький подвиг, достойный рыцаря.

Евсевий отправился в трюм, Майлдаф отошел к фальшборту, придирчиво и недоверчиво осматривая вельберы: судна, надежнее кожаной лодки, горец не знал.

Конан не менее придирчиво, чем Майлдаф — лодки, обвел взглядом столпившихся на корме и палубе месьоров трех монархий.

На корме пребывали дамы и пажи, и Конан занялся палубой.

«Да, негусто,— подумал король.— Владеть мечом кое-кто из них умеет, но вот идти в лес к пиктам... Струсят».

— Благородные графы, герцоги и бароны! — обратился король к придворным.— Митра Солнцезарный даровал нам спасение от ярости морских демонов. Возблагодарим же его и нашего кормчего! Теперь настало время самим помочь великому богу, ибо лично для нас морские воды в пресные он не обратит, ибо это противоестественно.

Конан давился от смеха, но, разумеется, не показывал этого. Каких-то два года назад над ним потешались за косноязычие и грубость речей. Как же просто оказалось научиться сотрясать воздух красивыми, но пустыми словесами! Вот бы говорить, как Евсевий или Озимандия! Но тогда, пожалуй, он перестанет быть Конаном Киммерийцем.

— Команда потрудились на славу, но сейчас мне нужны воины, поелику берег может быть населен...

— Кем, ваше величество? — раздался сильный молодой голос.

Из третьего ряда вперед протиснулся широкоплечий прекрасно сложенный паж, по виду аргосец, с приятным открытым лицом.

Одет он был на редкость просто, но далеко не дешево: зеленая туника из настоящего шелка, плотные хорошего немедийского сукна штаны и высокие легкие сапоги, но не те из грубой кожи, что носили моряки, а очень дорогие, удобные и прочные, в которых не было жарко летом и холодно на снегу. На широком кожаном с тиснением поясе висел прямой узкий меч из тех, какими обычно вооружались аргосские кавалеристы, но в умелых руках он мог быть грозным и при отсутствии коня.

— Пиктами, конечно,— спокойно ответил Конан.

Немедленно начались разговоры полушепотом, вздохи и визги. Кому-то из дам стало дурно, но молодой аргосец не смутился.

— Я поеду с тобой на берег,— уверенно сказал он. Среди находящихся здесь аргосцев поднялся неодобрительный и даже возмущенный ропот.

- Ты едешь,— согласился Конан, и ропот утих.
- Король, я тоже поеду!
- И я!

Двое зингарийцев-близнецов в ослепительно белых рубашках и коричневых кожаных безрукавках, одинаково загорелые, что было нетипично для столичных месьюров, и одинаково жгуче черноволосые, выступили вперед на шаг.

«Состязание начинается,— подумал Конан.— Если уж Аргос начал, то Зингара не должна уступить».

— Король Конан, я тревожусь за этих молодых людей, поэтому прошу взять и меня.

А вот это было уже серьезно. Тяжелый и грузный, мощный, как старый секач, только что клыки не торчали, зингарийский военачальник Арриго, человек, которого запросто звали Кабаном, встал против Конана. Зингариец был на голову ниже короля (что говорило о его немалом росте, ибо Конан был очень высок), но в плечах вряд ли уже.

— Они твои родичи? — Конан посмотрел в сторону двоих молодых.

— Они зингарийцы,— прохрипел Арриго.

— Ага,— многозначительно сказал король.— Ты можешь приказать им остаться, я не обижусь.

— А вот уж этого я не сделаю,— беззлобно отвечал Арриго.— Увидят разок пиктов, перестанут бояться и этих...— Арриго неопределенно мотнул головой, но понят был недвусмысленно.

— Вот это им полезно. Эти действительно никого не боятся. Я тоже поеду. Во славу Митры Солнцезарного, пожалуй.

Это говорил стройный жилистый сорокалетний мужчина, чем-то походивший на Евсевия, но гораздо более мужественный и жестокий. Глаза Евсевия были непроницаемы, глаза аргосца — тоже, но во взгляде аквилонца не было холода. Месьюр Сотти, градоначальник второго в Аргосе города — Мерано, имел заслуженную репутацию человека недоброго и себе на уме. В средствах он никогда не стеснялся, и, как следствие, средства у него водились всегда, и немалые. Единственное, что можно было считать несомненной заслугой Сотти, так это всегдашнее его умение делать дела своими руками, правда и крови на этих руках было порядком.

— Я никогда не имел дела с пиктами,— сразу с дела начал Сотти.

Худое, не лишенное некой завораживающей приятности лицо градоначальника было каким-то порочным. Волосы, некогда черные как смоль, не хуже чем у Гвидо, стали пегими, а кое-где уже пробивалась седина. Видно было, что месьюр Сотти попробовал в жизни все — кроме, пожалуй, пиктов. Несмотря на седину, он выглядел моложе своих лет, поскольку кожа его оставалась матовой и гладкой, и даже морщинки вокруг глаз еще не появились, к тому же, вопреки аргосской моде, градоначальник не носил бороды и усов.

Но тем не менее глаза Сотти были глазами человека ночи, любителя сидеть при свечах за книгами, деловыми документами или картами.

Без сомнения, Сотти знал толк во всех этих занятиях, как и во многом другом: он был одним из тех немногих, кто помогал экипажу во время бури.

Вооружен Сотти был великолепным абордажным палашом, а такое оружие носят или из бахвальства, или те, кто по-настоящему умеет им владеть. Сотти на бахвала не походил.

— С пиктами нельзя иметь никакого дела,— ответил Конан.— А Митра не нуждается в заступниках. Сотти, ты тоже тревожишься за судьбу этого молодого человека? — Конан кивнул в сторону пажа-аргосца.

— Я полагаю, о нем тревожится вся Мессантия,— усмехнулся градоначальник.— Это Конти, принц аргосский.

Все ахнули, кроме аргосцев, разумеется. Младшего наследника короля Мило еще никто не знал за границей, да и на «Полночную звезду» он явился перед самым отплытием, незаметно, когда церемония проводов еще продолжалась. А после стало не до принцев.

— А он умеет держать в руках то, что у него сейчас на поясе? — невозмутимо спросил Конан.

— Достаточно хорошо, чтобы убить троих,— дерзко ответил градоначальник.

— Сотти, ты много на себя берешь! — Посол Аргоса в Кордаве Пиоло, светловолосый полный человек с одутловатым лицом и глазами немного навыкате, встал против градоначальника, скрестив руки на груди и с яростью воззрившись на Сотти, будто желал пронзить его взглядом. Видимо, речь шла о не самой приглядной истории из жизни мессантийского двора.

— Я говорю то, о чем достоверно знаю,— не ушел от ответа Сотти.

— Клевета. А клевету смоем только кровью,— зловеще предрек Пиоло.

— Кровь того, кто лжет,— усмехнулся Сотти.

Еще мгновение, и эти двое принялись бы выяснять отношения при помощи клинков прямо сейчас, но тут появился Евсевий. В кожаных штанах и грубой льняной тунике ученый выглядел довольно забавно, что, впрочем, не помешало ему немедленно погасить готовый вспыхнуть огонь поединка.

— Месьоры думают напоить кровью тех, кому нужна вода? А кто ответит перед всей Мессантией за принца Конти, если благородные месьоры убьют друг друга? И в чем можно упрекать юношу, если зрелые мужи не могут сдержаться?

Евсевий смело встал меж Пиоло и Сотти, хотя вооружен был лишь коротким мечом, и как бы ни был аквилонец тренирован, Сотти, пожалуй, справился бы с ним без особых хлопот.

— Я не желаю ссоры, Пиоло, тем более здесь,— как ни в чем не бывало произнес градоначальник.— Дозволь мне сопровождать сиятельного принца Конти, дабы уберечь его от таящихся на берегу опасностей.

— Дозволю, ибо не имею права не дозволить сего,— с видимой неохотой проговорил Пиоло.

— Пожалуй, хватит и этого,— изрек Конан.— Не стоит перегружать лодки. Нам нужно много воды.

— Найдется ли еще одно место? — произнес уверенный голос с северным, похоже гандерландским акцентом.

«Ого! — подумал король. — Кажется, кто-то решил вступить и за честь Аквилонии!»

— Ваше величество, позвольте!

Русоволосый, пышнобородый барон в колете и с огромным длинным мечом, широколицый, румяный, пышущий здоровьем, ростом с Евсевия и богатого телосложения, выдвинулся в первый ряд, не очень вежливо раздвигнув иных придворных.

— Как тебя зовут? — спросил Конан лишь затем, чтобы все услышали имя смельчака. Разумеется, Конан поименно знал всех аквилонских месьоров и купцов, которые отправились вместе с ним.

— Полагмар из Гандерланда, мой король!

— Если Полагмар не утопит вельбер, — прошептал Хорса, стоящий за правым плечом короля, — то его стоит взять: говорят, он ходит на медведя в одиночку.

— Это ни о чем не говорит, — вполголоса отвечал Конан. — Пикты много страшнее медведей.

— Соизволяю, — громко объявил король.

В лодки опустили бочонки для воды, добровольцы разместились рядом с матросами. Король Конан занял место на руле. Вторым вельбером правил боцман Серхио. Капитан Гонзало стоял на палубе, провожая экспедицию.

В последний момент к борту протиснулся кхитаец Тэн И.

— Государь, — громко зашептал он.

Конан, не стесняясь, встал и быстро подтянулся по свисавшему канату наверх.

— Государь, я только что видел, как Джоакино спустился из вороньего гнезда...

— Что? — Конан сразу заподозрил неладное. — Жаль, поворачивать поздно. Лодки уже на воде, и без воды нельзя. Следи за ним в оба.

— Слушаюсь, государь.

Теперь оставшимся на «Полночной звезде» вдвоем Хорсе и Тэн И предстояло следить за тремя сразу: Джоакино, Гвидо и Седеком.

Месьор Сотти сильно оттолкнулся веслом от борта нефа.

— Близ этих берегов часто попадают острые камни, едва скрытые водой, — предупредил Конан. — Днище такого удара не выдержит.

Вельбер под управлением короля пошел вперед. Вместе с матросами на весла сели Майлдаф, Евсевий, Сотти и принц Конти. Арриго и братья Родригесы — так звали близнецов — поместились у боцмана Серхио.

Серхио был немолод, сияюще лыс и отличался бычьим здоровьем. С лица у него не сходила сверкающая улыбка, которая, в зависимости от ситуации, легко превращалась в добродушную, сальную, издевательскую, злорадную и зловещую. Боцман был зингарийцем с примесью крови аборигенов Черных Королевств, отчего черты лица у него были не столь резкими и точеными, как у коренных его соотечественников, а фигура, несмотря на заметный жирок, все же выгодно отличалась звериной грацией.

Разделились аргосцы и зингарийцы намеренно: дело предстояло трудное и небезопасное, и вре-

мени на выяснение того, кто главнее, не оставалось.

Бриан, хоть он и в первый раз сел в простую лодку, тут же показал, что грести он умеет не хуже заправских моряков. Длинные руки его работали как рычаги. Он задал такой темп, что вельбер стрелой понесся к берегу.

Серхио, в отличие от Гонзало, не спешил прекословить аквилонскому монарху. Вот и сейчас он распорядился следовать за вельбером короля. Берег приближался быстро. Это был узкий галечный пляж, лишь иногда попадались валуны и россыпи камней поменьше.

Временами Конан оглядывался назад. Капитан Гонзало поднялся на нос и наблюдал, как идут лодки. Одновременно король старался внимательно изучить место высадки, пока оно было на приличном расстоянии, чтобы не допустить непоправимых ошибок. Пляж был шириной едва ли в двадцать локтей, так что естественной защиты от пиктских стрел искать не приходилось, тащить же в вельберы тяжелые металлические щиты никому в голову не пришло. Деревянные, обтянутые кожей, конечно же были. Против туранских или гирканских лучников такие щиты показались бы детскими игрушками, но легким пиктским стрелам могли противостоять. Другое дело, что пикты просто закидали бы матросов стрелами, и никто не сумел бы отбить все, даже Конан. Локтях в пятидесяти на полночь в море впадал ручей. Устье его скрывали густые заросли. Иного источника воды нигде более не было заметно.

— Пристать придется там! — объявил Конан.

И, чтобы Серхио понял, для подтверждения махнул рукой в том направлении. Серхио кивнул и что-то сказал своим гребцам. Вельберы пошли наискось, отклоняясь к полуночи. Морское дно не предвещало никаких каверз, и Конан сосредоточился на лесе.

Заметить скрывшегося в чаще пикта могли разве что леопард или собака, но и то не по зоркости взгляда, а по запаху. Конан знал: пикт мог стоять в двух шагах от тропы, и даже пугливая птица не отличила бы его от коряги. Именно поэтому всякая война в пуще была обречена на неуспех. Надо было или выкорчевать и выжечь этот лес, осушить болота, сравнять с землей холмы и плоскогорья и перебить всех пиктов до единого или вовсе не пытаться подчинить эти земли. Конан всегда стоял за второй вариант, и благодаря этому на закатной границе Аквилонии воцарился нестойкий мир.

Первый вельбер, слегка поднятый на волне, возникшей от столкновения прибоя и течения ручья, вошел в протоку. Неширокая, всего около пятнадцати локтей, она, похоже, как нельзя лучше походила для целей вылазки. Берега ее были топкими и густо заросли кустами и тростниками. В них легко было спрятаться, но и подобраться к берегу было непросто. В устье ручей пересекал каменный бар, который слегка показывался над поверхностью. Морские волны, докатываясь до него, гасли окончательно. Дальше лежало зеркало лениво текущей воды.

В отличие от многих пиктских рек, замутненных множеством примесей от песка, глины, перегноя, зеленых водорослей, опавших веток и листьев, вода этого ручья была прозрачной. Конану это не слишком понравилось: такая река могла стать священной для какого-нибудь клана — из-за своей необычности. Пикты верили в каких-то духов, почитали особенные деревья, каменные россыпи, рощи, холмы и, как назло, реки. Киммерийцы, правда, делали то же самое, но со стороны пиктов такое виделось неправильным и нестерпимым.

На дне реки, усыпанном плотной галькой, лениво колыхались мохнатые темно-зеленые водоросли. Конан велел гребцам замедлить движение; он ждал Серхио.

— Король, — обратился к Конану Сотти, молодецки прищурясь, рассматривавший лес. — Может быть, оставить Серхио за баром — подождать нас? А потом мы поменяемся местами.

— А кто тебе сказал, что Серхио поступит иначе? — ответил вопросом на вопрос Конан.

— Тогда почему ты пошел первым? — не унимался аргосец.

— Потому что он — король Аквилонии, — авторитетно объяснил Майлдаф и наградил Сотти не менее авторитетным взглядом.

— Весомая рекомендация, — криво усмехнулся градоначальник, но спорить с горцем не стал.

Сам Конан промолчал. Вельбер, медленно перебирая веслами, будто рак своими ногами, подвигался вверх по ручью.

— Там! — сказал Конан и вытянул руку в нужном направлении. У правого берега из воды торчал плоский камень.

— Я не отвечаю за то, что нас не тронут, но, по крайней мере, не сцапают, как коршун цыплят. Вряд ли здесь много пиктов, если есть вообще.

Лодку осторожно подвели к камню, зацепились баграми, трое матросов выбрались на камень и принялись наполнять бочки. Конан продолжал пристально наблюдать. Майлдаф и Евсевий держали наготове луки. Принц Конти, левой рукой вцепившись в планшир, правую не снимал с эфеса меча. Он то смотрел на Конана, то туда, куда смотрел и аквилонский король. Как всегда, Конан успевал заметить даже то, на что обращать внимание было вовсе не обязательно. Так уж получалось, но глаз мгновенно улавливал все, что видел, а память невольно схватывала увиденное.

Молодой человек явно имел прежде дело с оружием, но вот на дикой природе, а не в сутолоке города или дворцовых альковах, он очутился в первый раз, и не знал, откуда ждать опасности. По-иному вел себя Сотти. Градоначальник был хладнокровен, как змея, охотящаяся на лягушку. По нему не было заметно, что он ждет схватки, но это был взгляд именно охотника за добычей, которая служит ему пропитанием.

Сотти был хищником, безжалостным и сильным. Но, как истинный хищник, он никогда не убивал ради удовольствия и мог долго и терпеливо голодать.

Однако все было мирно, и яркие крикливые птицы, нимало не тревожась, мелькали в ветвях, пронзительно вопя. И это успокаивало. Журчала кристально чистая вода, переливаясь в крепкие дубовые бочонки.

Все шло хорошо, и Конан на миг отвлекся, зачерпнув ладонью из ручья...

— А птицы-то затихли,— немедля прозвучал голос Майлдафа.

Конан спокойно допил воду.

— Сейчас начнется,— объявил он.— Все в лодку! Бочки наполнены?

— Так точно! — Стройный чернокожий гребец последним прыгнул в лодку.

— Король! — донесся скрадываемый расстоянием и листвою голос Серхио.

Второй вельбер, преодолев бар, входил в устье речки.

— В чем дело?! — рявкнул Конан.— А ну, по-сильнее налегай на весла, бездельники,— буркнул король морякам, друзьям и аргосцам.

Молодой принц было фыркнул, но тут же ощутил сильный невежливый толчок в бок.

Он оглянулся налево и встретился взглядом с Сотти.

Меж тем второй вельбер, волнуя тихие воды реки, прямо-таки летел навстречу, а на широком выразительном лице Серхио читались крайнее возбуждение и растерянность.

— Если уж у Серхио такая физиономия,— подал голос один из матросов,— значит, и вправду что-то случилось, или я проглочу якорь!

— Мы это учтем,— не упустил случая позубоскалить горец.

Майлдаф, хоть и боялся открытого океана и все время ненастья просидел в трюме, успел сойтись с матросами на почве здорового смеха.

— Король Конан! — загремел бас Кабана.— Пикты, чтоб мне сдохнуть! Их сотни! Облепили «Полночную звезду», как мухи! — Даже за тридцать локтей военачальника Арриго было слышно так, будто он стоял над ухом.

— Кром, Имир и Эрлик! — В сердцах Конан хватил кулачищем по скамье.

Хорошо, что король сдержал удар, не то лодка точно бы перевернулась.

— Откуда?! Когда мы отплывали, горизонт был чист!

— Они подошли с берега! — в ужасе выкрикнул Арриго.

— А Тэн И говорил, что этот лохланнах¹...— начал Майлдаф.

— Кто? — не понял принц Конти.

— Да Джоакино же! — не выдержал Евсевий.

— Почему он лохланнах? — опять не понял Конти.

— Потому что ты — принц! — рыкнул на вконец растерявшегося аргосца Конан.

Вельберы поравнялись.

— В чем дело? Откуда пикты? Сколько их? Что они делают? — начал быстро спрашивать Конан.

---

¹ Лохланнах — так в Темре называли, с оттенком пренебрежения, иноземцев-южан и вообще людей "не от мира сего".

В ответ все заговорили разом:

- Их много...
- Из зарослей, как саранча...
- С моря...
- На черных каноэ...

Один барон Полагмар никак не мог вставить слово. Он только пыхтел и надувался, то ли собираясь с мыслями, то ли молча возмущаясь подобной бесцеремонностью и непочтением к королевской особе.

— Барон Полагмар! — перекрывая гвалт, какого эта речка наверняка доселе не слышала, проорал Конан. — Немедленно доложите мне, как все было от начала и до конца, иначе ваш вельбер будет перевернут, а вы мною разжалованы!

— Мой король! — наконец высказался гандерландец, да так, что замолчали не только горячие Родригесы, но и вообще весь лес. Будь хоть один пикт за лигу отсюда, он посчитал бы, что с моря высадился отряд аквилонцев, не менее тысячи человек.

На деле оказалось, что пикты действительно были, и гораздо ближе, нежели за лигу, и в очень больших количествах. Барон говорил, задыхаясь, ибо сильно торопился, а Конан не желал высываться с двумя лодками против «сотен каноэ».

А произошло следующее: когда вельбер с королем вошел в устье речушки, все внимание экипажа вельбера Серхио сосредоточилось на лесе и вообще на том, что делается на берегу. И лишь спустя довольно продолжительное время барону Полагмару, не зря считавшемуся лучшим охот-

ником Гандерланда, слышались какие-то крики оттуда, где бросила якорь «Полночная звезда». И слух не подвел барона.

Он нарочно привстал в лодке, и взору его открылась невиданная картина: на корабле царила если и не явная паника, то уж точно была объявлена боевая тревога. Матросы поднимали якорь, ставили парус. На носу собрались вооруженные воины со щитами. Они явно от кого-то закрывались.

И этот кто-то не замедлил явиться. Плохо видные на блистающей под ярким солнцем волне, но все же различимые черные лодки, подобные гигантской стае ворон, казалось, ползли, а на самом деле удивительно скоро приближались со стороны побережья. Вероятно, с лодок стреляли, потому что воины на носу закрывались щитами, лучников же, равных Майлдафу или Евсевию, на корабле не оказалось.

Поставить паруса, поднять якорь, сделать поворот и уйти в открытое море такому капитану, как Гонзало, труда не составляло. Конан сам прекрасно знал, как проделываются подобные маневры. Но что-то помешало зингарийцу забрать сразу мористее. Быстрее всего, причиной этому стала тревога за судьбу двух вельберов. Неизвестно, что там происходило на «Полночной звезде», как повели себя Тэн И и Хорса, что выкинул Норонья, проснулся ли Седек, что поделявал Гвидо и что случилось с Джоакино.

Пикты успели преодолеть три четверти расстояния до корабля, пока парус был поднят, вес-

ла так и мелькали в их ловких цепких руках. Атаковали туземцы в полном молчании; если нужно, они умели превращаться в серые тени, но тени эти метали стрелы и копья, рубились длинными мечами и топорами.

Однако «Полночная звезда» уходила. На неф не было весел, эти корабли были слишком велики и массивны, чтобы приводить их в движение при помощи мускульной силы.

Словно большая морская птица — альбатрос или буревестник — неф, тяжело развернувшись, волнуясь, тронулся в океан. Парус затрепетал, ловя порыв, как белое крыло.

Думалось, пикты сейчас издадут вопль разочарования и повернут свои утлые лодчонки обратно, ведь уходить на них далеко от берега, учитывая капризный характер погоды, было страшновато.

Боцман Серхио было возликовал, хотя особенно радоваться было нечему: в двух лигах от них было полно разъяренных врагов, явно не просто так оказавшихся здесь в таком количестве. Корабль уходил неизвестно куда, и неизвестно еще, когда бы за ними пришли, ведь неф — не каноз, на нем к берегу незаметно не подобрешься. К тому же неф так и не пополнил запасы пресной воды, а посему он должен был пристать где-то, но уж точно как можно дальше отсюда.

Но тут снова что-то помешало «Полночной звезде». Корабль ложился на другой галс, уваливаясь к югу. Нечто, появившееся с океана, не дало Гонзало беспрепятственно увести корабль из види-

мости берегов. От устья речки, почти с воды, невозможно было разглядеть, что за неведомый враг надвинулся с моря.

И тут пикты впервые подали голос. Но это не были разрозненные вопли дикарей — это был единый слитный возглас, издаваемый по команде, поскольку пикты повторяли свое «Клукхту!» через каждые два гребка. Маневренным лодчонкам не требовалось столько времени на поворот, сколько королевскому кораблю. Каноз устремились «Полночной звезде» наперерез и преуспели. Теперь они напоминали уже не воронье, а мелких хищных рыб с острейшими зубами. Вот уже пара или тройка их нырнули под подзор большого судна. Кажется, кто-то из пиктов, подобно леопарду, прыгнул прямо на байоннский руль нефа и уцепился на этом скользком от зеленых водорослей дереве не хуже лесной кошки. А сзади несло, не пропуская ни одного такта, ритмичное «Клукхту!»

Каноз стали обгонять парусник. Вот они уже скользнули вдоль правого и левого бортов. Полетели вверх сплетенные из прочнейших лиан канаты с крючьями. Воины, кожа которых казалась какой-то странно серой, рванулись вверх по ним, словно обезьяны. «Клукхту! Клукхту!» — грозно звучало над океаном. Абордаж начался, но «Полночная звезда» продолжала куда идти к югу вдоль побережья, таща за собой целую флотилию врагов и отбиваясь от них по мере сил. Странно было лишь то, что пикты не применяли огненных стрел.

Боцман Серхио, не зная, что делать дальше, и уже беспокоясь за судьбу тех, кто вошел в заросли тихой речушки — а об умении пиктов действовать жестоко и бесшумно он был наслышан, — направил лодку вверх по течению...

— Благодарю тебя, барон, — кивнул Конан.

Казалось, что у короля уже созрел какой-то план действий.

— Серхио, сейчас мы тихо спускаемся к устью. Так, чтобы нас не увидел ни один из этих...

— Если нас уже заметили, то терять нам нечего. Но здесь, по-моему, тихо. Кому-нибудь из нас придется влезть на дерево близ берега, как можно выше. Оттуда, я думаю, видно побольше, чем с воды.

Весла тихо, без плеска, погрузились в речку, и вельберы заскользили обратно к устью.

Когда лодки поравнялись с баром, Конан одним махом выпрыгнул на плоские камни у речного берега, при этом почти не потревожив вельбер.

На юго-западе деревянной скалой поднимался над линией горизонта неф. Паруса были развернуты во всей красе. Корабль уходил.

— Что же задержало их? — спрашивал сам себя Евсевий, почти тут же оказавшийся на камне вслед за королем. — Пиратские корабли?

— Скорее всего, — ответил Конан, тщетно стараясь разглядеть хоть какие-нибудь подробности происходящего в море.

— Что же еще? — подал голос Майлдаф.

— Буря, — коротко ответил Арриго.

— Буря? — Принц Конти был всерьез удивлен. — Я не в первый раз на море. Тогда ненастье вскоре должно быть здесь. Но разве Гонзало боится бури?

— Вы еще юны, принц, — убежденно сказал Арриго, — при всем моем к вам уважении, — добавил зингариец, хотя последние слова дались ему с трудом. — На океане бывают шквалы, которые налетают на мгновение, проходя узкой полосой, но за это мгновение топят без следа целую эскадру. Единственное хорошее в том, что эти шквалы легко заметить издали и попробовать увернуться. А есть еще и волны-убийцы...

— И морские змеи, и спруты толщиной в две, а то и три «Полночные звезды», — насмешливо подхватил Сотти.

Арриго метнул в аргосца испепеляющий взгляд, но тот ничуть не смутился.

— Сейчас не гадать надо, а на дерево лезть. — Практичный Майлдаф напомнил о главном.

— Деггу! — окликнул боцман Серхио. — Видишь это дерево? — Огромный серый гинкго тянулся вверх локтей на сто двадцать. — На него живо, да повыше!

Деггу был родом из Черных Королевств. Раньше чванливые зингарийцы крайне неохотно включали чернокожих матросов в свои экипажи, и те пополняли флот Аргоса, а паче всего их было на Барахас. Но с течением времени поколения менялись, менялось и отношение к южанам, и Фердруго выпала слава первопроходца. Хитрец понял, что платить им можно вдвое меньше, а работать

они способны вдвое больше. И вот на королевских судах появились чернокожие, а купцы по-прежнему чурались их.

Король выиграл. Торговый флот государства впервые за долгие века смог выдержать конкуренцию купеческих гильдий: чернокожие моряки были настоящими тружениками моря. Они были лукавы — но совсем по-детски: они не умели зарабатывать по-иному, кроме как трудом. Под командой капитанов-зингарийцев королевский торговый флот с ними возродился.

Что касается Гонзало, то барахского пирата не смущал цвет кожи матросов его экипажа. Деггу, отличавшийся завидным телосложением, хотя и уступавший в мощи мускулов и Конану, и Кабану и тому же Серхио, раньше был охотником на морского зверя. Но вскоре выяснилось, что копье он метает не хуже, чем гарпун, а бьет им не слабее, чем острой. Гонзало заметил Деггу на одном из военных кораблей и быстро переманил к себе.

— На мачту! Живо! — опять скомандовал Серхио, хотя повторять нужды не было. Деггу уже карабкался по стволу, ловко перехватывая сучья и толстые лианы.

— Здорово у него получается! — заворуженно глядя на стремительное восхождение, поделился с окружающими один из братьев Родригесов.

— Пикты проделывают это еще быстрее, благородный месьор, — предупредил Арриго. — Запомни это и держись по возможности подальше от деревьев. В этом лесу. Если пикты близко, — добавил военачальник.

Тем временем Деггу шелестел листвой уже где-то на высоте тридцати локтей.

— Еще столько же, и он поднимется над лесом, — прикинул Майлдаф. У горца, видно, руки так и чесались поучаствовать в затее.

— Ну, что там? — подождав еще немного, спросил Серхио, задрал голову.

— Сейчас, месьор боцман! — донеслось откуда-то из кроны.

Деггу вовсе скрылся из вида, даже голос его приглушали листья, влажные еще после прошедших дождей.

— Сейчас, я сделаю несколько шагов вперед по этому суку... — комментировал свое продвижение Деггу.

— Он ходит по рее взад-вперед, точно ярмарочный плясун по канату, — тихо, чтобы матрос, не дай Митра, не услышал от боцмана похвалы, пояснил с гордостью Серхио. — В тихую погоду, конечно.

— Вот перед тобой Бриан Майлдаф из Темры. — Конан указал на горца. — Так вот он ходил по канату над пропастью, где поместилась бы сотня таких деревьев, встань они друг на друга, — нетерпеливо заявил Конан. — Меня интересует, что он там видит.

— Деггу, Кром тебя приласкай! — гаркнул король. — Ты видишь что-нибудь на море?

— Да, ваше величество! — отозвался матрос. — Вижу! Очень-очень плохо!

— Что «плохо», дубина?! — занялся воспитанием команды Серхио. — Плохо видно?!

— Нет, очень-очень хорошо видно! На море совсем нехорошо!

— Да что же там?! — Конан, казалось, успокоился. Видимо, он гораздо больше изумился бы, если б ему доложили, что все в полном порядке.

— Много, очень много маленьких лодок! В них полно серых людей! — начал Деггу описание батального полотна. «Серыми людьми», очевидно, были пикты.

— Они прицепились к нашему кораблю крючьями и пошли на abordаж! — взволнованно кричал матрос.

Конан знал, что в разговоре чернокожие сильно жестикулируют. Как при этом, должно быть, балансировал на суку Деггу!

— Они забрались на палубу, и там — драка! А корабль идет на полдень, очень быстро! Серые люди не могут одолеть!

— А дальше?! Что там, в море?!

— О-о! — Деггу то ли простонал, то ли был очень удивлен. — Очень-очень далеко, но Деггу видит! Три корабля! Один узкий и длинный, как на Барахас! Они идут наперерез, очень торопятся! Очень плохо дело!

— Проклятье! Пираты! — сделал вывод Кабан. — Кто их сюда принес?!

— Седек, — кратко ответил Конан. — Деггу, они далеко?!

— Да, пока очень далеко! Если серых людей победить, корабль уйдет от них! «Полночная звезда» — большой корабль, много парусов! Хороший ветер!

— Ясно! — прокричал Конан. — Сиди там и смотри! Если что-то случится, кричи! Понял?!

— Деггу понял! — был ответ.

На мгновение настала тишина. Потом заговорили все разом.

— Полночная звезда...

— Пираты...

— Надо...

— Дети Сета...

— Это Шем...

Голос Конана опять перекрыл все остальные.

— Если мы будем так орать, все оставшиеся на берегу пикты сбегутся сюда!

Уже при первых звуках речи короля все замолкли. Не потому, что король кричал громче Майлдафа или басовитее Кабана, просто все как-то сразу поняли, где они оказались.

— Отобьется «Полночная звезда» или нет, она все равно не придет за нами, — начал Конан. — Нам соваться туда — толку нет. Если они отобьются, то воду найдут. А на лодках парусник не догнать. Если даже Гонзало соизволит вернуться за нами, в чем я сильно сомневаюсь, он не сможет подойти к берегу: пикты не дадут.

— Значит, мы обречены? — спокойно спросил Сотти.

— Разумеется, обречены, — вступил Евсевий. — Обречены выкарабкиваться сами.

— Именно это я имел в виду, любезный. — Сотти без интереса глянул на аквилонца.

— Это и без вас понятно, — высказался бесцеремонный Арриго. — Меня больше интересует, как

это осуществить. Идти до Зингары на вельбере — это, пожалуй, далековато.

— А к чему мы вообще ближе: к Кордаве или к Ванахейму? — задал разумный вопрос принц Конти.

— Это к Евсевию, — тут же определил Майлдаф. — Но солнце здесь...

— Совершенно верно, мой друг. — Евсевий сел на любимого коня. — Солнце здесь на той же высоте что и в Темре в это время дня в мае, а из сего можно заключить, что нас отнесло ураганом очень далеко к северу. Правда, солнце не слишком точный инструмент. Вот если ночью я смогу наблюдать луну и звезды, я скажу вернее.

— Если я увижу хоть одного пикта хоть издали, то я по его боевой раскраске скажу вам, где мы, с точностью до клана, — сообщил Конан. — Идти на вельбере вдоль пиктского берега — это самоубийство, даже если Ванахейм совсем близко. Хотя... — Король замешкался.

— Так что же нам, идти через пушу? — Майлдафу, всерьез занявшемуся торговлей, поневоле пришлось взять у Евсевия несколько уроков географии. Как видно, наставник не зря потратил время. — Идти через пушу в Аквилонию?

— Именно так, — вынес Конан свой вердикт. — Некоторые из нас бывали в пуще. Она не страшнее моря и немногим опаснее Ванахейма. Во всяком случае, здесь мы не замерзнем и не умрем от голода и жажды. Это я вам обещаю.

— Лучше уж сдохнуть от жажды, чем попасть в лапы к пиктам, король, — вмешался Серхио.

Боцман много плавал вместе с Гонзало еще в бытность того пиратом, но был гораздо менее дерзок и более вежлив, насколько вообще может быть вежлив корсар.

— Лучше будет, если мы вообще не сдохнем, — возразил Майлдаф. — У меня дела едва только пошли на лад.

— Король! — Голос Деггу звучал одновременно и радостно и тревожно. — Они отбили серых людей! Почти всех! Серые люди отстают!

— А пираты?! — закричал Конан.

— Они приближаются! Будет новый абордаж!

— Они уже далеко ушли?! — прогудел Арриго.

— Да-да, Деггу едва различает лодки!

— А что делают пикты в лодках?! — продолжал расспросы Конан.

— Они собираются вместе, кто остался, и поворачивают к берегу!

— Значит, ветер достаточно свеж, — поделился своими соображениями Сотти.

— А пикты собираются обратно. — Конан поглядел прямо перед собой, постукивая пальцами по твердой коре гинкго. — Вот что, — сказал он. — Нам нельзя ждать, пока «Полночная звезда» уйдет за горизонт. Это будет еще не скоро.

— Песок в часах успеет дважды пересыпаться, — быстро подсчитал Евсевий.

— Вот именно, — кивнул Конан. — А после боя пикты обязательно наведаются к священной реке.

— Это куда? — Принц Конти вопросительно посмотрел на короля.

— Сюда,— утвердительно кивнул Конан.— А потому... Деггу! Спускайся! И быстро в вельберы, если вы еще хотите увидеть ваших благородных родственников.

Глава пятая

отти, правитель Мерано, второго по величине города в Аргосе, а ныне простой гребец, сидевший на веслах с матросами, оттолкнулся от борта «Полночной звезды». Лодки, развернувшись, быстро стали удаляться в сторону берега. С корабля не казалось, что лодки идут стремительно. Волна оставалась довольно высока, к тому же наступал отлив, и вельберам предстояла нелегкая борьба с океаном. Но на веслах были опытные гребцы, и преодолеть расстояние в несколько лиг им было нипочем.

Тэн И и Хорса остались вдвоем. Не то чтобы кхитаец и гандер чего-то боялись: по поводу уязвимости Тэн И у многих возникали серьезные сомнения, а прошлогоднее покушение на Хорсу обернулись плачевно для нападавших. Один кинжал сломался о кольчугу, а от двух других гандер увернулся. Когда же Хорса вытащил свой кинжал, то зачинщикам пришлось худо, ибо в левой руке у гандера оказался кастет. Один был убит, другому

Хорса сломал челюсть, а третьего схватила подоспевшая на шум стража.

Завистников у Хорсы было немало: кое-кому пришлось не по нутру головкружительно быстрая карьера гандера, кому-то доверенное лицо короля успел здорово насолить, исправно выполняя свои обязанности. Кто напал на гандера в этот раз, выяснить не удалось. Один повесился в темнице на оставленном ему по недосмотру тонком, но очень прочном шелковом шнуре, а второго убили: подсыпали яда в похлебку. Все это, как и многое другое, очень тревожило, и даже не столько самого Хорсу, сколько его жену — прекрасную Этайн. Хорса беспокоился больше о другом: ему надо было находиться при короле, а для Этайн пребывание в столице было небезопасно. В своей восточной марке супруги появлялись крайне редко. С гибелью брата Этайн маркой управлял старый воспитатель Этайн — Максений. Увереннее всего Хорса чувствовал себя, когда Этайн гостила у дядюшки Коннахта во Фрогхамоке. Там, за толстыми и высокими базальтовыми стенами, в тройном кольце стражи горцев с огромными изогнутыми мечами, среди лесистых гор и болот ни один шпион или наемный убийца не остался бы незамеченным. Но Темра была так далеко на севере! Супругам приходилось ездить через пол-Аквилонии туда-сюда каждую луну. Это приводило к кратковременным и быстро забывающимся, но все же размолвкам, что не нравилось им обоим. Но, увы, такова была служба. И на сей раз графиня не испытывала большой радости...

— Дорогой, я боюсь отпускать тебя в море,— говорила Этайн, расчесывая свои роскошные, черные, длинные волосы, стоя перед зеркалом.

— Графиня,— в тон жене отвечал Хорса,— я и сам не в великом веселии от сего похода.— Даже в разговорах с женой древняя гандерская велеречивость не покидала Хорсу.— Даже Майлдафу, никогда не видевшему глади морской, и тому придется сопровождать кенига.

— Ну, уж если Майлдафу,— притворно тяжело вздохнула графиня и кокетливо пожала соблазнительными тонкими плечиками.— И сам кениг...— Она обернулась к мужу, занимавшемуся важным делом: Хорса изучал свитки с последними донесениями и досье на тех, кого включили в состав великого аквилонского посольства. Не выпуская из рук свиток, Хорса поднял голову и встретил печальный взгляд Этайн, хотя она и пыталась улыбаться.

— Я знаю, тебе не нравится, когда у меня глаза на мокром месте,— сказала графиня, садясь вплотворота, облакачиваясь на спинку кресла и склоняя голову на руки. Волосы черной волной заструились вниз по темному резному дереву.— Я знаю, у тебя такая служба, и нас за это все уважают...

Графиня принялась теревить локон.

— Я знаю, у нас славный кениг, и мы ему многим обязаны...

Поняв, что жену надо успокоить, иначе ссоры не избежать, он расстался-таки со злополучным свитком и подошел к ней, присев на корточки перед креслом, так что их лица оказались друг против друга.

— Этайн, ты же сказала не обо всем, что знаешь,— тихо заговорил Хорса.— Ты еще знаешь, что я люблю тебя, и потому самое свирепое море не разлучит нас.

— Хорса, это только заклинания! Сам же кениг рассказывал об Океане такое!..

— Заклинания оставь для Озимандии,— ласково погладив локоть жены, продолжал Хорса.— Я не в первый раз на море, да и сам кениг с нами, а уж он-то не даст ладье кануть в пучину. И месьор Тэн И едет, а уж с ним-то шпионов можно не опасаться...

— Да-да-да,— нараспев произнесла Этайн.— Только Кулана с Озимандией вам и не хватает, потому что красавчик Евсевий едет тоже. Жаль, я не родилась мальчиком. Тогда я тоже была бы там.

— Вот уж вовсе не жаль,— шепнул Хорса, приближая свои губы к губам графини...

* * *

Хорса был в самых приятельских отношениях с Майлдафом, он боготворил Конана, любил побеседовать с Евсевием, но с кхитайцем приходилось держаться подчеркнуто вежливо. Хорса, порой сам того не сознавая, умел находить в каждом те струнки, звучание коих нравилось владельцу. И Хорса нравился тем, кто был ему нужен. Исключение составляли только двое: графиня Этайн, которую Хорса просто любил, и месьор Тэн И. Вечно, как казалось Хорсе, прищуренные хитрые глаза, угодливо-вежливая маска и безупречные ма-

неры — через этакую кхитайскую стену обаяние гандера пробиться не могло.

«Но сейчас об этом следует забыть,— подумал гандер.— В конце концов кениг со своим мечом уже за две лиги отсюда, а скоро будет и еще дальше, и Евсевий со своим луком, пожалуй, промахнется. А за нашими спинами целая команда головорезов и пиратов, потому что самые порядочные из них уплыли с единственным порядочным командиром — боцманом Серхио. А помимо них еще и целая орава чванных и не в меру горячих аргосцев и зингарийцев и совсем мало аквилонцев, а среди них ни единого порядочного воина. Кроме месьора Тэн И, разумеется. Поэтому стоит забыть о недоразумении, по крайней мере пока не вернется кениг. Жаль, что я так мало знаю море. Вот бы Сигурда Ванахеймского сюда!»

— Месьор Хорса,— первым нарушил молчание Тэн И.— Наши дела не слишком трудны, хотя и не приятны. Я полагаю, что очень скоро нас ожидают бурные события.

— Совершенно с вами согласен, месьор Тэн И,— почтительно отвечив Хорса.— Как вы думаете, месьор Тэн И, что это будет: бунт команды или...

— Нет-нет, месьор Хорса,— покачал головой кхитаец.— Я думаю, всему причиной послужит визит Джоакино на мачту.

— И что он там делал? Подавал кому-то сигналы?

— Очень может быть,— закивал кхитаец.— И я имею подозрение, кому.

— А кому здесь можно подавать сигналы, кроме как пиктам? — Хорса картинно развел руками. — Только как пикты могли узнать, что мы окажемся здесь?

— В Стигии еще остались сильные колдуны, — с нескрываемым сожалением проговорил Тэн И. — Вряд ли это был знак к бунту команды. Обычно для этого служит ссора, а ссора уже была.

— А пираты? — Хорса на мгновение усомнился в возможности колдовского вмешательства, поскольку имел обыкновение выявлять все источники опасности.

— Очень может быть, — опять кивнул месьор Тэн И.

— Не прекрасно, — подытожил Хорса. — Только Джоакино опоздал: Конан на берегу.

— На берегу, где живут пикты, — возразил кхитаец. — Но он действительно опоздал — или поспешил, — потому что вы подпоили Седека, а без шемита Джоакино растерялся и влез на мачту скорее всего не вовремя. Не исключаю, что кого-то из матросов подкупили, иначе аргосец не смог бы бесшумно забраться так высоко. Кстати, сколько еще проспит Седек?

— Полдня, не меньше, я думаю, — усмехнулся Хорса. — Майлдаф тогда отдыхал сутки, старый шемит вряд ли крепче телом.

Тэн И в ответ улыбнулся.

— Да, тогда я едва увернулся от его кулака.

Тем временем, казалось, что на корабле никто более не был озабочен судьбой вылазки. Придворные острословы, среди коих, видимо, не осталось

больше доблестных рыцарей, обступили немногих дам, обмахивающихся веерами и отчаянно жеманничающих. Кавалеры звякали ламирами и мечами, а также золотыми цепочками, регалиями и прочей придворной сбруей.

Купечество собралось на корме. Негоциантов было немного, но их важные густые голоса разносились далеко. Каждый из них с превеликою охотою вспорол брюхо бы собеседнику и выкинул внутренности за борт акулам, но эти люди, в отличие от месьоров, редко брались за оружие сами. Они действовали чужими руками, ибо понятия у них отличались от дворянских. Они понимали слова «честь гильдии» и ради них готовы были пожертвовать самым дорогим — золотом, поскольку такие жертвы окупались сторицей. Неурядицы случались, только когда кто-нибудь чересчур грубо нарушал негласные правила купеческой этики или соглашения как внутри гильдии, так и между гильдиями. Но согласия между зингарийцами, аквилонцами, аргосцами не было и тени, чем пользовались стигийцы и шемиты. Как ни пыжились месьоры аргосских портов, как ни кичились древностью своих родов и традиций зингарийцы, но шемиты против них держались вместе, и господствовали если не на море, то уж точно на караванных путях. В Хайбории этим все возмущались, но никто ничего не делал. Теперь же Конан разворошил и этот муравейник.

Зингарийцы были очень напыщенны. Надменные и наряженные, они надменно взирали на весь мир. Но аргосцы все равно были одеты богаче, в

отличие от усатых и чернобородых зингарийцев они тщательнейшим образом брились, да и вообще были как-то тоньше, пронырливее, изворотливее. Что их сближало, так это лицемерие с одинаково любезным выражением лица.

Аквилонцы держались проще, но увереннее, свободнее. Покуда они еще не осознали, что короля на судне нет. Но не почувствовали этого пока и некоронованные морские короли: Конана они боялись всерьез. Разговор велся крайне осторожно и церемонно, но, кажется, денежные мешки уже о чем-то столковались.

Матросы же и вовсе ухом не вели. Отправиться за пресной водой — экая невидаль! Король? Так это ж Конан Киммериец, приятель Сигурда Ванаксеймского! Кто же его не знает? Гвидо на время выдворили в трюм и, видимо, успокоили, а Гонзало в отсутствие боцмана лично возглавил приборку палубы, так что Хорса и Тэн И остались без присмотра.

— А куда подевался Джоакино, хотел бы я знать? — молвил Хорса.

— Я думаю, он спустился вниз, к хозяину, — ответил кхитаец.

— Месьор Тэн И, вы не находите, что погода несказанно хороша и публика наслаждается свежим воздухом и видами?

— Ну, если месьору Хорсе удалось заглянуть в сундук месьора Седека при гораздо более стесненных обстоятельствах, то я не вижу препятствий для повторения того же. — Не меняя благожелательного выражения лица, проговорил Тэн И.

Только на сей раз мы посмотрим, что внутри у месьора Джоакино.

— Пожалуй, это будет интересно. — Хорса наконец отошел от борта. Но тут внутри у него похолодело: Тэн И был отнюдь не так добр, как казалось, и фраза про «посмотреть внутри у месьора Джоакино» прозвучала вдруг весьма конкретно и зловеще.

— За нами никто не смотрит, — прикинул Хорса, незаметно оглядевшись. — И, по-моему, не собирается смотреть.

— Мы пройдем через всю палубу спокойно, будто беседуем о чем-нибудь скабрезном, как и положено королевским лакеям, — придумал Тэн И, — и, походя, спустимся в трюм.

— Это не будет слишком неосмотрительным, — согласился Хорса. — Пусть они думают, что мы такие же тупоумные громилы, как стражники у Норонья.

— Да-да, — кивнул Тэн И. — Только не стоит недооценивать их, месьор Хорса. Сейчас мы разыгрываем одну из комбинаций, называемую атакой Гао Люня. Этот великий игрок изобрел ее тысяча двести лет назад.

— В чем же ее особенность? — осведомился Хорса.

Гандер не любил азартных игр, но все полезное для жизни, что можно выудить из игры, его привлекало.

— Ведется нападение на фигуру противника, которая видится ключевой, но делается это так, чтобы всегда оставался путь к отступлению.

— Это не ново,— пожал плечами Хорса.

Так, беседуя, они двинулись в сторону мачты.

— В жизни нет ничего нового,— подтвердил Тэн И.— Только вовсе не каждый может заключить простую истину в пригодную для использования форму. Великому Гао Люню это удалось.

Матросы чинили рангоут и заменяли поврежденный такелаж, мыли палубу, драили немногие медные части, так чтобы те ярче сияли на вставшем над океаном солнце. Для дам на корму специально вынесли плетеные кресла и натянули полотняный тент, чтобы загар не испортил их нежную кожу. Силевия была там же, как всегда окруженная толпой кавалеров по причине живости характера и болтливости. И что самое интересное, разговор опять вертелся вокруг парусов и кораблей. Несмотря на то что все морские слова, по мнению графини, были дурацкими и знать их даме высшего света не подобало, она тем не менее выучила, что такое «выбленка», «шкот» и «бушприт», и теперь восхищала кордавских инфантов, распускавших перья друг перед другом почище своих родителей.

— Увы, эти способные юноши весьма ошибаются, проходя мимо истинного бриллианта и пленяясь подделкой,— лирично заметил Тэн И, намекая на одиноко стоящую у борта Ариту.

— Что же вы не подадите пример, благочестивый месьор Тэн И? — шутливо поинтересовался Хорса.

— Нет-нет,— отвечал кхитаец вполне серьезно.— Это было бы ей только во вред. Все стали

бы тыкать в ее сторону пальцами и зубоскалить, что, дескать, нашел этот желтый демон в этой деревенской дурнушке?

— Я бы сказал, что госпожа Арита отнюдь не безобразна,— не согласился Хорса.

— Да-да,— вздохнул Тэн И.— Только вы попробуйте объяснить сие молодым людям из Кордавы. Для них она тоже отнюдь не безобразна, но лишь как игрушка для развлечения.

— Ну тогда, может быть, попросить Евсевия? — внезапно проникся участием в судьбе дочки зингарийского купца Хорса.

— Нет-нет,— отверг и эту мысль кхитаец.— Ни Евсевий, ни вы, месьор Хорса, ни даже сам государь Конан, ни тем более месьор Майлдаф...

— Да уж конечно не он! — усмехнулся, перебивая собеседника, Хорса.

— Да-да,— продолжил Тэн И.— Все мы для них чудачки. Это и помогло нам сойтись вместе.

— Разве только это? — не принял подобного объяснения гандер.

— Нет, разумеется,— как-то даже с грустинкой молвил кхитаец.— Если касаться того, что мы делаем по велению разума,— уточнил он.— Но если подумать над тем, что мы делаем неосознанно, то именно это. Мы все чужие в этой Хайбории. Даже вы, месьор Хорса. Сравните себя с Хальком или с Полагмаром. Вам ведь скорее в родственники сгодился ваш великий вождь Виттигис или даже Сигурд Ванахеймский. И Евсевий свой лишь в Палатах Мудрости или в храме Митры. Не стоит отчаиваться,— поспешил

ободрить гандера Тэн И.— Хорса справится с судьбой, как всегда, без нас.

— Это верно, месьор Тэн И,— подтвердил Хорса.— Я не совсем гандер. В моем роду были норд-хеймцы. Кстати, мы у цели.

Действительно, они незаметно приблизились к люку, ведущему в трюм.

— Ну вот, у нас и получился скабрезный разговор,— улыбнулся кхитаец и первым стал спускаться вниз.

Хорса, осмотревшись на всякий случай, последовал за ним.

— Мнится, за нами никто не подглядывал,— объявил гандер, когда они оказались в полутьме трюма.

— Кроме жреца-митраиста, что стоял у светового люка,— пояснил Тэн И.— Но я не думаю, чтобы он подглядывал. Он просто нас заметил.

— А все митраистские жрецы столь честны, как говорят об этом они сами? — поинтересовался Хорса.

— На все воля Митры,— заметил Тэн И.

— Обитель Седека — вон там,— указал Хорса на уходящие в сторону кормы ряды пилерсов.

— Неплохо он устроился,— согласился Тэн И.

Господским местом на судне исстари считалась корма, а команде отводилось место на носу. Седек как-то сумел устроить себе место у самой кормы, причем сделал это еще в самом начале путешествия, не поставив шатра на палубном помосте, будто бы ведал, что случится с морем через несколько часов после отплытия.

— Пусто,— оценил положение Тэн И.— Вот те узорчатые занавески?

— Именно,— подтвердил Хорса, озираясь.

Кхитаец и гандер не пошли сразу напролом, но тихо крались, стараясь схорониться за опорами, которые были в меру мощны, но не превосходили шириной бедра взрослого мужчины. Неторопливо, но и без нелепой нарочитой медлительности и развязности, прошли по скрипучим доскам внутренней палубы, пару раз оглянувшись на солнечные лучи, в желтых столбах которых кружились неисчислимые пылинки.

— Занавеска колыхнулась,— шепнул Хорса.— Там кто-то есть, кроме самого Седека.

— Это может быть слуга, старик-шемит,— сказал Тэн И.— Впрочем, сие уже не важно.

Они миновали еще несколько скрытых от посторонних неосторожных взглядов полотняной тканью отделений и, соблюдая тишину, подобрались к шерстяным занавесям, за которыми находились покои главы всемогущей купеческой гильдии Асгалуна.

Про себя Хорса усмехнулся: шерсть эта была ему знакома: ворсистая, плотная и теплая, темно-красная в черную крупную клетку — это была шерсть из Темры, от Майлдафа. За занавесками кто-то чем-то шуршал, похоже пергаментами.

«Пергаменты Седек хранил в шкатулке, а склянка с порошком была там же,— подумал Хорса.— Значит, Джоакино понадобилось зелье».

Хорса тронул кхитайца за рукав. Тэн И безмолвно кивнул. Он жестом показал Хорсе, чтобы

тот распахнул шерстяной полог, дабы кхитаец мог действовать без помех. Проверив наличие кинжала на законном месте — в рукаве, — Хорса одним движением отдернул в сторону и вверх отрез материи, служивший дверью.

Словно желтая молния Тэн И устремился вперед. Хорса сам умел вести рукопашный бой, но он вовсе не был уверен, что бесшумно справится с сильным молодым мужчиной на столь тесном пространстве за несколько мгновений. А Тэн И умел.

Аргосец стоял ко входу спиной, увлеченный поисками вожаденного дурмана. Он даже не успел обернуться, как кхитаец ударил его. Куда — этого Хорса заметить не успел. Джоакино рухнул как подкошенный. Хорсе только оставалось помочь Тэн И подхватить падающее тело.

В закутке стояла кровать, на которой похрапывал Седек, заботливо прикрытый теплым одеялом. Шемит был стар и тощ, и кровь уже не грела его. Даже в полдень ему приходилось пользоваться теплой одеждой. Хуже было то, что на полу с кинжалом в горле в луже густой темной крови лежал в нелепой позе старик-слуга. Маленький круглый столик на резных ножках, инкрустированный слоновой костью, был опрокинут, фарфоровый кувшинчик и изящные глиняные чашки упали на пол и не разбились лишь благодаря толстому ковру. Любимое козье молоко Седека растеклось по ворсу, смешавшись с кровью.

— Кинжал — Джоакино, — невозмутимо заметил Тэн И, когда вместе с Хорсой они водворили аргосца на ложе убитого слуги.

— Похоже. — Хорса оглядел внушительный нож с узким заостряющимся треугольником лезвием, как любили делать аргосцы. На поясе у Джоакино отыскились ножны, на взгляд — а взгляд у Тэн И и Хорсы был наметанный — вполне подходящие именно для этого кинжала.

— Все ясно. Этот юноша выполнил указание месьора и пришел за платой. А месьор спал. Слуга пытался помешать, и молодой месьор убил его.

— Это понятно, — охотно согласился Хорса. — А когда он проснется?

— Кто? — спросил кхитаец, что было вполне резонно, глядя на три распростертых тела.

— Джоакино, — слегка призадумавшись, решил Хорса.

— Сейчас, только надо его чем-то связать. Я, увы, оставил все необходимое в другой одежде, — посетовал кхитаец. — Все эти приемы, бесконечные переодевания...

— И у меня найдется не много полезного, — слегка растерялся Хорса. — Хотя вот! — Он схватил со спинки кровати Седека длинный шерстяной отрез, каким старый шемит обматывал горло в туманную и промозглую погоду.

— А сей материал сдержит усилия этого не самого слабого мужа? — Тэн И с сомнением поглядел на шарф и рельефные бицепсы и сильные кисти Джоакино.

— Несомненно, — отвечал Хорса. — Это же шерсть из Темры. Однажды я набросил этот шарф на шею лошади, которая готова была понести...

— Этот? — изумился кхитаец.

— Тот, что подарила мне графиня,— уточнил Хорса.— И шарф не порвался, даже ни одна петля не растянулась.

— И месьор Хорса остановил лошадь? — с сомнением в голосе спросил Тэн И.

— Да, но это было не слишком просто,— несколько смущенно, но честно признался Хорса.

— А кто-нибудь был в седле? — осенило вдруг ворчливого кхитайца.

— Графиня Этайн,— ничего не подозревая, отвечал гандер.

— Тогда понятно,— вздохнул кхитаец.— Давай шарф.

— Если он станет сопротивляться, а шарф не выдержит, мне придется сделать то же, что и тебе с той лошадью, но у меня уже не будет шарфа,— предупредил Тэн И, когда кисти Джоакино были крепко связаны.

Он сделал руками какой-то пасс, неуловимым движением коснувшись лица аргосца. Тот мгновенно поднял голову.

Лицо у него было грубоватое, подбородок тяжелый, черты резкие, он больше походил на крестьянина или рыбака, нежели на месьора. Должно быть, его род происходил из коренных аргосцев. Нос у Джоакино был крупный, с заметной горбинкой. Но лоб у связанного был высокий и чистый, а глубоко посаженные под идеально правильными надбровными дугами глаза сияли притягательным сапфировым светом.

Быстро оглядев уголок, Джоакино рванулся вперед. Кинжал Хорсы мгновенно возник близ его

горла, и не сильно, но настойчиво уперся острием прямоком в кадык, а Тэн И слабо, но чувствительно стукнул аргосца по коленной чашечке. Джоакино застонал и откинулся обратно.

— Что вам нужно? — прошептал он иссохшими полными губами. Как и все аргосцы, он брился, но безалаберный образ жизни отразился на внешнем виде молодого человека: воротник был засален, костюм кое-где продран, а лицо украшала щетина. Вид, прямо сказать, был не слишком дворянский. Единственное, что могло извинить Джоакино,— это пятидневная буря. Тэн И помнилось, что аргосец пару раз появлялся на палубе, когда становилось особенно тяжело и требовалось присутствие возможно большего количества людей. Видимо, его посылал Седек, заботясь таким образом о своей личной безопасности.

И Хорса, и Тэн И умели сносно говорить по-аргосски.

— Ты искал белый порошок, а нашел соль. Так? — спросил Хорса.

Джоакино взглянул на него свирепо и ничего не ответил. Хорса вместо слов слегка надавил на рукоять кинжала. На горле у аргосца появился красный рубец. Он нервно слотнул.

— Да,— процедил Джоакино.

— Так вот,— продолжал Хорса.— Порошок у меня.— Он вынул из мешочка на поясе склянку, изъятую у Седека.— Ты получишь столько, что тебе хватит на полгода. Если не слишком усердствовать, конечно,— неприязненно усмехнулся гандер.

— Что я должен делать? — без объяснений понял Джоакино. — Только не убить Седека! Тогда я не проживу и эти полгода!

— Нет, этого не нужно, — заверил аргосца Хорса. — Сейчас ты скажешь нам, кому подавал знак из вороньего гнезда. Врать не советую: не получишь ничего, и твою безопасность в дальнейшем я не гарантирую.

— Седек приказал мне подняться на мачту и махать белым шарфом сколь возможно долго.

— Когда он это приказал?

— Утром, перед тем как впал в забытие.

— Он сказал, кому надо давать сигнал? Если ты скажешь это нам, Седек ничего не узнает, потому что мы за ним следим. А тебя он в любое мгновение сотрет в такой же порошок, если что. И никто не захочет тебя нюхать, — ухмыльнулся гандер. — Мы предлагаем тебе сделку. Это ты понимаешь?

— Да, — прошептал Джоакино. — Только поскорее. Я больше не могу.

— Понимаю, — кивнул Хорса. — Кому ты должен был дать сигнал?

— Точно не знаю. Седек сказал: «Наши подойдут с суши и с моря, если на юге что-нибудь не спутали».

— Это все?

— Все. Седек никогда не говорит мне про свои дела.

— Весьма вероятно, — опять усмехнулся Хорса. — Ладно. Где ты хранишь свою дрянь? — Хорса держал кинжал жестко, отводя его от горла и приближая снова в такт волне.

— На поясе. В кармане.

— Понял, — отвечал Хорса.

Тэн И распустил шнурок и извлек из кармана дорогую безделушку — алмазную шкатулку, отделанную материалом, ценившимся в Хайбории дороже золота, — платиной.

— Вот это игрушка! — довольно равнодушно оценил вещь Хорса. — Но то, что я сейчас туда пересыплю, стоит намного больше.

Тэн И понимал гандера без слов. Он раскрыл шкатулку, а Хорса, не отрывая взгляда от Джоакино, не глядя отсыпал туда ровно половину из запасов Седека. Джоакино следил за ним неотрывно. Глаза его разгорались все сильнее с каждой новой крупницей порошка. Когда дело было закончено, Хорса, крепко зажав алмазную коробочку в кулаке, поднес его к самому лицу Джоакино.

— Это — твое, — жестко сказал гандер. — Но ты будешь сообщать мне или вот этому месьору о каждом шаге своего хозяина.

— Да. — Джоакино, казалось, был ослеплен этой склянкой как ярким солнечным лучом.

— Прекрасно, — сказал Хорса. — А теперь...

С верхней палубы раздалось:

— Пикты!

За тем последовал пронзительный женский визг и стук морских башмаков по доскам палубы.

— Месьор Тэн И, — нимало, казалось, не смутился сим обстоятельством Хорса. — Если там действительно пикты, то где должны быть мы?

— Рядом с государем, несомненно, — невозможно отвечал кхитаец. — Но сие невозможно, к пре-

великому сожалению,— продолжил он,— ибо преодолеть пять лиг вплавь наперерез пиктским каноз мы, увы, не в силах.

— А как вы думаете, месьор Тэн И,— продолжил Хорса,— сумеет ли команда отбиться от пиктов?

— Судя по крикам, думаю, не сможет, месьор Хорса,— до омерзения вежливо, в тон гандеру, ответил кхитаец.

— Значит, нас возьмут в плен, месьор Тэн И, ибо убить нас не просто,— заключил Хорса.

— Полагаю, вы правы,— поддержал его Тэн И.

В течение сего туманного, непонятно к чему затеянного обмена любезностями весь покрывшийся холодным потом месьор Джоакино вожделенно взирал на склянку с белым зельем, переводя полубезумный взгляд с Хорсы на Тэн И и обратно. Эти аквилонцы казались ему двумя ненормальными, но один, белокрысы гандер, неприятно нажимал на кадык острейшим кинжалом. А второй — узкоглазая желтая обезьяна, новая игрушка звероподобного короля-варвара, мог одним тычком мизинца отправить самого здорового гладиатора из Черных Королевств на Серые Равнины.

— У меня напрашивается немного выводов,— нахмурясь, продолжал рассуждения Хорса.

— Очень-очень неприятно,— подхватил кхитаец,— но я нахожу один-единственный выход. Есть и сомнение, и оно также одно: что, если пикты не успеют догнать «Полночную звезду»? — Тэн И вопросительно посмотрел на гандера.— Месьор

Гонзало пусть и слишком дерзок, но лучшего морехода я не встречал. Чувствуете, месьор Хорса? Корабль уже делает разворот.

— Вы, несомненно, говорите верно,— церемонно отвечивал Хорса.— Но если мы будем пленены, то Седек займется нами всенепременно, а посему нам следует немного повременить.

— Хотя положение наше не слишком удобно,— кхитаец имел в виду доверенное лицо короля, так и стоявшего с кинжалом в опасной близости от горла пойманного Джоакино,— а также щекотливо, если нас по какой-нибудь случайности застанут здесь. И времени у нас не столь уж много. Пикты...

Договорить Тэн И не дали. Мощный, резкий, низкий крик, издаваемый дружным хором сотен мужских голосов, ударил в уши: «Клукхту! Клукхту!» — звучало через удивительно равные промежутки времени. От этой невиданной четкости, слитности и заключенной в этих непонятных словах ярости и злобы звук становился непохожим на голос человека, будто некий демонический музыкальный инструмент гремел над морем. Лицо Хорсы, и без того бледное, не тронутое даже щедрым зингарийским солнцем, вмиг сделалось пепельно-серым. Это стало заметно даже в полусумраке трюма.

— Что-то случилось, месьор Хорса? — обеспокоился Тэн И.

Рука у гандера не дрогнула, но голос выдал его состояние. Хорса мало чего боялся, если боялся чего-то вообще, но с некоторых пор — надо

ли говорить, что это была встреча с графиней Этайн — он, допреж чем решиться на что-то рискованное, задумывался сначала: а что станет с ней?

— Это кричат пикты,— проговорил Хорса.— Кулан рассказывал мне немного о своих соплеменниках. Сей клич означает, что клан объявил кому-то войну. Войну-мечь, до полного истребления. Они утонут в океане, но все равно будут преследовать нас, до последнего каноя.

— Это совсем скверно,— согласился Тэн И.— Выбора у нас нет,— холодно добавил кхитаец, подходя к лежащему аргосцу и разминая пальцы правой руки.

Только сейчас до Джоакино дошло, какая его ожидает участь. Эти двое хотят его убить и желают осуществить это немедленно! Сейчас желтолицый ткнет его своим пальцем, которым будто гвоздем пробивает толстую доску — достаточно будет одного раза — и все! Разум Джоакино осознавал всю безысходность положения: спастись он не мог, но тело не желало смириться с неизбежностью гибели. Аргосец, не дожидаясь, пока кхитаец делает это свое легкое и мгновенное, как бросок змеи, убийственное движение, рванулся вперед и вверх. Вышло это так резко и неожиданно, как может быть лишь у человека, жившего белым порошком. Убрать кинжал Хорса не успел...

Джоакино захрипел, дернулся и затих. Кинжал пробил кадык и вошел на добрых четыре дюйма. Из рта аргосца потекла черная кровь, запузырилась пена. Кровяная струйка, сбежав по подбо-

родку и горлу, запятнала шерстяные одеяла на постели слуги.

Хорса вытащил кинжал, брезгливо и досадливо посмотрел на окровавленное лезвие, а потом стер его о тунику убитого.

— Да видят Митра и Виттигис,— сказал гандер.— Я не хотел этого.

— Митра рассудит,— спокойно кивнул на это Тэн И.

Гандеры — далеко не все, но многие — почитали своего легендарного вождя из далекого прошлого — Виттигиса — если не как бога, то как всевидящего свидетеля клять.

— Долго ли еще спать Седеку? — в который раз услышал Хорса один и тот же вопрос.

— Не знаю, месьор Тэн И,— хладнокровно ответил гандер.— Действие этого порошка при приеме его с молоком мне доподлинно неизвестно. Обычно его нюхают.

— В таком случае не привязать ли нам его покрепче? — Тэн И потянулся к шарфу, который уже было оставили Джоакино.

— Думаю, это не столь необходимо,— остановил его Хорса.— Куда он сможет уйти?

В это время заскрипел трап. Кто-то спускался в зрjum.

— Некто идет в одиночку,— прислушался кхитаец.— Это довольно пожилой месьор.

— Либо раненый,— добавил Хорса.

С палубы доносились команды капитана и комитов вперемешку с криками чаек и воплем пиктов. Человек постоял недолго, потом двинулся

медленно, поскрипывая досками настила, в сторону кормы.

— На раненого не похоже, месьор Хорса,— покачал головой Тэн И.

Хорса согласно кивнул и постарался вспомнить, кто же из присутствующих на корабле может быть пожилым человеком с медленной, чинной, слегка шаркающей поступью.

Среди придворных были люди в возрасте, но Хорсе вспомнился — почти сразу — седой жрец-митраист, благообразный старец с глубокими серыми глазами под лохматыми бровями, худыми, но не обвисшими щеками и длинными мягкими седыми прядями, слегка поредевшими над выпуклым большим лбом. Длинная белая борода дотягивалась, как и положено, едва не до пояса. Облеченный в белую хламиду с вышивкой по подолу, обшлагам и вороту, подпоясанный вязаным шерстяным поясом, жрец быстро, но цепко глянул на него и Тэн И, когда они, переговариваясь для вида, спускались в люк. Разумеется, посох был при жреце.

Вот и сейчас Хорсе подумалось, что именно этот чинный старик задумал проверить, что это те двое так долго делают под палубой, когда наверху трубят сбор к битве.

Гандер хотел было поделиться своими соображениями с кхитайцем, но понял, что поздно: шаги звучали уже слишком близко. Шерстяные пологи были непрозрачны и надежно закрывали двоих притаившихся за ними людей, храпящего шемитского негоцианта, и два трупа. Шаги оста-

новились как раз против укрытия Седека. Кто-то явно прислушивался к храпу. Затем раздалось вежливое покашливание, после чего человек решительно шагнул к пологу и отдернул его.

Первое, что бросилось в глаза Хорсе, это огромный эфес ламиры и несоразмерно широкие плечи дорогого плаща. Больше ничего заметить он не успел. Мелькнули тощие ноги, брякнула об пол ламира, и маленький нос Норожня устался в потолок трюма.

Первый советник возлежал рядом с Седеком, вытянув руки по швам и с ламирой на боку. Носы старомодных башмаков и маленькая борода графа победоносно задрались кверху. Рядом скромно стоял Тэн И.

— Я не повредил ему ни одного члена, месьор Хорса,— успокоительно заявил кхитаец.

Картина была исполнена глубокого символического смысла: первый советник Кордавы покоился на ложе бок о бок с некоронованным королем Асгалуна, и оба были выведены из строя слугами аквилонского монарха. Впрочем, в строю от них толку было бы немного, а от Норожня гораздо больше вреда. Ныне сей пособник врага в собственном стане был обезврежен, и шансы экипажа «Полночной звезды» в борьбе с эскадрой пиктских каноэ незамедлительно резко возросли. Тем не менее задача оставалась трудной.

— Думаю, не будет бесполезным, если эти месьоры проведут немного времени вместе.— Хорса волновался, и гандерская велеречивость одолевала в нем всякую иную манеру вести беседу.

— Да-да, месьор Хорса. Я полагаю, нам стоит немного поспешить. Вряд ли месьор Норонья вспомнит, как ему случилось оказаться здесь.

— А если и вспомнит, ему немного удастся доказать,— заключил Хорса.

Кхитаец воспользовался-таки шарфом и его длиной, связав им руки и Седеку, и зингарийцу, да так, что они никак не смогли бы помочь друг другу развязаться.

— Да, это очень хорошо, что мы две осени назад встретили Бриана,— подытожил Тэн И, когда они покидали разгромленную и залитую кровью и молоком обитель асгалунца, навлекшего на «Полночную звезду», как не без основания полагали Хорса с Тэн И, столько бед.

Глава шестая

Впуск с дерева оказался гораздо короче подъема. Деггу стоял перед королем с сияющим, если можно так сказать о чернокожем, лицом — был доволен тем, что исправно выполнил такое важное поручение, и лишь слегка, больше напоказ, отдувался.

— Ты хорошо потрудился, Деггу. Это очень похвально,— сдержанно сказал Конан, сознавая, что черного матроса следует поощрить — тогда он будет выполнять все указания с рвением преданного пса лишь за доброе слово.

Король обвел взглядом весь свой отряд. Евсвий, Майлдаф — на них можно рассчитывать как на самого себя. Арриго, Сотти, Серхио — эти будут вздорить из-за любого пустяка, но и не сломаются, хотя, если найдут это необходимым, продадут с потрохами. Матросы — от них можно ожидать всего, кроме, пожалуй, Деггу. Родригесы и Конти — постоянная головная боль: доставить бы их домой в целости, иначе возможны политичес-

кие осложнения. Полагмар? Сгодится рубить дрова для костра. Впрочем, если он охотник, это тоже неплохо.

— Здесь нам делать нечего,— повторил Конан.— Впрочем, если кто-то желает остаться и дожидаться Гонзало, я не буду настаивать. Полгода, год — за вами непременно явятся. Остальные, кто пойдет со мной! Я обращаюсь к вам.

Конан выдержал паузу. В ответ не нашлось ни единого голоса.

Король довольно ухмыльнулся, глянув на Сотти, хранившего маску отстраненности, и Арриго, имеющего вид человека, добровольно прикусившего себе язык.

— У нас один путь,— продолжил Конан уже гораздо тише и более делово.— Морем вдоль побережья идти нельзя. Здесь по наши головы собралась целая орава кланов, только добыча ускользнула. И, возможно, досталась другим,— мрачно предположил монарх.— Так что возвращаться они будут теми же курсами, что и мы, куда бы мы ни двинулись: в Зингару или в Ванахейм. Идти по лесам — еще большая глупость: нас подстерегут дозоры не в первой, так в следующей деревне. Остается одно: подняться вверх по этой речушке, пока можно, потом перевалить плоскогорья, а уж там рукой подать до Черной реки.

— Сколько это займет, Конан? — не выдержал так Арриго.

— Полагаю, Норонья будет числить тебя еще живым, а не без вести пропавшим,— высказал свое мнение Конан.— Одну луну,— пояснил он для всех.

— На базарной площади Мерано раз десять успеют спалить мое чучело,— по обыкновению жизнерадостно высказался Сотти.— А как ты полагаешь, Конан, далеко ли можно уйти по этому ручью?

— Реки в пуще могут течь вот так лиг сто и забираться очень высоко,— ответил киммериец.

— Следует заметить,— вмешался Евсевий,— что эта река священная. Посему должна быть чем-либо замечательной, помимо дивной чистоты воды. Либо своей длиной, либо...

— Либо краткостью,— быстро прервал пустившегося в пустопорожние рассуждения ученого Бриан Майлдаф.— Вы все рядитесь тут сколько вам заблагорассудится, а я отправляюсь вместе с королем Конаном,— заявил горец тоном, не терпящим возражений.— Ваше Мерано никуда не пропадет, а у меня три сотни овец в Темре, и сторож — старый пьяница Моддермотт. Прикажете мне тут слушать про вашу базарную площадь?

Похоже, выдавший виды Сотти давно не слышал такой замечательной отповеди. На лице человека, во многом уставшего от жизни, появилось подобие оживления.

— А он знает, о чем говорит,— поддержал Майлдафа аргосец.— И мечом своим он не одну голову снес.— Сотти, прищурясь левым глазом, выстрелил в горца хитрым взглядом.— Король Конан.— Месьор Мерано чинно и с достоинством склонил голову.— Обязуюсь выполнять твои приказания в течение всего нашего пути до западной границы Аквилонии, как если бы я был рядовым поддан-

ным Тарантии.— Он преклонил левое колено.— Прими мой меч, если ты признаешь эту присягу.

— Принимаю твой меч, Сотти, месьор Мерано.

Конан понимал, что умный аргосец и тут не упускает случая обнаружить какую-либо слабость в позиции тарантийского монарха. Но Конан учил правила этикета и знал, что не ошибется ни словом, ни жестом.

Одно было досадно: время уходило на пустяки. Не очень верилось в то, что Сотти останется верен присяге. А ведь теперь придется выслушать то же самое от Арриго, иначе Зингара окажется обиженной.

«Великий Кром! — подумал король.— Какая же грязь эта политика! И сколько отнимает времени!»

— И возвращаю сей клинок тебе, дабы с честью исполнил ты сию присягу. Я же заверяю верного рыцаря своего в том, что отныне и до означенного срока буду исполнять все, предписанное сюзерену законами Аквилонского королевства и рыцарской и дворянской честью.

Сотти поцеловал руку сюзерена и изящно принял клинок. Церемония состоялась.

Как и следовало ожидать, то же самое пришлось повторить с Арриго.

Когда заслуженный полководец поднялся с колен и отступил на два шага, принц Конти раскрыл было рот, чтобы обряд произвели и с его участием, и отказать принцу крови было бы совершенно невозможно, но тут бесцеремонность Майлдафа и его своеобразное обаяние в который раз сослужили добрую услугу.

— Рыцарь не тот, кто треплет о верности языком, а тот, кто вовремя делает то, что положено рыцарю,— вспыхнул горец, положив десницу на черен своего внушительного клинка.— Ни я, ни месьор Тэн И не совершали никаких церемоний, тем более в пиктском лесу, а король на нас покуда не жалуется. Раз уж месьора Тэн И здесь нет, и я остался единственным телохранителем монарха, то скажу, что сейчас же король и я садимся в лодку и отплываем. Если вам нравится заниматься подобной чепухой — занимайтесь!

Горец, завершив речь, стоял в ожидании.

Спас ситуацию, разумеется, Евсевий.

— Ваше высочество,— обратился он к принцу,— на вашем месте — говорю это вам как месьор месьору, зане вижу в вас достойного и благородного рыцаря,— я не стал бы давать столь скоропалительную присягу, будучи молодым. То же самое я скажу и вам, месьоры,— обратился он к Родригесам.

Подхватив Конти под руку, Евсевий повел его к лодкам, продолжая вести изысканную речь:

— Ведь всем нам известно, сколь велики превратности бытия. И не будет ли разумнее, не испытываю еще многого в жизни, судить о том, сможете ли вы принять на себя столь трудную обязанность, как выполнение присяги, сиречь клятвы? Подумайте, в сколь великий грех впадете вы, когда почему-либо будете принуждены нарушить условия договора? Подумайте о наследии мессантийской короны: клятва присяги сюзерену подразумевает умереть за означенное лицо, поелику воз-

никнет необходимость. В любом ином случае вы имели бы право поступать так, как велит вам в сей момент ваше горячее и благородное сердце. Но подумайте о своем почтенном родителе и, наконец, если вас не убеждает и это, о своем народе! Лепо ли приносить присягу кому бы то ни было прежде, нежели своему народу и государству?..

Беседуя подобным образом, хитроумный тарантиец настолько смутил и запутал молодых людей, что те и не заметили, как уже были усажены в лодки.

Тем временем Конан наконец-то улучил момент, чтобы перекинуться словом с боцманом Серхио.

— Серхио,— обратился он к моряку.— По закону, сейчас ты не подчиняешься никому, кроме себя, раз уж мы в морском путешествии — а мы уже не подчиняемся тебе, раз уж мы на суше. Поэтому ты волен плыть или не плыть куда твоей душе угодно. Но моей душе такое совсем не угодно, и я советую тебе присоединиться к нам. Идет?

— Я еще не совсем выжил из ума,— усмехнулся Серхио.— Конан, ты хочешь и от меня получить присягу? Ее не будет. Но я даю тебе свое слово. Этого тебе хватит?

— Пока хватит,— спокойно ответил Конан.— Ты можешь поручиться за своих людей?

— Только за Деггу.

— Я так и думал,— удовлетворенно изрек король.— Идем к вельберам.

Полноватому Серхио пришлось идти раза в полтора быстрее против обычного, чтобы поспеть за киммерийцем.

— Мы отправляемся,— объявил Серхио матросам, коих, помимо Деггу, было еще семеро: три зингарийца, три аргосца и кушит.— Вельберы идут вверх по ручью. Команды короля Конана должны выполняться вами без промедления, как и мои. Поняли, олухи?

— Да, боцман! — сверкнув ослепительно белыми зубами, сказал Деггу.

— Во имя Митры,— присоединился к нему кушит.

«Ага, митраист,— подумал Конан.— Этот не обманет».

Хайборийцы нестройно выразили свое восприятие указаний Серхио: заметно было, что такое двойное подчинение им не слишком нужно.

Размещение в лодках не потребовало много времени. Опорожнив и вытащив на берег ненужные теперь бочки, матросы поспешно разбили их топорами и зарыли доски и щепу в десяти локтях от места высадки: оставлять следы становилось слишком рискованно.

Вельберы — длинные и узкие прочные лодки, предназначенные для борьбы с нешуточными океанскими валами,— против не слишком упругой струи лесной речки двигались легко, подгоняемые каждый взмахом восьми пар весел.

Вскоре устье и океан скрылись за поворотом. Тайнственная и враждебная пуща обступила их со всех сторон.

Только Конан и Арриго бывали прежде в этих лесах, а потому относились к ним с необходимым почтением, но без страха, присущего неопытности. Перечислить места, где Евсейий еще не побывал, было проще, чем назвать все посещенные им местности. Тарантиец внимательно разглядывал берег, камни, почву, растения — наблюдал. Возможно, именно сейчас Конан был свидетелем рождения очередного труда Хранителя Архива Путевых Карт Аквилонии.

«Что ж, — подумал король, — может быть, в Тарантии и Танасуле кто-то из этих придворных невежд и прочтет хоть часть из него и, прочтя, может быть, поймет, что же такое пуща, в конце концов. Хотя вряд ли».

Майлдаф и барон Полагмар, прошедшие в лесах всю жизнь, конечно чурались незнакомых в северном бору причудливых и гигантских форм жизни, но само присутствие в пространстве, где видимость ограничивается расстоянием до ближайшего дерева, их не тяготила.

С жителями океана и побережья предстояли хлопоты: матросы то и дело озирались, ожидая, когда же наконец им откроется привычный простор. Минет еще немало дней, пока они избавятся от ощущения духоты, мешающего не столько дыханию, сколько сознанию. Впрочем, прелый, затхлый и застоявшийся воздух чащи действительно никак не мог сравниться с суровой свежестью открытого моря.

Речка, оставаясь все такой же узкой, делала излучину за излучиной, так что большинство при-

существующих уже не понимали, по какую сторону — на север или на юг — от устья их занесло, и насколько далеко от берега увел их этот путь.

По-прежнему двигались они по удивительно прозрачной воде, наблюдая в десяти локтях под собой красноватое песчаное дно, где, уцепившись за грунт и трещины в камнях, колыхались кусты водорослей. Мелкие рыбешки с быстротой и торпливостью воробьев сновали туда-сюда, порская плавниками. Крупной рыбой воды не изобиловали, но время от времени можно было заметить пару-тройку достаточно больших, для того чтобы оказаться запеченными в золе костра.

Лес до поры не открывал своих секретов. Все так же по обоим берегам тянулась непроницаемая стена из переплетения веток, листьев, стволов и лиан, дополненная густым подлеском. Кроме непрерывной птичьей перепалки, самих участников коей видно не было, чаща не тревожила ни единым звуком. Казалось, до ближайшего населенного места тысячи и тысячи лиг вот таких же зарослей.

Но так казалось новичку. Конан сразу нашел то, что ожидал найти и чего не без оснований опасался. На реке — ни на берегу, ни в самом потоке — не отыскалось пока ни единого упавшего ствола, сгнившего бревна или даже крупного сука, что было вполне обычным не то что для пущи, но и для любого лесного водотока. Также не мог король, как ни пытался, обнаружить ни единой звериной тропы к водопою. Мало того, отсутствовали любые сколь-нибудь примечательные местечки,

за которые мог бы зацепиться взор. Ни камня, вроде того, на какой они высадились близ устья, ни отмели, ни мыска, ни заводи — будто бы кто-то тщательно убрал все это, позволив дикому лесу беспрепятственно самому устроить берега так, как ему взбредет.

За два года царствования киммериец не терял времени даром. Помимо обычных и необходимых государственных дел вроде искоренения заговоров, вершения судов, издания указов и обнародования повелений, а также пиров, приемов, возлияний, отношений с женщинами и неперменных удивительных приключений, Конан успевал уделять время беседам с людьми, знающими что-нибудь интересное о жизни и могущими без подбострастия, лести и боязни говорить с королем-варваром.

Таковых сыскалось немного, но они были. Прежде всего появлявшийся в Тарантии наездами Евсевий, коротышка-канцлер Публий, пуантенцы Просперо и Троцери да еще несколько человек. С ними — с каждым о разном — король мог говорить, не стесняясь (впрочем, таковое чувство было королю почти неизвестно) и не беспокоясь о дурных последствиях разговора.

Евсевию интересно было просто рассказать о каком-нибудь примечательном кусочке своей собственной биографии. Импозантный бородатый мудрец сей момент извлекал из поведенного какой-нибудь моральный урок и во всем отыскивал смысл. Вот и когда Конан описал ему грандиозные каменные сооружения — террасы, плиты, ступени, стены,

башни и статуи к северу от Вилайет, покинутые в неведомые времена хозяевами, тарантиец заметил, что в таких местах люди ощущают то, что называется «веет холодом», даже если стоит жаркий полдень. Происходит так потому, толковал ученый, что мир жизни не в силах справиться с этим нагромождением мертвого камня, ничего уже не значащим ни для кого за давностью лет и забвением. А раз так, то вся кажущаяся грандиозность мигом теряет лицо, оборачиваясь пятном пустоты, будто дырой в ткани мира. Из этой-то дыры и исходит тот холод неосознанной боязни и отчуждения, что чувствуют люди, ибо человек привык бытовать среди имен и вещей, а не в пустоте.

Разумеется, Конан не мог воспроизвести в точности все, что наговорил Евсевий в ту ненастную осеннюю ночь, но общую суть рассуждения Конан не потерял, и вот теперь память услужливо подала ему нужное сравнение.

«И тогда, близ Вилайет, эта дыра в пустоту была сделана людьми,— подумалось королю.—Почему бы и сейчас не случиться тому же?»

Король правил рулем на головном вельбере. Перед ним ритмично, без видимых усилий работал плечами, руками и туловищем Майлдаф, бывший загребным. Судя по солнцу и времени суток, ныне они шли на полночь и восход, более отклоняясь в сторону полуночи. Странно ухоженный берег продолжал беспокоить Конана.

«Ну не может же быть так без конца? — решил он.— Скоро нам покажут нечто занятное. Знать бы только, за каким поворотом это возникнет!»

В ожидании король с пущим вниманием старался перед каждой излучиной обшарить взглядом берег, но покуда лес молчал.

Между тем время шло, а ведь у многих с утра во рту не было маковой росинки, а кроме чистой воды, которую можно было черпать прямо из-за борта, никаких иных съестных припасов, кроме бочонка сухарей, полагавшегося на всякий случай на каждом вельбере, у них не было ничего. Озабоченный таким неприятным обстоятельством Деггу подумал, что недурно будет узнать у короля, когда же представится возможность утолить голод более основательно.

— Мой король,— позвал он, высовываясь из-за плеча Бриана.— А что мы будем есть вечером?

— Свои сапоги,— серьезно ответил Конан.— Стойте! — приказал он коротко.— Подождем вторую лодку, и я кое-что скажу.

Серхио тоже велел убавить ход. Его вельбер подошел к королевскому борт в борт. Сцепившись веслами с прилегающих друг к другу бортов, гребцы удерживали лодки на месте, лениво шевеля веслами другого борта.

— Деггу тут поинтересовался насчет еды,— начал король.

Ответом ему были ухмылки и сдержанный смех: хохотать громко было бы ужасной беспечностью. Но пристрастие Деггу к обильным трапезам было общеизвестно.

— И поступил справедливо,— жестко продолжил киммериец, заставив всех примолкнуть.— Добыть еду здесь можно несколькими способами:

рыбной ловлей, охотой, сбором всяких корней и плодов и грабежом. Нам доступен только третий способ, и вот почему. Соваться к пиктам сейчас нельзя, и так будет еще лиг сто вверх по течению. Это, я думаю, всем понятно. На берег сейчас тоже нельзя: эта река непростая. Скоро узнаем почему. Пока могу только сказать: зверя здесь нет. А теперь — вперед! Когда нужно будет приостановиться или наоборот, я дам знак.

С тем лодки расцепились и продолжили путь в прежнем порядке. Спорить с королем не стал никто, только даже короткие разговоры из нескольких реплик, ведомые приглушенным голосом, прекратились: все принялись внимательно следить за окружением, стараясь заметить нечто, подтверждающее слова Конана. Но лес не спешил говорить с каждым. У этой чащи тайны надо было выпытывать, а умел это далеко не всякий.

Они прошли еще около лиги, когда откуда-то справа послышалось вроде бы журчание. Впереди, локтях в пятидесяти, русло снова делало поворот, при этом довольно резкий.

— Теперь будьте готовы ко всему,— обнадежил команду своего вельбера король.— За поворотом будет нечто интересное.

Подняв вверх руку и делая слабое отталкивающее движение назад, Конан приказал второму вельберу идти потише. Медленно, словно большой краб, перебирая клешнями-веслами, королевский вельбер пополз к излучине.

Конан, оценив то самое приглушенное журчание справа, пришел к выводу, что на этом пово-

роте русло делает петлю, и, значит, рыхлые почвы кончаются. Дальше суша становится каменистой и начинает свой пологий подъем на плоскогорье. А раз так, то впереди у них пережат или даже небольшой водопад, шум коего и слышали они сквозь лесную стену. Пройти такое препятствие по воде представлялось делом непростым. Кому-то предстояло отправиться-таки на берег. И Конан понимал, что первым из этих кому-то будет он сам.

— Евсей! Майлдаф! — распорядился король. — Бросайте гребти и берите луки. На веслах справятся и без вас. Один Деггу удержит лодку против такого течения. А вы стреляйте немедленно во все подозрительное: качнется ветка, вода плеснет, тростник заволнуется — стреляйте. Это закон пущи. Пикты вас предупреждать не станут. Вперед!

Пока лодка добралась до поворота, лучники успели приготовиться. До поворота же не случилось и ничего замечательного. И вот, на самом малом ходу, какого только можно было добиться, осторожно, с опаской, крадучись и выслеживая, вельбер, словно любопытный кот, пробирающийся на дворцовую кухню, заглянул за поворот.

Как изменился пейзаж! От бывшего однообразия не осталось и следа! Перед путешественниками красовалось небольшое озеро — локтей в сорок в поперечнике и вытянутое в длину на целый форлонг. В дальнем конце озера с уступа в пять локтей высотой срывалась вода, падая в естественную чашу, выдолбленную каплями в граните за

долгие тысячелетия. Слева в озеро вливался еще один ручей, поменьше.

Берега здесь рознились между собой так же, как оба вместе отличались от берегов до этого поворота. Правый, поросший густыми зарослями, за которыми — они теперь это знали — скрывалось дальнейшее течение реки, был пологим, с маленькими галечными пляжами и осколками валунов пестрого бело-синего камня, разбросанных тут и там. Левый берег вздымался прямо из воды красноватым скальным обрывом. Гранитные стены нависали над озерком тяжелым замшелым взлобьем, и лишь одна трещина — теснина, заключающая в себе еще один ручей, — нарушала монолит этого барьера. Никаких иных расселин в камне скалы не было. Наверху, ярус за ярусом, все выше и выше карабкался на крутую гору лес. Холма раньше не было видно с реки — он был закрыт от глаз чащей. Очевидно, водопад был на реке самым первым, хотя уж точно не самым высоким. Дальнейший путь должен был предстать чередой порогов, пережатых, водопадов, а значит, и волоков. Такое королю вовсе не нравилось.

Не нравилось ему и то, что упомянутый путь мог и не состояться. Предположения его сбылись, при этом очень скоро: река и вправду оказалась священной, притом настолько, что все болота Зо-гара Сага с их демонами выглядели перед нею как алтарь воровского божка Бела перед пирамидами во славу Великого Змея. Воды озера были утыканы маленькими — два на два локтя в лучшем случае — островами, как поляна грибами.

Каждый остров имел вид плоского камня, обтесанного под многоугольник или круг либо оставленного в своей изначальной природной форме. И на каждом камне — а их было здесь около сотни — воздвиглось какое-нибудь изваяние. Наверно, весь сонм пиктских демонов собрался тут, чтобы обсудить свои мерзкие делишки. Тела полулюдей-полузверей, нарочито огромные, выпяченные отдельные формы, странные и пугающие маски, фигурная геометрическая резьба, грубая и резкая, и причудливые позы с изогнутыми в незнакомом диком танце конечностями. Когти, клыки, хвосты, шерсти, пасти...

Нельзя сказать, что это собрание смотрелось грязным или уродливым. Оно было чужим, чуждым и странным. Конан много времени провел в пуще, точнее на ее границе, но из всего пиктского пантеона толком слышал об одном Юхибболе Саге, не имея ни малейшего представления о его внешнем обличье. Пикты держали своих идолов в большой тайне и никогда не говорили о них в присутствии чужаков.

Так или иначе, безымянные боги были пришельцами иного мира и оттого производили отталкивающее впечатление. Надо думать, что киммерийцу и его спутникам на редкость повезло. Их занесло в святую святых пиктской религии. Появление «большой лодки», вставшей на якорь как раз против устья священной реки, да еще всего в нескольких десятках локтей, не могло не возмутить туземцев до глубины души. Этим вполне можно было объяснить ярость, с какой пикты пре-

следовали «Полночную звезду», не смущаясь открытым океаном.

Но оставалось непонятным, почему они тогда не заметили или просто оставили без внимания два вельбера, шедших прямо им в руки? Это было загадкой.

Спасительный ответ вроде того, что река являлась табу и запрещалась для посещения самими пиктами, кроме каких-нибудь самых бесноватых и потому самых уважаемых жрецов, не подходил: над водопадом высились две башни из камня сухой кладки. Между ними был перекинут мост из толстых бревен. На башнях стояли часовые, а по мосту то и дело кто-то проходил. Озеро, несомненно, охранялось, и появление на нем двух вельберов с чужаками пикты уж никак бы не приветствовали.

По счастью, пикты не успели заметить лодку и поднять тревогу. Киммериец шикнул на Майлдафа, тот мигом качнул веслами в другую сторону, а за ним и остальные семеро, как один. Озеро снова скрылась за излучиной.

— Евсевий! — окликнул Конан тарантийца, поглощенного созерцанием экзотической картины. — Как, по-твоему, они могут снять нас стрелами оттуда, когда мы выйдем из протоки на озеро?

— Оттуда? — Евсевий прикинул расстояние. — Нет. Только если выстрел будет на редкость удачным. Их луки слишком примитивны...

— Этого достаточно, — остановил его Конан.

В это время вельбер Серхио вновь поравнялся с лодкой короля.

— Что будем делать, Конан? — Бойцман выглядел растерянным. — Они расстреляют нас, как куропаток, а потом...

— Если мы им это позволим, — оборвал зингарийца Конан. — Сейчас на берег, пока они нас не засекли — плести тростниковые щиты. Против них такие стрелы, будь они трижды отравлены, безвредны, как ужи. Евсевий и Майлдаф — на деревьях с луками. После этого пересекаем эту лужу как можем быстро и уходим в боковой проток. Не уверен в успехе, но да помогут нам Кром и Митра. Мне думается, что этот ручей обходит гору слева и уходит в чашу, а значит, и охраняется плохо. А теперь — к берегу, и держите ухо востро: чуть что, бегите к лодкам и дайте знать мне.

— Ясно, — кивнул месьор Сотти. — Охранять будут только двое лучников?

— Еще я, Арриго и Полагмар. Остальные не знают леса.

Сотти не слишком понравилось подобное решение, но он только склонил голову, подчиняясь.

— Идем на правый берег. Там мыс между лучинами, и напасть на нас они смогут только с одной стороны, — и Конан дал знак к причаливанию.

Пройдя с легким шорохом сквозь нависшие над потоком кусты и травы, вельбер ткнулся в рыхлую красноватую почву.

— Да, на такой хлеб не вырастет, — покачал головой Арриго, хватаясь за ветки и первым выпрыгивая на берег.

Впереди не было ничего, кроме стволов, опутанных лианами, и густой травы до бедра.

— Идите осторожно, — предупредил Конан. — В траве могут быть ямы. Если кто-то сломает ногу, нам не станет легче.

— Там может быть змея, — обнадеживающе добавил Деггу. — Надо слушать. Змея шипеть, злиться, никогда не кусать сразу.

Балансируя разведенными в стороны руками, будто переходя вброд речку, Арриго, Сотти, Конти и Родригесы вместе с матросами стали расходиться веером в поисках тростника и с целью проверки: не спрятались ли кто в кустах, и нет ли за ними слежки.

Вскорости один из матросов — зингариец Гальего — отыскал необходимое: густые заросли свежего зеленого тростника. Оставив около лодок Арриго и Полагмара — медведеподобный гандер двигался в чаше на удивление легко и почти бесшумно, посадив в удобную развилку низких толстых сучьев Евсевия с луком, Конан приступил к охране тех, кому досталось плести тростниковые щиты.

Матросы, вооружившись своими длинными ножами, привычно приступили к делу: тростниковые циновки на зингарийском флоте и аргосских кораблях использовались повсюду. Не отставал от них и Сотти, который в жизни повидал всякого. Скорее всего, плести тростник он научился где-нибудь в тюрьме. Иного объяснения Конан не находил. Неожиданную сноровку проявили и братья Родригесы. Должно быть, они происходили из

небогатого рода, где работать приходилось всем, чтобы обеспечить себе хлеб насущный.

У принца Конти дела обстояли скверно. Ловкий в обращении с клинком и придворными записными красотками, младший наследник мессантийского престола продемонстрировал изрядную неуклюжесть и бестолковость.

Юноша даже покраснел от смущения и обиды, но рисунок циновки упорно рассыпался. Хорошо, что в напарники ему достался невозмутимый и бесконечно терпеливый кушит Мегисту. Он тщательно исправлял его ошибки. В конце концов, принц взял себя в руки, и у него стало получаться. Иссиня-черный кушит довольно скалил в улыбке белые зубы и радовался очередной победе лучезарного солнца-Митры над хладным унынием и хаосом.

Майлдаф, утвердившись в роли телохранителя, сам выбрал дерево, на которое надлежало взобраться, дабы держать в поле зрения все подступы к крохотной полянке, где работали изготовители циновок. Горец ухитрился спрятаться в листве так, что даже киммериец не сразу понял, где следует в случае чего искать лучника и как, сообразно этому, действовать.

Уяснив себе расположение своих людей, король шагнул в заросли... и исчез.

Конан не был в пуще добрых два года, но едва стоило остаться в чаще одному — а сделать это было куда как просто, достаточно одного шага, — как все ощущения того, казавшегося теперь уже весьма далеким, времени вернулись. Лес всмат-

ривался в него тысячами недобрых глаз. Конан знал, что в верхних этажах находится царство птиц и маленьких змей, что внизу меж корней шныряют жабы и грызуны, что в среднем ярусе, где ветки достаточно толсты, прячутся обезьяны и белки. Чего он не боялся, так это встретить здесь крупного зверя, а значит, и хищника. Этот невообразимый несуразный храм на озере был, очевидно, очень даже посещаем, в особенности в последние дни. К такому скоплению людей ни одно разумное лесное животное не подойдет ближе чем на лигу. На то же указывало и замеченное раньше отсутствие звериных троп к водопою.

Но и без леопардов, крокодилов и диких кабанов глаза чащи не становились менее пронизательны: деревья, листья, кусты, каждая травинка — все вокруг насторожилось в виду чужака. И пикты — далеко не все, слава Крому — умели почувствовать эту настороженность леса. Они и сами немного ушли от того единства, что составляли некогда с лесом, и великий Юхиббол следил, чтобы бывшее не затерлось окончательно.

Пройдя еще немного влево, Конан вышел к берегу реки там, где они уже проплывали. По-прежнему стояла тишь, не нарушаемая ничем, кроме шепота воды.

Здесь делать было нечего. Следов на бегучей воде, как ни говори, не умел читать никто, даже барахские пираты. Король двинулся в противоположную сторону, к берегу озера. Проходя сквозь заросли, он с удовольствием признал, что не слышит шума работающих.

Как ни приспособились пикты к жизни в пуще, но и они пользовались тропами, чтобы передвигаться в зарослях быстро и с удобством. Им было еще далеко до низкорослых племен из джунглей Черных Королевств, которые панически бежали всяких троп и дорог, справедливо предполагая вслед за их появлением приход цивилизации, то есть притеснений и неизвестных болезней.

Здесь никаких троп не было, хотя Конан и старался их обнаружить. Обойдя глубокую лужу жирной грязи, он вышел к россыпи тех самых белых в синюю крапинку камней. Озеро было близко.

Осторожно наклонив ветку куста с мелкими и широкими кожистыми листьями, киммериец снова увидел сборище пиктских божеств. Но на этот раз не они привлекли его внимание. Интересовали короля две башни над водопадом и расселина, из которой стремился в озеро боковой проток.

На башнях — само строительство каменных сооружений было для пущи делом из ряда вон выходящим! — царило оживление. То ли у пиктов сегодня был день какой-то важной церемонии, то ли пришли какие-то вести с океана, и ситуация потребовала немедленного вмешательства богов. По мосту над водопадом туда-сюда проходили то воины, то жрецы в головных уборах из перьев, увешанные бисером и амулетами на кожаных ремнях, все с головы до пят в татуировке и краске, то просто пикты со связками хвороста, дровами, кувшинами и корзинами. Рядом с водопадом находился спуск к воде — стертые за множество сменившихся поколений крутые ступени. На ко-

ротеньком пляже с белой галькой лежали до половины вытащенные на берег пять каноэ — резных, раскрашенных, очень красивых, наверно, по мнению аборигенов.

«Что-то мало для такой толпы, — подумал Конан. — Должно быть, остальные спрятаны в лесу».

Рассудив, что до готовности тростниковых щитов еще надо подождать, а узнать о том, что затевают пикты, сколько их здесь вообще и каким количеством каноэ они располагают, будет нелишним, король отправился вверх по озеру, к водопаду. Он привык замечать все, ничему не уделяя особого внимания. Двигаться бесшумно, где возможно — быстрее, где нужно — крадучись или вовсе замирая на месте, ловить каждый шорох и каждое колебание листвы — все это киммериец умел, и умел лучше многих других. Так же мимоходом и бесшумно научился он убивать, и это несчетное число раз спасало ему жизнь.

Он дошел почти до самого пляжа с каноэ, когда в просвете между деревьями разглядел широкую поляну. Каноэ лежали на ней, перевернутые узким черным брюхом к солнцу. Их было много — около сотни, наверно. При них находился один-единственный сторож — высокий атлетического сложения воин. Лица пиктов отличались от лиц хайборийцев и северян настолько, что незнакомые с жителями пущи люди затруднялись определить возраст последних. Но Конан научился не ошибаться: охраннику было около тридцати, то есть это был опытный воин и охотник, сумевший выжить и остаться невредимым в непрерыв-

ной межклановой войне, не пострадать от клыков и когтей хищника и уберечься от болезней. Тем не менее он был один.

Пикт ничего не успел сообразить, когда, шагнув за куст какого-то развесистого и колючего кустарника на раздавшуюся оттуда просьбу о помощи, оказался в чьих-то железных объятиях. Наверное, это был злой дух. Дальше сознание померкло и наступила тьма.

Разделавшись с охранником — он просто задушил его, — Конан запрятал тело подальше в зарослях, забросал ветками, а сам пошел в обход поляны. Скоро он вышел к широкой — в три локтя — тропе, которая и вела через мост над водопадом. На тропе не было ни души. Киммериец молниеносно пересек ее и нырнул в лес по ту сторону. Теперь путь его лежал вдоль тропы, к водопаду. Ясно было, что в противоположную сторону тропа уведет его к побережью океана, а туда идти не было никакой надобности. Прислушиваясь и пригнувшись, Конан, словно волк-оборотень, тенью скользил сквозь переплетения ветвей и выющихся растений. Спрятавшись за валуном, высотой в два раза превосходившим немалый рост короля, он получил возможность наблюдать, оставаясь незамеченным, за противоположным берегом потока.

Перед водопадом река разливалась, делаясь и вовсе мелкой — не более двух локтей. На расстоянии локтей тридцати за речкой и плоским пляжем все из той же белой гальки находился очень большой — по пиктским меркам, разумеется — ла-

герь, обнесенный частоколом. В ограде имелось трое ворот. Одни выходили к воде — на пляже опять-таки покоились в изрядном количестве каноэ, другие — в сторону леса, там в чаще виднелся просвет, третьи — на водопад. В центре лагеря поднималась крыша большой круглой глинобитной хижины, предназначенной для собраний вождей. Вокруг центрального дома стояли в три кольца такие же круглые хижины, но поменьше.

Король попробовал оценить численность воинов, которых способен был вместить этот лагерь. Подсчеты были неутешительны: тысячи полторы. Такого сборища пиктов Конан не помнил со времен последней битвы в пуще, когда объединенные отряды ее восточных кланов были разбиты — разбиты, но не уничтожены! — аквилонской регулярной армией под его, Конана, командованием. Конечно, большинство воинов ушли на каноэ в погоню за «Полночной звездой», но и осталось на месте вполне достаточно, чтобы одолеть восемнадцать человек, оставшихся одних в чужой земле.

Конан сосредоточил внимание на мосту. Башни все-таки были сложены не пиктами — очень уж старыми они выглядели. Наверно, их некогда возвели атланты, а над речкой был настоящий мост, впоследствии теми же пиктами разрушенный или обвалившийся от старости.

Пикты как могли восстановили башни, соорудили между ними помост, и теперь по двое часовых с луками и копьями на каждой башне — высота их была равна двадцати пяти локтям — важно расхаживали по верхним площадкам, поглядывая

то на реку, то вниз, на озеро. В башнях были сделаны арки, в которые со стороны тропы вел пологий пандус, и от арки к арке был переброшен мост.

За мостом тропа уходила в гору, и там, среди леса, Конан увидел не замеченный им прежде храм. Вероятно, прежде, когда он смотрел с берега озера, его скрывали деревья или сам склон горы.

Храм был построен, конечно, тоже не пиктами. Это было здание, вырастающее из холма, по крайней мере задней стены у него не было. Фасад являл собой стену из крупных и гладко обтесанных одинаковых блоков светло-серого гранита, плотно пригнанных один к другому, с рядом высоких и узких стрельчатых окон по обеим сторонам от входа — выступающего вперед нефа с острроверхой, похожей на капюшон, аркой, переходящей плавно в сводчатую двускатную крышу храма. Над сводом возвышалась небольшая шестигранная башенка с теми же стрельчатыми окнами, но уже гораздо более широкими. По обрамляющей вход каменной рамке вился резной узор, который за дальностью расстояния невозможно было разобрать.

Таких храмов Конан прежде не видел. У пиктов явно готовилось какое-то торжество, и произойти ему надлежало на озере, точнее, на дороге от храма до озера. Близ храма были подняты маски на копьях, а дрова и хворост, кои приносились снизу, со стороны моря, складывались близ моста. Тут же стояли во множестве кувшины.

«Уж не с маслом ли для хорошего огня?» — догадался король.

Вот по мосту прошествовали два пикта, каждый из коих вел красивую, откормленную, длинношерстную козу. Один — снежно-белую, другой — угольно-черную. Потом прошли еще двое с корзинами. Крышка одной из корзин съехала, и оттуда высунулся алый гребень. Пикт поспешно затолкал птицу обратно и снова накрыл крышкой, но Конану этих наблюдений хватило вполне.

Предстояло какое-то очень важное камлание по внутренностям и крови животных, приношение жертв, моление и прочее подобное времяпрепровождение. И произойти все это должно было ввечеру, судя по дровам, факелам, хворосту и маслу.

Конан мог бы незаметно перемахнуть и через реку — стоило подняться немного вверх по течению — и посмотреть, что делается близ храма. Здесь была не аквилонская граница, здесь пикты выглядели куда беспечнее и уж точно не ожидали встретиться за ближайшим кустом с Большим Белым Вождем.

Но времени уже не оставалось. Ждать до вечера, когда на озере соберутся толпы пиктов, было невозможно. Иное дело — оставленные без присмотра каноэ. Король, увидев все, что было необходимо, отправился обратно. Проходя мимо поляны, он не увидел там никого. Значит, отсутствие сторожа в предпраздничной спешке не заметили.

«А ведь и масла они притащили в достатке, — у Конана появился дерзкий, но вполне осуществимый план. — А не масло, так смола. Что еще может быть в кувшинах? И лодки лежат рядом. Пока

они добегут из лагеря, пока перетащат оттуда каноэ к озеру — мы успеем. Надо еще посмотреть, что там на левом берегу озера».

Размышляя так, король дошел до того места, где плелись щиты. На поляне не было никого. Слегка примятая трава, никаких следов борьбы, нет и циновок.

Неужели закончили? Или их убрали так чисто?

— Король, если ты еще раз соберешься куда-нибудь, скажи мне об этом, — раздался сверху знакомый грубоватый голос. Правда, теперь он не горланил, как бывало обыкновенно.

Конан поднял голову. Прямо над ним на высоте шести локтей восседал на толстом суку как в удобном кресле Майлдаф со своим длиннющим луком и усмехался. Он успел перебраться на другое дерево и затаился так, что киммериец не заметил его.

— Они забрали все туда, к лодкам, потому что испугались, когда ты пропал. Арриго пошел искать тебя на этот берег, а Полагмар — на тот. А я остался дожидаться и охранять.

— Куда ушел Арриго? — только и спросил Конан.

— Туда. — Горец неопределенно махнул рукой в сторону озера и водопада.

— Сиди и жди дальше, — посоветовал ему король. — Я сейчас найду его и вернусь.

Не успел Майлдаф раскрыть рта, как Конан снова исчез.

Найти зингарийца оказалось просто — он шел сначала прямо к воде, а после повернул вдоль бе-

рега. Земля была сырая, и в двух местах, где не росла трава, Конан увидел след солдатского сапога. Пикты таких никогда не носили.

Кольчуга Арриго ярко сверкнула в луче, случайно прорвавшемся сквозь надежный щит густой листвы, все у той же поляны с каноэ. Конан не видел, что ныне происходит там, а потому не рискнул окликнуть зингарийца, стоя у него за спиной в трех шагах.

Арриго, словно почувствовав чей-то пристальный взгляд, обернулся и вздрогнул от неожиданности. Хорошо, что это был Арриго, — другой бы схватился за меч, не думая. Огонек беспокойства, тлевший в его глазах, погас.

Не произнеся ни слова, Конан оглядел поляну. По-прежнему все было тихо.

— Они готовятся к своей церемонии, — зашептал Конан. — У них там полно масла и смолы. Если эту гору дров поджечь, у нас будет время добраться до ручья на левом берегу.

— Да, переполох будет изрядный, — усмехнулся Арриго, предвкушая забавное зрелище. — А где у них масло?

— Около водопада.

Арриго с большим сомнением поглядел на короля.

— Там же часовые, и полно этих размалеванных шляется по дороге!

— Вот ты и посмотришь за ними, а кувшин с маслом, а то и два, добуду я. Если там нет собак, нам нечего бояться.

Арриго только плечами пожал:

— Если бы это говорил кто-то другой, я бы и слушать не стал. Но раз это говоришь ты...

Надо сказать, что король совершенно не представлял себе, как исполнить задуманное, но при том положении, в какое все они попали, рассчитывать что-либо точно было делом безнадежным. А значит, требовались знание пущи, смелость и известная доля наглости. Всего этого у Конана имелось с избытком.

Тихо-тихо, еще осторожнее, чем некоторое время назад, Конан повел Арриго испытанным путем. Сейчас их было двое, значит, и шумели вдвое, пусть и хотелось думать, что они скользят, подобно теням.

На сей раз перебегать тропу не понадобилось — кувшины стояли близ сторожевой башни. Вот только место было полностью открыто, и незамеченным Конан мог появиться там, только если бы все воины врага вмиг ослепли. К тому же опасения Конана подтвердились: лежавшие незаметно в пыли в тени башни тощие и остроухие пиктские собаки, такие же пепельно-серые, как и их хозяева, едва учуяв незнакомый запах, подняли свои острые морды, вздыбили на загривке короткую шерсть и глухо заворчали. Услышав такой сигнал тревоги, хайборийцы поспешили от башни прочь. Пес улегся обратно, сука же не поленилась усесться и пару раз, для остротки, злобно тявкнуть. Мерно расхаживавший по верхней площадке пикт вытаращил глаза на лес и, разумеется, ничего не увидел. Высказав что-то нелестное в адрес собаки, воин отвернулся. Сука, презрительно смерив

недалекого двуногого взглядом умных карих глаз, положила морду на лапы. Свою работу она выполняла не в пример исправно, и пусть он сам будет виноват, если его продырявят из чащи тяжелой стрелой с железным наконечником.

— Ну нет! — вошел в азарт король. — Я не за тем сюда шел, чтобы повернуть обратно из-за какой-то псины!

Они с Арриго сидели в окружавших тропу кустах. Сейчас дорожка была вновь пуста, но неподалеку слышался приближающийся звон колокольчиков.

— Мул! — предположил Арриго.

Киммериец отрицательно покачал головой:

— Женщина.

Он был прав. По тропинке шла женщина и несла на голове очередной кувшин. Она была еще молода и не успела пока обрюзгнуть и постареть, что неизбежно происходило со всеми пиктскими женщинами годам к двадцати пяти, а то и раньше. Это была еще незамужняя девушка, о чем свидетельствовали распущенные волосы и узор на пояске стыдливости. Иной одежды, за исключением медных браслетов, к которым и были подвешены маленькие колокольчики, сердоликового ожерелья и налобной повязки из пестрой змеиной шкурки на ней не было.

— Вот и топливо, — сказал сам себе Конан и весь подобрался, словно кот перед единственным, но идеально точным, без разбега, прыжком. — Смотри за тропой. Если что, бей сразу и насмерть, — бросил он Арриго.

— Неужели ты ее...

— Только оглушу, — отмахнулся король. — Она будет думать, что на нее напал лесной демон.

Произошло все, как обычно, молниеносно.левой рукой Конан едва коснулся шеи девушки — как это успел заметить Арриго, а правой подхватил кувшин. Поймав падающее тело опять же левой рукой, киммериец одним рывком уволок девушку с тропинки и, разумеется, скрылся сам.

— Смола, — с удовольствием отметил киммериец, заглядывая в довольно искусной работы — делали, наверно, специально для храма — глиняный кувшин.

Девушка спала безмятежным сном у ног Арриго. Она была как раз в той короткой поре расцвета, какая случается с пиктскими девушками в шестнадцать-семнадцать лет, но проходит скоротечно, как первая весенняя гроза. Красивые полные губы, нежные округлые ланиты, правильный овал лица, черные густые длинные волосы, длинные ресницы, чистый лоб, тонкий прямой нос и особенный пиктский разрез глаз — такому природному богатству позавидовала бы любая придворная красавица — и все это при совершенной фигуре.

Арриго замер на миг, разглядывая девушку.

— Не люблю пиктов, но... Конан, а у тебя были женщины из пиктов? — осмелился спросить зингариец.

— Не было и не будет, — твердо отвечал Конан, и было понятно, что король не лукавит.

— Если мой учитель — учителем был, конечно же, Тэн И — не обманывал, она проспит так

достаточно долго, — прервал Конан продолжавшееся лицемерие военачальником девичьих прелестей. — Сейчас идем к реке. Мне интересно, что выведал гандерский барон. Странно, но его, судя по всему, еще не изловили.

Обратный путь не был долог. На подходе к месту стоянки киммериец приостановил Арриго и сделал несколько совершенно неслышных шагов куда-то вперед и в сторону, а потом плашмя резко ударил мечом по стволу дерева, рядом с которым остановился.

Сверху прямо на голову короля свалился плод, нечто вроде сосновой шишки.

— Майлдаф! — незлобиво воскликнул Конан, обращаясь вверх. — Я мог бы снять тебя с этого сука, как куницу!

— Так это ж ты, король! — прозвучал из кроны голос Майлдафа. — Куда этим тупоголовым пиктам равняться с тобой!

— Ладно, слезай! — приказал Конан, подобрал шишку и швырнул ею в горца.

Горец, ловко цепляясь за гладкий чешуйчатый ствол, спустился вниз.

— Все было тихо, — доложил он. — А что это за кувшин у тебя?

— Сейчас узнаешь. Я отобрал его у одной банши. А на горе, что за озером, стоит каменный сид.

— А она настоящая банши? — поспешил узнать Бриан, показав жестом, каковы должны быть достоинства настоящей банши.

— Примерно, — согласился король. — А волосы у нее длинные и черные...

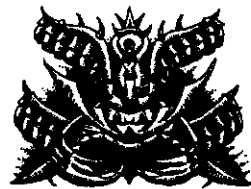
— Некогда! — досадуя на превратности судьбы, изрек Майлдаф. — Торговля, служба королю, родственники — некогда!

Арриго молча следовал за королем и его телохранителем.

«Северные варвары» — думал зингарец, немного завидуя этим двоим.

Глава седьмая

поспешить наверх стоило. Пикты уже настигали крепкий, но довольно неповоротливый и не слишком лихо набирающий ход неф.

Вооруженных хорошо обученных воинов на корабле насчитывалось не более четырех десятков. Это были зингарийские гвардейцы, закованные в чешуйчатую броню и кирасы, в глухих прочных шаровидных шлемах с личинами. У каждого имелся небольшой прямоугольный щит и средней длины тяжелый меч. Это была надежная защита против любого врага, но лишь при условии, что враг превосходит гвардейцев числом не более чем втрое. Отразить атаку одного и даже двух пиратских судов зингарийским солдатам было бы вполне по силам, но пиктов было много больше.

К солдатам можно было добавить еще десятка полтора-два месьюров, умеющих сносно владеть оружием. К превеликому сожалению, на «Полночной звезде» не было лучников, которые могли бы

держат пиктов на дистанции хоть некоторое время. При abordаже, разумеется, в дело вступила бы и команда королевского нефа, в которой были мастера abordажного боя, имевшие за плечами многолетнюю школу Барахас. Но все же этого не доставало: несколько десятков против едва ли не трехсот пиктов.

К тому же на «Полночной звезде» не было того, кто мог бы толково и жестко возглавить оборону. Конан остался где-то в прибрежных зарослях с никому теперь не нужной пресной водой. Многие ныне подумывали, что не так уж и мало ее осталось.

А с Конаном уплыли Арриго, принц Конти и Сотти — все те, кто мог бы принять командование и кого не осмелились бы послушаться. Разумеется, Гонзало знал науку корабельного боя не хуже Конана или Сотти, но кто бы подчинился какому-то капитану с сомнительным корсарским прошлым? Ни один кордавский солдат, а тем более месьор и ухом бы не повел, вздумай Гонзало отдавать им приказания. И Гонзало, понимая это, пытался выжать из нефа всю возможную при не слишком сильном ветре скорость, предоставив пассажирам и военным самим спасать свою дворянскую честь и свои дворянские головы.

Команда покуда не спешила затевать перестрелку с пиктскими лучниками, прекрасно понимая, что разъяренные пикты будут считать каждую вражью стрелу, и тому, кто нанесет им ущерб, будет воздано по мере этого ущерба. Такая незавидная участь не манила никого.

Дамы, многие из коих попадали в обморок, услышав слово «пикты», собрались близ носа и горестно стонали, вознося мольбы небесам. Те же, кто поначалу лишился чувств, поспешили прийти в себя, ибо кавалеры мигом побросали своих подопечных и столпились, как базарные зеваки, возле мачты. Предстояла важная церемония: выяснение, кому командовать баталией.

К чести купечества, даже самый пожилой и дородный торговец, Лукиано из Мессантии, получавший прибыли с перевозок зерна, вина и, как поговаривали, живого товара, вооружился мечом.

Этим людям смолodu приходилось доказывать всем остальным, что у человека нельзя отбирать нажитые им деньги, а уж то, как они нажиты, — дело владельца денег. Стоя близ кормы, в близости зингарийской гвардии, купцы теперь похвалялись тем, сколько и чего тот или иной завещал своим благодарным потомкам.

Но у месьоров сладу друг с другом не получалось.

— Доверять Гонзало нельзя, — вещал крепкий чернобородый сорокалетний зингариец, герцог Вильяс. — Это отродье с Барахас наверняка сговорилось с пиктами. Видите, они нас почти настигли, а ведь мы идем под парусами! Командовать должен человек благородного происхождения, и нам должно немедленно избрать достойнейшего. Командору же Норонья, я полагаю, нездоровится, ибо я видел, как он спускался в трюм. Между тем мой род достаточно древний и даже пересекается с родословным деревом наших королей.

— Не смешите меня, благородный месьор,— возразил ему другой уроженец Зингары, граф Ильескас.— Всем давно известно, что ваш род происходит из пелешти, а это — не лучшая рекомендация. Гонзало, безусловно, мошенник, посему нам нужен некто, сведущий в морском деле. Пусть это и прозвучит самонадеянно, но я с юношеских лет принимал участие в морских походах и поныне не изменяю сей традиции.

— Да, но, к сожалению, ваши юношеские годы ныне весьма далеко в прошлом,— оспорил претензии графа молодой и горячий Дюгарри, зингари-ец аквилонского происхождения.

Граф и вправду походил на мнительную жеманницу, стараясь скрыть свои морщины под белилами, румянами и пудрой. Пусть Ильескас и не отличался тучными телесами, как это происходит со многими в его лета, и рука у него была верная, но прежней подвижности и крепости ног он был уже лишен, и, что самое главное, его состояние, некогда огромное, неуклонно таяло, несмотря на все старания графа, о чем знали все, хотя сам граф молчал об этом как дохлая рыба.

— Не спорю, ваш буйный и скверный нрав известен всем.— Месьор Сибилио, высокий и плотный, обладатель роскошной окладистой серебряной бороды и золотой перевязи, начал торги. Говорил он крайне солидно, густым баритоном, и всем видом являл, казалось, образец зингарийской чести и достоинства, кои в большей степени проявлялись разве только у Норонья. Впрочем, секрет золотой перевязи был прост: месьор зани-

мался ростовщицеством, а при дворе имел скромную должность пажа.

— Корабль должен взять под команду человек солидный, заслуженный и известный, не слишком молодой и не старец, но зрелый муж,— убедительно — как ему думалось — вещал Сибилио.

— Ваши-то делишки известны всем, это не великая тайна,— дерзко отвечал Дюгарри, теребя шикарный черный ус и сверкая черным жемчугом глаз.

— Молодой месьор чересчур дерзок,— прогудел Сибилио.— Разве может благородный месьор командовать королевским судном, поколе он столь неводержан на язык? — апеллировал к собранию Сибилио.

— Лучше уж быть неводержанным на язык, чем воздерживаться от честности,— отпарировал Дюгарри, изящно запахиваясь в алый плащ, демонстрируя тем самым свою отчужденность от Сибилио и ему подобных.

— Месьоры, спор наш принимает странный оборот,— воззвал к разошедшимся месьорам герцог Вильяс.— Зачем же не хотите вы, отбросив пред ликом превеликой опасности личные счета, принять взвешенное с точки зрения логики здоровое решение?

— Покуда старые ощищенные фазаны будут занимать лучшие места, нам не добиться ничего! — запальчиво заявил в ответ Дюгарри.

Граф Ильескас отнес это общее место на свой счет и доказал наличие у себя патриотических чувств.

— Все беды начались с тех пор, как ко двору стали допускать безродных иноземцев,— заметил он, явно намекая на аквилонское происхождение Дюгарри.

Аквилонцы и аргосцы, до того не вступавшие в спор хозяев, восприняли эти слова как вызов. Барон Полагмар был силен, но он вряд ли сразу осознал бы всю горечь подобного оскорбления, а вот боссонский барон Мийо, не отличавшийся подобной крепостью мускулов и умением обращаться с топором и рогатиной, зато сносно владеющий ламирой и красноречием, момента не упустил.

— Ваша родовитость, граф, нисколько от сего не пострадала,— заметил он на последнюю реплику Ильескаса,— а вот свежей крови в вашей соленой водице явно не хватало.

Почувствовав поддержку, Дюгарри приосанился и хотел было высказать очередную дерзость, но тут его упредил аргосский градоначальник портового городка Вальбузо, Вьялли, по слухам, друг месьора Сотти, если у Сотти вообще могли быть друзья.

— Море само знает, кто более ему угоден.— Его неприятный, резкий, похожий на крик буре-вестника голос перекрыл все прочие возгласы готовых уже к потасовке придворных. Вьялли был высок, стрижен коротко и внешность имел совершенно пиратскую. Если бы не изысканный тонкий стиль одежды и умело подобранные дорогие украшения, ни один язык не рискнул бы назвать его месьором.

Итак, искомые слова были сказаны. Начатый королями за закрытыми дверями спор за морские просторы спустился сюда, в приемный зал, где собрались просители и холоуи. Счастье, что встречались здесь и такие, кто просто служил.

В мачту ударила первая пиктская стрела. Была она черная, с кроваво-красной полосой вдоль древка. Перья из крыла какой-то черной птицы были приклеены к хвосту. Наконечник был из зуба крупного и, должно быть, страшного зверя. Стрелу пустил могучий воин: крепкий бук мачты был пробит не менее чем на три дюйма. Вызов был брошен.

Высокий Вьялли один только и мог дотянуться до застрявшей стрелы. Несмотря на внешность, рука у Вьялли была белая и холеная. Кисть аргосца напряглась, и длинные сильные пальцы, обхватив древко, потащили стрелу обратно, словно гвоздь. Разъятое звериным клыком дерево закрипело и выпустило черное древко. Вьялли осмотрел стрелу, провел перстом по черному ее телу.

— Это не краска,— объявил он.— Это кровь. И, скорее всего, человечья. Насколько я знаю пиктов, они идут мстить.

— Мстить? За кого? — раздались вопросы без ответов.

На какой-то момент Вьялли удалось привлечь всеобщее внимание, и, пожелай он взять командование на себя, это могло бы у него легко получиться. Но градоначальник Вальбузо лишь усмехнулся криво и просто, даже с оттенком презрения, отвечал:

— Не знаю. Должно быть, им не слишком нравятся обводы сего корабля. А может быть, потеряли того, кто ныне набирает в бочонки воду.

Произнеся это, Вьялли застыл как изваяние, со стрелой в руке, глядя поверх голов на море, где словно стая акул резали хищными тупыми мордами мелкие волны пиктские челны. Их было не меньше сотни, а то и больше, и они настигали «Полночную звезду».

Но остальные придворные не поняли, куда смотрел аргосец. От подобных наглых слов оторопел поначалу даже Дюгарри, но заминка длилась недолго. Зингарийцы оскорбились за корабль, аквилонцы — за короля. Заговорили все сразу, и никто не хотел слушать другого. А пиктские стрелы, пусть больше и не было столь далеких и метких выстрелов, уже царапали обшивку судна и стукались о щиты выстроившихся на корме гвардейцев. Конечно, костяной наконечник не мог пробить броню или щит, но те, кто хоть немного знал о пиктах, понимали, что почти в каждом клане найдутся стрелы и с металлическим — медным или бронзовым — жалом, а то и с железным. Таких стрел встречалось немного, но они были, и пикты их берегли, чтобы бить, когда подойдут поближе, наверняка.

Месьоры продолжали самозабвенный и бесполезный спор. Несмотря на рост, Вьялли как-то потерялся из вида. Выбравшись из плотной кучи собравшихся под мачтой, Вьялли призвал оруженосца и стал облачаться к бою под прикрытием надстройки.

Благородные месьоры, не последовав этому безусловно достойному примеру, продолжали осыпаться друг друга плохо завуалированными оскорблениями. Даже дамы, поняв, что защиты от мужчин им не дожидаться, послушались советов Гвидо, коего, как самого импозантного и наиболее опрятно выглядевшего среди моряков, Гонзало отрядил для исполнения подобной миссии.

Гвидо бойко умел чесать языком со служанками в тавернах Мессантии, однако перед дамами света оробел, как двенадцатилетний подросток. Но изворотливый ум аргосца изыскал такой выход, чтобы, не нарушив приказ капитана, одновременно не оказаться изгнанным и осмеянным. Заметив, как одна смазливая горничная оставила свою госпожу чтобы зачем-то спуститься в трюм, Гвидо для начала предложил ей помощь при спуске по опасному трапу, а потом шепнул ей на ушко, чтобы девица намекнула госпоже на необходимость удалиться с верхней палубы. Дамы хоть и бледнели и падали в обморок, но боевые действия не были для них внове. А уж турниров, маневров, парадов и поединков чести они навидались премного, только никто из них не имел понятия, что такое настоящая война. А сейчас была именно такая война, ибо пикты лицемерить не умели.

Гвидо был сколь возможно учтив, и, похоже, ему удалось растолковать девушке всю серьезность положения более чем доходчиво, поелику камеристка, мигом раздумав спускаться в трюм, стрелой кинулась обратно.

Скорее резвые движения девушки, нежели довольно бестолковая ее трескотня, привели наконец придворных красоток и купеческих дочек к осознанию суровой реальности. Вновь поднялся визг, как паруса захлопали юбки, посыпалась пудра, поплыл, растворяясь в соленом воздухе, аромат духов и резкий запах притирок, помогающих при обмороке. Замелькали покрывала, накидки и плащи, и вся процессия с шумом и помпой двинулась вниз. Дабы не произошло излишней суеты и паники, Гонзало приказал Фрашку и еще двоим матросам в придачу помочь женщинам, ибо благородные меcьоры продолжали судачить о своих правах.

Едва только прекрасные дамы оказались в относительной безопасности, Гонзало наконец позволил себе как следует выругаться в адрес пиктов, которые повывезли невесту откуда как муравьи, на команду, которая, как обычно, еле-еле шевелилась, на придворных куриц, которых понесло в бездну морскую, и, конечно, на высокородных идиотов, никак не могущих выяснить, кого пикты первым вздернут на рее как командира. Одни лишь военные заслужили одобрение Гонзало. «Да, регулярная армия — это нечто особенное», — подумал старый моряк.

И в этот миг галдеж прервал незнакомый и неслышанный дотоле над палубой голос:

— Остановитесь, безумные! Лик Митры смотрит на вас и зрит гордыню непомерную вашу!

Голос был сильный, глубокий, чистый и торжественный, даже величественный и принадле-

жал, безусловно человеку немолодому и уж точно представителю митраистского культа. И действительно, тот самый благообразный старец, приметивший, как Хорса и Тэн И забрались в трюм, стоял теперь на трапе, ведущем на кормовую надстройку. Глаза его горели праведным гневом, десница с длинными белыми перстами была воздета к небесам, прилежно расчесанная прежде борода разметалась ныне на тонкие, волнующие ветром пряди. Потрясая посохом, кой в левой руке держал, жрец рек, пиктскими стрелами не смущаясь.

— Что делаете вы? Ужели невнятно явлен вам гнев божий? Ужели то, что оказались вы в гиблом месте сем, нимало не вразумило вас? Ужели то, что в годину испытаний бог удалил от вас короля и с ним храбрейших и сильнейших спутников ваших, не отверзло очи вам? И ужели явление из чащ и дебрей сих далеких орды нелюдей, хищникам серым подобной, кровью праведников убиенных расписанной, не образумило вас? Одумайтесь и покайтесь, ибо справедлив бог наш и грозен гнев его, но так же велика и милость! Укрепитесь в сердце своем и смирите непокорство и гордыню вашу друг пред другом! Ибо не дает испытаний тем, кого не жаждет видеть в царстве своем! Преклоните же колена и помолитесь, а после облачитесь в брони железные и спасите честь вашу и жен беззащитных ваших и, коли заслужите прощение, и сами спасетесь! Раскройте же вежды и возведите взор на светило дивное и да узрите в нем не огонь земной и смертный, но свет

и огонь палящий, однако же и дарящий, и вознесите молитвы и мысли свои поверьте Ему, и да образумит вас свет истины животворной и всепроницающей!

Проповедь — а это, несомненно, была проповедь — оказалась краткой, но пламенной и проникновенной. Старец стоял, воздев десницу и подымая левую руку с посохом, а только что испугленно спорившие с пеной у рта, с налитыми кровью глазами, как у разъяренных быков, месьоры умолкли наконец.

Митраистское духовенство пользовалось у всех непререкаемым авторитетом. Жрецы светлого бога крайне неохотно вмешивались в светскую жизнь, справедливо полагая, согласно канонам своей веры, что безгрешная и праведная жизнь, сиречь деяния, есть предмет заботы каждого человека — на то и дана ему Митрой свобода воли. Что же касается всего прочего, то об этом Митра порадеет лучше всякого человеческого существа. Сами жрецы вели существование, лишенное излишеств и полное лишений, но истинно праведное и, главное, правдивое, открытое взорам всех, в отличие от жрецов Сета, делавших из любой мелочи страшную тайну.

Конечно, у митраистов были и мистерии, и чудеса, и круги посвящения, и таинства, но все это было радостным, мироприятным, и для того чтобы достичь этой радости или какого-либо знания жаждущим не надо было отказываться от чего-либо действительно дорогого и естественного. То есть не надо было забывать о том, что такое лю-

бовь, жалость, милосердие, сочувствие, дружба, родина, наконец.

Разумеется, плотские утехи вставшему на путь достижения света приходилось оставить в прошлом, но взамен предлагалось нечто иное, в своем роде не менее ценное и вполне ощутимое, а не то пугающее и обманчивое, куда звали служители Великого Змея.

Естественно, что митраисты заслужили великое уважение как среди черни, так и у публики знатной и состоятельной. Чувствуя в жрецах Митры людей несколько странных и даже своего рода одержимых, но, несомненно, сильных духом и истовых в своей вере, преисполненных неподдельного благочестия, у них вольно или невольно искали духовного приюта или совета. И находили, если, конечно, действительно хотели найти, и даже не сразу забывали внушенное и услышанное, и руководствовались понятым. Свет митраизма был разлит по всей Хайбории и даже проникал за ее пределы. И восприняли его не только хайборийцы, но и те народы, что жили на континенте до их прихода, и иные, обитавшие в хайборийском пограничье.

Вот и на сей раз пожар бессмысленного спора был мгновенно потушен, словно бы с небес обрушился благодатный очистительный ливень. Доблестные государственные мужи стояли, не совсем понимая, о чем они только что столь страстно спорили.

— Не настало ли время нам, благородные месьоры, взяться за оружие и отразить этих обезу-

мевших исчадий сих ужасных дебрей? — внезапно изрек Дюгарри, длань возложив на дорогой, золотом инкрустированный эфес меча.

— Не вижу к тому ни малейших препон, доблестный месьор, — поддержал его герцог зингарийский Вильяс.

— Мнится мне, что деяние сие будет достойным, и сможем мы снискать себе превеликую славу, а равно и благосклонность прекрасных наших дам, — витиевато выразился аргосский посол Пиоло, коему в ходе перепалки так и не дали произвести ни слова.

— Несомненно, даже если и суждено нам погибнуть, деяние сие будет превеликого удивления и восхищения достойно, — громогласно заявил Сибилио, выпятив грудь колесом, отчего стал еще дороднее и осанистее. — И сей добрый человек... — указал он на жреца, кой уже сошел с трапа и стоял у подножия его, опершись на посох и строго, но светло глядя на преисполнившихся боевого духа рыцарей.

— И сей добрый человек, — с воодушевлением и некоторым даже трепетом повторил месьор Сибилио, — да не усомнится в том, что праведные слова его не пали в терние, и не канули, и не пропали втуне!

— О, да! О, да! — подхватило благородное собрание. — К мечам! К мечам!

Все стали звать своих оруженосцев — у кого, разумеется, таковые были, — дабы облачиться в брони, чтобы пиктские стрелы, мечи и дротики не могли уязвить тела сражающихся.

И в сей славный и возвышенный миг пиктская стрела, неведомо как угодившая в эту часть палубы, не нашла себе никакой другой цели, кроме как грудь жреца. На счастье, ранение, видевшееся очень тяжелым, не пришлось прямо в сердце. Но пожилой человек был уже не столь крепок телом, сколь духом, к тому же переживания его, очевидно, были еще более сильными, чем это проявлялось внешне. Он упал без чувств. И кровь пусть тонкой, но живучей струйкой потекла на палубу.

— Какая вопиющая несправедливость! Какая досада! К оружию! Отомстим за него! — вскричал граф Ильескас, извлекая из ножен узкий длинный меч из очень добротной стали — фамильную реликвию. В доспехах граф как-то сразу вырос и помолодел, и глаза его засверкали точно как в ту пору, когда он был еще полон юношеского задора и лихо бился на турнирах и в сражениях и был столь же безудержен в увлечениях и пирах.

Но Вяялли оказался куда более трезв и практичен. Его, думалось, вовсе не коснулся тот порыв, что охватил прочих.

— Лекаря сюда, и поживее! — прокричал он, лишь мельком взглянув на несчастного служителя Митры, и тон его не допускал возражений. — И не вздумайте трогать его, пока не явится Зейтулла!

Лекарь примчался незамедлительно. Голос у аргосца был таков, что его четко слышали даже в трюме. Старый туранец, за долгую и многотрудную жизнь привыкший ко всяким неожидан-

ностям и сталкивавшийся со всякими неприятностями — от дамских обмороков до отрубленных секирой палача конечностей (туранские вельможи-самодуры нередко спешили с исполнением суровых приговоров, одумываясь лишь после свершения факта наказания), был совершенно равнодушен к свистевшим уже непрерывно стрелам и изрядной волне. В своих широких и дорогих цветных атласных одеждах, отороченных золотом, и высокой белой чалме, благообразный, с аккуратно подстриженной седой бородкой и маленькими добрыми близорукими глазами Зейтулла казался незыблемым островком спокойствия и милосердия среди жестокости и стихии. Быстро осмотрев рану, он только и произнес, обратившись к Вьялли:

— Ранение не опасно, месьор. Мне необходимы носилки и двое помощников. Остальное я сделаю в грюме. И прикажи, пускай закроют эти отверстия в бортах...

— Порты? — спросил аргосец.

— Да-да, их. Туда может нечаянно попасть стрела, а некоторые дамы слишком любопытны.

— Гонзало! — прокаркал Вьялли. — Двоих людей, носилки и задраить порты! Иначе первым на Серые Равнины пойдешь ты!

Дерзость была неслыханной. Сказать такое капитану зингарийского королевского корабля, да еще знаменитому корсару, мог бы вот так запросто разве что Конан Киммериец или не отдающий себе отчета Норонья. Но, к удивлению всех, кто слышал аргосца, в том числе и команды, Гон-

зало не посмел ослушаться. Лишь на миг промелькнул в его глазах гнев, и лицо тронула недобрая усмешка, но тут же вновь он обрел невозмутимость.

— Задраить порты! Живо! — скомандовал он. — Фрашку! Нарваэс! Носилки, и к лекарю, мигом!

Приказы Гонзало не обсуждались.

Тем временем пикты, в отличие от придворных, времени не теряли. Их легкие быстроходные каноз, подгоняемые мощными гребками и еще пуще того сильным низовым ветром и быстрой волной, обскакали-таки «Полночную звезду», которой ни такой ветер, ни такая волна существенно помочь не могли. Утлые лодки жителей пуши довольно скоро облепили тяжелый неф со всех сторон, как охотничьи лайки в далеком Асгарде нападают на могучего, но неповоротливого медведя. Пикты быстро смекнули, что людей на нефти немного, а потому подходили к судну в открытую, тем более что ответной стрельбы по ним команда так и не открыла.

Пикты были в ярости. Никто так и не мог понять, что побудило их к столь многочисленному и рискованному выступлению. Никто не мог взять в толк, как получилось, что пикты оказались именно в это время и в этом месте в таком количестве. Аргосцы и зингарийцы хоть и вели иной раз с ними меновую торговлю, но имели о пуще крайне поверхностное представление, и лишь аквилонцы и бывшие пираты с Барахас осознавали, что тихие после замирения, достигнутого Конаном, пикты впервые собрали по-настоящему большой

и сильный отряд. Здесь был явно не один клан, но десять или пятнадцать. Конечно, ненависть к Большому Белому Вождю с востока, сиречь Конану Киммерийцу, медленно тлела у дикарей, и невидимый пожар этот за несколько лет мог с легкостью дойти и до побережья. Но не могли же они, носа не казавшие за опушку своих лесов, узнать, когда и куда отплывает королевский неф и когда и куда прибьет его неистовая буря.

Впрочем, теперь все эти вопросы лишь в виде обрывочных мыслей приходили на ум то одному, то другому участнику предстоящего абордажного боя, если, разумеется, сей участник был хоть сколько-нибудь осведомлен об истинной ситуации на аквилонской закатной границе и на Закатном океане. Увы, далеко не все государственные мужи Хайбории умели по-государственному думать, да не все умели думать вообще. Впрочем, именно это, возможно, и составляло основу незыблемости хайборийского мира. И медведеподобный барон Полагмар из гандерландских чащоб, и утонченный образованный тарантиец Евсевий, и беспринципный, живущий одним сегодняшним днем аргосец Сотти, и тупой служака Норонья — все они ощущали себя хайборийцами, пускай сильно не любили друг друга и с превеликой радостью не знали бы друг о друге ничего. Теперь же, прямо на глазах, из сора, обломков и пепла, из разобщенной толпы представителей разных стран и сословий на «Полночной звезде» словно бы по волшебству поднималась древняя великая Хайбория.

К слову сказать, Тэн И и Хорса как раз и стали свидетелями сего чудесного возрождения, ибо они выбрались — так же тихо и незаметно, как вошли в трюм, — на палубу, когда услышали и увидели страстное обращение жреца. Церемонный кхитаец, словно узрел самого Митру, смиренно стоял, неотрывно и благоговейно взирая на старца. Хорса, соблюдая вежество, находился рядом с Тэн И, с интересом посматривая то на сотоварища, то на митраиста, и размышлял о том, что же такого символичного видят в сем несомненно достойном, но уже весьма пожилom и довольно слабым человеке кхитаец и собрание сильных мира сего.

Одновременно Хорса поглядывал на море, прикидывая, когда пикты настигнут корабль в числе достаточном, чтобы безбоязненно идти на абордаж, и в мыслях советовался с великим Виттигисом, как бы избежать неизбежного. Легенды говорили, будто Виттигис стал тем, кем он в итоге стал, благодаря умению быть где нужно леопардом, а в ином месте — изворотливой ядовитой змеей.

Когда жрец упал, сраженный стрелой, и месьюры наконец-то зашевелились, Тэн И, забыв обо всем, опрометью бросился обратно в трюм и через несколько мгновений — или чуть больше, но проделал он все чрезвычайно скоро — появился вновь. Переодеться кхитаец, конечно, не удосужился, а потому выглядел по-прежнему эксцентрично. Должно быть, пикты, завидев Тэн И, немедленно почли его за какого-нибудь колдуна и остереглись тро-

гать прежде времени стрелой. В правой руке у кхитайца был арбалет, на боку — тул со стрелами, в левой руке — кожаный мешочек, в коем звенело и брякало нечто. Опять не уделив и толики внимания Хорсе, в некотором недоумении наблюдавшим за внезапным порывом своего высокоученого и многоумелого товарища, кхитаец бросился к еще не успевшему сокрыться вместе с носилками в подпалубное пространство Зейтулле, мягко остановил его и прошептал несколько слов по-турански, передавая лекарю мешочек. Туранец с интересом взглянул на Тэн И, принял мешочек, церемонно, несмотря на спешку, поклонился и ответил по-кхитайски. Надо думать, он знал, что сказать, потому что бесстрастное, ничего обычно не выражающее лицо Тэн И осветила лучезарная улыбка.

— Во имя Митры пресветлого и вездесущего! — В один голос рекли друг другу оба чудака и разошлись, очевидно, весьма довольные, исполнять свои насущные обязанности.

— Я бы посоветовал вам, мой друг, облачиться в приличествующую случаю одежду, — заботливо обратился к гандеру Тэн И, подойдя наконец к нему.

Вместо ответа Хорса похлопал себя крепкой ладонью по груди. Тихонько звякнула кольчужная броня.

— А меч у меня на поясе, — добавил гандер, обеспокоившись, что Тэн И забудет обратить внимание на подобные мелочи.

— Я бы взял еще щит, — несколько смущенно посоветовал кхитаец.

— Я не люблю щитов, — спокойно отвечал Хорса. — Но вот шлем не будет вовсе бесполезен.

И он отправился в трюм, ступая величаво, как перед поединком чести, а не стычкой с пиктами.

«Наверное, месьор Хорса опять беседовал с месьором Виттигисом, — подумал кхитаец. — Как можно вспоминать об этом, несомненно, славном и храбром муже, но уж давно почившем, когда один из ликов Митры открыто взирает с небес, а святой человек провозвещает нам истину, и устами его глаголют уста бога!»

Гандер также не слишком задержался во чреве судна. Когда он вышел на палубу, на нем красовался железный клепаный шлем, покрытый ярко горящей на солнце медью. Вокруг головы, струясь вороненым длинным телом по медной поверхности, обвивался Черный Дракон гандеров. Распластанные лапы змея тянулись к вискам и переходили на личину, частично закрывавшую лицо Хорсы, так что открытыми оставались щеки и подбородок. Щита упрямый гандер так и не взял.

А пикты уже обложили неф со всех сторон и лишь ожидали команды своего предводителя, чтобы кинуться в решительную атаку. Корму по-прежнему охраняли зингарийские солдаты как самая верная боевая сила «Полночной звезды». Вооружившиеся месьоры и их оруженосцы заняли нос и ближнюю к нему часть палубы. Вдоль бортов встали те, кого Гонзало отрядил отражать абордаж. Фрашку среди них не было, но загорелые надутые бицепсы моряков и стальные полосы страшных палашей в их руках внушали гото-

вым умереть с честью некоторые сомнения в конечном печальном итоге боя: пираты — пускай и бывшие — ободренные, израненные и полуживые — спасались иной раз из таких крысиных дыр и выходили живыми из таких переделок, что сами крысы позавидовали бы.

Тэн И, спрятав свой узкий гнутый меч в ножны, вооружившись арбалетом, в мгновение ока вознесся на пять локтей вверх по вантам и оттуда, балансируя не хуже любого бывалого матроса, стал выслеживать того, кто был у пиктов главным.

— Месьор Хорса! — крикнул сверху кхитаец — гандер стоял в одном строю с матросами как раз под ним. — Осмелюсь спросить, не тяготит ли вас этот крик?

— Он не улаждает слух, — рек в ответ гандер. — Они идут мстить, даже не знаю кому и за что.

— Это тягостно, — согласился кхитаец. — Но замечу: когда идут мстить жрецы Цин Хуанди, вы не слышите ничего, но чувствуете, как мышь чует змею и боится, но не знает, откуда та ударит. Это много, много страшнее...

Договорить Тэн И не дали. Бесконечное «клук-хту!» смолкло, нависла зловещая тишь, нарушаемая лишь воплями чаек, дравшихся из-за рыбы. Внезапно раздался дикий душераздирающий вопль с левого борта, и, мгновенно откликнувшись на него своим непонятным заклинанием, пикты, забрасывая на фальшборт лиановые веревки с крючьями или просто карабкаясь вверх по довольно высокому борту с помощью ножей и топоров,

проявляя при этом удивительную ловкость и проворство, бросились на абордаж.

Но тот, кто отдал приказ к атаке, не ускользнул от взгляда кхитайца. Тощий и длинный костлявый пикт средних лет с редкой кудлатой бороденкой, стоя в полный рост, не шелохнувшись, скрестив на груди руки, в длинном каноэ с шестью молодцами в зеленых набедренных повязках, напрягал голосовые связки, широко открыв рот. Лицо его, кривое и отвратительное, было размалявано краской, но тем не менее легко было узреть, что кожа у него не сероватого оттенка, как у большинства пиктов, а грязно-землистого цвета. Собственно, более ничего, кроме тонких белых шерстяных одежд Хорса припомнить и заметить не успел: арбалетный болт как иголка в воск вошел крикуну прямо в кадык.

Вопль оборвался. Наконечник тяжелой стрелы вышел наружу у самого основания затылка, раздробив позвонок. Даже руками не всплеснув, колдун, как сноп, повалился за борт и камнем ушел под воду. Видя, что «большая лодка» не отстреливается, пикты утратили последнюю боязнь быть пораженными на расстоянии, за что и заплатились. Но удивителен был последующий поступок шестерых гребцов роскошного, покрытого крупной геометрической резьбой каноэ. Здоровенные детины, по сравнению с которыми даже бывший моряк Деггу, ушедший вместе с Конаном, не показался бы большим, вместо того чтобы принять участие в штурме, извлекли острейшие обсидиановые ножи и, выкрикнув нечто тоскливое, как

воплъ альбатроса, дружно, как по команде, пропороли себе грудную клетку точно там, где находится сердце. Кровь залила циновки, окрашенные в красное, зеленое и белое, и красивое дерево. Шесть молодых, только что дышавших жизнью тел валялись теперь на дне лодки в нелепых позах или свисали за борт, точно выпотрошенные тем же колдуном для гадания куры.

Зрелище было тоскливое. Непостижимое и крайне неприятное. Боевого духа хайборийцам это никак не могло прибавить. Добро еще, что ни одна из дам не видела этого.

Кровь пролилась в воду. Последнее, что заметил Хорса, прежде чем перерубить ударом меча перехлестнувшую через фальшборт словно ядовитая гадина лиану, был острый черный плавник, без плеска разрезающий седую отблескивающую на солнце поверхность океана.

Пикты лезли на королевский неф как одержимые. Смерть колдуна, казалось, лишь озлобила и подхлестнула их. Черные каноэ подлетали к борту «Полночной звезды», точно пчелы на мед. Пикты, которые лазили по деревьям не хуже аборигенов Черных Королевств, легко взбирались по резным галереям на корму. Пока что закованные в чешую, кирасы и глухие шлемы зингарийские гвардейцы сдерживали непрерывный штурм, не слишком опасаясь за свою безопасность.

До носа пикты покуда не добрались, и дворянское воинство стояло без дела. Хуже было на палубе, гораздо более низкой, чем кормовая и носовая надстройки. Сюда пикты бросили основные

силы. Атака шла с обоих бортов, и матросы, до последнего момента полагавшие, что «Полночной звезде» удастся уйти или что с дикарями легко будет сладить, просчитались. Увы, будь здесь Конан, он бы всех заставил уважать этого злого и сильного противника, и медлить с ответной стрельбой не посмел бы никто, даже при несогласии Гонзало. Теперь же было поздно. Тэн И, расстреляв весь свой запас — к слову, никто не заметил, чтобы кхитаец промахнулся, — пришлось спуститься на настил. Вскоре он оказался рядом с Хорсой.

— Любезный Тэн И, а ведь у вас у самого нет даже кольчуги! — успел крикнуть гандер, пока очередной пикт еще не появился на фальшборте.

Вместо ответа Тэн И быстро завернул рукав своей пышной куртки. Блеснули мелкие, прекрасно выкованные и плотно сплетенные меж собой стальные кольца.

«Дракон! — только и успел подумать Хорса. — Ведь у него почти не было времени переодеться! И двигался он, будто бы на нем этой кольчуги не было! Интересно, на чьей стороне был бы верх, схватись Тэн И с Конаном?»

Впрочем, додумать сию крамольную мысль ему не дали. Пикты, поднажав, прорвали оборону палубы с другого борта. Покрытый боевой раскраской, весь в устрашающих татуировках, стройный и весьма молодой еще пиктский воин с совершенно непредсказуемыми движениями, напоминающими коварные броски болотной гадюки, размахивая увесистой палицей, пользуясь длиной и быстротой своих рук, удерживал моряков на рас-

стоянии, давая своим сотоварищам возможность беспрепятственно преодолевать барьер борта.

Пикты были вооружены как попало: у кого-то был лук, у кого-то палица, у иных топор. Большинство были с бронзовыми мечами, но у некоторых оказалось и настоящее железное оружие. Откуда оно пришло на закатный край пуши? Добралось ли по цепочке менового торгового аквилонской границы, или зингарийцы, аргосцы и шемиты все же сбывали его пиктам, попирая договоры и запреты?

Гонзало, увидев, что рыцари не слишком спешат прийти матросам на помощь, снял вахтенных с их постов и приказал пособить товарищам, тем более что набравшую ход «Полночную звезду» весьма непросто было сбить с курса. Ветер же выдался попутный, хотя и легкий, но он постепенно усиливался.

Однако сбросить пиктов за борт не удалось. Даже протрезвевший до неузнаваемости Нарваэс, вооруженный огромным палахом, чем-то схожим с мясницким топором, коим зингариец орудовал с ловкостью того же мясника, священнодействующего, разделявая туши, не смог существенно изменить ситуацию. Потери, правда, с обеих сторон были невелики, хотя пиктов пало раза в два-три больше, но для экипажа и пятеро убитых были большой потерей.

Во главе все с тем же человеком-змеей, жонглировавшим дубиной, утыканной огромными острыми клыками диких зверей, пикты быстро и верно пролагали себе путь к мачте, а там рукой

было подать до люка в трюм, а если бы кто-то под рубил мачту топором, нефу сделалось бы совсем худо.

Поняв наконец, что дело принимает угрожающий оборот, и что, стоя на носу, положения не исправишь, часть рыцарей вступила в схватку. Как бы ни были умелы в морском бое бывшие пираты, как ни вышколены были солдаты кордавской гвардии, но только они выглядели довольно бледно в сравнении с теми, для кого война была даже не профессией, а жизненным предназначением. Строй месьоров — будь он пеший или конный — мог остановить или прорвать только другой строй месьоров. Эти люди — то есть большинство из них — учились фехтованию столько, сколько помнили себя. И пусть с годами они тучнели, жирели, лысели, становились ленивы, обзаводились дурными привычками и наклонностями и занятиями мечным боем зачастую пренебрегали, но школа и традиции оставались, и истребить их было невозможно. Пусть Конан и увел с собой самых отчаянных рубак, но и без них, вопреки большим сомнениям аквилонского короля, на «Полночной звезде» было кому выказать прежнюю хайборийскую доблесть.

Вьялли, Пиоло, комит Гальвао — трое аргосцев, мягко говоря, не слишком обожавших друг друга в обыденной жизни, теперь бились плечом к плечу. Высокий и худощавый Вьялли, маленький круглый Пиоло и крепыш-комит являли собой весьма колоритную группу. Как и большинство аргосцев, они предпочитали длинный тонкий меч,

коим удобно было не только рубить, но и колоть и резать. Пикты, безусловно, колющего удара не знали — этот прием даже в Хайбории был привилегией Аргоса, — и немало дивились, если успевали, конечно, когда оружие вдруг било в тело подобно клыкам кабана, только вот проникала холодная закаленная сталь куда как глубже.

Аргосцы возглавили отпор, а за ними еще с десяток зингарийцев и аквилонцев, и в их числе, несомненно, Дюгарри, Сибилло, Ильескас, Вильяс пришли на подмогу матросам. Самые горячие спорщики, к счастью, оказались не менее ретивыми бойцами.

Общими усилиями пиктов удалось оттеснить обратно к борту. Ловкач с палицей по-прежнему показывал чудеса жонглерского искусства, но теперь уже ему приходилось отбиваться. В конце концов Вьялли оказался с пиктом лицом к лицу, и два мастера боя — при этом манера у них была весьма похожа — принялись выяснять отношения. Делали это они довольно своеобразно: пикт пытался достать Вьялли палицей, а тот, то создавая завесу из сверкающего металла, то язвя противника змеиными выпадами, не давал ему подступить поближе. Сколько бы продлился этот танец, будь визави наедине, неизвестно, скорее всего, успело бы сесть и снова взойти солнце, но вокруг кипел бой. В отличие от хладнокровного градоначальника Вальбузо, дикарь увлекся поединком, захваченный его бешеным рваным ритмом. Он позабыл, что кроме этого нескладного высокого белого человека, волосы которого были зачем-то

омерзительно коротко и ровно обрезаны, а на лице — как это непонятно! — отсутствовали всякие следы боевой раскраски или татуировки, и даже кольца не было в ухе или в носу, что кроме него рядом были и иные враги, и было их немало. Пикт и не заметил, как остался почти один — матросы и месьоры прижали его соратников вплотную к борту, — и Дюгарри, зайдя слева, ничтоже сумняшеся нанес пикту режущий удар в бок, чуть ниже ребер. Меч у зингарийца был отточен на славу и явно не пылился в фамильных чертогах, чинно и бесполезно повиснув где-нибудь поверх ковра на стене. Пикт не успел завершить удара, намеченного в челюсть аргосцу. Глаза его остекленели — вероятно, пикта поразил болевой шок, — и он пал. Смерть наступила мгновенно. Лишившись главного своего защитника, остальные пикты либо скоро и бесславно погибли, либо вынуждены были ретироваться за борт.

Воздев к зениту клинки, трое аргосцев, стоя у очищенного фальшборта, вскричали: «Аргос! Аргос! Аргос!» Троекратное это восклицание все реже звучало ныне над сушей и морем, ибо месьоры городов ссорились в основном меж собой и все более подминавшей под себя остальное побережье королевской Мессантией. Но сегодня был их день. Морская слава Аргоса воссияла заново.

Но в тот же миг торжество было испорчено. Пикты наконец-то добрались до носа и взобрались таки наверх. Узкая и довольно короткая надстройка заполнилась лязгом мечей, гортанными криками пиктов и отрывистыми возгласами хайбо-

рийцев. Месьюры бились умело, но пиктов было много, и они, используя мощь и внезапность атаки, стали теснить месьюров, угрожая сбросить их вниз.

Прийти на помощь было больше некому: схватка у бортов продолжалась в прежнем бешеном ритме, а зингарийская гвардия на корме не могла оставить свои позиции, хотя основной напор там был отражен почти без потерь.

Вот тогда, увидев, что Фрашку сражается не столь уж далеко от носа и опасность в случае успеха там пиктов будет в первую очередь угрожать ему, Гонзало тряхнул стариной. Оставив командование экипажем на Гвидо, он, не раздумывая свалился прямо на головы дикарям.

В правой руке у Гонзало был abordажный палаш, левой он держался за канат, а в зубах сжимал длинный морской нож. Мягко, как кот, капитан опустился у самого основания мачты. Вот тогда все увидели, что значит настоящая abordажная резня!

Гонзало отнюдь не выглядел могучим воином, и думалось, что пикты легко разрубят его на кусочки и выкинут акулам. Не тут-то было! Расположившись так, что за спиной у него врагов не осталось, Гонзало дрался явно не по-благородному, пуская в ход мерзейшие приемы, достойные разве только приморских окраинных кварталов Кордавы, где скрываются от властей всякие негодяи, и доживают век в нищете и болезнях отходившие свое моряки. Он действовал не только палахом и кинжалом, но и рукоятями оных, раз-

давая зуботычины, ногами, нещадно пиная пиктов по обнаженным голням кованым морским сапогом и даже головой. Пикт, изловчившийся подобраться поближе к капитану и даже ухвативший его за плечи, повалился навзничь со сломанным носом, уронив случившегося за спиной товарища. Хлынувшая из рассеченного лба кровь залила упавшему глаза, и он, не видя ничего, стал существенной помехой своим соратникам.

Раскидав таким образом ближайших соперников, капитан заставил пиктов считаться с собой как с серьезной боевой единицей. Пока те вытанцовывали перед ним, угрожающе потрясая мечами и дубинами — метать дротик или стрелять из лука было рискованно, ибо из-за толчеи на носу немудрено было угодить в своего, — месьюры разобрались с боевым порядком, сообразили, как проще сладить с врагом, да к тому же с палубы побиться за своего приемного отца пришел Фрашку, и еще Тэн И, вполне убедившийся, что доверенное лицо короля Хорса владеет мечом ничуть не хуже, чем пару лет назад, и вполне может обойтись без охраны.

Хорса же, на шее у коего под кольчугой кхитаец узрел заветный шарф графини, впал в настоящее боевое неистовство, круша врагов направо и налево. Единственное, чего надо было опасаться, так это попыток пиктов снять не в меру ретивого рубаку стрелой. Однако поток стрел постепенно иссякал. Большинство пиктов перебрались на корабль и дрались там. У тех же, кто остался в каноэ, была иная забота — держаться за

«Полночной звездой», ибо опускать паруса никто не собирался, и судно шло вперед, да и ветер продолжал усиливаться, и запас стрел у пиктов тоже не был неисчерпаем.

Глава восьмая

Все собрались на стоянке. Щиты были закончены, и Конан с удовлетворением убедился в надлежащем их качестве. Ждали только Полагмара и Евсевия, засевшего с луком где-то на противоположном берегу, охраняя вельбер. Как ни силился король определить их местоположение, это ему не удалось.

— Вельбер за кустами прямо перед тобой,— пояснил Серхио.— А вот где твой болтливый аквилонец, я не знаю. Он кто, стражник?

— Ученый,— коротко отвечал Конан, покидая реку и возвращаясь на полянку, оставив Серхио в задумчивости.

Майлдаф опять забрался на дерево, а на берегу остался Арриго — ждать гандера и Евсевия. Остальным Конан вкратце объяснил свой план.

— Иного нам не остается,— закончил он.— Если кто измыслит лучше, я готов выслушать. Мне и Арриго такое не удалось. Если барон принесет добрые вести...

Речь короля прервалась криком чайки.

— Это Евсевий,— раздалось откуда-то сверху.

— Бриан, если будешь орать, пойдешь на корм крокодилам! — пригрозил Конан.

В ответ раздался похожий крик: на сей раз ким-мериец опознал военачальника.

Снова оказавшись у реки, Конан наблюдал, как в три взмаха Евсевий и Полагмар перегнали вельбер обратно.

Дюжий гандер был весь красный от жары. Пшеничные усы его победно распушились, а голубые коровьи глаза неожиданно хитро заблестели.

Стянув с головы шлем и пригладив непослушные соломенные вихры, Полагмар приступил к объяснению.

— Ваше величество,— начал гандер, утирая со лба бисеринки пота.— Я прошел по берегу до самой теснины: ни единой души! Две белки, попугай, пять обезьян и следы маленького кабана — вот и все. Дальше обрыв, осыпь. Очень крутая, каменистая, но спуститься можно. Я спустился,— для пущей весомости пояснил барон. Рассказывал он быстро и лаконично, но получалось у него на диво обстоятельно и полно.

— Внизу по краю потока есть полоска плотной земли,— продолжал барон.— Сам ручей локтей пять-шесть в ширину, течет очень скоро, но камней не видно. Вода глубокая, я шестом проверил. Затем я пошел вверх, добрался до места, где над расселиной упало дерево. Перелез на ту сторону...

— Что дальше по ручью? — перебил Конан.

— Сейчас, Ваше величество,— закивал барон.— Потом начался уклон, все круче и круче. Лес расступился, и я вышел к обрыву: гранит, мох, папоротники. Высоко, но много уступов и трещин. Я полез наверх...

«Да,— подумал Конан.— Ему выпали приключения поинтереснее моих».

Так и оказалось.

— Обрыв был локтей десять. Наверху я сразу попал в густые папоротники. Карниз был совсем узкий, дальше вверх опять вела круча, но уже не отвесная, вся утыканная камнями. Подниматься было легко. Я решил узнать, что же там, на самом верху. Охраны нигде не было. Откос почти кончился — впереди деревья уже не вставали друг над другом, когда я уперся в часток стол пятнадцати локтей высотой. Конечно, перелезть через него я бы не смог, если бы не мой меч. Я утвердил его в земля и встал на крест, после чего руками смог ухватиться за барьер и перелезть его...

— А меч? Оставил снаружи? — поинтересовался Конти.

— Нет.— Барон недоуменно и несколько обиженно взглянул на молодого человека.— К мечу я привязал веревку и втащил его за собой. За тыном оказался — вы представляете себе, месьоры? — сад! Никогда бы не подумал, что эти каннибалы способны на подобное! — Напыщенный гандер был удивлен до глубины души и позволил себе подобное проявление чувств.— Сад из отличных яб-

лоневого деревья, месьюры! Таких я не видел даже в Тауране!

— И там не было часовых? — скептически спросил король.

— О, вот там-то они мне и встретились! — возвестил гандер. — Две огромные змеи! Одна обвилась вокруг сука на дубе...

— Постой, там же были яблони! — приостановил его Евсевий, ухмыляясь в бороду.

— Яблони, — с достоинством подтвердил барон. — Но не только. А вторая свернулась в пирамиду под деревом чуть подалее и спала, а та, что на дубе, засвистела и подняла голову, изогнувшись вот так. — Полагмар согнул руку в локте и наклонил кисть.

— Какие они были? — прервал барона Конан. — Длинные? Толстые? Бледные или пестрые? Какая голова?

— Бледные. Голова невелика, но твой кулак, ваше величество, в глотку пролезет. И толстые. Длинные? Мне показалось, что они огромны! В наших лесах таких нет!

— Еще не хватало! — снова дал знать о себе Майлдаф.

Конан быстро нашел в траве такую же шишку и запустил ею на голос. Судя по довольному возгласу горца, король попал.

— Ладно, — махнул рукой Конан. — Я тоже не знаю всех тварей этих лесов наперечет. Что тебе еще удалось узнать?

— Сначала я хотел бежать, но змеи меня не трогали. Я просто обошел их стороной и, пройдя

по совершенно пустому саду, вышел на тропу. Влево она поднималась опять в гору, и туда я не пошел. Справа же я увидел некое здание и направился к нему.

— Здание было из крупного серого камня, с передним нефом и башенкой? — уточнил Конан.

— Да, ваше величество! — с радостью согласился барон. — Ты тоже был там?!

— Я видел его снизу, — разочаровал Полагмара киммериец. — И так?

— Я подошел к самой стене дома. Она уходила прямо в склон горы. Окошки находились довольно высоко, и мне пришлось рискнуть — дойти до главного входа и заглянуть внутрь.

— Неужели и там не было никого? — Даже ничему не удивлявшийся Сотти на этот раз был заинтригован.

— Не совсем, — холодно посмотрев на аргосца, отвечивал барон. — Я был еще раз поражен: там все стены в удивительной резьбе и мозаике. Не знаю, что это за религия, но все выглядело просто ослепительно! Однако, — с совершенно гандерской педантичностью и строгостью заметил вмиг посерьезневший после восторгов Полагмар, — у дикарей доставшееся им наследие пребывает в ужасном небрежении! Кругом копоть, жир. Допускаю, что они мажут резные каменные фигуры кровью. Многого заметить я не успел: к большому камню в глубине храма — а далее вглубь горы вводила толстая дверь — были накрепко привязаны толстыми веревками двое несчастных. Очевидно, их предназначили в жертву.

— Двое? — уточнил Конан.

— О, да, двое. Мужчина и женщина. Они, должно быть, голодали дня три, ибо были очень слабы. Я было хотел напоить их из кувшина, стоявшего тут же, но снаружи слышались вопли...

— Это были пикты? — Принц Конти был весь в ожидании красочного описания схватки.

— Да, и те несчастные, и снаружи, — подтвердил барон. — Я поспешил выскочить и спрятаться за углом. По тропе снизу поднималась целая процессия дикарей во главе с их колдунами.

— Омерзительное зрелище! — возмутился Полагмар, и его гандерландский акцент стал совершенно невозможен. — Все размалеванные, в крови, грязи, перьях, каких-то вервях, с этими дурацкими масками на шестах да еще с устрашающими рогадинами...

— Ими они выкалывают жертвам глаза или протыкают грудь, — пояснил со знанием дела Конан. — Дальше?

После такой реплики короля все, включая Сотти, невольно поежились и притихли, так что повествование Полагмара продолжилось в абсолютной тишине.

— Я не стал дожидаться, пока меня заметят, потому что за жрецами шли воины, и поспешил пробраться обратно к изгороди. На этот раз змеи и вовсе не обратили на меня внимания, — изрек барон. Видимо, он недолюбливал змей и очень гордился тем, что поборол этот нелепый страх.

— Тем же способом я преодолел ограду, спустился к ручью и пошел вверх по течению. Вскоре

лес стал редеть, а потом и вовсе сменился кустарником — правда, очень густым, но не высоким — и отдельными деревьями. Открытое пространство простирается на пять скадиев, после же начинаются скалы. Они встают прямо из земли, будто это один большой камень, на огромную высоту!

— В пуще это часто случается, — кивнул Конан. На душе потеплело: он уже знал, куда клонит барон.

— А ручей исчезает в этих скалах, — оправдал ожидания короля Полагмар. — Я не думаю, что он там и кончается, — предположил он, — ибо за скалами начинается пологий уклон, а вдали видны возвышенности, скалы же кончаются довольно скоро. Но в них мы можем укрыться на время от преследования, и вряд ли там кто-нибудь обитает. На обратном пути тоже царило безлюдье, — завершил барон свой рассказ, оглядев победно присутствующих при сем месьюров и вопросительно взглянув на монарха.

— Благодарю тебя. Я не забуду об этой доброй услуге. — Конан оправдал ожидания гандера подобающей случаю фразой. Но ему действительно понравились невозмутимость, исполнительность и, главное, сообразительность и лесные навыки Полагмара.

— Поступим так, — Конан тут же приступил к отдаче приказаний, — ждать нам нечего. Пикты имеют обыкновение начинать свои празднества перед закатом. А это значит, что скоро сюда явятся воины с факелами — почетное оцепление,

и народу на всех берегах соберется столько, чтомышь не проберется. Надо проскочить озеро прямо сейчас. Каноз мы обольем смолой и подожжем — со мной пойдут Полагмар и Майлдаф — но не прежде, чем со стороны горы завопят: это будет означать, что они выволокли свои жертвы из храма и начали с ними развлекаться. Пока поднимется переполох, мы войдем в ручей и — сколько там идти? — обратился киммериец к барону. — Девять скадиев? Проскочим, — уверенно изрек король. — На горе воинов будет мало, они уйдут со жрецами. Здесь они так уверены в своей безопасности, что мало думают об охране. А зря, — недобро усмехнулся Конан. — Пока проверьте оружие и отдыхайте, — добавил он. — Майлдаф, слезай с дерева! А ты, Евсевий, пожалуй на его место!

Непродолжительное время спустя со стороны горловины озера послышались ликующие вопли: должно быть, шествие вывалилось из ворот ограды, которую столь преодолевал барон Полагмар, и покатилося к лагерю

— Ну, сейчас они, как мухи на коровью лепешку, слетятся туда! — заметил Бриан Майлдаф.

— Ну отчего же непременно на коровью? — отозвался Полагмар — у него даже усы поднялись от такого пренебрежения к схожим способностям рода человеческого.

— Сейчас мы проверим, какие у них лепешки, когда они увидят горящие каноз! — заключил Конан. — Быстро за оружие и за мной, пока они не поняли, что у лодок никого нет!

И Конан, уже вскочивший на ноги, помчался сквозь джунгли с такой скоростью, что даже долговязый Майлдаф не поспевал за ним. Позади поспешал дородный Полагмар. Но, несмотря на то что по чаще бежали во всю прыть трое высоких и весомых взрослых мужчин с оружием, шума от них было не больше, чем от крыльев стрекозы.

Удача благоволила к ним: на поляне ничего не изменилось. Она была пуста.

— Бриан! Стой здесь и смотри в оба! Барон Полагмар, Имир тебя порази! — выругался Конан. — Вот тебе топор, возьми! — Конан протянул сплывавшему на этот раз гандеру свой.

Барон, очевидно, собирался прорубать днища каноз мечом. За то, что их могут услышать, Конан теперь не опасался: жрецы и сопровождающие подняли такой гвалт, что даже ленивые и сонные от жары собаки не выдержали, забрехали в тон воплям и заунывным песнопениям под барабаны и трещотки.

Скоро перебегая от суденышка к суденышку, Конан лил на них и на траву меж ними тонкую струю из кувшина. Смола была свежей и текучей, словно прозрачный желтый мед на пасеках в душистых клеверных лугах Темры, даже запах ее, казалось, чем-то походил на медовый. Гандер же, устыдившись своей оплошности, прилагал все усилия, дабы загладить вину перед его величеством: после каждого удара — к слову, не так уж громки они были — в плоском брюхе каноз открывались страшные, порой неизлечимые раны. Майлдаф, следивший за этим пиршеством вандализ-

ма из-под прикрытия зеленой лесной стены, никак не мог избавиться от ощущения, что зрит своих давних предков, когда клан шел на клан, в равном наплывающем дыму мелькали грозного вида фигуры воинов в шлемах, с кроваво сверкающими палашами и топорами в руках, а от стогов и скирд побежденных, равно как и от их домов и дворового скарба, не оставалось ничего, кроме углей и золы.

К самому берегу Конан и Полагмар приближаться опасались, так что около десятка каноэ остались невредимыми, но этого было мало, чтобы блокировать лодки хайборийцев на озере: уж в чем другом, а в морских сражениях киммериец толк знал.

Наконец все было кончено.

— Барон, быстро в лес! — бросил Полагмару Конан.

Тот стоял как вкопанный, пытаясь что-то возразить королю.

— Кому я сказал — в лес! — рассерженно прошипел киммериец.

— Не перечь королю, — заметил ему Майлдаф. — Такое могут позволить себе только двое во всей Аквилонии: Публий и Евсей.

— А ты? — удивился барон.

— Я достаточно умен, чтобы не делать так, — самоуверенно заявил горец.

Тем временем Конан, вооружившись заранее изготовленным факелом и кремнем, высек искру. Факел вспыхнул мгновенно. Не мешкая, король начал с ближних к берегу лодок на противопо-

ложной от Майлдафа кромке поляны. Сразу запахло паленым, смолой и гарью. Каноэ из легкого дерева занимались молниеносно, и столб сизого дыма, закручиваясь и тихонько покачиваясь в слабом ветре, поплыл над поляной, поднимаясь все выше, вставая над лесом.

Первыми почуяли беду собаки. Заподозрив неладное, они сначала примолкли, приняв себя, после же вновь залаяли, но теперь уже целенаправленно и яростно, прыгая и зазывая людей следовать за ними на запах дыма, к которому прилепился еще в полдень возникший среди знакомых запахов запах чужаков.

Встревоженные не на шутку, охранники поспешили туда, где лежали на берегу лодки: теперь и они уловили пронзительный едкий дымный аромат. Трое устремились за бдительными четвероногими, трое бросились к лагерю — за помощью.

А король Аквилонии Конан блестяще выигрывал очередную морскую кампанию, довершая на поляне разгром крупной эскадры пиктского флота. Убедившись, что огонь неминуемо доберется до всех каноэ, Конан разлил оставшуюся смолу по траве, успевшую просохнуть на жарком солнце после ливня, и поджег ее.

Тотчас со стороны водопада появились первые пикты, впереди коих мчались собаки. Увидев на поляне белокожего черноволосого гиганта при мече и с факелом, один из них, нимало не растерявшись, вскинул лук... и рухнул в траву: Майлдаф стрелял лучше. Не обращая внимания на собаку, которая была слишком мала, чтобы при-

чинить киммерийцу какой-либо вред, и отпрыгнула в сторону, захлебываясь от лая и гнева, Конан в три прыжка оказался перед вторым пиктом — высоким и молодым воином с копьем.

Тычок факелом, удар меча, уже заплясавшего в деснице короля, и пикт был повержен. Третий бросился бежать, но Майлдаф продырявил ему левую лопатку.

— Кром, Имир и Эрлик! Опоздали! — прорычал киммериец. — К берегу, быстро!

Все трое исчезли в зарослях, а в этот же момент из лагеря уже спешили к водопаду, перебегая вброд мелкую в этом месте речку, около сотни пиктских воинов.

Надо ли говорить, что, когда преследователи достигли поляны, поднялся страшный вой, полный злобы и ненависти! Одни бросились спасать лодки, но это было безнадежно: тонкое и сухое просмоленное дерево вспыхивало и сгорало быстро, весело и без остатка, с задорным треском. Слушая его, Конан радовался и веселился вместе с ним. Другие торопились столкнуть в воду оставшиеся суденышки и выйти на них в озеро. Третьи — и их было больше всех — вооруженные кто чем, устремились к лесу. Искать верное направление им долго не пришлось: черные собаки не зря ели у лагеря свой хлеб. По взятому животными следу и шла погоня.

Конан, Майлдаф и Полагмар мигом домчались до вельберов, которые уже были готовы к отплытию. Тростниковые щиты, воздвигнутые шалашами, упирающимися в борта, призваны были за-

щитить от легких пиктских стрел. Только для весел и уключин были оставлены отверстия. Даже Майлдафу и Евсевию не оставили возможности пострелять: все определялось быстротой, с какой они пересекут озеро, и каждая пара рук на веслах была на цену одной жизни дороже каждой выпущенной стрелы.

А поток стрел, вместе с новым взрывом воя, не замедлил обрушиться на них, едва вельберы вылетели из протоки на озеро. Костяные и кремниевые жала тыкались на излете в толстую подушку тростника, застревая в ней или едва протыкая.

«Им бы мой лук и железный наконечник... — успел подумать Евсевий, поддерживая бешеный ритм, заданный севшим на место загребного Майлдафом, и его длинный мощный гребок. — Если бы хоть один из нас остался тогда в живых, я счел бы это за чудо».

Но горец впереди греб так, словно был на родном озере Лохллин где-то далеко в Темре и состязался с каким-нибудь Монгротом или Моддермоттом, побившись об заклад по любой ерунде. Тарантиец, прогнав от себя всякую мысль о возможной брешу в хлипкой, наскоро сработанной циновке или наличии железной стрелы у особо удачливого пикта, последовал его примеру. В шедшем позади вельбере Серхио, кажется, кому-то не повезло. Евсевию показалось, что он слышал вскрик, но Конан на руле даже ухом не повел, глядя только вперед. У него положение было наиболее опасное, почти открытое, и только коль-

чужные кольца на кожаной куртке и великолепный стальной шлем вселяли уверенность, что король и на этот раз останется невредим.

Конан с места рулевого видел, как каноэ пиктов, немногие, но все же значительно превосходящие численностью своего экипажа хайборийские лодки, отчалив от столь злополучного песчаного пляжа, подгоняемые неистовыми и яростными гребцами, помчались им наперерез.

Но ход длинных рулевых лодок с восемью парами весел был куда шибче. Наверно, пикты зывали к своим богам, застывшим в скорпионьих позах посреди озера, но те ленились прийти на помощь, наоборот, мешали своим почитателям, не давая им пересечь озеро напрямик.

Сидевшим спиной к острому носу гребцам не было видно, куда они направляются, но у Конана все было рассчитано до мелочей: капитан еще не забыл уроков Закатного океана. Вельбер, как угорь в нору, проскользнул сквозь узкий проход в скале и, выкарабкиваясь вверх против сразу усилившегося течения, надолго исчез из вида у охотников.

За ним последовал и второй, но уже не так скоро: весла четвертой пары посредине корпуса волочились по воде, как порожние рукава безрукого.

Зингарийский матрос с медной стрелой в шее грузно привалился к тростниковой стенке. Едва вельбер ворвался во вторую протоку, легкий шалаш не выдержал и, отслужив свою службу, полетел в ручей.

Барон Полагмар не солгал: упавшее поперек трещины бревно оказалось именно там, где ему и полагалось быть. Не ошибся он и в другом: никакой охраны на высоких гранитных берегах не было.

Не вызывало сомнения, что пикты окажутся не глупее барона Полагмара и Конана и будут караулить лодки при выходе из леса или на открытом пространстве. И вряд ли лодки хайборийцев при всей их скорости сумеют пройти девять скадиев до скал — а по извилистому ручью и все двенадцать — скорее, чем то же расстояние преодолеют бегом пиктские воины. И нельзя было забывать, что тугая струя противного течения в теснине мешала гребцам не в пример сильнее, чем сопротивление вод озерной глади.

Размышляя так, Конан позволил себе на мгновение обернуться: вельбер Серхио отставал, и отставал опасно. Нехватка одного человека обходилась дорого. Если его экипаж во главе с рослыми и привычными к гребле Майлдафом, Евсевием, Сотти, Мегисту и Конти и могучим Полагмаром еще мог рассчитывать, что уйдет от погони, то вторая лодка, в которой один лишь Дегту имел бы право зваться загребным, безусловно попадала под стрелы пиктов. А тростниковый навес уже был потерян...

Принимать решение приходилось быстро, и Конан не был уверен, что оно лучше всех. Но посоветоваться с Евсевием возможности не было: все силы ученого отбирала безумная гонка, и единственное, о чем он был способен помыслить сей-

час, это как бы не сбиться с жестокого ритма, заданного Майлдафом.

«До выхода из чащи они нас не увидят,— сообразил Конан.— По ручью на своих каноэ им Серхио не достать. Значит, у опушки надо, чтобы кто-то увел их от ручья. А кто может это сделать? И остаться при этом в живых?»

Выбирать было особенно не из кого: Майлдаф, Евсевий, Полагмар, Арриго... и он сам.

«Нет,— опомнился король, когда лес уже стал редеть.— Кого-то, знающего лес, надо оставить с теми, кто будет в лодках. Мало ли что, а матросы ведь пропадут, и дня не пройдет! Объясняй потом, что случилось с принцем!»

В том, что сам он и в одиночку доберется до Тарантии без больших задержек, киммериец как-то не сомневался.

Проверив, на месте ли меч, король стал ждать. Расщелина начала расширяться, ее края стали ниже. Деревья уже не стояли стеной, воюя за место под солнцем, а уступали друг другу достаточную для вольного произрастания территорию. Промежуток еще заполнял кустарник, но и он был уже не столь густым, как на склонах горы, что они недавно миновали.

Ручей вильнул влево, а затем перед ними развернулось то самое редколесье, о котором предупреждал барон. Поток змеился между пологими буграми, уходя к видевшимся такими далекими скалам. Редкие купы деревьев были раскиданы по плоской равнине, лишь изредка возмущаемой невысокими холмами и мелкими лощинами. Дале-

ко слева лес постепенно забирал вглубь континента, образуя широкий полумесяц. Справа одиноко поднималась зеленая гора, на которую барон совершил восхождение чуть не до вершины. Затем щетинился до самого горизонта лес, лишь где-то в голубоватой дымке взбираясь на возвышенности. Впереди, за грядой скал, начинался подъем вверх, на таинственные плоскогорья страны пиктов, которые еще никому не удавалось пересечь.

— Стой! — резко приказал король, так что Бриан, не сразу сообразив, что случилось и почему вдруг королю вздумалось кричать, прервав гребок на середине, застыл, как изваяние, и лишь с трудом удержал весла, вырывающиеся из рук напором встречных струй.

Вслед за Майлдафом остановился Евсевий, а потом и остальные шестеро.

— Король, зачем...— начал было горец, но не тот был момент, чтобы Конан позволил даже Бриану разглагольствовать.

— Майлдаф! Евсевий! Сотти! Полагмар! Вооружиться — и на берег! Живо! Остальные — вверх по течению, и быстро!

Аквилонский король умел говорить громко, но обычно этого не требовалось. Вид рослого киммерийца, его каменное лицо с резкими чертами, словно у сурового киммерийского бога, черные длинные волосы варвара и пронзительные синие глаза, не требовал ни ругательств, на которые был так скор и виртуозен Гонзало, ни доброжелательной мягкой язвительности, присущей Серхио, ни

спеси зингарийцев, ни неприступного высокомерия аргосцев. Ему подчинялись, повинаясь закону, не вписанному ни в один устав ни одной армии: закону стаи, чувствуя в нем право и правоту вожака.

Майлдаф выбирался из вельбера, важно проществовал к берегу по колено в воде, которая прочим показалась ледяной. Горец с палахом и луком, Евсевий со сложным длиннющим ростовым луком и акинаком и Сотти с великолепным длинным мечом во главе с королем смотрелись внушительно.

Их догнал вельбер Серхио. Всем уже без слов стало ясно, что именно замыслил король, но лодки стояли, удерживаемые веслами, и ждали.

— Серхио,— только и сказал Конан.— Выньте лишние весла из уключин и положите в лодку. А тело — как там его звали? Жордао? — выбросить в воду! Это негоже, но иначе он утащит вас за собой, на Серые Равнины. Все. Мы найдем вас сами. Арриго, ты, если что, доведешь их до границы.

Арриго без слов занял место Конана на руле и был уже готов отдать команду об отплытии, как вдруг отчетливо раздались слова обещания.

— Король Конан! Договор будет заключен!

Это был принц Конти. Голос его был тверд. В нем чувствовалась убежденность в готовности исполнить обещанное.

— Плывите, принц! — приказал Конан.— Иначе опоздаете к церемонии!

— Жордао — за борт! — рявкнул Арриго.— Вперед! — бросил он коротко экипажу лодки Конана.

Серхио подчинился. Деггу и Санхо перевалили мертвое тело через борт.

— Вперед! — мрачно распорядился метис. И второй вельбер двинулся вслед за первым.

— Месьор Сотти! А вас я верну в Мессантию! — донеслось с первой лодки, ушедшей уже на два десятка локтей вверх по течению.

— Я и сам этому поспособствую,— криво усмехнулся аргосец.— Итак, сюзерен, нам предстоит воевать впятером с сотнями дикарей?

— Каждый разведчик на Западной Границе хоть раз в жизни проделывал подобное,— сдержанно пояснил Конан. И добавил: — Некоторые живы до сих пор.

— Ну, я-то обязательно выживу, бьюсь об заклад! — заявил немедленно Майлдаф.— У меня три сотни овец, и надо еще снести башку Мейкину. Я давно собирался. Он убил моего троюродного прадеда.

— Недавно у тебя было только двести пятьдесят овец,— заметил Евсевий.— Откуда взялись остальные?

— Пока мы здесь болтаем, родились еще три,— не спустил Майлдаф.— По-моему, нас уже нашли,— предположил он, как-то по-собачьи нюхая воздух.

Нюхать, правда, было вовсе необязательно: лай собак и без того отчетливо слышался со стороны озера.

Конан окинул взглядом берег.

— Вот дерево. Пристрелишь псов,— распорядился он, и Бриан, ухватившись за толстый ниж-

ний сук, легко, словно всю жизнь учился у Деггу лазить по деревьям, оказался на нем и полез выше.

— Сейчас мы разделимся,— продолжил Конан, прислушиваясь к звукам приближающейся погони.— И сделаем это так, чтобы каждого из нас они видели. Месьор Сотти пойдет вместе с Полагмаром, за ручей. Я и Евсевий — поодиночке. Евсевий — вверх по течению. Я — куда придется. Встретимся, если повезет, после заката, в том месте, где ручей входит в скалы.

— А я? — спросил откуда-то сверху Майлдаф.

— Я же сказал: пристрелишь псов. А дальше — делай что хочешь.

Кусты зашуршали. Черный кобель, вздыбив шерсть, поджав хвост и пригнув втянутую в мускулистые плечи голову, ощерившись, выбрался на поляну, опасливо попятился назад к кустам и, не осмелясь подойти близко, зарычал утробно, а потом хрипло и часто подывая, залаял.

— Теперь они нас обязательно увидят,— убежденно высказался Сотти.

Градоначальник не боялся оравы врагов, но был напряжен перед схваткой с незнакомым противником в непривычных условиях.

Свистнула стрела. Пес взвизгнул, извернулся, пытаясь схватить зубами больно укусившее его в бок жало, упал, жалобно поскуливая, и издох.

— Собак было две,— сказал Конан.— С собаками они нас найдут; без них — может, и нет.

— Вот! — Полагмар вскинул руку, указывая на узкую прореху в стене зарослей. Оттуда злобно и одновременно боязливо горели два круглых жел-

то-коричневых глаза. Но Майлдафу хватило и этого. Он сам не видел зверя, но заметил, куда показывает гандер. На этот раз собака не успела даже заскулить.

— Обидно,— вздохнул Сотти.— Хорошие собаки.

— Они специально натаскивают их на человека,— пояснил Конан.— Начинают с детей из чужих кланов, потом добираются до взрослых, когда собаки подрастут. Эти еще небольшие, нам повезло...

— Откуда ты знаешь, что у них нет больше собак? — немедленно поинтересовался Полагмар, прислушавшись к последней реплике монарха. Будучи заядлым охотником, барон имел представление о собачьих способностях.

— Чувствую,— усмехнулся король.— Охотников здесь нет: пищу жрецам приносят из других селений. А воинам охраны собаки без надобности — эти две были только для развлечения. Нам повезло...

С этими словами из чащи выпорхнула стрела и просвистела на локоть в стороне от Конана. Это был сигнал.

— И вправду повезло,— быстро сказал киммериец.— Нас увидели. Теперь — в стороны.

Не дожидаясь, пока из леса посыплются еще стрелы, Евсевий, ступая по-кошачьи не хуже Деггу, юркнул в высокую сухую траву, сопровождавшую ручей на всем протяжении его течения до самых скал.

Сотти изготовился было к бою, но барон Полагмар, не говоря ни слова, подхватил аргосца под

руку и с легкостью, с какой бы вел в танце хрупкую даму, повлек того назад к воде.

«Сотти, конечно, не гандерландский медведь,— подумал Конан,— но похоже, что Хорса и на этот раз не наврал, что барон ходит на медведей в одиночку».

Сделав несколько широких неуклюжих шагов, Сотти высвободился и последовал за гандером, поняв всю несуразность своих первоначальных намерений. И действительно, отбиваться мечом от пиктских лучников, стоя на открытом месте, было самоубийственно. Перебравшись, поднимая фонтаны брызг, через воду, барон Полагмар и месьор Сотти, по грудь мокрые, стуча зубами — вода была терпимой только для Майлдафа — исчезли в зарослях противоположного берега.

«Ну, теперь и мне пора»,— решил король и направился... вперед, навстречу погоне, торопясь пересечь поляну раньше, чем из леса появятся первые пикты. Как видел сидевший на дереве Майлдаф, это ему удалось.

На поляне — точнее, над поляной — спрятавшись в густой кроне неизвестного ему дерева с шершавой чешуйчатой корой и неисчислимым количеством мелких миндалевидных листочков, остался один Майлдаф, горец из Темры. Благоразумно посчитав, что спускаться вниз и мчаться сломя голову куда-то сквозь дикий и совершенно чужой лес, рискуя невзначай напороться на выстрел Евсевия, будет не очень благоразумно, хотя и весьма храбро, Бриан остался сидеть на дереве, наблюдая за развитием событий. Заметить его ед-

ва ли могли, собак — король сказал — больше не будет, и Майлдаф положился на свое умение драться, неизменное везение и помощь весьма почитаемого в Темре героя и заступника всех терпящих незаслуженные бедствия — Бейдиганда Справедливого.

* * *

Графиня Этайн дождалась, пока служанка хлопнет ставни, зажжет свечи на шандале и удалится наконец из покоя, встала с постели, подбежала к двери и заперла ее изнутри. Обыкновенно Грайне оставалась ночевать вместе с госпожой, если Хорса был в отъезде, но сегодня графине захотелось побыть одной. Вечер и без того выдался утомительный, чтобы еще остались силы поболтать с Грайне — молодой девушкой из Темры, умеющей все, что требовалось госпоже, но еще не привыкшей к огромности столицы и теперь пребывающей в состоянии постоянной восторженности от Тарантии. Конечно, сказать так было бы преувеличением, сил хватило бы, но болтовне и пересудам тогда суждено длиться до самого рассвета.

Этайн раскрыла пергаментную книгу, которую дал ей старый Озимандия. Волшебник и ученый, ставший еще более похожим на старого, мудрого и хитрого филина, на просьбу графини найти ей что-нибудь про Закатный океан понимающе глянул на нее своим острым бесцветным глазом, кашлянул надтреснуто, и, щелкнув пальцами, вызвал слугу — гигантского роста темно-коричневого кушита.

— Абебе, принеси, будь любезен, «Зачарованные острова», сочинение месьора Саллюстия Меранского.

Кушит умел читать и писать, а также мог поддерживать беседу о философии или искусстве, чем Озимандия немало гордился и что служило еще одним поводом кичиться перед прочими завсегдатаями Палат Мудрости: у них такого воспитанника не было.

Абебе вскоре появился из задней комнаты — длинный, стройный, пропорционально сложенный атлет в желтом одеянии с красным геометрическим орнаментом по кайме, худощавым отрешенным лицом и спокойными умными глазами. Поклонившись, он отдал Озимандии свиток. Волшебник уставил в книгу свой длинный нос, нервными белыми пальцами ероша и без того растрепанные длинные желтоватые волосы. Затем поднял голову.

— Что и говорить, сударыня.— Озимандия скривил бескровные губы, что означало улыбку.— Месьор Хорса не мог найти супруги лучше! Вот книга — «Описание берегов, островов и портов, а также течений, ветров, погод и иных особенностей стихии водной Закатного океана в различные времена года, а также наиболее полное собрание морских поверий и легенд многочисленных народов, обитающих на Океане сем от Ванахейма до страны Куш и далее к югу...» Словом, там еще долго читать,— опять криво усмехнулся волшебник,— я называю ее «Зачарованные острова», зане повествование о них — наиболее достойная часть сего тома.

Впрочем, Саллюстия можно верить — он сам многократно ходил по Океану, пока его корабль не арестовали зингарийцы и по ошибке не повесили ученого на рее, вменяя ему в вину незаконный провоз редких сортов вина. Ошибка потом выясилась, но было поздно. Тем не менее книгу он написать успел. Думаю, это и займет, и развлечет вас, сударыня, но и даст много пищи вашему внимательному уму. Да-да, именно так. Я далек от того, чтобы льстить вам, прибегая для этого к неправде,— предупредил он спонтанное желание графини возразить.

Не уделяйте слишком много времени описанию кораблей и способам управления ими,— заметил Озимандия.— Мельком, с легкостью майского ветерка, ознакомьтесь с ветрами и течениями близ берегов Зингары, посмотрите картины с видами побережий и столиц — этого вполне достаточно, чтобы составить довольно полное о них представление. Более же всего посвятите той самой главе о морских повериях и легендах. Считайте их не за правду, но за тот образ моря, кой сложился у тех, кто связан с ним. Во всяком случае, у хайборийцев. Я сознаю, что вас занимает судьба вашего супруга, месьора Хорсы, и волнуется, где он и что с ним. На эти вопросы немедленно ответить нельзя, но, посмотрев на море глазами его тружеников, вы сможете представить, чем занимается там месьор Хорса, что он видит, о чем говорит. Что же касается политики, то король Конан добьется своего. Не сейчас, так через луну или две.

— Благодарю вас, мой друг,— кивнула графиня. Озимандия галантно помог ей подняться.

— У вас сегодня бал? — осведомился старик.

— О, да,— вздохнула Этайн, поднеся ладонь ко лбу тыльной стороной.— Герцог Аккадиус устраивает прием и бал. Ехать не хочется, но я уже обещала. Да и останься я во дворце, все равно кто-нибудь придет спросить о здоровье и придется занимать его весь вечер, а это куда скучнее, чем прием.

— О, да,— проскрипел на свой лад Озимандия.— Нужды в поклонниках у вас нет. К тому же, скажу без всякой лести, о вашей неприступности ходят легенды...

— Смотря для кого.— Графиня кокетливо оперлась на руку волшебника, играя улыбкой и многообещающе заглядывая ему в глаза.

— Уже одно то, что вы здесь и со мной, не дает мне в этом усомниться,— в тон ей подпел Озимандия.— Не грустите, право. Ваш супруг не из тех, кто уступит врагу или стихиям. К тому же с ним наш король, месьор Тэн И, месьор Евсевий...

— Месьор Майлдаф,— вдруг горядъ вздохнув, но теперь уже не притворно, согласилась Этайн, и оттого, что она сейчас представила себе горца во всей его красе, ей стало светлее.— Что ж, до скорого свидания, мой друг.— Графиня поклонилась волшебнику, выказывая почтение его возрасту и опыту.

— Тщусь таковой надеждой.— Озимандия поклонился прелестной Этайн.

* * *

Бал выдался утомительным, и скрасила его лишь неожиданная стычка между известным придворным щеголем Блайи и старым ревнивцем Ринье, которому почудилось будто молодой красавец оказывает непристойные знаки внимания его супруге. Похоже, дело шло к поединку... Впрочем, графиню это не интересовало. Она спешила домой.

Книга Озимандии и вправду оказалась занятной. Жаль было автора — месьора Саллюстия Меранского, хотя графиня понятия не имела, как он выглядел и когда жил. Но, наверно, импозантный был мужчина, похожий на Септимия или Евсевия, а может, на дядю Коннахта.

Этайн действительно без особого интереса пролистала главы о корабельном устройстве, основах навигации и судовождения, удостоверилась, что к маю зимнее ненастье и буйные весенние шквалы должны были уняться и дать мореходам немного времени для спокойной жизни, а затем увлеклась описаниями приморских стран.

Она подробно прочла о Ванахейме — предки Хорсы ведь были оттуда. О пиктских пущах написано было немного, впрочем, ровно столько, сколько было известно. Очевидно, Саллюстий был ученый добросовестный и не имел привычки дополнять установленные факты рассказами, к тому же в книге имелся раздел, специально для них отведенный.

Про Зингару и Аргос Этайн знала изрядно — в последнее время благодаря деятельности коро-

ля Конана месьоры из Кордавы, Мерано и Месантии стали частыми гостями в Аквилонии, да и прежде связи с приморскими государствами были достаточно прочны.

Но вот графиня добралась до Шема, и тут усталость сняло, как рукой. Это был другой мир со своими богами, городами, укладом жизни, людьми, культурой. Этайн захватили описания богатой событиями шемитской истории, зеленых плодородных холмов, апельсиновых рощ, садов и виноградников Пелиштии, белых дворцов и памятников Асгалуна, древнейшие из коих помнили еще прежнюю Стигию, и глиняных белых домиков нынешнего времени, где вся жизнь проходила в закрытых двориках, а на улицу выглядывали только узкие оконца, находящиеся высоко над землей.

По холмам и лежащей дальше к восходу степи бродили молчаливые степенные пастухи в черных халатах и плащах, пасшие коров, коз и овец, в рощах, полях и садах шли за плугом, запряженном волами, приземистые плечистые крестьяне.

На улицах Асгалуна вели торговые купцы с победно задранными иссиня-черными бородами, ваяли красивую посуду с узорным рисунком и ковали дивные вещи мастера в простых выгоревших на солнце туниках с загадочными черными глазами и отрешенными лицами. Сухонький седенький знахарь, сыпля как бисер вперемешку истории и заклинания, посреди тиглей, шкатулочек, ступок, склянок, весов и прочего сумбура и вся-

чины готовил чудесное снадобье и отдавал его стройной черноволосой девушке в платке цвета свежей майской зелени с золотым венчиком, с огромными, как у серны, глубокими, как ночное небо, глазами под стыдливо опущенными ресницами.

На острове, закрывая вход в бухту, высилась старинная неприступная крепость, и коричневые глухие зубчатые стены и башни ее поднимались над синим океаном на десять локтей. Пузатые корабли с низкими бортами, рядом светлых тяжелых весел и крутыми загнутыми форштевнями, под треугольным парусом входили в гавань и выходили из нее в открытое море. Быстрый говор с обилием придыхательных согласных и певучих дифтонгов звучал в ее ушах, будто она стояла в самом центре рыночной площади. И над всем этим на голубом куполе небес стояло ослепительно-желтое щедрое солнце...

Этайн пожалела, что Хорса покамест очень занят службой, и они не могут позволить себе даже небольшой поездки за границу, даже в Немедию, не то что в Шем, и завидовала немного Конану и Евсевию, побывавшим везде, а в Шеме — неоднократно.

Ветер за окном разошелся не на шутку. Мощный порыв ударил прямо в ставни. Слабый замок не выдержал, и окно распахнулось. В нагретую светлую комнату ворвались сумрак и промозглый дождь. Звать Грайне графиня не стала, сама подошла к окну, хотя подниматься и не хотелось, но уж очень неприятно сквозило.

Окно находилось в почти глухой стене, выходящей во внутренний дворик замка, где размещался сад и огород лекарственных трав, на высоте без малого двадцати локтей. Большинство комнат в этой части дворца, где проживали старшие повара, лучшие белошвейки, виночерпии, постельничьи, главные мастера из столярной, оружейной, шорной и других мастерских дворца, канцеляры, старшие конюхи — словом, вся элита дворцовой прислуги и служб.

Хорса чувствовал себя в их мире своим, к тому же как доверенное лицо, да еще и поучившийся кое-чему у Тэн И, гандер не забывал о соображениях безопасности: ему вовсе не хотелось подставлять под удар из-за ложных соображений престижа молодую красивую жену, себя и тем самым короля.

Хорса прекрасно понимал, что, невзирая на суровость, Конану чуждо предательство, и если с Хорсой что-то случится, он дело так не оставит. Поэтому Хорса не прельстился предложенными ему дворцовым управляющим апартаментами в угловой башне, выходящей на Хорот, но предпочел внутренние, старые, довольно с виду невзрачные, но массивные постройки с толстыми стенами и, соответственно, мрачноватыми тесными покоем, зато практически недоступные лазутчикам.

Сад на зимнее время закрывали стеклянным навесом, так что окна в стене становились и вовсе неприступны, разве только кто-нибудь прилетел бы по воздуху. Но теперь был май, и крышу

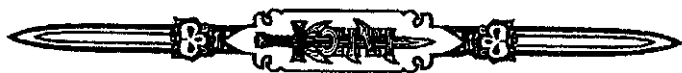
сняли. Этайн выглянула в окно, вдохнула свежий воздух ночи, на такой высоте не оскверненный запахом сточных канав, посмотрела вниз... И обмерла.

На нее смотрело снизу бледное худое лицо мужчины, лоб и скулы коего закрывала полумаска, только черные жестокие глаза глядели через прорези. Мужчина был весь облачен в черное, и плотно пригнанный капюшон не срывался даже ветром.

Рывок — и он взлетел на подоконник. Видимо, незванный гость и распахнул окно, а потом выжидал, кто пойдет запирать. Как он сумел взобраться по вертикальной и почти без выступов и щелей стене, Этайн не понимала. Может быть, это сходство лазутчика с демоном и не позволило ей закричать сразу, чем негодай и воспользовался.

Он ударил графиню по лицу, а потом, когда она упала на ложе и судорожно вдохнула воздух, поднес ей к самому носу какой-то флакон. Возбуждение, страх, возмущение — все это куда-то немедленно испарилось, сменившись расслабленностью, изнеможением и непреодолимым желанием сна.

Этайн еще смутно помнила, как сильная бледная рука, на которой она заметила выбившийся из-под черного рукава золотой браслет с изображением вроде бы петуха с пышным хвостом, но без гребня, крепко связала ей крест-накрест запястья, как ее завернули в непонятную шерстяную хламиду, как кто-то просунул голову в обра-

зованное ее руками кольцо, как она ткнулась лицом в черную шелковую ткань, довольно, впрочем, сырую. И все. Этайн, будучи больше не в силах противиться усталости, провалилась в сон.

Глава девятая

ухие желтые стебли колыхались под остро пахнущим солнцем, сеном, душистыми степными травами и манящей свежестью открытого пространства ветром.

Где-то в нескольких локтях справа журчал ручей. Где-то сзади скрылись последние деревья — теперь даже их макушек не было видно из-за высоченной, в полтора человеческих роста, травы. Где-то слева, а может сзади, а может уже и впереди, была погоня.

Приладив бесполезный в таком травяном окружении лук за спину, чтобы не мешал двигаться, Евсевий, Хранитель Архива Путевых Карт Королевства Аквилонского, член Тарантийской Академии, признанный всеми мудрецами Бельверуса, Тарантии и Танасула ученый, философ, историк, географ и путешественник, сжимая в руке короткий меч-акинак, крался по пиктской пустоши, каждое мгновение ожидая или удара сердоликового топора в висок, или стрелы с кремневым наконеч-

ником в спину, или рвущих кожу и плоть когтей хищника на плече. Было бы ошибкой сказать, что тарантийцу в новинку были подобные опасности. Изъездив полмира, он попадал и не в такие переделки на суше и на море. Но каждый раз, когда случалось подобное, Евсевий ощущал себя крайне неудобно. Он привык, даже попадая в не исследованные еще землепроходцами Хайбории страны, что сам составляет маршрут, нанимает проводника, носильщиков, выючных животных, командует движением и привалами, ведет переговоры с местными властями, кем бы они ни были представлены: татуированными вождями в набедренных повязках с грубым медным кольцом где-нибудь на пупе или разряженными в шелка, парчу и золото кхитайскими государями.

Здесь было иное. Он не знал толком, где находится: пуща, лежащая от Тарантии не в пример ближе тех же Гимелийских гор или Кхитая, оставалась почти неисследованной. Более или менее точно была нанесена на чертежи Западная граница, а также по портуланам и логиям аргосцев и зингарийцев можно было проследить линию побережья с устьями крупных рек и ближайшими к морю высотами, заслуживающими внимания чтобы служить ориентирами навигаторам. Прочие обширные территории от Закатного океана до Черной реки и от южного Ванахейма до северной Зингары пребывали на картах Хайбории в виде белого пятна, влекущего и путающего своей перевозчанной пустотой.

После знакомства с Куланом Мабиданом у Евсевия появился план посещения пиктских терри-

торий, но сам же Кулан и отговорил тарантийца совершать столь рискованное предприятие. Пиктам не нужны были деньги, они не поняли бы, зачем человек с Восхода интересуется ими, они не показали бы ему ничего, кроме джунглей и не пустили бы туда, куда он хочет. И в любой несчастливый миг его могли убить: просто за то, что он нарушил, сам того не зная, какое-нибудь страшное табу, или просто из вредности к приютившему чужеземца клану. И нечего было даже мечтать о том, чтобы взять с собою хоть нескольких спутников.

Ныне Евсевию удалось то, о чем любой аквилонский или немедийский исследователь мечтал с замиранием сердца: ему удалось проникнуть в самое сердце пущи. Но большого восхищения тарантиец от этого покамест не испытывал. Сейчас по пятам кралась смерть, и лик ее, скрытый под нечеловечески пронизательной маской пиктского божества, всякий раз мелькал перед его взором, куда бы он ни повернул голову, и мгновенно пропадал, дразня и насмехаясь. От Конана и Кулана ученый слышал о древних и страшных тварях, коих скрывают леса, воды и плоскогорья этой страны, о чудесах, что еще способны выделять шаманы и колдуны, о развалинах из незапамятных времен, таящихся в чаще.

Всего такого премного вещали и о всех прочих землях, достаточно было где-нибудь в Кордаве зайти в какой-нибудь «Акулий плавник». Здесь было иное. Пуща с лихвой оправдывала сказанное о ней и даже превосходила. Первобытный мир,

в цивилизованных Аквилонии и Немедии загнанный куда-то на задний план бытия, в подсознание, в злое, разрывающиеся чадящими факелами ночи и пепельные сумерки городов и мрачные, хранимые крестьянами из провинции легенды и сказки, вставал перед человеком как ископаемое чудовище, во весь рост. И было ясно, что вечен он, а не цивилизация, бывшая только налетом — иногда налетом золотой пыли, а иногда плесени — на полированной личине варварской маски.

Евсевий и ждал и боялся таких встреч лицом к лицу. Он все же был ребенком искусственной, надуманной культуры тонких вин, замысловатых вензелей, серебряной скани и черного шелка, цветной мозаики и тонких витражей, и всякое столкновение с реалиями изначальной жизни, грубыми и предметными, вызывало чувство преследуемой жертвы. Так, наверно, чувствует себя заяц, обложенный гончими, когда он или пытается затаиться, так чтобы опасность прошла над головой, не задев, или несется, петляет и уворачивается, надеясь, что охотники устанут или найдется укрытие вроде норки, куда псы не смогут пролезть и отступят. Подобные ощущения переживал он лесах Нордхейма, в джунглях Черных Королевств, в безмолвных Гимелийских горах и в пещерах паков. Но впечатления от пуши были не в пример сильнее.

Прежде всего Евсевий не знал, куда ему идти и что делать. Он знал, что такое лес и что такое степь, и знал, что не заблудится; он умел уйти от погони, запутать след, отбиться от нескольких врагов,

но сейчас задача была иная. Он не должен был попасться пиктам, но и не имел права исчезать из вида, иначе вельберы, с таким трудом скрывшиеся из поля зрения врага, были бы обнаружены и неминуемо достигнуты, а ведь они оставались единственным их средством передвижения в этой дикой глуши. Единственным быстрым средством передвижения. Ученый понимал, что Конан оставил их на берегу вовсе не затем, чтобы умирать. Король-киммериец никогда не бросал дело, не доведя его до конца. Вот и теперь он думал не только о том, как бы унести ноги от пиктов — об этом он, кажется, думал весьма и весьма вскользь. Главной его целью был Закатный океан, которому он знал цену и который, видимо, любил, и Конан определил их, четверых, как тех людей, на кого он мог возложить сейчас эту тяжесть — кованный сундук с ключами от океана.

Евсевий не сомневался, что главную ношу король не преминет взвалить на себя, и, поелику это ему удастся, уведет всю погоню за собой. Но рассчитывать только на такую удачу не приходилось. Очевидно, что идти прямо сейчас к ручью и скалам было бы крайне беспечно и неосмотрительно, а значит... Евсевий зацепился за это слово: «неосмотрительно». Ему необходимо было срочно обозреть окрестность, хоть как-нибудь, хотя бы ненадолго, чтобы иметь представление о панораме этой миниатюрной военной кампании. А для этого надлежало любым способом подняться над уровнем травы. Возвращаться на поляну определенно не хотелось. Аквилонец принялся размыш-

лять, куда бы могли направиться пикты, если они вообще соизволили направиться в его сторону, и куда идти ему самому, дабы осуществить задуманное.

Вот когда не хватило рядом Тэн И! Только кхитаец, с его знанием законов древней игры, о которой он рассказывал на корме, и умением применить эти законы в деле, мог бы теперь распутать складывающуюся комбинацию. Евсевий никогда не увлекался играми и тем более не имел представления о древней кхитайской забаве. Оставалось мыслить так, как учили в Академии в Бельверусе и Тарантийском университете — логически.

Прежде всего пиктов должно было заинтересовать, куда же подевались вельберы. Разумеется, подеваться куда-либо, кроме ручья, тяжелые лодки белых людей не могли. И вряд ли белые вытащили бы их на берег прежде, чем достигли бы скал. Раз так, то близ ручья был самый большой шанс нарваться на пиктов, как на идущих пешком по берегу, так и плывущих вдогонку за лодками на каноэ. Остальные воины, скорее всего, разделились. Евсевий, разумеется, отдавал себе отчет в том, что знает пушу очень плохо, но допустить, что пикты не знают про Большого Белого Вождя и не имеют хотя бы словесного портрета Конана, было бы ошибочно. Раз так, то по совету жрецов большинство загонщиков кинутся добывать главный трофей. Ну-ну, посмотрим, каково это у них получится! Сам король не выглядел неуверенным в победе. Еще часть воинов перейдет ручей, поискать на том берегу, и тут уж придется уповать на то, что охот-

ничьи умения и доблесть гандерландского барона вкупе с воинским искусством аргосского месьюра помогут им выбраться из переделки. На дереве остался сидеть Майлдаф.

Не стоило сомнения, что неумный горец, во-первых, не задержится там надолго и, во-вторых, не удержится, чтобы не пристрелить еще парутройку пиктов, не ограничившись их собаками. Ну и, наконец, нельзя было отказывать жителям пуши в умении рассуждать приблизительно так же, как делал это ныне сам Евсевий: один отряд или даже несколько должны были отправиться к скалам — перехватить вельберы там. И направиться они должны были напрямик, наперерез, сиречь через степь.

Евсевий постарался вспомнить, видел ли он какие-нибудь примечательные детали местности. Отдельные деревья среди травы стояли, но где и как их найти? Конечно, близ ручья, где земля влажная, растительность должна быть буйной, густой, здесь должно быть много травы. Да вот, же, она — кругом. Значит, чем дальше от воды, тем суше, тем слабее стебли, тем реже поросль... Евсевий принял решение и стал пробираться вправо и вверх по течению, постепенно отклоняясь от русла.

Поначалу под сапогами неприятно чавкала мелкая грязь, блестели лужицы. Чем дальше уходил он от ручья, тем тверже становилась почва, тем глубже уходили в нее корни травы. Наконец, не прошел он и скадия, как оказался на красноватом глинистом грунте, испещренном крупными трещинами. Трава заметно поредела, но была по-

прежнему высока. Никаких следов не то что человека, но просто жизни не было заметно в этом шуршащем под сухим ветром травянистом лесу. Зато видимость расширилась до двух локтей, что было отрадно: особой охоты наблюдать представителей животного царства пуши ученый сейчас не испытывал, и относительная разреженность окружающего пространства его устраивала.

Пройдя еще сотню шагов, аквилонец наткнулся на обломок древесного ствола, черный, словно обожженный, бессмысленно торчащий вверх, как памятник самому себе.

Верхняя часть ствола и то, что некогда являлось кроной, лежало тут же, уже полусгнившее, раскисшее, превратившееся в труху. Очевидно, в дерево ударило молнией во время грозы. Что ж, грозы на Закатном океане часты и сильны, и для одиноких деревьев такой конец — дело обычное. Евсевий сравнил высоту обломка и окружающих стеблей. Если прежде господствовавшее здесь дерево и стало теперь ниже хлипкой травы, то на какой-нибудь локоть, не более, достигая само высоты восьми-девяти локтей.

Лук за спиной изрядно мешал, но снять его Евсевий не осмелился: не хватало еще, чтобы по беспечности его убил из его же лука безродный пикт!

С высоты восьми локтей мир предстал аквилонцу совершенно иным. Оказывается, лес остался уже в трех скадиях за спиной. Над ним поднималась зеленая гора — сиречь тот самый холм, на который героически взобрался барон Полагмар.

Впереди краснели и дыбились скалы, куда более рослые, чем священная возвышенность пиктов. Скалы ни с того ни с сего вздымались посреди довольно ровной окружающей местности, будто некий растяпа-великан обронил из зажатого кулака горстку камешков — своих, великанских. И надо же такому случиться, что ручей выбрал себе путь не где иначе, как только между этими острыми, гладкими, почти нетронутыми временем и ветром красными рогами. У восточного горизонта виднелись синие тени возвышенностей. До них было не так и далеко, три дневных перехода, а если на лодке, то и еще меньше — но нельзя было забывать, что излишняя поспешность в этой незнакомой стране могла обойтись очень дорого. С другой стороны, надо было торопиться!

Евсевий, впрочем, отнюдь не удивился скальному нагромождению на плоской равнине. Он видывал такое не раз, особенно там, где часто шли ливни и дули сильные ветры: легкий верхний слой почвы размывался, уносился вихрями и водой, а каменные кости земли стояли незыблемо. А здесь, на берегу Океана, ураганные ветра и неистовые дожди не заставляли ожидать себя слишком долго.

И все же ныне окрестные красоты мало занимали пытливого землепроходца. Гораздо более интересовало его местное население, кое, по всей видимости, а точнее невидимости, предпочитало скрытность. Зеленовато-желтое море выгоревшей травы колыхалось от самого слабого ветра, но тайны глубин своих упорно не раскрывало. Евсевий

определил для себя, сколько и в каком направлении следует ему пройти, но что в том было толку, когда он не имел понятия, чем занят враг? В который раз приходилось жалеть об отсутствии кхитайца. Что говорила теория древней игры о подобных позициях, когда видно игровое поле, а фигуры противников движутся где-то под ним и грозят вынырнуть на поверхность у самого носа, да в таком количестве и мощи, что размышлять будет поздно? Или такого поворота правила не предусматривали?

Сидя так на обломке дерева, что было не весьма приятно, но терпимо, Евсевий продолжал рассуждать. Если он не видит пиктов, то это не значит, что их нет. Это не значит также, что они не видят его, но, скорее всего, дело обстоит именно так: они его не видят — ведь нет же у них крыльев, чтобы летать над этой степью! А если бы даже и были, то ни одного татуированного серокожего воина в боевой раскраске в небесах не наблюдалось. Таким образом, пикты, не меньше Евсевия, должно быть, снedaемые нетерпением узреть соперника, должны были бы воспользоваться тем же простым и доступным способом наблюдения, что и он сам. То есть, влезть на дерево.

Деревьев на обозримом пространстве нашлось немного. За исключением близкого леса, три кривеньких ствола торчали по-над ручьем — самого потока не было видно, но прореха в травяных терниях угадывалась, — еще два дерева находились за водотоком, и три высились по ту сторону, где пребывал Евсевий, но поодаль от речки. Несомнен-

но, пикты лучше знали местность и правила поведения на ней, так что, решившись выжидать, пока объявятся не слишком гостеприимные хозяева, Евсевий пытался вооружиться луком. В конце концов это ему удалось. Изрядно вспотевший и перемазавшийся в саже и трухе Евсевий утвердился на коротком, но крепком еще суку, используя его как опору для ног, и остался стоять один и недвижим под палящим солнцем.

Некоторое время ничто не тревожило знойную негу пейзажа. Даже птицы, столь докучавшие своими криками в лесу, здесь молчали: в послеполуденную жару они отдыхали в траве или под сенью ветвей.

Но вот над зеленой кроной, находящейся локтях в пятидесяти от аквилонца, внезапно вспорхнули в воздух несколько мелких птах и закружились бестолково над листвой, имея вид обеспокоенный. Евсевий изготавился к выстрелу, но тетиву отпускать покуда не решался: на ветви могла взобраться змея, соблазненная яйцами из гнезда. Однако последующие события сняли с чешуйчатых тварей все подозрения — уж слишком сильно заколебалась крона! Такой шум мог произвести только кто-то тяжелый: леопард, медведь или человек!

Отследив, где листья трясутся более всего, Евсевий выстрелил.

Нечто весомое, провалившись сквозь крону, шлепнулось на землю. Спустя мгновение до Евсевия донеслись злобные хриплые и каркающие вопли. Теперь Евсевий знал, где противники, а те

пока не могли увидеть, где аквилонец! Но уверенности, что влезший на дерево пикт мертв, у хайборийца не было: а вдруг он успел-таки заметить лучника и теперь рассказывает спутникам, куда им следует двигаться?

Тем не менее положение Евсевия оставалось более выгодным: он первым занял «господствующую высоту», и теперь всякий, кто рискнул бы вынырнуть на поверхность травяного моря, неизбежно попадал под его меткие стрелы!

По-видимому, выстрел все же оказался удачным: после некоторого замешательства в траве возле того дерева Евсевию почудилось какое-то шевеление. Пикты куда-то собрались, что подтверждали птицы, вившиеся теперь уже не над деревом, а над пространством степи.

«А пикты ли?!» — ожгла тут аквилонца запоздалая догадка.

Можно ли поручиться, что это дикари добрались до дерева? А если это кто-нибудь из своих?

Евсевий принялся лихорадочно припоминать, кто и куда подался после команды Конана разделиться: барон и Сотти ушли за ручей, Майлдаф еще сидел на дереве на опушке, Конан... Куда пропал король, Евсевий решительно не знал. Впрочем, кандидатура Конана, к счастью, не подходила: он ушел бы один, и кричать над ним было бы определено некому... Кричать! — Евсевий подивился тому, как быстро поддался он панике: кричали над телом убитого уж точно не по-аквилонски!

Евсевий вновь с удвоенным вниманием стал следить за птицами и малейшими намеками на

волнения длинных сухих стеблей. Похоже было, что пикты расходились: одни направлялись в ту сторону, где должен был собраться отряд, — к выходу ручья из скал. Остальные побрели было к ручью, избрав направление чуть выше по течению, чем находился Евсевий... и пропали. То ли пикты так ловко пробирались сквозь заросли, что обнаружить их мог только опытный взгляд, то ли они остановились, то ли у аквилонца попросту устали глаза, и он уже не в силах был уловить столь мелкие движения травы на таком изрядном расстоянии, к тому же слепящее солнце и ветер были ему помехой.

Зато открылось другое: на противоположном берегу ручья тоже заголосили пикты, и опять-таки непонятно почему. Или отвечали тем, коих потревожил Евсевий, или просто переговаривались меж собой превесьма громко. Так или иначе, они выдали себя.

Коли пикты заявили о своем присутствии во всеуслышание, то и преследуемые обязаны были как-то на это ответить: упустить такой случай, не изменив положение в свою пользу, было бы непростительным зевком!

Рассудив так, Евсевий вскоре убедился, что не ошибся.

Крики, едва смолкнув, разразились снова, но теперь в них звучало удивление и ярость. Не стоило сомневаться, что за ручьем завязалась драка! И кажется, барон Полагмар — а честь того, что удалось быстро и незаметно подкрасться к врагу принадлежала, конечно, ему — искусенному охот-

нику! — вместе с аргосским дождем случая не упустили. Схватка продлилась недолго. Воинственные вопли сменились предсмертными хрипами и стонами, и снова все стихло. Подобно оборотням хайборийцы скрылись в травяных дебрях, оставив загонщиков не у дел.

Похоже, что начиналась вторая часть игры. Пикты, пользуясь своим преимуществом в числе, пошли в решительную атаку, задумав просеять степь, как муку сквозь сито. От опушки леса долетели слова какого-то приказа. Ответом на него был клич, кой издали сотни полторы или две глоток, а затем вся трава там пришла в движение — туземцы двинулись в сторону скал по обоим берегам ручья.

«Если между лесом и скалами где-то пять, если напрямик, или семь, если по течению, скадиев, то на каждые три локтя придется по воину», — быстро сосчитал Евсевий. Положение его становилось незавидным, но спускаться вниз он еще не собирался: прежде чем отступать, надо было убедиться, нет ли встречной облавы. Кто знает, сколько пиктов успели обогнать его и уйти вперед?

Но встречной волны не было. Очевидно, что-то задержало пиктов в лесу, и они не смогли мгновенно выстроить своих воинов в цепочку, и даже отдельные отряды не преуспели в том, чтобы догнать ушедшие по ручью вельберы. Теперь не оставалось сомнений, что Арриго и Серхио достигли временного убежища в скалах, а чтобы выкурить их оттуда, потребовалось бы не меньше пя-

тисот воинов. Такую силу трудновато было собрать в одночасье даже в Хайбории, а что уж говорить о пуше!

Немного успокоившись, Евсевий занялся планом собственного спасения, когда и в без того суматошное действо вмешался непредвиденный персонаж.

Хотя большая деревня, а возможно, и не одна, располагалась совсем рядом, пуща оставалась диким краем, и ее исконные обитатели не считали противоестественным бродить там, где им вздумается. Разумеется, осторожные хищники прятались сейчас где-то в дебрях, дожидаясь ночи, но мирные травоядные, пользуясь отсутствием врагов, совершали прогулки в поисках пищи. Сухая и высокая жесткая трава степи не могла прельстить крупных животных, и они, не умея предвидеть, какие странные события произойдут в этом месте и в это время, предпочли остановиться для отдыха близ кромки леса, в кустарнике, где было много сочных листьев, за которыми не приходилось слишком тянуться.

На одного из таковых и налетели разгоряченные охотой на человека пикты. Евсевий без сомнения отнес его к травоядным, но вот назвать сего зверя мирным было бы скоропалительно!

Из кустов близ ручья, где было небольшое болотце, полное замечательной жирной грязи, поднялась черно-коричневая широкая спина, заросшая густой длинной шерстью, восхитительно измазанной, так что иная свинья позавидовала бы. Сначала Евсевий подумал, что это кабан, но пос-

ледующие события заставили его переменить мнение: уж чересчур велик был этот кабан. Мало того, когда «кабан» поднял голову, аквилонец не обнаружил ни хитрого свиного рыльца с любопытным пятачком, ни двух внушительных белых клыков, ни маленьких блестящих умных глазок. На мир из-под копны свалаявшихся волос взирало нечто бесформенное, с довольно длинными вислыми ушами, более всего напоминающими коровьи, с толстыми, как у бочки, мощными боками и каким-то уродливым наростом на том месте, где должно было располагаться рыло. Чудище отряхнулось, взмахнуло тонким смешным хвостиком и, с неожиданной быстротой и проворством перебирая толстыми трехпалыми ногами, припустило прямо сквозь траву, легко преодолевая канавки и густые переплетения ветвей кустарника. Глаза зверя — маленькие, подслеповатые, близко посаженные — были мутны от ярости. Казалось, могучий зверь не видит ничего, что находится от него дальше двадцати локтей. Тяжелая и удивительно подвижная тварь виделась гораздо более опасной, чем даже разъяренный секач. Когда зверь повернулся к нему боком, на миг замерев, чтобы принюхаться, Евсевий наконец понял, что за нарост украшает морду диковинного создания: это был рог — толстый, немного загнутый к низкому покатоному лбу бестии. В приоткрытой широкой пасти Евсевий разглядел клыки, ничуть не уступающие кабаньим.

Зверь повернул морду, и Евсевию показалось, что этот преисполненный ярости и первобытной

злости взгляд устремлен прямо на него. Трепет, ужас и восторг овладели им одновременно! По спине пробежал мороз, хотя аквилонец знал, что зверь не может его видеть. Как безобразно, бесформенно, грязно и в то же время гармонично, рельефно и первозданно прекрасно было это крепко сложенное природой из прочных костей, тугих мышц и жесткого панциря тело на фоне желтой шелестящей травы! Какие мысли билась в этом маленьком, пылающем во гневе мозге?

Боязнь и восторженное любопытство ученого боролись ныне в душе Евсевия: он узнал чудовище, хотя ни разу не видел его допреж! Это был тургарт — сильное, свирепое и почти неуязвимое травоядное. Даже слоны опасались встречи с ним! Евсевий слышал рассказы охотников из Черных Королевств об облавах на тургарта, и каждый раз, даже если предприятие заканчивалось успешно, перечисление убитых и покалеченных зверем загонщиков занимало добрую половину повествования.

Теперь это диво южных степей явилось пред очей Евсевия. От Черных Королевств пушу отделяло изрядное расстояние, а зверь никак не походил на мираж! Задрал голову, он издал громкий звук, представлявший собою смесь голоса трубы и рычания, а затем, заприметив, наконец, возмутителей своего послеобеденного отдыха, быстрей рысцой устремился в погоню.

Удивило Евсевия даже не то, что диковинное животное оказалось жителем пуши — это как раз и не было удивительным: тайны пуши, судя по

рассказам Конана, представлялись неисчерпаемыми. Поразило ученого то, что зверь оказался покрытым густой длинной и теплой шерстью, тогда как южные тургарты были голы, и лишь редкий жесткий волос пробивался сквозь их ороговевшую кожу.

Увлеченные поисками врага пикты не сразу заметили, кого они разбудили и рассердили своим множественным присутствием и охотничьим гвалтом. А когда заметили, уловив сотрясение почвы от рыси четырех тумбообразных ног, поддерживающих тушу в пять тысяч фунтов весом, и услышав треск ломающихся ветвей и тревожный хлесткий шелест травы, было уже поздно. Как ни быстроноги были пиктские охотники, а убежать от тургарта смог бы разве только всадник на резвой лошади.

«Рихо! Рихо!» — понеслось над степью, и в крике этом звучал ужас. Конечно, пикты тоже иной раз охотились на тургарта, но такая охота требовала специальной тактики, тяжелых копий и крепчайших сетей. Повстречать «Рихо» внезапно среди зарослей или в степи было равносильно верной смерти: ни стрела, ни копьё, ни меч не спасали человека в бесполезном поединке. Животное было надежно защищено творцом от людских ухищрений, и единственная надежда на спасение заключалась в том, что тургарт из многих возможных целей для преследования выберет не тебя.

Дальние от тургарта пикты в замешательстве приостановили свое продвижение к скалам, а ближайшие попросту бросились врассыпную, то и дело

оглядываясь, пытаясь сообразить, не их ли выбрал в жертву страшный зверь.

Трубя, рыча и похрюкивая, помахивая веревочным хвостиком, черно-коричневый зверь, потряхивая шерстью, разбрасывая брызги и комки грязи, наклонив упрямую голову с выставленным вперед рогом, преследовал теперь высокого, крепко сложенного юношу с овальным тростниковым щитом, ярко разрисованным, и длинным легким копьем. Несмотря на кажущуюся неторопливость и тяжеловесность бега, тургарт догонял человека, и как бы тот ни пытался ускользнуть от зверя, делая прыжки, петли, резко меняя направление бега, расстояние между ними быстро сокращалось. Видел тургарт плохо, но, увидев раз, уже не упускал преследуемого: уши и нюх с лихвой восполняли ему недостаток зрения.

Когда между ними осталось локтей пятнадцать, пикт решил, что умереть в бою будет достойнее, да и смерть лицом к лицу не так страшна, чем если бы она настигла невидимо и неожиданно со спины. Он с изяществом дикой кошки развернулся и попытался пронзить копьём глаз ринувшегося на него чудовища. Не тут-то было! Простым кивком головы тургарт отвел удар в сторону, копьё скользнуло по скуле животного и сломалось о его крутое плечо. Тем временем ударил и сам тургарт, но не рогом, как ожидал Евсевий, а клыками нижней челюсти, подобно кабану, после чего, опрокинув человека, пробежался по упавшему телу. Аквилонец не успел понять, умер ли пикт от первого удара или тургарт добил его, растоп-

тав, но никакой красивой и героической гибели не получилось: зверь расправился с вооруженным человеком так, как если бы имел дело с соломенным снопом, сиречь почти не заметив его.

Не издав никакого звука, долженствующего возгласить великую победу, тургарт, не снижая темпа бега, бросился вслед за группой из пяти воинов, пытавшихся спастись от бестии за ручьем. Но тщетно! Распаленный праведным негодованием тургарт был неудержим, и довольно глубокий в этом месте ручей не мог послужить ему преградой. Зверь переплыл его едва ли не быстрее, чем это исполнил бы вышколенный боевой конь. В ужасе пикты не разбирали дороги и бежали, не глядя уже, куда, собственно, бегут. Один зацепился мечом о щит товарища, тот запнулся, упал, и увлек за собой виновника столкновения. Тургарт был тут как тут, хрустнули хилые людские кости, и дикая погоня продолжилась, оскудев на двух участников.

Разумеется, чудище не могло справиться со всеми двумястами пиктами, вышедшими на облаву, — тургарт притомился бы в конце концов, удовлетворяясь несколькими настигнутыми и поверженными людьми. Такие потери были вполне обычны при охоте на крупного опасного зверя даже в Аквилонии.

Но переполох случился изрядный! Застигнутые врасплох воины никак не могли понять, где же их преследователь, тем более что высокая трава не давала узреть воочию полной картины боя, и оттого каждый охотник был уверен, что неудер-

жимый в своей свирепости «Рихо» гонится именно за ним. Один из пиктов, наткнувшись на дерево близ ручья, попытался в отчаянии спрятаться там. Однако, восхищаясь первозданной природной силой животного и одновременно справедливо опасаясь за участь барона Полагмара, Сотти, Майлдафа и Конана, бывших где-то неподалеку, вполне возможно, в пределах досягаемости для тургарта, который не стал бы разбираться, кто перед ним: безродный пикт или хайборийский нобиль, Евсевий не терял бдительности, а стрелы его не утратили всегдашней меткости. Пикт оказался пригвожден к стволу, да так и остался там, бессильно свесив руки.

Соратники и, возможно, соплеменники его, разбрасывая бесполезное оружие, с воплями носились в зарослях травы, ожидая роковой встречи. Но паника овладела ими не окончательно, большинство наиболее сообразительных спешили скрыться под сенью близкого леса, и лишь два или три десятка пиктов бежали к скалам.

Внезапно — а произошло это и вправду внезапно, ибо следить за состоянием неба аквилонцу было недосуг, — на залитую золотым солнцем степь пала глубокая серо-лиловая тень, и сильный порыв ветра пригнул упрямые стебли, так что бегущий по-прежнему размеренно и ходко тургарт стал виден до брюха. Евсевий посмотрел вверх. Незаметно, но удивительно быстро с полуночного восхода, от гор, катилась гроза со шквалом, по мощи немного уступавшим буре, что улеглась пару дней назад. Мгновенно сделалось темно, как будто наступили

сумерки. Сплошная пелена грозowych туч застелила северо-восточный горизонт, и эта пелена стремительно надвигалась. Вот граница света и тени переместилась к краю желтых трав, вот миновала, вот переместилась на лес... Где-то над тем, другим лесом, что начинался за степью, вспыхнула гигантская молния, ветвистая, словно старое кряжистое дерево, и вскоре слуха Евсевия достиг низкий громовой раскат. За первым порывом ветра последовал другой, еще более сильный, так что аквилонцу, на плечах коего не было ничего, кроме туники, стало зябко: шедшая с северных гор гроза неслась на крыльях холодного ветра.

Евсевий не был уверен, успеют ли тучи разразиться ливнем именно здесь, над степью, но сидеть на бывшем стволе смысла более не имелось: погоня была разгромлена спасительным появлением тургарт и надвигающейся бурей. Евсевий уже совсем было собрался соскользнуть вниз, как молния ударила вновь, на сей раз вовсе недалеко — за ручьем, и ударила не куда-нибудь, а в одно из деревьев. Сухая крона вспыхнула мгновенно, и рокочущий зловеющий раскат грома стал лишь завершением композиции, претворенной в свете и огне. Горящие ветки, листья, искры, увлекаемые ветром, упали в траву. Степь занялась в мгновение ока, и вихрь, раздувая пламя, погнал его к ручью и в сторону леса.

Евсевий, не доверяя примете, что гроза не ударит дважды в одно и то же место, поспешил покинуть свой пост. Теперь задача его стала ясной, как было небо всего несколько мгновений назад:

как можно скорее миновать степь, которая вполне может вспыхнуть от любой последующей молнии, причем совсем рядом, и найти в скалах укрытие от пронизывающего ветра, огня и дождя.

Не слишком волнуясь теперь о встрече с пиктами, Евсевий все же вытащил из ножен акинак. Бежать с мечом было не слишком удобно, но гораздо безопаснее. Тургарт — тарантиец успел это заметить — все еще преследовал пиктов где-то на том берегу ручья, но теперь оттуда доносился запах горящей травы и веяло дымом. Евсевий знал, сколь страшны степные пожары, как быстро они пожирают огромные пространства, и предвидел, как поведет себя животное, когда почувствует опасность. Знал он также, что узкий ручей при таком свежем ветре вряд ли послужит препоной для огня — ветер с легкостью перенесет искры и пучки заженной травы на тот берег, где находился он. Хорошо, что Евсевий находился выше по течению, чем место, с которого начался пожар, и, при условии, что ветер не переменится, во что верилось с трудом, пожар никак не мог настигнуть его.

Евсевий определил направление движения и следовал ему, насколько это было возможно во вновь окружившей его траве, которая теперь гнулась и шелестела, кланяясь безумный неистовый ветер. На том берегу опять затрубил и зарычал тургарт, теперь уже тревожно. Голос животного с трудом пробивался сквозь тугой ветер, но сколь же силен он был, если достиг Евсевия! Пожар разрастался и скоро должен был перекинуться на лес,

а это означало, что у пиктов будет немало хлопот, и они смогут отрядить на преследование хайборийцев много воинов. По крайней мере, погоня большими силами возобновится не сразу, а день-два спустя.

Рассуждая так, Евсевий старался не думать о том, что его спутники могли оказаться отрезанными от него и от свободы стеной огня. К сожалению, он ничем не мог им помочь, и оставалось лишь полагаться на благую волю Митры Солнцезарного.

В пяти шагах справа навстречу Евсевию пробежал какой-то пикт. Даже не обратив внимания на аквилонца, туземец скрылся в траве в направлении берега моря. По своим расчетам Евсевий преодолел уже около полутора скадиев, когда чуть было не налетел на высокого жилистого мужчину, стоявшего к нему спиной. В чехле у незнакомца покоился лук, а в туле — длинные стрелы.

Майлдаф — а это был, разумеется, он — почувствовав сзади присутствие постороннего, мгновенно отпрыгнул вперед и развернулся лицом к ученому. В руке у горца сверкнул метательный нож, уже готовый отправиться в смертельный для врага путь.

— Евсевий! — Серое от пыли и цветочной пыли лицо Бриана Майлдафа осветилось приветливой улыбкой. — Раздери меня банши, ты подоспел вовремя! У тебя есть огниво?

— Есть, — опешил Евсевий. — Тебе зачем?

— Поджечь траву, — ответил горец так, будто речь шла о само собой разумеющейся вещи. — Ви-

дал, как здорово горит на том берегу? Сейчас так же будет и на этом!

— Погоди. — Аквилонец отдернул руку, в которой держал искомый горцем предмет. — Там же может быть Конан!

— Не может, — отмахнулся Майлдаф. — Полагмар и Сотти перебрались сюда, я видел. А король ушел в сторону побережья, его лучше не ждать. Давай же скорее огниво!

Полагаясь, скорее, честность и совесть горца, нежели на убедительность его доводов, Евсевий отдал Бриану вожаке предмет.

Тот извлек кремень, трут, и миг спустя кипа заблаговременно срезанной Майлдафом травы вспыхнула. С каким-то древним варварским восторгом разрушения наблюдал Евсевий за тем, как первый сизый дымок воскурился над травой, как задрожали сперва робкие, а потом все более и более уверенные язычки огня, как полетели искры, падая на тонкие тела соседних трав, поджигая их, как пламя взметнулось жарким красным зверем, и жадные его когти разрывали сухой и черный уже дым. Не успел он перевести дыхание, как огонь, поднявшись стеной, обдал лицо жаром, копотью и чадом и, влекомый яростным хохочущим ветром, потянулся по степи, превращая светло-желтую равнину в голую пустыню золы, гари и пепла.

Присущее степному пожару величие, захватило Евсевия. Хотелось поджигать, крушить, драться и убивать. Мысленный взор угодливо представил ему видения черных закопченных стен, про-

битых тараном, пылающего города, уличных боев, разбросанной по полу утвари, разбитой посуды, поломанной мебели, юной девушки в легком хитоне, затаившейся в уголке и по-детски выставляющей перед собою руку в попытке заслониться от беды.

Растрепанные волосы. Рывок, треск податливой ткани... И вновь пожары, дым, виселицы, трупы на улицах, запах горящей ворвани, звон мечей... Он провел рукой по лицу, отгоняя морок.

— А теперь бежим! — вывел его из оцепенения хриплый голос Майлдафа.

Горец был явно не на шутку встревожен.

— Скорее! Если это черное страшилище проходит через огонь так же просто, как сквозь воду, то нам несдобровать! Этих серокожих болванов подстрелить проще, чем курицу во дворе, но рогатая тварь!..

— Слушай, Майлдаф, — прервал словоохотливого горца Евсевий. — А откуда ты знаешь...

— Бежим! По дороге расскажу, — опомнился Бриан Майлдаф и, грубо ухватив Евсевия своей рукой-клевнем за рукав, потащил его в ту же сторону, куда направлялся аквилонец. Снова высокие желтые стебли загородили их от мира.

— Майлдаф, откуда ты знаешь, что с королем? — Евсевий старался говорить ровно, хотя скорость бега горец задал по обыкновению сумасшедшую.

— Я еще сидел на дереве, когда пикты вылезли на поляну, — начал Майлдаф, не снижая скорости. — Король ушел как раз перед ними, при-

чем навстречу им. Как он ухитрился их миновать, ума не приложу. Про Границу говорят такое, что волосы дыбом встают, а на этих посмотришь... — Майлдаф ухитрился разочарованно развести руками прямо на бегу. — А потом я их перестрелял, как куропаток. Правда, их и было только трое...

«А я едва-едва двоих успел, — подумал Евсевий. — Зато у меня позиция была похуже», — тут же оправдался он сам перед собой.

— Потом они полезли через поляну целой толпой, и мне пришлось затаиться, — продолжал горец, через каждые четыре шага делая шумный выдох. — Если бы у них было мозгов чуть больше, чем у моих овец, или хотя бы столько же, то они заметили бы меня. А так мне повезло, — отдаваясь, констатировал Бриан.

Евсевий живо представил себе, как Майлдаф, восседая на суку, глядит, как прямо под ним, в каких-то четырех локтях, идут ловить и убивать десять десятков здоровых и крепких воинов, и стоит одному из них задрать голову...

— Когда они все убрались, один задержался у дерева. По малой нужде, — уточнил горец, зверски ухмыляясь. — Весь в краске, в перьях. Важная птичка, должно быть. Мне надоело ждать там на дереве, и я спрыгнул на него, как у нас в Темре прыгают прямо с чердака на лошадь, когда сильно торопятся.

Евсевий знал, о чем речь. Летом, в жаркие дни, молодые парни в Темре обычно спали на чердаках, потому что там было прохладно и частенько сушилось сено, на котором удобно было валяться

с девицами. А поутру, когда надо было ехать в поле, ленивые горцы, дабы не утруждать себя сошествием по лестнице, прыгали прямо с крыши точно на своего коня, который еще жеребенком был приучен поджидать своего хозяина в удобном месте. На сей раз роль лошадки досталась пикту.

— Может статься, я стал весить побольше, с тех пор как нажил кое-какие деньги и стал лучше питаться,— предположил Майлдаф,— потому что он даже охнуть не успел. Должно быть, я сломал ему шею,— привел он доказательство своего предположения.— А дальше я решил слазить на этот холм, который вы все зачем-то зовете горой. Гандер нашел там храм, вот я и подумал, не поймать ли мне какого-нибудь пиктского жреца, из тех, что постарше. Может, Конан из него вытрясет что-нибудь дельное...

— Погоди, как же вытрясет, если он ушел к морю? — не понял ничего Евсевий.

Между тем трава кончилась. Они выбежали к подножию скал, забрав немного левее, чем было необходимо. Теперь до условленного места, где ручей врывается в теснину, им нужно было пройти еще полсадня вокруг крутой гранитной стены, коя поднималась почти вертикально вверх сразу над невысокой щебневой осыпью, на край которой они и выбрались.

Небо над головой сделалось почти черным. Молнии крестили, не переставая, рисуя сказочные огненные фигуры и вензеля. Гром рокотал, как подвыпивший пожилой стражник в Тарантийском

дворце. Вот-вот должен был хлынуть дождь, хотя сказать «дождь» значило бы не сказать ничего. Судя по неприветливому виду небес, предстоял настоящий потоп.

— Гляди, вон расщелина! — Горец указующим жестом выбросил вперед левую руку.— Если туда не напоззло с сотню ядовитых гадов, как это обычно и бывает, мы можем там спрятаться.

Бриан полез вверх по насыпи, да так, будто эта сотня гадов сейчас гналась за ним по пятам, шипя и брызгая своей ядовитой слюною. Евсевию ничего не оставалось, как последовать за горцем: мокнуть под ливнем не хотелось, а словам насчет гадов он не поверил — не таков был Майлдаф, чтобы добровольно окончить жизненный путь в яме со змеями.

Никаких гадов в пещерке и вправду не обнаружилось, хотя местечко было для них самое подходящее: сухое, со стороны, хорошо прогреваемой солнцем, укромное. Скорее всего, здесь постарались пикты, очистив окрестности ручья от всякой скверны. Конан говорил, что со змеями серокожие обитатели пуши ладят куда лучше, чем стигийские жрецы, и могут при надобности заставить змей уйти из любого места раз и навсегда. А как они этого добиваются — заклинаниями, курениями или чем-то иным, об этом король ничего сообщить не мог, ибо не знал, а сами пикты об этом молчали.

Теперь в пещерке не было тепло, но ветер сюда не задувал, а тугие плети дождя, зашелестевшие, как только Майлдаф с Евсеем нырнули под гра-

нитный свод, проникали только на локоть от порога мелкими брызгами. Только сейчас Евсевий понял, как он хочет есть и пить. К счастью, глиняная фляга с вином на поясе осталась непочатой — некогда было, а Майлдаф возвратился не с пустыми руками. Из поясной сумки, которую горцы повсюду таскали с собой, Бриан извлек горсть сушеных плодов, хлеб и какой-то початок.

— Это хлеб? — недоверчиво спросил Евсевий, трогая подсохшую, но еще не заплесневелую корочку.

— Хлеб, хлеб, — утвердительно кивнул Майлдаф, без смущения отправляя в рот один из нескольких хлебцев. — Это я забрал с жертвенника. Полагаю, здешний бог на меня не обидится, к тому же их все равно много, если судить по числу этих пугал на озере — им всем не хватит, подерутся еще, а нам — как раз.

— А это что? Ты знаешь? — Тарантиец указал на початок, напоминавший хлебный колос, поскольку весь состоял из зерен, но не являвшийся таковым, зане был плотным и толстым.

— Откуда мне знать. — пожал плечами горец. — Я понял только, что он вареный и съедобный.

Евсевий попробовал. Зерна крепились на какой-то жесткой несъедобной метелке, но сами напоминали одновременно и хлеб, и рис, и репу, но все же были особенными. Более же всего пришлось по душе, что зерна оказались очень сытными, и после них внутри стало тепло, будто они заключали в себе больше солнечного света, чем все другие растения земли.

Тем временем Майлдаф продолжил повесть:

— Так вот, я пошел так, как рассказывал Полагмар. Его змеюг я и вовсе не заметил бы, если бы не пнул одну из них по случайности. Она зашипела для порядка, только как-то жалобно, и уползла в кусты. В храме никого не было, а на жертвеннике я нашел все это. Ну и забрал. А потом я услышал шум и посмотрел от входа вниз, на мост над водопадом. Вот тут-то я и увидел короля. Он убегал, а за ним гнались эти серые, человек двадцать, наверное. Все-таки мы их выманили за собой, в лагере осталось совсем немного...

— Почему же ты думаешь, что король ушел к морю? — прервав трапезу, воскликнул Евсевий.

— Очень просто, — отозвался Майлдаф, отхлебывая из фляги. — Я встретился с ним.

— ???

— Я спустился вниз, почти что по главной дороге от святилища — пробирался вдоль нее по кустам. Так дошел до моста. На площадке были двое — остались, наверное, от той оравы, которая преследовала Конана. Я их убил. Одного из лука, второй лег, спрятался за ограждением на башенке. Я поднялся туда и зарубил его. Потом пошел дальше по тропе, вернее, вдоль нее. А потом я услышал, что навстречу мне кто-то бежит. Я затаился и приготовил уже меч, но из-за деревьев выскочил...

— Конан?! — догадался ученый, еще не веря сам себе.

— Он! — заржал Майлдаф. — Евсевий, как ты догадлив! Я вышел из зарослей, а он сразу меня узнал и только рукой махнул: «Давай, мол, обратно», и

мы опять подались в эти дебри. Знаешь, мы оказались на том самом проклятом мысу, где речка делает излучину, где мы плели щиты...

* * *

— Майлдаф,— сказал Конан.— Как ты оказался здесь? Что с остальными?

— Почему я знаю,— отвечал горец.— Я убил четверых...

— Очень хорошо! — Король был не на шутку сердит.— А я десятерых, и что с того? Арриго успел уйти?

— Наверно,— не слишком уверенно изрек Майлдаф.

— Ладно,— махнул рукой король.— Должен был успеть, если я хоть что-нибудь понимаю про Арриго и пиктов. За мной гонятся...

— Я видел,— поспешил показать свою осведомленность Бриан.— Толпа человек в двадцать. С ними можно и вдвоем...

— Это ты видел только двадцать. Их гораздо больше. За нами ушла половина их воинов. Вторая половина бродит здесь по лесу. Кого-то я успел запутать, но они висят у меня на хвост... На полах моего королевского плаща, задержи их Имир! Уйти навверх у меня не выходит, а здесь, близ храма, они скоро поймут меня. Надо уходить в пущу, там они меня не догонят.

— А...— только и успел вымолвить горец.

— А вы делайте так, как было сказано! — сурово заметил монарх.— Эти пикты — не чета пограничным. Они обленились тут. Здесь же нет

войны кланов — священное место, а Аквилония далеко. Я убегу, а вот если стинет этот аргосский сопляк, то нам не видать Океана! И зачем я взял его с собой? Хотя, если бы я этого не сделал, тот же Пиоло первым бы завопил, что здесь не уважают мессантийский трон! Политика — грязное дело, Бриан,— философски закончил король.— Ты правильно сделал, что занялся торговлей...

Со стороны тропинки послышалось шлепанье нескольких десятков пар босых пяток, потом звуки приглушенного разговора.

Конан внимательно слушал, пытаясь уловить знакомые слова и понять, о чем ведется разговор.

— Ага,— проговорил он.— Те, что гнались за мной с той стороны, встретились с теми, которые с другой, и теперь те говорят этим, что я побежал туда, а эти тем, что сюда,— сколь мог понятно объяснил король.

— И что те отвечают теперь этим? — решился узнать Майлдаф.

— Эти говорят, что те ослы, а те этим, что эти еще хуже. Но того хуже другое: и те, и эти сейчас направляются сюда, поэтому мы делаем то же самое, что сделали давеча на поляне. Я ухожу в сторону моря, а ты — обратно навверх и вперед по ручью. Там сейчас воинов нет, кроме тех, что ушли в погоню за нами.

— А те, которые эти, они что, не уходили? — задал Майлдаф вопрос, степень несуразности которого не сразу дошла до него самого.

Конан посмотрел на горца долгим и проницательным понимающим взглядом.

— Да,— проговорил задумчиво король.— Озимандия прав: пуща — это великое зеленое чудо, и далеко не каждый до конца выдерживает испытание первой встречей с нею.

На ответ у горца времени уже не оставалось. Пикты, забыв о своей всегдашней манере передвигаться ловко и бесшумно, ломились через лес подобно кабаньему выводку. Справа кто-то явно выбился вперед. Конан, мигом собравшись и отрешившись от всего, что мешало бы бою, исчез среди деревьев.

Бриану ничего не оставалось, как выполнять приказ короля. Уяснив, где листья шуршат громче, он пустил стрелу. Вслед за этим что-то мягкое упало на траву. Стрела нашла цель. Пикты заголосили и прибавили шагу. Довольный собой и надежностью своего лука, горец засунул его в непромокаемый налуч и поспешил к берегу речки. Он не слышал, увенчалась ли успехом вылазка Конана, но именно поэтому был уверен: увенчалась.

Переплыв речку, Бриан дождался, пока первый пикт высунется из кустов на оставленном им берегу, и тут же вцепил в него стрелу. Неудачливый охотник рухнул в священную воду. Подтвердив, таким образом, факт своего присутствия и неусыпного бдения о преследователях своих, Майлдаф, стараясь не отклоняться далеко от ручья, по которому они поднялись к безлесному странству, направился обратно вглубь пущи.

Стрелы пиктов свистели где-то по сторонам от него. Лесные жители стреляли достаточно метко, но с опозданием. Майлдаф и вправду стоял у того

ствола, куда вонзился кремниевый наконечник, но это было пять шагов назад. За свои стрелы горец не волновался: послушавшись совета Конана, он взял с корабля четыре туго набитых тула, чтобы не пришлось потом жалеть. И жалеть действительно не приходилось!

Достигнув степи, Майлдаф снова оказался в самой гуще событий...

* * *

— Представляешь,— вещал он Евсевию под аккомпанемент грома и вспышки молний, бросавших багровые отсветы на стены пещерки, отчего тени от выбоин и выступов образовывали на камнях причудливые, призрачные и зловещие переплетения.— Едва я выбрался из кустарника — теперь вся моя одежда в колючках! — как понял, что пикты несутся как безумные мне навстречу. Сначала я решил, что мне остается провалиться сквозь землю, как самому последнему ублюдку из Народа Холмов, но я ошибся! Их поистине охватило безумие! Они бежали от кого-то, бросая по пути свои копья и мечи, и орал: «Рихо! Рихо!» Я убил двоих или троих, но это было все равно, что резать связанных баранов где-нибудь в сарае рядом с Фрогхамоком — никакой тебе новизны ощущений! Потом я достиг ручья, и тут сам увидел, от кого они спасались!

Майлдаф вздохнул глубоко, вспоминая картину, и продолжил, захлебываясь от восторга.

— Вот это чудовище! Евсевий, ты знаешь, как его зовут?

— Знаю,— кивнул ученый, невольно улынувшись.— Это тургарт. Шерстистый тургарт,— добавил он, отдавая себе отчет, что присваивает честь открытия нового животного, не упомянутого доселе нигде в Хайбории, даже в «Немедийских хрониках».

«Сейчас он скажет,— подумал Евсевий,— что было бы неплохо...»

— Было бы неплохо постричь его и посмотреть, какую ткань можно изготовить из его шерсти, и как она будет краситься...— задумался на миг предпринимчивый Майлдаф.— Впрочем, это вряд ли удастся. Я думал, что вода остановит его. Не тут-то было! Он перемахнул ручей! Хорошо, что этот тургарт плохо видел, а то мне бы несдобровать! Он промчался мимо так, будто это была тысяча тяжелой пуантенской конницы во главе с Троцеро! Он догонял их, как борзая догоняет кролика! Один — ловкий парень, надо признаться! — исхитрился увернуться и попробовал вскочить чудищу на загривок, чтобы кинжалом выколоть ему глаза. Но тот рванулся, точно знал, что у пикта на уме, да так, что кожа у охотника оказалась содранной от груди до бедра! Вот какая жесткая у него шкура!

— А дальше? — осведомился Евсевий.

— Дальше я, не будь дурак, перемахнул ручей обратно, потому что зверюга не стала бы разбирать, пикт я или хайборийский купец! А потом запахло свежим ветром, и ударил гром. И тут я наткнулся на дерево рядом с ручьем и влез на него. Оттуда я и увидел, как Полагмар и Сотти уходят к скалам, только с той стороны, как молния подожгла

траву, и как тургарт, когда пожар разгорелся, помчался в сторону леса куда-то наискось, забирая к северу. А дальше я посмотрел, куда мне бежать, и по дороге решил, что лишние хлопоты будут пиктам на пользу — не надо лениться!

— Думаю, что охрана в Тарантийском дворце немногим лучше, случись что-нибудь подобное,— скептически заметил Евсевий.— Но как же ты отпустил Конана одного?!

— А ты попробовал бы его не отпустить! — вспыхнул Майлдаф.

— Да-да, ты прав. В мире, пожалуй, есть только один человек, который может уговорить Конана пойти на попятный,— примирительно заметил Евсевий.

— Есть? — изумился горец.— Кто?

— Морадин.

— Пожалуй,— согласился Бриан.— Я, однако, почему-то не слишком волнуюсь за нашего короля.

— Мы просто привыкли к мысли, что с ним ничего не может случиться.— Евсевий извлек из мешочка гребень и принялся расчесывать бороду, освобождая ее от травинок, репьев и липких семян.— Но что же теперь делать? Я не взялся бы искать Конана в пуще, если даже пикты не могут найти его!

* * *

Гроза и ливень прекратились так же внезапно, как и начались. Это был тот самый шквал, что, удалившись на полдневный закат, на исходе ночи настиг лодку с Хорсой, Касталиусом и Тэн И.

Дождь перестал, но резкий пронизывающий ветер продолжал дуть над равниной и свистеть в расщелинах скал. Желтая трава послушно кланялась под его бичом, а дальше, до самого холма, серый прах и гарь, превратившаяся, смешавшись с водой, в холодную вязкую жижу, предоставляли воздушным скакунам простор для необузданного бега, и только рябь бежала по широким лужам, отражавшим темно-серые с грязными разводами облака. Мир был холоден и неуютен, и Евсевий с Майлдафом не спешили покидать своего убежища.

Однако закатной порой ветер унес тучи за юго-восточный горизонт, и небеса вновь приветили чистой лазурью одиноких путников, невольных пришельцев в этом чужом для них краю. Тусклый красноватый диск быстро опускался в черный зубчатый лес, сбереженный от огня лишь налетевшим вдруг ненастьем. Пуща тонула в сумерках. Стихли птичьи голоса, унялся ветер. Все казалось благостным и мирным, будто и не было ни крови, ни буйства стихии, ни людей на сто лиг вокруг, будто и не было этого длинного, безумного, бесконечного дня.

Майлдаф и Евсевий, прислушиваясь, осматриваясь и ожидая какого-нибудь подвоха от подозрительно затихшего пространства, наконец покинули свою пещеру. Надо было проделать эти два или три скадия под скальным обрывом и выйти туда, где король Конан назначил встречу, на которую он сам не смог явиться.

Мелкие камешки, осыпаясь под ногами, скатывались вниз, производя негромкий, но отчетливо

различимый среди ночного спокойствия звук, и товарищи решили спуститься вниз, опять исчезнув в густой и мокрой ныне высоченной траве.

Идти было неудобно. Земля раскисла, ноги скользили по липкой грязи, зато теперь никто не мог заметить две крадущиеся во тьме человеческие фигуры.

Ночь была безлунная, только звезды взирали на мир тысячами тысяч белых далеких глаз. Евсевий, хоть и считал себя человеком, испорченным городской культурой, роскошью и цивилизацией, при виде ясного звездного неба всегда ощущал себя успокоенным и защищенным, по крайней мере не одиноким. Опасности, таящиеся во враждебной ночи, не казались такими уж непреодолимыми, и даже видение маски пиктского шамана, постоянно маячившее за спиной, исчезало. О том, что чувствовал Майлдаф, Евсевий даже не пытался догадываться, ибо натура горца и делала его абсолютно незаменимым в подобного рода предприятиях.

Майлдаф же попросту насвистывал про себя один из незатейливых мотивчиков своей родной Темры, и никакие банши, демоны и прочие злые духи не могли подступить к этому человеку и смутить его сердце, когда он пел.

Скоро впереди стал отчетливо слышен плеск быстрых струй ручья. Они вышли на берег. Слева угадывалось с трудом различимое в ночи нагромождение гигантских камней, поднимавшееся выше и выше. Такая же великанская каменная лестница вздымалась и на противоположном бе-

регу, но для русла ручья скалы распахиwały ворота в свои владения, и по-над бегучей водой пробиралась неширокая, но и не слишком узкая — для лошади с седоком вполне достаточно — тропа. То, что пряталось в глубине массива, было скрыто непроницаемой пеленой ночи.

— Где, интересно, Полагмар и Сотти? — шепотом задал вопрос Евсвий. — Надо бы дать им условный знак. Жаль, не договорились заранее!

— А зачем условный? Кто тут нас будет встречать? Тургарт, что ли? — не понял Майлдаф и, не сомневаясь в благоприятном исходе, позвал так, чтобы уж на правом берегу ручья его всяко бы услышали: — Барон! Полагмар! Ты здесь?!

На той стороне кто-то завозился, трава раздвинулась, явив взору некий черный силуэт.

— Майлдаф? Это фы? — раздался голос барона с его легко узнаваемым гандерландским акцентом.

— Я, кто же еще? — усмехнулся Бриан.

— Слава Митре! — Из зарослей высунулась голова месьора Мерано. — Если все здесь, то можно идти искать Арриго.

— Все, кто только может, — отозвался горец. — Идем.

Длинный и тоскливый волчий вой разрезал ночную дрему острым белым клыком.

* * *

Шум прибоя слышался совсем рядом. Сейчас он одолеет эту высокую дюну, и все. Океан. Дальше бежать некуда.

Конан, пожалуй, впервые попал в такое нелепое положение. Он гонял пиктов по пуще. Потом ему неожиданно встретился Майлдаф, и Конан — нет, чтобы пойти вместе с горцем — опять остался один, направившись к океану, понадеявшись на свой опыт и выносливость.

Пикты довольно долго проявляли себя с самой худшей стороны, но когда Конан забрел в горячке погони на этот предательский мысок, они своего не упустили. Дюны вставали одна за другой, заросшие кустами и деревьями, и он принимал их за гривы. Когда же впереди блеснул океан, и он же сверкнул под солнцем справа и слева, поворачивать было поздно. Пикты взяли не умением, но числом.

Их было столько, что охватить двойным, если не тройным кольцом фронт шириной в две лиги оказалось делом пустяковым. И вокруг Конана была уже не чаща, а изрядно прореженные морским ветром рощицы: ускользнуть, пользуясь прикрытием зарослей, не удавалось.

Но бросать оружия Конан не стал. Может, в ином случае это и пригодилось бы, но не перед пиктами. Оставалось бежать. А бежать было некуда, кроме как к морю.

Устье злополучной реки осталось лигах в трех к югу, и вряд ли у пиктов были где-нибудь поблизости лодки.

У Конана мелькнула шальная мысль: незаметно подобраться к берегу и поискать счастья в борьбе с волнами. Плавал он великолепно, а заметить с берега на слепящем; играющем блика-

ми в волнах солнце одинокого пловца было не так уж просто. К тому же Конан умел нырять, как тюлень.

Но пикты, получив шанс поймать хотя бы одного возмутителя спокойствия, уже не ошибались. С неотвратимостью палаческого топора, опускающегося на шею осужденного, пикты обложили его, как гиены, стерегущие раненого льва. Они следили за каждым его шагом, хотя не могли достать ни копьем, ни стрелой. Этого Конан пока что избегал. Они гнали его, как зайца, к самой дальней, выдающейся в море оконечности мыса, и ему ничего не оставалось делать, как повиноваться и отступать.

Вот и лес кончился. Впереди остались только кусты, осока, несколько рядов горбатых дюн и море. И надо было уже не отступать, а бежать, и как можно быстрее. Открытые гребни песчаных холмов простреливались без помех, и даже киммериец при всем своем умении не миновал бы смертельной стрелы, если бы показался слишком близко перед пиктскими лучниками.

Выбора не было. Пикты гнали его на самый нос этого песчаного мыса. Что же, пусть попробуют поймать его в воде! И Конан, перевесив меч за спину, чтобы не мешал, припустил так, что пикты не сразу поняли его замысел. Когда же поняли, перестали таиться — даже одному Конану они опасались попадаться на глаза, будто он мог поразить их на расстоянии. Но теперь Конан побежал, показав пиктам спину, и те, словно большие лесные кошки, опасаящиеся напасть на че-

ловека в лицо и ждущие, пока он повернется за тылом, бросились за ним.

Конан бежал быстро, к тому же выиграл при первом неожиданном рывке, но на гребнях дюн все же был вынужден оглядываться на стрелков, замедлять бег и терять в расстоянии. Тем не менее, когда до моря оставалась всего одна гряда дюн, пикты отставали от Конана на три гряды.

Перемахнув последний гребень одним длинным шагом, король кубарем скатился вниз по плотному песку. Индигово-синий океан блестел солнечной зеркальной чешуей. Серо-желтый песок, оставив иссохшую буроватую осоку, тянул свой шершавый язык к его теплой, с негромким шелестом плещущей воде. В десяти локтях от берега покачивалась привязанная к свае веревкой, словно коза, черная кожаная лодка. Двое мужчин в одеяниях, похожих на платье жрецов-митраистов, были готовы отплыть. Один, с подвязанным, чтобы не намочить его, подолом хламиды стоял в воде рядом с суденышком и перекладывал груз. Другой также занимался подвязкой подола. Ему, очевидно, предстояло отвязать веревку и, оттолкнув лодку подальше от берега, последним покинуть его.

Конан не стал вглядываться в лица этих двоих. Сейчас достаточно было увидеть, что стоящий на берегу — повыше и помоложе, а второй — поплотнее и уже в годах. С двоими Конан расправился бы легко, но на это ушло бы время! А пикты не стали бы разбираться, кем эти двое доводятся Конану — убили бы всех. А еще они знали,

зачем приплыли сюда и куда плыть отсюда, а Конан — нет.

Король вскочил на ноги и устремился к этим двоим, одолевая оставшиеся шаги с хриплым криком:

— Пикты!

Только сейчас они заметили Конана. Вид аквилонского короля в кольчуге, с устрашающим мечом, чья рукоять выглядывала из-за левого плеча, высоченного и широкоплечего, с развевающейся от стремительного мощного бега черной гривой и суровым лицом с крупными резкими чертами мог испугать иного не самого робкого человека. Но тот, что помоложе, не отступил ни на шаг и даже, похоже, не слишком удивился.

Взглянув на бегущего Конана, он спросил. Вопрос был задан не по-аквилонски, но Конан понял его. Потому что вопрос звучал на киммерийском — или почти по-киммерийски!

— Что случилось? — вполне невозмутимо вопрошал узколицый мужчина лет тридцати с большим тонким носом, рыжими длинными волосами, резко очерченным твердым, но не тяжелым подбородком и большими и внимательными голубыми глазами, одетый в черную...

Конан не знал, как называется такая одежда. Более всего это напоминало хламиду, но было более точно подогнано к очертаниям фигуры. Одевание запахивалось, как плащ, и завязывалось узким матерчатым поясом. В вырезе ворота блеснула кольчуга отличного мелкого плетения, пожалуй даже лучшая, чем у Хорсы.

— Пикты! — не останавливаясь и тоже особенно не удивляясь — времени не было — выдохнул Конан. — Они гонятся за мной, их много, они близко!

— Ты хочешь уплыть с нами? — прямо спросил мужчина, не проявляя ни малейшей спешки, хотя пикты, доселе хранившие молчание, наконец завопили, и воздух зазвенел от их криков, хотя на гребне дюны их пока не было.

— Если бы у меня было побольше времени... — Конан взял правой рукой за рукоять меча. — Вы меня берете? Иначе для вас все кончится плохо, а мне терять нечего.

Рыжеволосый закончил возиться со своим подолом и отвязал веревку, удерживающую кожаный челн.

— Мы возьмем его? — обратился он к уже забравшемуся в лодку второму.

То был мужчина лет пятидесяти со здоровеными загорелыми руками, бритый наголо, с широким, располагающим лицом, горбоносый и кареглазый, приземистый и плотный, с крутыми налитыми плечами. Но, несмотря на молодость, пятьдесят лет утаить было трудно. Они читались и в глазах, и в морщинках вокруг глаз, и в глубоких складках, пролегших от носа к уголкам губ.

— Если уж он так хочет — берем, — улыбнулся во весь свой белозубый рот сидящий в лодке. — К тому же он и говорит по-нашему. И потропитесь. У пиктов есть луки.

— Пошли, — кивнул Конану рыжий и полез в воду. Киммерийца не надо было просить дважды.

Бритый развернул лодку, и та, подгоняемая двумя парами весел, легко пошла, слегка подпрыгивая и шлепая носом по мелкой пляшущей волне, курсом на полночный закат.

Полоска воды между ними и берегом достигла десяти локтей, когда пикты выскочили на дюну и серой толпой скатились к берегу. Их было с полсотни только в первых рядах, и подбегали все новые.

Одна беда: лодок у них поблизости не было. Некоторые особенно отчаянные пытались плыть, но быстро поняли, что вплавь такую лодку не догнать. Тогда пикты громко завопили, призывая всех злых духов расправиться с коварными белыми людьми, осквернителями храмов, и в планшир лодки вонзилась первая стрела.

— Возьми щит.— Рыжий указал киммерийцу на круглые металлические щиты, лежащие на дне лодки, и сам выбрал себе подходящий.

Взяли щиты и Конан, и второй, на руле. Щит оказался довольно увесистым, стальным, вороненым, с украшениями из серебра. В центре был вытравлен черный силуэт дракона.

— Жаль, стрелы могут кожу попортить,— посоветовал Конан.

— Не получится! — ухмыльнулся бритый.— Если бы это был кит, то можно было бы волноваться.

— А кто это? — поинтересовался Конан, отражая щитом очередную стрелу, а левой рукой продолжая грести. Рыжий делал то же самое, только щит он держал в левой руке, а греб правой.

— Фаститоколон! — был гордый ответ.— Он как раз менял кожу на хвосте близ нашего острова. Нам повезло.

— Конечно,— согласился Конан, хотя фаститоколоны — гигантские плавучие броненосцы — перевелись в Закатном океане, судя по легендам, еще во времена Блаженного Эпимитриуса. Впрочем, кожа лодки действительно звенела, как бубен, но отражала все стрелы к вящему разочарованию пиктов.

— А кто вы такие и куда плывете? — решил узнать Конан, когда лодка удалилась от берега локтей на семьдесят, и раздосадованные тем, что верная добыча таки ускользнула, пикты стреляли уже не столь самозабвенно и скорее для очистки совести.

— Позволь узнать прежде, кто ты таков? — отозвался рыжий.— Не пристало, впервые взойдя на борт чужого судна и пользуясь гостеприимством его владельца, тут же спрашивать о его имени и намерениях.

— Мне нет нужды называть тебе свое имя,— отвечал Конан.— Если оно тебе неизвестно, то ты невежда, и тебя следует проучить. А если известно, то ты еще и невежа.

— Ага,— серьезно заметил рыжий и пожевал губами — сухими, обветренными и прямыми, плотно сжатыми.— А не угодно ли вам, месьор, в таком случае, сразиться со мною?

— С превеликою охотою,— отвечал киммериец заученной фразой.— Только где же будет происходить поединок?

— Неужто не умеешь ты биться, стоя в челне? — насмешливо спросил рыжий. — Если так, то лучше сразу назови свое имя.

— Вот еще вздор! — вспыхнул Конан. — Это тебе следует назвать свое, поелику тебе более не представится возможность это сделать.

— Тогда сразимся, — заключил рыжий, встал, извлек из кожаного чехла длинный, переливающийся темным блеском серый стальной меч и перевесил щит поудобнее, продолжая отбивать немногие стрелы пиктов.

— Сразимся, — отвечивал Конан, но тут сообразил, что сейчас повернется спиной к пиктам. Хотя было далеко, но получить шальную отравленную стрелу под левую лопатку или в шею, когда чудом избежал смертельной угрозы и столько всего не сделал еще в жизни, совсем не желалось.

— Сражайся, я тебя прикрою, — обещал рулевой. — Они уже давно поняли тщету своих намерений уязвить тела наши, а паче всего твое, — обратился он к Конану, — но уж вельми ты их разозлил.

— Они сами виновны в этом, — заметил Конан, и, полностью доверяясь искусству бритого отбивать летящие в другого и в себя стрелы и при этом управлять рулем, изготовился к схватке. Уж он-то умел биться и на больших судах в абордажном бою, и в штиль, и при свежем ветре, и на маленьких вертких лодках всяческих форм и размеров.

Пикты, увидев несогласие в стане противника, было возрадовались, закричали и принялись стрелять почаще, но не преуспели и, как видно

отчаявшись, и вовсе прекратили бесплодные попытки поразить людей в уплывающей лодке, наблюдая теперь за ходом поединка.

При первых же маневрах Конан обнаружил, что соперник на сей раз ему попался и вправду достойный, и его безразличное отношение к попыткам короля угрожать расправой ему и его спутнику было вполне оправдано. Рыжий стоял в шатком челне словно на твердой почве; видно было, что всю жизнь провел на морях. Но он и мечом владел не хуже киммерийца! Широкому тяжёлому клинку короля противостоял длинный и узкий меч потрясающей твердости, словно выточенный из единого алмаза. Но это была явно сталь, какой не делали в Хайбории никогда, даже в древности. Вскоре Конан с неудовольствием заметил, что на его мече появилось немало зазубрин, а клинок рыжего невредим.

Однако и рыжий не ожидал от киммерийца подобной прыти. Он был тоньше и немного ниже Конана, не так могуч, но в длинных его руках таилась огромная взрывная сила, движения его были молниеносны и резки, возникая из ничего. Словно рептилия, он переходил от одной логической цепочки движений к совершенно иной, от статической позиции к комбинации, при этом комбинация начиналась откуда-то с середины, будто первые ее шаги уже были проделаны. Проделаны они были, разумеется, в голове у рыжего, и Конан едва успевал перехватывать задумки своего противника. Потом комбинация могла столь же внезапно прерваться и перейти в другую, либо про-

сто завершиться вялым и безыдейным обменом ударами, финтами и блоками.

Конан и сам пробовал разные стили и способы, чтобы уловить слабину в защите рыжего, менял темп, устраивал ловушки, но все без особого успеха. Соперник был сторонником хитрого, умного фехтования, с обилием колющих ударов, а киммериец предпочитал мощную и быструю рубку, однако коса нашла на камень — никто из них не мог не то что одолеть, но даже сколь-нибудь потеснить противника.

Истекло около трех фарсинтов¹, а конца этому танцу смертельной сверкающей стали, изысканные колена и па коего были непонятны и недоступны не искушенному в вечном бое зрителю, не предвиделось...

— Не лучше ли вам остановиться, — прозвучал голос бритого. — Поднимается ветер с восхода, и от гор грядет шквал. Надо бы поставить парус, а это, боюсь, помешает вам.

— Действительно, не остановиться ли нам, почтенный? — спросил у Конана рыжий. — Я признаю в тебе достойнейшего воина и готов назвать свое имя, если и ты согласишься назвать в ответ свое.

— Полагаю, пора сделать так, уважаемый, — отвечал киммериец со всем вежеством, на какое был способен. — Признаю и в тебе доблестного мастера.

Они одновременно опустили оружие.

¹ *Фарсинт* (farthing) — так хайборийцы именовали промежуток времени, равный четверти часа.

— Меня зовут Конан Киммериец, из рода Канаров, король Аквилонии, — представился Конан.

Тень удивления пробежала по лицу рыжего.

— Алейр, — поклонился он, свесив вниз длинные волосы и откинув их снова со лба, когда выпрямился. — Мы слышали о тебе, правда с тех пор минуло два года. Это Ойсин, — указал он на бритого. — Мы с острова Семи Городов, если ты знаешь о таком.

Остров Семи Городов, Зеленый остров, Антилия, остров Одиннадцати Тысяч Дев, остров Най-Брэнил и многие другие — знал ли он такие? Нет, ни разу его нога не ступала на эти земли из легенд и морских баек. Слышал ли он о них? О, конечно! Кто же на Закатном океане о них не слышал! Кто же не мечтал найти острова счастья с их золотыми деревьями и бирюзовыми птицами, с алмазными плодами и жемчужными ягодами? Кто не пленялся сказками о земле, без обработки трижды в год плодородящей, о море без бурь, где на рыбных банках сам Морской Владыка гонит свои отменные стада прямо в сети, кто не слышал во сне ароматцветов в дивных садах и божественного винно-медового напитка? Кто, наконец, верил этому?

Кто-то верил. Мореходы шли в пустынный и страшный Океан, на полдневный закат, закат и полночный закат. Кто-то возвращался, потрепанный бурями и без половины экипажа. Кто-то навсегда пропадал. Может, именно они, пропавшие, и попадали на Острова Счастья, а не на Серые Равнины Нергала?

Конан знал: никаких островов нет. Но вот перед ним эти двое, и у него нет причин им не верить. Потому что таких лодок и таких людей, говорящих по-киммерийски, носящих такую одежду, нет на всем побережье от белых плавучих гор на севере, где даже ваниры уже не живут, до Огненных гор на юге. Но вот, они здесь, и с Алейром он рубился на мечях. Что ж, остров Семи Городов так остров Семи Городов.

— А что же вы делали здесь? — спокойно спросил Конан, хотя, надо думать, в первый миг у него на лице мелькнуло то же выражение, что и у Алейра, когда Конан назвал себя.

— Поставим все-таки для начала парус, — предложил Ойсин. — Видишь те борозды на песке? Это часть ответа на твой вопрос. И ты хорошо сражаешься, молва на этот раз не солгала.

Конан оглянулся. Последние пикты уныло покидали мыс, выкрикивая уже неслышимые проклятия и потрясая кулаками и оружием. По песку, до самой травы, тянулись пять глубоких борозд, словно кто-то загребал песок гигантской пятерней. Борозды были так велики, что находящийся на мыске не мог охватить взором их все, чтобы узреть след целиком. Только на расстоянии можно было убедиться, что эти канавы имеют сходную природу и не могут быть рождены ветром и волнами. Их оставило если не разумное, то живое существо.

Стоило призадуматься. Пикты, разумеется, занимались всякими мистическими обрядами и рисовали различные таинственные знаки, только этот выглядел слишком просто даже для пиктов. Мор-

ское животное? Возможно, ведь следы уходили в воду. Смутная догадка шевельнулась где-то на дне сознания, но тут Алейр отвязал веревки, которыми была принаитовлена к днищу съемная мачта, и Конан помог установить мачтовое дерево. Ветер, поднявшийся с полуночного восхода, не был попутным, к полуночному закату пришлось идти галсами, но Ойсин был искушен во владении рулем, и у Конана с Алейром выдавалось время отдохнуть и побеседовать.

— Ты спрашиваешь, зачем мы здесь, люди со Счастливых Островов, как вы называете нашу землю? Наверно, тебя интересует, почему мы говорим на одном с тобой языке? — начал рассказ Алейр. — Нетрудно сказать. Ойсин не зря напомнил о лживости людской молвы. Да, наши земли, закрытые для многих кораблей, могут показаться островами счастья в сравнении с диким миром материка. Но мы, как и все люди, подвержены болезням, и смерть для нас неизбежна, хоть и приходит она к нам много позже. Бывают у нас и войны — остров Стеклойной Башни, где обитают недобрые духи, не так уж далек. Но более всего печалит нас, что век от века народ наш, кой и единым народом назвать нельзя — из столь различных мест и времен явились мы на Острова, — убывает в числе, пусть и рождаются еще дети, а сам архипелаг неуклонно погружается в волны, отдавая морю пядь за пядь свою древнюю землю.

— Почему же вы не переселитесь на материк и не смешаете свежую кровь молодых народов с древней кровью вашего? — спросил Конан.

— На материке мы исчезнем еще быстрее, а вместе с нами пропадут для всех наши дивные сады, холмы, города и прочие чудеса,— отвечал Алейр.— Предания говорят, что кольцо греха, кольцо неизбежности, коим окружило землю древнейшее зло, может быть разомкнуто, и тогда людям откроются истинные Острова Счастья. Но для этого нужно сделать многое, и далеко не каждый отважится променять сегодняшний покой, конец которого неизбежен — через тысячи лет,— на горечь дороги, коя дорога может оказаться невозвратной.

— И вы променяли,— понял Конан.— Что же заключает в себе это «многое», что нужно сделать? Подвиги? Или праведную жизнь, что ведут наши жрецы Митры?

— И то, и другое,— вступил в беседу Ойсин.— Алейр, как ты смог убедиться, великий воин, и все демоны Стеклойной Башни, даже огненные, страшатся его меча. Я же посвятил годы служению богам, изучению наук и искусств. Но все пути — воина, жреца, художника — по одному не приведут к счастью. Подвиг должен быть праведным, а без борения со злом нет праведной жизни. Потому мы вместе в этом челне. Что же до цели нашего пути, ты сам не будешь рад, что сел в эту лодку, но много выбора у тебя не было, и мы рады тебе.

— Так что же, да поможет великий Кром мне и вам, вы вознамерились совершить? И где? На полночь и закат от страны пиктов нет никаких островов.

— Кольца безысходности разомкнутся, если чудовища, поселенные древнейшим злом на земле

для стражи ее тайн от людей, падут прежде, чем настанет день Последней Битвы, когда неподвластные человеку силы четырех стихий, не будучи приведены к гармонии, сокрушат героев и богов и воцарится хаос, из коего вырастет новый мир, но на это уйдет слишком много времени,— объяснил Алейр.— Это предание хранят самые старые книги наших островов, и не верить им нет оснований, поелику были писаны со слов ушедших ныне Могуществ земли.

— Так вы плывете бить чудовищ? — догадался Конан.— Вот уж неблагоприятное занятие! Ничего, кроме кучи золота, которое все равно уплыло от меня как вода сквозь пальцы, я от этого не получил, если забыть про раны. В золоте чудовищ нет добра.

— Ты прав, но не во всем,— ответил Ойсин.— Мы плывем не за золотом, а за победой. Даже если нам суждено пасть, но убить чудовище, хранящее тайну моря, одну из составляющих тайн воды, мы победим. Но кто-то должен доставить людям ключ к этой тайне, и потому мы должны не только убить порождение зла, но и выжить. Золото нам не нужно.

— Говорите, ключи? Ключи от Океана? — переспросил Конан.

— Да, если тебе так больше нравится,— улыбнулся Алейр.— Ты что, хочешь плыть с нами?

— Пожалуй,— раздумчиво ответил Конан.— От таких ключей я не откажусь, пусть даже придется поделиться ими со всеми праведниками земли. Мне думается, их не так уж много. Но ты хотел

рассказать мне, почему говоришь на одном со мной языке.— Киммериец перевел разговор на иную тему.

— Нетрудно сказать,— заявил на этот раз Ойсин.— Ты, конечно, знаешь об Атлантиде.

Конан кивнул утвердительно.

— Так вот,— продолжил Ойсин.— Жива еще память о тех временах, когда и Атлантиды не существовало. Северная часть материка была куда обширнее и простиралась далеко на закат. Нынешние хайборийцы, ваниры, асиры, киммерийцы, бритунцы и атланты составляли единый народ, состоявший из многих племен, названия коих тебе ничего не скажут, но язык у них был один. Прошли века, и многие земли погрузились в океан. Причиной тому были и козни древнего зла, и людская непомерная гордыня, и необузданные силы земли, но древний народ рассеялся или исчез, поднялась и низверглась в пучины Атлантида. Ныне только киммерийцы да жители земли Гвинид сохранили жалкие его остатки, и жив он на наших островах.

— Интересно,— сухо согласился Конан.— Будь здесь один мой знакомый ученый из Тарантии, вы бы поговорили с ним про языки, но увы. А может, это и к лучшему, что он не попал сюда. Неизвестно, кому сейчас хуже. Я догадываюсь, какое чудовище вы собрались загарпунить. Только предпочитаю услышать о нем от вас самих. Заодно скажите: как вы собираетесь выловить его из пучины? Крючком или сетью? И откуда вы знаете, где оно пребывает?

— Ты догадлив, король,— заметил Алеир.— Да, борозды на песке — следы когтей на щупальцах гигантского крагена, и самый большой фаститокolon — не удивляйся, они еще живут близ Островов, хоть их осталось совсем мало — улитка по сравнению с ним. Но победить его можно. Конечно, с ним бесполезно биться на морском просторе. Там он неодолим, и даже если представить себе огромный корабль, кой устоит пред его щупальцами, когтями и клювом, то краген с легкостью скроется от него в глубинах. Но несколько раз в год, в день величайшего отлива, он выходит на мелководье, влекомый луной. Зачем делает он это, трудно сказать, но один старый трактат гласит: «Краген, броней костною покрытый, коя броня железу крепостию подобна, инда превосходя оное, зраки имеющий круглые, числом два, и великие аки мельничные жернова, клювом роговым, такожде крепким гораздо, и щупами многими, числом восемь, аки гады толстые извивающимися, оружный. И когти вельми острые, аки мечи, в три локтя длиною, на щупах носящий, а когти те крепки гораздо. И чудище оное клешнями костными числом две уснащено, а равно и хоботами многими, по щупам рассыпанными, кои клешни и хоботы для прочности ухвата рыб и иных тварей и чуд морских, в пищу зверю сему пригодных, назначены. Длину же имеет, со щупами совокупно, сто локтей. И в день четвертый с рождения месяца, в отлив превеликий, выходит зверь сей из пучин, где скрывается, и качается на водах мелких и луну зрит от полуночи и до заката».

та оной. А делает так, зане во времена давние Врагом назначен был светило ночное, кое есть дева, в лодье по небесам плавающая, изловить, когда оное с небес земных в небеса исподние нисходит, что во дни отливов великих случалось, покуда мир не переменялся. Враг же сгинул, а чудище глупое паки тому наказу следует».

— Однако.— Конан положил ладонь на рукоять меча. Заключительный пассаж о причинах появления спрута у поверхности, он слушал вполуха.— Спрут длиною сто локтей! Попробуй справиться с удавом такой длины, а тут их будет восемь, да еще с когтями! Но это ладно. А как вы его найдете?

— Просто,— хихикнул как-то по-детски Ллейр.— Мы думали изловить его сегодня ночью, но опоздали. Он ушел, сцапав кого-то — или не сцапав — на берегу. Но мы нагоним его. У нас есть верный провожатый. Смотри!

Из складок окутывавшего его одеяния Ллейр извлек большую разноцветную раковину и трижды, словно в рог, протрубил в нее громогласно.

— И что? — не понял киммериец.

— Погоди немного,— улыбнулся Ллейр.— А теперь смотри туда! — Он указал рукой куда-то налево.

Волны, ставшие уже довольно высокими и крутыми — вот-вот появится на гребнях белая пена,— взметнулись вдруг выше обычного и отхлынули, обнажив высокий острый гребень, венчающий гигантскую чешуйчатую спину. Следом — локтях в сорока впереди — поднялся над водами могучий

костный рог, а за ним показалась из пучины голова, панцирем покрытая, с пастью огромной, мелкими зубами усеянной, более всего походящая на осетровую, но и с китовой и драконьей одновременно сходная, с длинными сомьими усами, по волнам влекущимися как два каната, и маленьким белесым зраком под кожистым веком. Сбоку же гигантского тулова, как крылья великанской бабочки, плеснули по воде две пары мощных плавников.

— И се, селиорон! — с гордостью, будто представлял лучшего скакуна из своих конюшен, изрек Ллейр.

Чудовище в ответ взметнуло в воздух высоченный фонтан воды и пара, так что пловцов в лодке настиг дождь из брызг, и ушло в глубину, изогнувшись блеснувшей свинцовой чешуей дугою, и хлопнуло напоследок громадным раздвоенным китовым хвостом, отчего лодка так и запрыгала по волнам, и Ойсин с немалым усилием удержал ее на должном галсе.

— Почему бы этому чудищу не расправиться с крагеном? Зубов-то вон сколько! Больше, чем у акулы!

— Он не умеет убивать,— откликнулся Ллейр.— Питается лишь мельчайшими существами, живущими в воде, и всякой рыбной мелочью, как и кит. Но нас до цели доведет. В быстроте он мало уступит крагену, а умом превосходит его.

— Так где же цель? На северо-западе нет никакой земли! — озадачился в который раз Конан.

— Я же говорил, что Острова доступны не всем. Рыбам, морскому зверю и нам — да,— ответил Ой-

син.— Он идет — а мы следом за ним — к Касси-теридам, Оловянным островам. Там грядет наша встреча. Никто не поможет нам победить крагена, даже селиорон — свидетельство непостижимости и величия замысла богов.

— А где же ключи от тайны? — спохватился Конан.

— А вот это нам еще предстоит узнать,— развел руками Ллейр.

— Буря близится,— заметил Ойсин.

Грозовые черно-лиловые тучи подступали с восточного горизонта. Волны плескали яростно, прядая белыми гривами. Вихрь запел в снастях свою заунывную песню.

— Не страшись, киммериец! — ободрил Кона-на Ллейр.

— Я никогда не боялся бурь. Пора бы знать об этом, если ты слышал обо мне,— ослабил Конан.— Но парус я бы убрал. Пусть вы и почти бессмертны по сравнению со мной, но Океан проглотит и вас, если пренебрегать им.

— Никогда! — прокричал в ответ Ойсин, ибо ветер столь посвежел, что относил слова.— И сейчас ты в этом уверишься! Ведь меня учил мореплаванию сам Бейдиганд Справедливый!

Глава десятая

ельбер мчался по ручью со скоростью, какой позавидовали бы экипажи самых быстрых лодок зингарийского военного флота, но Арриго казалось, что приречные камыши отступали назад убийственно медленно.

Но пока все обстояло как нельзя лучше, и красные скалы пусть небыстро, но все же приближались. Арриго никогда не боялся врагов, но расставаться с жизнью ему отнюдь не хотелось. А густой, перевитый лианами лес с необычными деревьями, степь с высоченной — чуть ли не в два человеческих роста — травой для Зингары были сказочной страной. Зингарийцы привыкли к невысоким холмам с бурой коротенькой травой или к апельсиновым рощам и виноградникам, к песку и скалам над белой линией пенистого прибоя. Пограничные горы и леса оставались почти необитаемы, а потому являлись крайне непривычным и неуютным ландшафтом, тем более для моряков или жителей столицы.

Арриго, искусно скрывая свои сомнения, внешне уверенно вел к цели первый вельбер, сидя на руле. Длинный и — на первый взгляд — тощий и даже щедущий Мегисту греб с естественностью и неутомимостью рыбы, шевеля веслами, будто плавниками. Увлеченные упругим ритмом, заданным кушитом, пришли в себя и молодые — Родригесы и принц Конти. Сейчас им некогда было отвлекаться на посторонние мысли, ибо от их же собственной четкой работы зависело их спасение.

Во втором вельбере боцман Серхио вел себя столь же невозмутимо, но спокойствие его было неподдельным. За годы пиратства и морской службы боцману столько раз грозили смертью и волны, и ножи, что пиктские стрелы представлялись ничуть не более позорной или страшной кончиной. К тому же боцман ныне не отвечал за исход экспедиции — его вели сначала Конан Киммериец, потом Арриго, и если бы боцман Серхио нашел нужным поступить по-своему, он был вправе это сделать, а если бы они все вместе попали впросак, он мог легко свалить вину на проводников. Того же мнения придерживались и матросы с «Полночной звезды», так что, если бы Арриго мог читать их мысли, он бы не волновался за тыл.

Степь кончилась так же неожиданно, как и все, что происходило в этот день. Красные скалы взметнули гранитную стену почти вертикально вверх на двадцать локтей. Обрыв был гладко отшлифован дождями и дувшими с океана ветрами. Даже малой узенькой стежки не вилося над водой. Ручей вырывался в долину меж двух островерхих

каменных рогов, стоявших словно бы на страже этого маленького скального мира, эмиссара дальних гор, посланного в сердце равнины.

Ручей тек в довольно узком ущелье, сразу за ограничивающими его столбами делавшем поворот. Арриго напоследок оглянулся — убедиться, не наблюдает ли кто за тем, как они скрываются от погони, но, никого не узрев, решительно направил свой челн в отверстые врата каменного мира.

Мигом смолкли все звуки, присущие жаркому майскому дню бьющей жизнью природы. Солнечные лучи не достигали дна ущелья, и на воде здесь лежала вечная тень. Лишь еле различимый шелест воды по камням и гальке да тихий плеск весел нарушали первозданную тишь, отдаваясь в скальном коридоре негромким, но долгим таинственным эхом. Поток, как видно, делал внутри скал еще не один поворот и, возможно, разделялся на несколько рукавов. Течение сделалось более медленным, и Арриго, едва выход скрылся за мощным гранитным телом скалы, приказал сбросить скорость и двигаться, лишь на малую толику превосходя сопротивление струй.

— А если...— Родригес-старший явно не рассчитал громкость, и слова эти многократно отозвались в лабиринте протоков змеящимся зловещим эхом.

Отражаясь от голого камня звук потерял мягкость и округлость, сделавшись проникающим, богатым металлическими отзвуками, присущими лишенному растительности пространству. Эхо от разных скал, далеких и близких, перемешивалось,

уходило вперед и возвращалось обратно, снова сплетаясь с метавшимся от правой стены к левой. Все как зачарованные слушали этот дикий хоровод звуков, дожидаясь, пока наконец последний шепот замрет где-то в сердце теснин.

— А если...— опять заговорил Родригес, на сей раз произнеся эти слова приглушенно и благоговейно прислушиваясь. Скалы покровительственно промолчали.

— А если,— в третий раз, уже уверенно, начал молодой зингариец,— эти стены так и протянутся до самого выхода, и нам будет негде пристать?

— Значит, будем стоять тут до сумерек и тихо шевелить веслами. Течение здесь не самое сильное на свете,— сердито отвечал ему Арриго.— Меня беспокоит теперь иное: уж слишком хитрое здесь эхо, да и само место не совсем обычное. Не устроили бы пикты и здесь какого-нибудь капища.

— В Куше много таких мест,— неожиданно подал голос Мегисту. Все ждали продолжения, но кушит опять замолчал.

— И что? — непонимающе спросил его Арриго.

В ответ Мегисту столь же непонимающе посмотрел на военачальника.

— Ничего. Просто я хотел сказать, что это не так необычно, как может показаться. И совсем не обязательно, что серые люди почитают здесь своих богов. И что, если мы еще не видели подъема наверх, то это не значит, что его не будет и дальше.

— Благодарю тебя,— усмехнулся Арриго.— Я надеюсь, что твои слова сбудутся.

Так или иначе, но после замечания Мегисту налет загадочности исчез, и скалы стали тем, чем они и были — обыкновенным нагромождением камня, только очень большим.

Ущелье шириной в восемь локтей уходило все дальше вглубь скал, медленно выгибаясь вправо. Вскоре лодки достигли места, где ручей разделялся. Протоки были совершенно одинаковы, и Арриго испытывал некоторые затруднения в принятии решения.

— Мегисту, а куда повернули бы у вас, в Куше: направо или налево? — обратился он к темнокожему гребцу.

— Налево,— уверенно отвечал тот, мельком взглянув куда-то наверх.

— Это почему, Мегисту? — полюбопытствовал принц Конти.

Кушит улыбнулся, в ярко-голубых глазах его блеснула хитринка. Видимо, настойчивость принца в овладении мастерством плетения тростниковых циновок вызвала расположение к нему у бывалого матроса.

— Там на скалах наверху есть следы птичьего помета. Значит, наверно, и гнезда есть. Значит, наверно, и скала выщерблена, и можно причалить. Может быть. У нас в Куше думают так,— объяснил Мегисту.

— А-га-а,— протянул со значением Арриго.— Плыдем налево.

Мегисту угадал. За излучиной на высоте локтей десяти начинались тянувшиеся по стене карнизы, где налет птичьего помета скапливался го-

дами. Правда, самих обитателей этих карнизов видно не было.

— А где же птицы? Почему они ушли отсюда? — не понял Родригес-младший.

— Они не ушли, — опять взялся объяснять Мегисту. — Солнце не с той стороны. Когда оно заглянет с полуденного заката, карнизы станут освещены, и птицы вернутся. Здесь гнездятся морские птицы, а они сейчас все на океане — ловят рыбу.

Пониже птичьих карнизов располагался широкий уступ, насколько об этом можно было судить по взгляду с воды. До него оставалось локтей пять. Пять локтей отвесной стены без единой трещины, за которую мог бы уцепиться верхолаз.

— Обидно, — молвил Арриго, с вождением глядя на стену. — Но посмотрим, однако, что будет дальше.

А дальше поток опять разветвился, а потом опять... через некоторое время все уже забыли, в каком месте и куда они сворачивали. Никаких сомнений в том, что они не заблудятся, ни у кого не возникало: вода пока что не умела течь снизу вверх, даже если дело происходило в стране пиктов. Уступ, за которым они упорно следовали, все никак не желал спускаться к воде, привлекая всеобщее внимание. Скорее всего, там не было ничего, кроме камня и, в лучшем случае, мха, но любопытство первооткрывателей не давало никому покоя, и прежде всего молодым. Принцу Конти, очевидно, не терпелось, чтобы хоть какой-то клочок земли нарекли в его честь. Ведь повезло же троим его братьям — даже третьему по стар-

шинству, Тирренцию, чье имя носила группа бесплодных рифов в ста лигах мористее аргосского побережья. Немудрено, что уступ дразнил воображение принца, явно жаждавшего обнаружить там нечто необыкновенное.

Наконец природа смиростивилась над пловцами: уступ опустился вниз на одну ступеньку, очутившись в четырех локтях над ручьем, а нерушимый гранит исказили-таки морщины трещин. Конти, ни слова не говоря, так умоляюще взглянул на Арриго, что суровый зингарийский полководец попустил желанию королевского отпрыска, имея в виду полезность одного шага в свете развития дальнейших отношений с короной Мессантии. Увы, аквилонский лев, покуда на престоле Конан, от своего не отступится: договор подписать придется, а будущее... будущее туманно, но бесспорно, что оно за молодежью, и за принцем Конти в числе прочих. К тому же основной обрыв, поднимавшийся здесь еще выше, чем скалы у входа, в этом месте отдалялся от воды, сиречь уступ становился шире.

— Стойте, демоны вас побери! — скомандовал Арриго. — Кто сможет взобраться? — Он кивнул в сторону подъема.

— Позвольте... — Конти уже готов был вскочить, но голос Серхио обескуражил пылкого юношу.

— Этого никто не сделает лучше Деггу, — сказал боцман, и все, включая Арриго, тут же согласились с ним.

Во второй раз за день Деггу пришлось демонстрировать свои умения, и он во второй раз про-

делал все с блеском и не без удовольствия. Сочетавшее гибкость леопарда и силу медведя тело Деггу само собой совершало мягкие и точно рассчитанные движения. Деггу разделся до пояса, и бугристые мускулы спины под черной и блестящей, как полированное черное дерево, кожей вызвали у всех прочих одиннадцати мужчин, оставшихся сидеть в вельберах, законное чувство зависти и невольного восхищения. Вскоре Деггу уже стоял наверху, озирая открывшуюся ему оттуда картину.

— Ну что там, Деггу? — испытующе спросил Арриго, задрав голову.

— Здесь есть какие-то кусты. И маленькая пещера. Больше ничего, — констатировал увиденное матрос.

— Довольно, — удовлетворенно заявил Арриго. — Раз есть дерево, можно развести костер. Мы поднимемся.

Люди облегченно вздохнули: давно уже хотелось перевести дух, сбросить неистовое напряжение этого долгого дня и некоторое время не предпринимать ничего, хотя бы до темноты. А уж после отправиться в те края, где не бывал еще ни один хайбориец.

— Ну что, кто сумеет так же? — подзадорил своих молодцов Серхио.

Принц Конти уже было отнес сей призыв на свой счет, как флегматичный Мегисту без единого звука, ловко уцепившись рукой за нижнюю трещину, рванулся вверх и мигом оказался на стене, прилипнув к ней как паук. Он и действи-

тельно напоминал огромного черного паука с тонкими лапками, какие водились в джунглях Черных Королевств и почитались за священных. Без видимых усилий кушит вскарабкался на уступ и встал рядом с Деггу.

— Попробуйте, месьюр принц, это вовсе не трудно, — произнес он оттуда, не смущаясь тем, что подобная распорядительность может не понравиться Арриго.

Уставший ждать, пока ему удастся проявить себя, Конти впился пальцами в ту же трещину, с которой начинал восхождение Мегисту, потом осторожно нащупал ногой опору в виде небольшого выступа, подтянулся... и довольно резво полез вверх, иногда ненадолго останавливаясь для определения следующего шага.

А военачальник и не думал возражать: пусть принц потешится, это прибавит ему уверенности. Насколько он знал пушу, в предстоящем походе только безграничная до наглости вера в собственные силы могла позволить им добраться до цели.

Взобравшимся на уступ бросили концы, по которым все остальные смогли подняться к ним, а также втащить вельберы. Теперь, если бы пикты вздумали поплыть вслед за скрывшимися в скалах хайборийцами на своих каноэ, они не нашли бы никаких следов и долго недоумевали бы, куда подевались преследуемые. Уступ оказался достаточно широким, чтобы спрятать всех от взора наблюдателя, находящегося на воде.

Уступ представлял собой почти квадратную площадку пятнадцать на пятнадцать локтей. Влево

и вправо вдоль обрыва вилась тропа шириной в локоть. У стены, в том месте, куда попадали солнечные лучи, ютились невысокие, но достаточно густые кусты, цеплявшиеся за малейшие трещинки, стараясь подняться вверх по скале к небу и свету, но получалось это плохо. Обрыв уходил к облакам гладкой вертикальной поверхностью.

Арриго и его спутников кустарник интересовал в ином, совершенно практическом аспекте. Оценив имеющиеся запасы, военачальник пришел к утешительному выводу: для небольшого костра дров должно было хватить на всю ночь, о чем он немедленно всех оповестил.

— Только что мы будем готовить на этом костре? — немедленно опомнился он.

— Это очень просто — успокоил его Серхио. — Деггу сумеет найти дорогу наверх и принесет оттуда птичьих яиц, а то, что мы плаваем на королевском флагмане, не значит, что мы разучились ловить рыбу.

Матросы из Зингары и Аргоса уже соорудили нечто вроде удочек из веток и веревок и теперь стояли над медленно текущей темной водой, внимательно следя, не дернется ли, не уйдет ли в глубину изготовленный из палочки поплавок. Через некоторое время выяснилось, что рыба в священной реке есть.

Мегисту вместе с Родригесами занимался тем, что с помощью длинного морского ножа рубил жесткие упрямые ветки кустарника, приближаясь ко входу в небольшой грот, где и собирались устроить очаг. Войти в грот мешали те же кусты,

столь густые и так тесно переплетенные друг с другом, что продаться сквозь их колючее сборище без вреда мог разве только тургарт.

Наконец работа была завершена, и Мегисту вступил под низкий гранитный потолок, который кушит едва не задевал макушкой. Грот имел сферический куполообразный свод, опирающийся на невысокий цоколь.

В отличие от иных Черных Королевств, в Куше было много каменных строений, особенно славился ими Мероэ, столица государства, и работа строителя и каменотеса была известна Мегисту не понаслышке. Он не мог не увидеть, что стены грота несут на себе следы обработки человеческой рукой.

В глубине грота, там, где купол соединялся с цоколем, покоилась внушительных размеров отполированная плита из серого гранита. Это само по себе было необычно: гранит вокруг встречался только красный, и сомнительно, чтобы природа допустила такую нелепость, окрасив обломок камня в серый цвет и поместив его среди таких же обломков, но красного цвета. Значит, камень сюда принесли. Но зачем? Приносить жертвы? Нет, навряд ли. Ни следов крови, ни истлевших костей, ни опалин от факелов и костра на полу и стенах грота не осталось. По всей видимости, камень служил кому-то знаком! Но кому и когда? Ведь пещера не посещалась, судя по всему, очень давно.

Высокому Мегисту пришлось нагнуться, а потом присесть на корточки, чтобы подобраться к плите вплотную. Свет проникал сюда с трудом, и

увидеть, начертано ли что-нибудь осмысленное на камне, или это просто сетка трещин, было невозможно. Кушит опустил на плиту ладонь и принялся ощупывать гладкую его поверхность. Гранит был холоден, как... Мегисту не знал, с чем сравнить такую холодность, ибо никогда не видел ни снега, ни льда. Плита была густо покрыта рельефом, который могли оставить лишь зубило и резец, но чем он являлся — письменами, орнаментом, рисунком?

— Огня! — выкрикнул Мегисту. — Здесь нечто занятное!

В рамке проема появился Серхио, заслонив и без того скудный свет, что попадал на серый камень.

— Что здесь, Мегисту? — спросил боцман. — Что ты трубишь, как морской слон на случке? Клад нашел, что ли? Тогда делись!

Мысль о кладе показалась кушиту весьма и весьма здравой.

— Серхио, здесь камень с рисунком. Может быть, под ним есть и клад!

— А что нарисовано? — нагибаясь и стараясь подобраться поближе, поинтересовался Серхио.

— Я же говорю, огонь нужен. Так не видно! А если такой здоровяк, как ты, загораживает солнце, то и подавно! — огрызнулся Мегисту.

— Ладно, сейчас, — беззлобно проворчал боцман. — Эй, Фулвио! Возьми ветку и зажги ее! Тут надо посветить!

Аргосец нехотя оставил удочку, передав ее товарищу, выбрал ветку подлиннее и посуше, сунул

ее в уже зажженный костер, подождал, пока разгорится, и вошел в грот.

— Сюда свети, — ткнул Серхио пальцем в спину склонившегося над камнем кушита.

— Да не сюда, отродье Нергала! — возопил обычно вежливый Мегисту. — Выше подними! — Фулвио в точности выполнил приказ боцмана и поднес ветку к самой спине кушита и больно ожег Мегисту.

— А-а! — Аргосец наконец-то понял, зачем боцману понадобился светоч среди белого дня. — Буквы какие-то... Жаль, читать не умею. А это что за каракатица? — поинтересовался он, указывая на довольно странный рисунок, представлявший собой переплетение прихотливо изгибающихся линий.

— Ты болван и пьяница, Фулвио! Это похоже на портулан, где капитан прокладывает курс, — назидательно изрек Серхио. — Столько лет болтаешься по морям, а не знаешь! А вот читать я и сам не умею. Мегисту, ты ведь митраист, ты должен уметь читать!

— Я умею, только знаков этого языка я не знаю, — досадливо отозвался кушит.

— А разве бывают еще какие-то другие буквы? — изумился Фулвио.

— Конечно бывают, — пожал плечами Мегисту.

— Вот это да! — поразился аргосец. Сообщенное Мегисту стало для него откровением. — Тогда плохо, что нет того обходительного месьора с черной бородой. Без него тут не разобраться.

— Это тот, который из Тарантии? С луком? — догадался Серхио. — Да он же аквилонец! Ему толь-

ко скажи, он обедеет тебя вокруг пальца и все загребет себе. Нет уж, лучше мы сами отвалим этот камень и посмотрим, что под ним. А потом уж скажем Арриго и прочим... Может быть,— уточнил он.— Зови наших, и пусть возьмут что-нибудь такое...— приказал он Фулвио, изображая, что действует рычагом.

Оставив факел ему, Фулвио потопал прочь. Снаружи послышалась его разудалая речь:

— Гей, акулий помет! Какого-то морского демона вы понадобились боцману, притом все и с заступами, ну, или чем-нибудь вроде заступов...

— Идиот,— флегматично отметил Серхио.— Сейчас явится Арриго в панцире и с мечом. Одна надежда, что и он ни слова здесь не поймет.

Но Арриго ушел по уступу вперед вместе с Деггу обозревать местные красоты и ничего не услышал.

— Весло, пожалуй, сойдет,— раздумчиво произнес Алфонсо из Зингары, обладатель аристократических тонких усов и косматой, как у самого отъявленного дикаря из Черных Королевств, шевелюры.— К тому же Мархелло оно уже не понадобится.

Мархелло звали того самого единственного несчастливца, сраженного пиктской стрелой.

Вооруженные кто веслом, кто мечом — у кого меч был покрепче,— матросы столпились вокруг Мегисту и Серхио.

— Видите? — возгласил боцман.— Это камень.

— То, что это камень, бесспорно так же, как и то, что ты отрывка морского ежа, Серхио,— отозвался самый опытный из бывших здесь членов

экипажа «Полночной звезды» — невысокий крепыш Донато из Мерано. Ему было уже далеко за сорок и он носил, не снимая, нордхеймскую шапочку, скрывая под ней лысину. К слову, шапочка из оленьего меха надежно защищала от холода, дождя и жары, и те, кто поначалу посмеивался над Донато, теперь завидовали ему.

— Вы ничего не поняли болваны,— не обиделся Серхио.— Как, впрочем, и всегда. На камне всякие знаки. А раз так, то под камнем может быть клад — это всякому известно.

— Ага. Или куча дерьма,— скептически заметил Донато, но было ясно, что и он заинтересовался увиденным.— А ну, ребята, давайте за работу. Ты, Бруно, заходи слева. Мархо, ты — справа. Так. Мегисту, ты нашел эту погань? Тогда молись своему Митре, чтобы он тебя не облапошил. Я с Фулвио встану спереди. Остальные помогайте, кто чем может.

Подсунув весла и мечи под плиту, матросы по команде Серхио привычно дружно нажали на то, что заменило им рычаги. Но тщетно. Плита даже не шелохнулась, только весло скрипнуло предупреждающе и с треском сломалось в сильных руках загорелого здоровяка Бруно, бывшего рыбака.

Обломок весла, вырвавшись из цепких пальцев Бруно, угодил Донато прямо в лоб. Лоб остался цел, но шишка вышла размером с туранскую золотую монету, да и сияла она не менее ярко, только купить на нее Донато не мог и капли воды.

— Бросай, ребята,— остановил всех уроженец Мерано, не поскупившись на приличествующие

случаю крепкие выражения.— Серхио, это просто плита, и под ней нет ничего, кроме этого красного гранита. Но значки занятные. Я знал немало сумасшедших, которые бегали по тавернам Кордавы или Мессантии с пергаменами, на которых было нацарапано нечто подобное. Почти никого из них я больше никогда не видел, но трое или четверо добрались до того гиблого места, о котором говорилось в свитке, и вернулись такими же сумасшедшими, но уже богатыми.

— И что ты посоветуешь мне, недожеванная клешня ванахеймского краба? — поинтересовался Серхио.

— Сначала я укажу на то, что слышу это от непереваренного морской звездой моллюскового панциря. Никогда не слышал, как он говорит, но мозгов у него столько же, — возвратил комплимент Донато.— Я бы дождался кого-нибудь поумнее нас с тобой и поумнее Арриго. Он хоть и опытен, как старый нордхеймский морж, но в буквах смыслит едва ли больше, чем Мегисту, а в портуланах — меньше, чем Гонзало и Гвидо.

— И кого же ты намерен ждать, отпрыск каракатицы и морского конька? — продолжил обмен любезностями Серхио.— Бородача из Тарантии, который хитрее асгалунского пройдохи, или месьора твоей родной вонючей дыры, который ядовитее стигийской змеи?

— И того, и другого, лепешка кушитского крокодила, — отвечивал Донато.— А там увидим. Здесь мы не хозяева сами себе. Когда явится киммериец, ты это опять быстро почувствуешь. Только

я никогда не слышал, чтобы Конан обидел при дележе кого-то из своих. Ты понял, боцман? Из своих.— Донато по-особому выговорил последние слова.

— Понял тебя, слизь стигийской гадюки, — согласился Серхио.— В конце концов, Киммериец не хуже Гонзало, а сейчас выбирать не приходится. Так, болваны?

Матросы прогудели что-то невразумительно-одобрительное. Гонзало они всего лишь уважали, а золото любили по-настоящему.

— Вот и прекрасно, мои непочтенные, — удовлетворенно молвил Донато.— И не стесняйтесь показать камень благородным, пусть потешатся. Глядишь, и к нам будут поменьше приставать со своими дурацкими приказами.

Надо сказать, что Донато и Серхио могли обмениваться подобными вежливостями очень долго и получали от сего процесса немалое удовольствие. Но стоило кому-либо постороннему вмешаться в их споры, как на него выливалось такое ведро словесных помоев, что отмыться было весьма затруднительно, а уж превзойти боцмана и марсового с «Полночной звезды» не удавалось покамест никому.

Некоторое время спустя возвратились Арриго и Деггу. Темнокожему крепышу удалось-таки залезть на обрыв и спустить Арриго вниз на веревке мешок, набитый яйцами. Потом Деггу продолжил восхождение, благо начавшиеся на достигнутой им высоте птичьи карнизы были достаточно широки для безопасного передвижения по ним и

находились не слишком высоко друг над другом. На вершине не обнаружилось ничего замечательного. Кругом торчали скальные вершины, где острые, где плоские, без единого кустика. Мох, птичьи гнезда и лунки, в которых собиралась дождевая вода и плавали какие-то водяные жуки, — вот и все. На западе, за зеленым лесным оком, серебрился океан. На север и на юг тянулись бесконечные чащи. На востоке, куда лежал их путь, и вправду поднимались горы. Ручей, по которому они поднимались, петляя по пущи, появлялся то здесь, то там, сверкая под солнцем, забираясь все выше. При взгляде отсюда, с вершины, казалось, что до гор не столь уж далеко, как виделось с равнины. Деггу внимательно озирался ему простор, отыскивая какие-нибудь приметы поселений, но лишь к югу, на изрядном расстоянии — лиг десять, не меньше — над лесом вился с трудом различимый дымок.

Когда Деггу спустился вниз и известил Арриго о своих наблюдениях, тот пришел в более доброе расположение духа и, воодушевившись, решил продолжить вылазку. Они проплутали по скальному лабиринту еще некоторое время, пока расширившееся и ставшее опять как прежде полноводным русло не вывело их к восточным воротам этой природной гранитной крепости. По другому берегу также вилась тропа, но пересекать ручей они не осмелились: во-первых, неизвестно было, не подкарауливают ли их снаружи пикты, а, во-вторых, имелась роскошная возможность заблудиться. Тем не менее путь наружу был найден, и

пятеро отважных, оставшихся противостоять пиктской погоне, могли найти подопечных военачальника без особого труда.

На обратном пути они заметили то, что пропустили по дороге к воротам. На скале противоположного берега, в семи локтях над водой, красовался рисунок, выбитый на камне и заполненный белой краской. В круге, образованном двадцатью восемью наконечниками стрел, обращенными остриями в центр, плыл лунный серп в обрамлении звезд. Звезды образовывали нечто цельное, так как были соединены тонкими линиями, но ни Арриго, ни Деггу, хотя оба отлично знали звездное небо, не могли припомнить такого созвездия. Центр круга, еще пронзенного четырьмя диагональными спицами, занимало изображение костра о девяти языках пламени, поднимавшихся, змеясь, в форме пирамиды.

Деггу и военачальник и так, и этак прикидывали, как можно добраться до того места на скале, где высечен рисунок, но придумать ничего не смогли. Единственно оставалось предположить, что мастера спускали сверху в подвешенном на веревках помосте. Зачем пиктам понадобились эти изображения на скале, да и пикты ли сделали их? Ответить на эти вопросы не мог никто, кроме, пожалуй, Евсевия, ныне находившегося поблизости, но точно неизвестно где, и доставить ученого сей момент сюда не представлялось возможным. Да это было и неважно, поскольку и Арриго, и, тем паче, Деггу страшно проголодались. Матросы под началом боцмана наверняка уже разве-

ли огонь, а под камнем их ждал надежно спрятанный от возможных посягательств хищных птиц или змей мешок с яйцами.

Каково же было их разочарование, когда по прибытии к тайнику они обнаружили, что кто-то откатил камень в сторону, и этот же загадочный кто-то уволок все яйца вместе с мешком.

На счастье, Арриго оказался запаслив, и у него нашелся еще один мешок, а Деггу не разучился лазить по скалам, и новый урожай был вскоре собран. На этот раз моряку пришлось преодолевать яростное сопротивление явившихся с промысла птиц. Крик стоял невообразимый, а перья летели так, будто наверху потрошили разом с десятков перин. Но Деггу превозмог в этой борьбе.

— Птицы встревожены, месьор. Надвигается ненастье,— сообщил он.

После они еще раз внимательно обследовали место происшествия в поисках следов неизвестного грабителя. Голый камень молчал, но, сделав несколько шагов по направлению к лагерю, Арриго, знавший толк в охоте, хотя и не обладавший талантами Полагмара, обнаружил на пробивавшемся здесь из узкой расщелины кусте несколько шерстинок. Тщательно собрав волоски и пристально их осмотрев, Арриго вынес вердикт тоном, не терпящим возражений:

— Волки.

Глава одиннадцатая

полудню картина боя стала проясняться. Корма «Полночной звезды» оставалась неприступна. Зингарийский король мог по праву гордиться своей морской гвардией. На носу забывшие ненадолго о бахвальстве и распрях месьоры с помощью Гонзало и Фрашку загнали пиктов чуть не на самое бушпритовое бревно, и теперь трое несчастных, балансируя на нем, силились одновременно отбиться от наседавших хайборийцев, удержаться на круглом отполированном ветрами, волнами и мозолистыми пятками моряков дереве и ухватиться за снасти, чтобы затем влезть на мачту. Но это им не удавалось. Подобно тысячекетней давности временам, хайборийцы оцетинились сталью, как огромный обоглаженный еж, и этот колючий клубок медленно, но неуклонно подкатывался к обреченным.

Единственным местом на палубе, где еще задержались пикты, оставался правый борт, но и там пиктов теснили к борту. На левом борту Хорса

вышвырнул за борт простым ударом кулака воина, татуированного с головы до пят, увешанного всяческими цветными плетениями и, кажется, с парой засушенных человеческих голов на поясе. Вероятно, это был вождь какого-нибудь клана.

Пикты, озлобленные не слишком удачным штурмом, тем не менее не спешили поворачивать к берегу. До сумерек было еще далеко, да и море не спешило неистовствовать и разгонять утлый дикарский флот. Но наблюдательного кхитайца беспокоило иное. Пикты были сердиты явно не только на неуспешный ход abordажной операции. Они время от времени во гневе озирались в сторону открытого океана, будто бы ожидая оттуда...

А чего, собственно, они могли ждать? Задавшись этим вопросом, Тэн И пришел к наиболее вероятному и непротиворечивому ответу: ну конечно помощи! И помощь эта могла прийти не иначе, как от барахских пиратов, поелику своей парусной эскадрой пикты, хвала Митре, еще не обзавелись. Выходит, Седек подготовил все очень тщательно и рассчитал исключительно точно. Даже при условии непредвиденных обстоятельств, кои, впрочем, не замедлили возникнуть, гильдия «Гамилькар» — вернее, тот, кто стоял за ней — покрывала одной стрелой несколько целей.

Да, Седек не учел любопытства Хорсы, но и без шемита пикты получили условный сигнал весьма вовремя. Да, короля Конана, как всегда, понесло в самое опасное место, благодаря чему он избежал на некоторое время участи заложника.

Но кто поручится, что он сумеет выбраться из пущи и на этот раз? По крайней мере, месяца на два-три киммериец исчезнет с политической арены, а в данный момент это было ужасно нежелательно. Да, на нефе не оказалось самых титулованных особ Зингары и Аргоса, но Норонья для Кордавы был одним из первых лиц в государстве, а аргосский принц крови, пусть и младший, не становился от этого менее принцем, чем его старшие братья.

Подобные размышления крайне растревожили месьора Тэн И. Будь он простым шпионом или простым помощником повара, будь он даже главным поваром, можно было б еще подумать над тем, стоит ли распутывать весь этот змеиный клубок. Но теперь он служил еще и монарху Аквилонии — королю Конану и получал за это жалованье! Дело было отнюдь не в деньгах, разумеется. Кхитаец никогда не знал, что такое нужда, но правила обязывали. И Тэн И начал действовать, куда пираты — а он был уверен, что за закатным горизонтом скрываются именно барахцы, — не подошли ближе.

Прежде всего он пробрался к капитану Гонзалу на нос. Капитан, впервые за последние пару лет взявший оружие для настоящего боя, вошел, кажется, во вкус, и не собирался покидать нос, пока за борт на корм акулам не отправится последний захватчик. Тэн И был исключительно вежлив и предупредителен перед начальством в согласии с правилами кхитайской этики. Но здесь речь шла о благополучии начальника более вы-

сокого ранга, нежели капитан «Полночной звезды». Следовательно, подобострастием перед начальником помладше позволительно было пренебречь. Моментально выстроив в уме такую несложную логическую цепочку, Тэн И весьма бесцеремонно выдернул капитана Гонзало из первого ряда сражающихся.

— Какого демона ты, желтолицый... — не осознавая еще, кто перед ним, заорал хриплым голосом рассерженный моряк.

Но Гонзало не стал бы Гонзало, если б не умел сохранять самообладание в самое горячее время.

— Месьор Тэн И! — твердо и подчеркнуто сдержанно обратился к кхитайцу капитан, умеряя дыхание. — Привело ли тебя ко мне какое-либо неотложное дело? Если нет, то твой поступок мне непонятен. Я слушаю тебя, любезный.

Гонзало умел говорить не просто нагло, но и нагло и вежливо. Он отдавал себе отчет, что Тэн И — доверенное лицо Конана, а ссориться с Конаном только из-за того, что его желтолицый шут повел себя странно, было бы верхом беспечности. С другой стороны, зингарийский капитан плохо знал кхитайцев, а потому осторожничал.

Тэн И поклонился опять-таки вежливо, но ровно настолько, чтобы стало ясно: перед ним капитан королевского нефа дружественной державы — ни больше, ни меньше.

— Месьор капитан, мне не понаслышке знакомы превратности морских дорог, — начал кхитаец. — К тому же, как тебе известно, я охраняю короля Конана и потому должен беспокоиться о

его благополучии. Нечто в поведении дикарей говорит мне, что они ожидают с большим нетерпением помощи со стороны океана. Посему прошу тебя исполнить мою просьбу: вели одному из своих матросов, имеющему опыт дальних странствий и могущему отличить судно одного флота от прочих, взойти на мачту и осмотреть горизонт.

Надменно-презрительное лицо зингарийца мгновенно переменилось.

— На великом океане может быть что угодно, сто морских ежей в задний проход этим стигийцам! — проворчал он. — Эй, Нарваэс! Ты жив еще?!

— Да, капитан! — Рядом с Гонзало мгновенно объявился Нарваэс — плохо пахнувший мужчина лет сорока пяти, с седмицу небритый, с плоским, грубым лицом, бочкообразной грудью и бицепсами размером с хорошую дыню. Грязная засаленная куртка, бывшая некогда зеленого цвета, была забрызгана кровью.

— Это странно, — заметил на ответ матроса Гонзало. — Живо в воронье гнездо. Протри хорошенько глаза и посмотри, не болтается ли на горизонте кто-нибудь из этих псов с Барахас. Если болтается, доложишь мне одному и тихо. Понял?! Выполняй!

Дородный матрос, поспешно запихнув палаш за пояс, без промедления помчался к вантам.

Гонзало молча наблюдал за Нарваэсом, не удаивая кхитайца ни словом, ни взглядом. Впрочем, Тэн И этого и не требовалось.

Бой затихал. Пикты орали что-то за бортом, пускали редкие стрелы и все еще цеплялись за

багры и канаты, которыми удерживали свои лодчонки у борта «Полночной звезды», но с палубы они были изгнаны, и вряд ли решились бы на повторный абордаж.

Сколько убили пиктов, не считал никто. Из команды недосчитались десятерых, и еще двоих недоставало теперь у зингарийских гвардейцев. Из месьоров не пострадал никто: дорогие доспехи окупали себя с лихвой.

Только молодой оруженосец Вялли лежал бледный с остановившимся взглядом красивых серых глаз, устремленным небу. Помочь ему не смог бы уже сам Зейтулла.

— Я тоже хотел умереть молодым, — изрек месьор, мельком взглянув на павшего слугу. — Не вышло. Теперь поздно, придется жить. Я завидую ему.

Меж тем Нарваэс проворно вскарабкался на мачту. Привычно окинув взглядом воды, он внезапно застыл, на чем-то сосредоточившись. Он сколь мог далеко перегнулся за шаткое ограждение смотровой площадки, так что кхитаец даже засомневался, сохранит ли столь приверженный возлияниям мужчина равновесие. Вопреки справедливым опасениям, Нарваэс оставался на месте, будто приклеенный, продолжая вглядываться в даль.

— Похоже, ты прав, месьор, — обернувшись к Тэн И, проронил Гонзало.

А Нарваэс уже спускался назад и бросился к капитану, так что выдавшие виды доски палубы заходили ходуном.

— Что ты скачешь как полоумный? — осадил ретивого подчиненного Гонзало. — Не иначе, увидел барку с голыми шемитскими танцовщицами?

— Дело плохо, капитан, — хриплым полусшепотом доложил Нарваэс, дыша чесноком и винным перегаром. — Шемитским девкам я предпочел бы девок из Ванахейма, — искренне обиделся матрос, — у них хоть есть, за что хватать. В шести лигах от нас сазта и два хараса под голубыми парусами...

— Барахас, — злобно, по-змеиному, просвистел Гонзало. — Флаг есть?

— Очень далеко, Гонзало. Не видно.

— Ладно. А какого цвета корпуса?

— Харасы — некрашенные, а сазта — красно-черная.

— Это Табареш.

Гонзало задумался, не обращая внимания ни на Тэн И, ни на растерявшегося от такого потока вопросов Нарваэса.

— Добавить парусов! Этих размалеванных дикарей отпихните баграми, да позовите на помощь гвардейцев, а не то вас продырявят стрелами! Скажите, что я приказал! — внезапно заорал Гонзало.

— А ты что стоишь? — негромко обратился он к Нарваэсу. — Живо!

Матроса как ветром сдуло. Сам Гонзало, направляясь на корму — вести, кажется, переговоры с капитаном Запата, — напоследок вспомнил о кхитайце.

— От Табареша я, может быть, и уйду. А вот за твоим королем мы вернуться не сможем. Ты уж прости, но нам повезло куда меньше его.

* * *

Со времени боя прошло не так уж много времени — солнце еще только-только начинало скатываться к западному горизонту, — когда Тэн И с Хорсой переговаривались, стоя на корме. Пенистый кильватерный след убегал на полночь. «Полночная звезда», разметаив последние пиктские суденышки, со всей возможной для тяжелого нефа поспешностью уходила к югу, но три голубых треугольника уже неотступно маячили за кормой, постепенно утрачивая призрачность и становясь парусами.

Холмистый, заросший сплошными джунглями и совершенно безлюдный берег проплывал в восьми лигах по левую руку.

— Не в том вижу я беду, что этот заносчивый пират повернул корабль на полдень, страшась былых своих друзей, — вещал Хорса, уже не замечая от волнения, как целиком и полностью сбил на обычную для Гандерланда напыщенную и велеречивую манеру излагать мысли. — Более печалит меня то, что я здесь, и не могу покинуть корабль, дабы действовать, как подобает гандеру и как было бы бесполезно кенигу.

У Хорсы еще не прошло возбуждение, вызванное боем, хотя гандер искусно его скрывал. От пронизательного кхитайца, однако, не мог ускользнуть сумасшедший блеск, то и дело на миг появлявшийся в этих рыбьих северных глазах. Наверняка перед мысленным взором Хорсы являлся сам великий Виттигис, беседующий с Черным Драконом, а также графиня Этайн в кольчуге, с

блистающим клинком и распущенными волосами на фоне сверкающих молний.

— Я думаю, месьор, тебе стоит немного успокоиться и выпить вот эту чашу: — Тэн И протянул Хорсе красивую старинную серебряную чашу с грубоватым, но выразительным и причудливым орнаментом — подарок Майлдафа. В чаше заманчиво плескалось темно-рубиновое вино.

Хорса принял чашу и стал пить неторопливо, мелкими глотками, посматривая туда, где голубые паруса никак не желали растаять в голубом небе. Тэн И не спешил мешать ему. Он знал, что действие вина не замедлит сказаться.

— Хорошо, — оторвавшись от чаши и глубоко вздохнув, вымолвил Хорса. — Скажите, месьор Тэн И, какую вы усматриваете пользу в нашем здесь пребывании?

— Лично для нас — никакой, — согласно кивнул кхитаец, и на его новом, только что надетом взамен прежнего, перепачканного в бою, платье, зазвенели крохотные серебряные колокольчики. — Но вспомните, месьор Хорса, о чем давеча говорили мы с месьором королем на корме.

— О политике, — начал вспоминать Хорса, — о том, какая это грязь, если посмотреть на нее как на цель, а если как на средство, то какая это... Игра?! — нашелся Хорса.

— Вот именно, месьор, — подтвердил Тэн И. — Играют несколько человек с разных сторон доски, и кто мешает нам подыграть государю здесь?

— В таком случае я вижу только один путь... — медленно начал гандер.

Чаша его не опустела еще и наполовину.

— Если Гонзало сказал, что идет на полдень, он сделает так, и мы не сможем помешать этому, даже если убьем его.

— И не только мы,— добавил кхитаец.— Ни Норонья, ни даже Вьялли, не говоря уже об остальных, ничего не смогут поделать с барахцем.

— Далее...— Хорса с удовольствием пощупал плотную льняную ткань свежей рубахи, украшенной богатой и сложной вышивкой.

Гандер тоже сменил наряд, зане вся одежда его была в поту и крови, а местами и вовсе располосована пиктскими ножами и продырявлена стрелами. Между тем вышивала все рубахи Хорсы — а все до единого гандеры очень любили вышивку и придавали ей огромное значение — не кто иная, как графиня Этайн.

— Раз Гонзало говорит, что с Табарешем лучше не встречаться, то он знает, что говорит. Вряд ли мы добьемся от капитана дельного ответа, если спросим, кто такой Табареш и что задолжал ему наш капитан. Окажись здесь Сигурд Ванахеймский, с ним бы у нас не было хлопот, а так...— Хорса только рукой махнул.

Вино придавало движениям и вообще поведению доверенного лица короля больше живости, занявшей место прежнего возбуждения, и Тэн И с удовольствием отмечал это про себя. Древние рецепты действовали безотказно в любые времена и в любых краях.

— А что нужно теперь государю? — подсказал кхитаец дальнейший ход рассуждений.

— Теперь, пожалуй, у него есть все, чтобы выбраться из пуши невредимым. Большого трудно было бы желать,— уверенно изрек Хорса.— После этого Конану прежде всего необходимо, чтобы достигнутый при нем порядок удержался, пока кенига нет на месте. А для этого нужно, чтобы все было тихо в Аргосе и Зингаре. А для этого...

— Для этого надо доставить «Полночную звезду» в Мессантию целой и невредимой,— заключил Тэн И.

— Несомненно.— Хорса хлопнул ладонью по планширу.— В Аквилонии есть Публий и Троцетро. Там все будет в порядке. Но вот как сохранить эту зингарийскую черепаху?

Они взглянули на море. Времени с начала разговора прошло совсем немного, но казалось, что три паруса за кормой успели вырасти еще. Во всяком случае, погоня явно обещала стать успешной.

— Мне известно немного о морских маневрах,— продолжил Хорса.— Сигурд и сам кениг иногда посвящали им свои беседы, да и Евсевий порой оставлял в сторону свою ученую болтовню и говорил нечто полезное для жизни.

Тэн И про себя улыбнулся. О «беседах» Конана и Сигурда, когда тот после очередной навигации изволил пожаловать на седмицу-другую в Тарантию, судачил весь дворец. Какую практическую пользу, кроме досконального знания морских ругательств, мог извлечь из них Хорса, Тэн И сказать затруднялся. Евсевий же, по обыкновению, начиная повествование о парусном вооружении, тут же перемежал его с отрывком из

почтенного Орибазия, цитатой из трактата Ли Бу-аня «О сущности любви в Эпоху Золотой Осени», параграфом из немедийского свода законов и рассуждениями о полезности устройства в Танасуле обширных зеленых насаждений с фонтанами и павлинами, после чего изящно заканчивал все это словесное сооружение. Слушать было интересно, но следить за мыслью учёного было так же затруднительно, как за одной избранной каплей в сильный ливень.

— Кроме того, я ознакомился с трудами знаменитого мессантийца Луппиана о судовождении и логиями во множестве, готовясь к сему посольству, — добавил гандер.

«А это делает месьору Хорсе честь, — подумал Тэн И. — Тогда, пожалуй, он имеет право на суждение».

— Так вот, — вдохновившись следующим глотком вина, Хорса приступил к оценке диспозиции. — До вечера они нас не догонят. А ночью Гонзало сумеет скрыться.

— В первом ты прав, месьор Хорса, — отметил кхитаец. — До вечера они нас не настигнут. Но уповать на то, что ночь укроет нас, будет самонадеянно. На великом Восточном океане, который еще более грозен и велик, чем Закатный, бронзовокожие мореходы, одетые лишь в набедренные повязки, ожерелья и татуировку...

— Подобно пиктам? — перебил Хорса.

— Подобно им, — подтвердил Тэн И. — По трудно объяснимым просвещенному человеку приметам — цвету и направлению волн, ветру, полету

птиц, косякам рыб и морских животных, виду неба — они находят катту-марам — так именуют они свои плоты — ушедший вперед на три или четыре дня похода. Кто поручится, что люди Баракхас не научились тому же?

— А ведь это истинно, Виттигис свидетель, — призадумался Хорса. — Сигурд рассказывал, как по выброшенным внутренностям пойманной акулы он разыскал посреди пустынного моря аргосский парусник с грузом черного дерева и тканей...

Хорса замолчал, размышляя.

— И что потом? — для продолжения замершего разговора поинтересовался Тэн И.

— Ограбил, разумеется, а парусник сжег, — рассеянно промямлил Хорса, озирая теперь палубу, где матросы проводили уборку под руководством Нарваэса, который замещал Серхио, если боцман почему-либо отсутствовал. Довольные собой месьоры вспоминали минувшие славные битвы и поединки чести, всю бахвалились.

— А вот Фрашку. — Гандер вручил кхитайцу чашу, которой так и суждено было остаться недопитой, и устремился к юному мореходу.

Энергии и хватке Хорсы мог позавидовать охотничий пес, и вскоре Фрашку стоял рядом с Тэн И и гандером. В руках у молодого человека тут же оказалась майлдафовская чаша, с коей он не знал, как поступить: выпивать во время вахты Гонзало запрещал под страхом наказания, и приемный сын отнюдь не являлся исключением, но отказать доверенным лицам аквилонского короля не представлялось возможным. Впрочем, на счастье Фраш-

ку, ретивый Хорса и таинственный и страшноватый кхитаец не слишком тщательно следили за уровнем вина в красивом серебряном сосуде.

— Скажи, будь любезен, нам, как опытный мореплаватель, — велеречиво обратился к несколько смущенному столь непривычным вступлением моряку гандер. — Можно ли отыскать корабль, если после заката он скрылся из вида, а наутро горизонт чист?

— Так вот вы о чем! — обрадовался Фрашку и поглядел на три паруса, как привязанные болтавшиеся за кормой. — Проще простого, если только не начнется ураган вроде того, что приволок нас сюда! Достанет того, чтобы знать местные течения и берега и следить за ветром. Потом остается прикинуть, сколько могла сделать эта самая посудина при своих парусах и веслах, и они у тебя в когтях! Можно даже загнать купца подальше от берегов и там...

Фрашку осекся и испуганно-вопросительно поднял взгляд на Хорсу, понимая, что сболтнул лишку. Но гандер только заговорщически ухмыльнулся в ответ: «Знаем, мол, не выдадим».

— А что ты знаешь про Табареша? Твой отец его очень уважает. Он его знакомый? — со всем возможным дружелюбием продолжал выпрашивать Хорса.

— Как же, уважает! — фыркнул моряк. — Табареш вырезал когда-то половину экипажа у Гонзало и едва не поджарил его самого на медленном огне. Если бы не мой отец, у «Полночной звезды» был бы другой капитан!

— Это очень отрадно, что у нас капитан Гонзало, — вежливо вмешался Тэн И. — Благодаря ему мы не сгинули в пучине. А не поведаешь ли ты нам, чем еще знаменит Табареш?

— От него еще никто не уходил, — сказал Фрашку и тут же помрачнел, опять взглянув на трех привязчивых спутников. — Только отбивались, если могли. У него чутье акулы. Поговаривают, он пробавляется колдовством.

— Ты думаешь, это правда? — осведомился Хорса.

— Нет, — решительно отверг такое суждение Фрашку. — Мой отец пустил ко дну его первую черно-красную змею!

Фрашку единым духом осушил вино.

— А раз так, — продолжил юноша, — я плевать хотел на все его колдовство! Позвольте мне покинуть вас, месьоры, — обратился он к собеседникам. — Если капитан Гонзало увидит, что я не работаю слишком долго, он меня не похвалит.

— Разумеется. — Хорса поклонился молодому человеку как равному. — Благодарю тебя, и да пребудет с тобой благословение Митры и духов моря!

— И тебе того же, месьор! — поклонился Фрашку еще ниже и поторопился присоединиться к товарищам.

И вовремя, поскольку Гонзало показался из трюма. Капитан, быстрым и цепким взглядом окинув палубу, подошел к другому капитану — командиру гвардейцев Западе. Зингариец, воссев на перевернутый пустой бочонок и разоблачившись от кирасы, коя слишком сильно нагревалась

на послеполуденном солнце, занимался важным делом: заточкой меча. Визг стоял премерзкий, но капитану он, без сомнения, нравился. Точило так и играло в ловких пальцах, и роскошные черные усы капитана победно поднимались кверху, закручивались на концах сами собой и подрагивали от наслаждения.

Явно недовольный тем, что его прервали, Запата вопросительно взглянул на Гонзало, заслоняясь ладонью от ярких лучей. Тэн И хорошо видел, как усы гвардейца медленно распрямились, первоначальное удивление стекло с лица, как вода, и сменилось маской стража зингарийского порядка, сходной по выразительности с железным забралом упомянутого стража.

Незамедлительно призвав к себе еще двоих доблестных стражей, развлекавшихся игрой в кости, и опоясавшись мечом, Запата в сопровождении подвахтенного, обнаружившего место происшествия, скрылся в люке.

Гонзало же, еще раз осмотрев палубу и удовлетворившись ходом уборки, направился прямоком на корму.

— Седека нашли,— объявил Хорса без того уже ясный факт.— Я думаю, что прекрасные дамы ведут себя не слишком тихо.

Гонзало взбежал по коротенькому трапу кормовой надстройки. Вид у капитана был угрюмый и озабоченный.

— Ешьте Седека со всеми его вонючими потрохами,— тихо, но внятно, сдерживая ярость, проговорил капитан.— Если за мной увязался Та-

бареш, это неспроста. Но зачем вам понадобился этот мессантийский павлин? Морской демон заведи этого Пиоло, хоть он и недурно дерется! Теперь полкорабля знает, что прирезали единственного наследника семейства Каббото.

— А что с уважаемым месьором Джоакино? — участливо спросил Тэн И.

Гонзало смерил кхитайца презрительным взглядом.

— Пиоло не последний говорун на судне,— криво осклабился он.— Жрец — пусть, кстати, пресветлый Митра не забудет о нем, а то бы эти благородные месьоры сейчас жарились на пиктском вертеле,— видел, кто влезал в люк и вылезал обратно, а туранец и по запаху поймет, когда пролилась кровь.

— А как здоровье шемита? — Хорса принял условия игры, предложенные Гонзало.

— Дрыхнет без просыпа, хоть и не пьян. А его коза чахнет без ласки.— На физиономии Гонзало возникло подобие улыбки.— Какую дрянь вы ему подсыпали?

— За этим месьор Джоакино и пришел к месьору Седеку. Весьма сожалею, что не вовремя,— развел руками Тэн И, демонстрируя роковую неизбежность происшедшего в трюме.

— Это к лучшему.— Гонзало поскреб небритое горло.— А месьор Норонья тоже на посылках у Седека?

— Пожилой месьор был слишком любопытен,— объяснил Тэн И.— Он помнит что-нибудь из недавнего прошлого?

— Молитесь Митре или кому там,— Гонзало шмыгнул длинным кривым носом, метнув уничтожающий взгляд на кхитайца,— чтобы ему отшибло память об этом дне.

— Старый болван никого не заметил,— добавил Гонзало свистящим полусшепотом.— Только вам все равно не отвертеться,— продолжил он в полный голос.

— Даже если службу прикончил Джоакино, а это, скорее всего, именно так, то кто связал самого Джоакино? Седек? А потом старая асгалунская лиса оглушил Норонья и наглотался снотворного зелья по случайности?

— Может быть. На все воля Митры,— развел руками Тэн И.

— Зейтулла говорит, что сначала повалился спать Седек, потом убили Джоакино, а уж за ним оглушили нашего славного советника. Пресветлый же и правдивейший Митра устами своего служителя глаголет,— съязвил Гонзало,— что вы вошли в пустой трюм еще до убийства Джоакино, а вылезли после исчезновения Норонья.

При всем своем знании древних способов защиты и разных школ игры, Тэн И вынужден был признать, что капитан запер его и Хорсу в каменный мешок.

— Что ты нам посоветуешь, Гонзало? — Гандер тоже понял, что капитан подошел предупредить их неспроста.— Ты лучше нас знаешь корабельные законы. Неписанные законы, конечно.

— Вы хорошо деретесь и хорошо соображаете.— Капитан с почти искренним сожалением по-

качал головой.— Если я вас не трону, мне оторвет голову Норонья — у него хватит глупости. Если я вас трону, мне оторвет голову ваш любезный король. Или, пусть несколько позже, Сигурд Ванаксеймский. Вину Седека ни зингарийцы, ни аргосцы доказывать не станут, а Конана, Сотти, и Арриго тут уже нет...

Гонзало умолк и внимательно пригляделся к парусам за кормой.

— С другой стороны, у нас на хвосте Табареш, и какая мне разница, оторвет мне голову Норонья сегодня и сразу или завтра Табареш, но с издевательствами?

Капитан опять замолчал.

— С вами я поступаю по законам Барахас. Вам дадут лодку, немного еды и воды, оставят оружие и выпустят в океан. Вы совершили на борту убийство, но и мертвец, как нам известно, был не чист перед богами. Желаю вам не попасться в лапы Табарешу.

По своему обыкновению, Гонзало собирался закончить разговор внезапно и уйти, но проницательный Тэн И не отставал и задал капитану последний вопрос:

— А служитель Митры всевидящего не заметил ли, как Джоакино подавал сигналы с вороньего гнезда?

— Заметил. Поэтому вы до сих пор еще живы,— доходчиво объяснил Гонзало и, спускаясь по трапу с кормы, скомандовал: — Нарваз! Сворачивай работу! Довольно! Готовь лодку для вольного плавания!

* * *

На океан спускались сумерки. Вода в последних лучах дневного светила переливалась причудливыми огнистыми красками — от темно-красной, почти бордовой, до зеленой и густо-синей, индиговой.

Небеса отвечали своими красками, от чистой лазури до сплошной туши на востоке, над враждебным неприютным берегом. А месяц уже поднимал кверху свои рога, и крупная соль белых звезд проступала на остывающем черном теле уставшего и потного от жары неба.

На боканцах покачивался гребной ял, куда уже погрузили все необходимое. Провожать Тэн И с Хорсой не вышел никто, кроме Гонзало, Фрашку и старика жреца. Неподалеку, правда, на руле стоял Гвидо, но вряд ли у него имелось хоть какое-то сочувствие к изгоям. Экипаж был озабочен иным: три лазоревых паруса, ставших призрачно-серыми в надвигающейся ночи, заметно приблизились.

По корме уже прогуливались дамы, выслушивая бесконечные излияния кавалеров о своих великих подвигах. Обладавший волчьим слухом Хорса отчетливо различал манерный хохот графини Силевии и, к своему немалому удивлению, еще один разговор, происходивший на шканцах у противоположного, левого борта. Беседовали Арита и месьор Вьялли. Беседовали о кораблях и море. Кажется, аргосец наконец-то обрел родственную душу, а у хлопотливого купца Хорхе убавлялось забот с устройством очередной дочерней судьбы.

— Вальеде! — призвал капитан второго боцмана, старого морского пса, каждый раз, по его собственным словам, уходившего в напоследнее свое плавание.

— Я, капитан! — раздался от мачты сильный и зычный голос, хотя и принадлежащий человеку явно пожилому.

— Зови ребят! Приготовиться к спуску яла!

— Слушаюсь, капитан! Гальего! Футре! Меоло! Нванко! Живо за работу, бездельники!

Застучали башмаки, зашлепали босые пятки. Четыре рослых молодца выстроились в ряд перед поспевающим сюда же седовласым Вальеде.

— Опускай! — мельком взглянув на Гонзало, махнул рукой боцман.

Матросы, среди коих особенно выделялся по кошачьи гибкий чернокожий Нванко, сноровисто управляясь с тросами, не замедлили со спуском крохотного суденышка на воду. Заскрипели блоки, вызвав ворчание боцмана:

— Скрипят, как кости старого грешника!

— Скажи спасибо, что не свистят, — спокойно отпарировал Гонзало.

Снизу донесся легкий всплеск. Ял коснулся воды.

Футре, ладно скроенный бронзовый зингариец, обладатель длинных смоляных волос, проворно размотал веревочную лестницу и метнул ее за борт. Путь по капризной зыби был открыт.

— Вальеде, отпусти людей. Им завтра предстоит нелегкий день, — оборонил будто бы невзначай капитан, хотя матросы стояли совсем рядом.

— Пошли по местам, дурни! — со всей возможной ласковостью и мягкостью донес до подчиненных приказ Гонзало боцман.

Матросов как ураганом сдуло.

— Я сказал вам уже все, что хотел, — обратился капитан к Хорсе и кхитайцу. — Могу добавить лишь, что берег в девяти лигах. Если будете грести как следует, Табареш не станет менять курс ради вас. Пойдем, Фрашку!

И Гонзало, не желая слушать никаких ответных слов, резко повернулся и проследовал на нос, не сомневаясь, что юноша не ослушается. И тот действительно не посмел отстать от Гонзало, хотя и оглянулся напоследок, пытаясь ободрительно улыбнуться этим чудным аквилонцам, которые, если разобраться по-честному, сделали все, как и следовало сделать.

— Вот что я вам скажу, коли Гонзало язык проглотил и не хочет накаркать. — Вальедо, облокотясь на планшир, сосредоточенно высматривал что-то в темнеющих, бормочущих глухо волнах. — На вашем месте я бы устроил дело так, что ни вам, ни нам не пришлось бы повидать этого самого Табареша нос к носу, пожри его пучина. Все говорят, что Табареш колдун или якшается с колдунами. Скажу вам: это истинная правда! Как он исхитрился, прожив на океане все свои пятьдесят с лишком лет, ни разу не попасться и Фердруго, и его предшественнику, и аргосцам тоже? Как он умудряется найти купца посреди моря, да еще так, что тот оказывается почти без охраны? Наконец, какой морской дух занес его сюда ровно так же, как и нас?

Вальедо в сердцах хватил кулаком по борту.

— Последнее, как нам кажется, не очень сложно, месьор, — возразил Тэн И. — О караванах можно узнать от надежных людей, депеши быстро доставляют почтовые голуби, а найти корабль среди океана могут даже туземцы с востока, не говоря уж о людях с Барахас...

— Не все, про что брешут в тавернах Кордавы, — правда! — возмутился Вальедо. — Сколько идиотов погибло где-то в туманах на западе, когда шли по приметам искать всякие Острова Счастья! Я знаю, откуда растут плавники: вы наслушались Сигурда. Не спорю, он знает толк в нашем деле, да только и он не сунется туда, где не знаком с течениями.

— А Табареш сунется? — осторожно осведомился Хорса, опасаясь, что порыв откровенности, снизошедший на боцмана, улетучится.

— И не раз совался, — с убежденностью бывшего человека изрек старый корсар, и ноздри его крючковатого носа затрепетали в предчувствии сладкого запаха воспоминаний.

Двадцать лет назад Табареш еще не был столь знаменит, как ныне, и еще не все широты видели его красно-черную гадину. Близ кушитского берега есть остров, на котором стоит замок тамошнего царька. По слухам, там полным-полно редкостных штучек. Барахас давно на него облизывались, только вот одна незадача: к островку вел даже не пролив, а лаз между шхер, скал и рифов. Его так и называли — Глотка Змеи. Проход знали только личные лоцманы этого... как, бишь, его зва-

ли? — Вальедо замешкался, сиюсь отыскать в обширной своей памяти имя злосчастного черного монарха.

Ну ладно, это помнит Нванко, если вам интересно,— проворчал он досадливо.— Дело не в том. Табареш прошел проливом, не взяв на материке ни единого заложника и не имея на борту вообще ни единого местного. При этом все происходило ночью, когда ни зги не было видно. Табареш сам стоял на руле и только иногда отдавал команды. Даже дно не промеряли баграми.

— А откуда все это тебе известно, любезный? — недоверчиво заметил Хорса.— Тоже из таверн Кордавы? Или, может, из Мессантии?

— Я сам был с ними,— почти что гордо ответил Вальедо.

— Так ты плавал с Табарешем? — задал Хорса вопрос, ответ на кой был и без того ясен.

— Да.

— Месьор Вальедо, не поведаете ли вы нам, кто же это такой, и знаком ли он с королем Конаном? — пустил в ход свою вежливость и хорошие манеры Тэн И.

— Поведаю, но времени у нас так же мало, как ума у акулы. Когда наступит полночь, вы должны будете немедленно покинуть «Полночную звезду». Таков приказ Гонзало,— предупредил боцман.— Так вот. Табареш родом из Зингары, из маленькой рыбацкой деревушки неподалеку от границы с Аргосом. Гиблое местечко, но он сумел оттуда выбраться. Сначала плавал юнгой, потом наемным матросом, потом подался на Барахас. Там

он во время бунта на одном из кораблей взял командование. Потом ему повезло — он ограбил какого-то толстопузого шемита и набрал себе лучших людей, что могли тогда дать Барахас. Надо заметить, отъявленное отродье,— уточнил боцман.

А потом он поймал где-то на юге стигийца. Вот с тех пор ему стало везти уже несказанно. Я плавал с ним три года и знаю о чем говорю.

— Но ведь и его побеждали? Ведь так? — прервал боцмана гандер.

— Да, однажды это случилось,— важно кивнув, согласился Вальедо.— На севере Зингары, у границы с пущей, Табареш настиг корабль Гонзало, когда тот возвращался тяжело груженный после налета на купцов, ведущих меновой торг с пиктами. У Табареша было четыре корабля, а у Гонзало — один-единственный. Весь экипаж или перебили или вытащили на берег и стали измываться. Ну, недосуг мне тут рассказывать, как это умеют на Барахас,— от Конана потом услышите. Выручило Гонзало то, что у него как раз на том месте было назначено свидание с Фрашку-старшим. И его счастье, что из выживших никто не успел проболтаться о том Табарешу. Фрашку издали увидел дым горящего корабля и смекнул, что дело плохо, а потому подошел под прикрытием побережья, чтобы его не заметили, и напал сразу с суши и с моря. Удрал только Табареш на одном корабле. Чутье у него и тут сработало под самый конец: взбрело в голову что-то искать на этом самом харасе! Он и ускользнул, и людей своих всех бросил, да. А Фрашку утонул через год, только

младший его спасся с шестью матросами. А что про вашего короля,— вспомнил Вальеда о втором вопросе,— так это дело известное: набил Конан морду Табарешу как-то в Тортуге, на том знакомство и кончилось. Делить им было по сути-то нечего. А северян Табареш вообще не любил, вот и стал дерзить. Ну и все.

— Так, значит, Табареш колдун? — еще раз уточнил Хорса.

— Колдун, только в чем его сила, этого я не знаю. В Стигии спросите.

— А какие у него дела с Асгалуном? — Вопросы задавать гандер умел ловко.

— Золотые. Какие же еще? И на кой ему сдался ваш морской союз? — усмехаясь, отвечал боцман.

— А как нам устроить, чтобы, по твоим же словам, почтенный, ни нам, ни вам не столкнуться с Табарешем нос к носу? — задал Хорса последний вопрос, надеясь поставить сим победную точку.

— А кто тебе сказал, что я знаю, как это сделать? — тихо расхохотался Вальеда. Смех разобрал его так, что на глазах выступили слезы.— Думайте сами. Я просто сболтнул так, потому что это на руку и вам, и нам.

Нельзя сказать, что Хорса был обескуражен, но радости это ему не прибавило.

— Я сделаю это для кенига. И для себя,— еле слышно процедил он.

На океан меж тем опустилась ночь. Огней на нефти не зажигали, даже в каютах задраили пор-

ты, чтобы слабый огонек свечи или багровый ответ жаровни не навел Табареша на след. Сазта и два хараса растаяли во мгле, но с утра их ожидали снова. Капитан Гонзало не спал, и было видно, как он расхаживает из стороны в сторону по корме. В хрустальной тишине, нарушаемой лишь полушепотом волн, резко прозвучал медный голос гонга.

— Болван! — тихо выругался Вальеда.— Ушибленный о скалу кальмар!.. Очень жаль, месьоры, но вам пора,— обратился он к Хорсе и Тэн И.— Трап подан.

— Прощай, Вальеда. Спасибо и на том,— отвечал Хорса, перелезая через фальшборт.

— До свидания, месьор Вальеда,— эхом поддержал его кхитаец.

— Да будет к вам благосклонен океан,— вздохнул старик.— Когда-то я попал в такую же переделку, и мне удалось выплыть.

Он уже было собрался подобрать трап, но увидел еще одного человека. Это был никто иной, как жрец-митраист, все это время неслышно присидевший рядом.

— Куда это ты, любезный? — похлопал Вальеда старца по плечу.

— Я ухожу с ними,— спокойно отозвался тот.— Все необходимое у меня с собой.

Вальеда, подумав мгновение, только плечами пожал: насчет жреца Гонзало не говорил ничего.

«В конце концов, они отвечают только перед своим Митрой,— рассудил мореход.— Пусть идет, если ему охота».

— Попутного тебе ветра, почтенный,— проводил он жреца, по сути, своего ровесника, помогая тому перебраться через фальшборт и твердо стать на трап.

— Да пребудет с тобой благословение Митры, почтенный,— отвечал жрец и с тем скрылся вниз.

Оттуда слышались изумленные, но приглушенные голоса и едва различимое ответное воркование старца. Ял отвалил от борта «Полночной звезды» столь неслышно, что даже стоявший прямо над ним Вальедо не мог точно определить момент отплытия.

— Они ушли, Гонзало. И с ними жрец,— доложил Вальедо капитану.

— Ладно.— Выражение задумчивости не покинуло лица бывшего пирата.— По словам туранца, скоро должен очнуться Седек. Свяжите его хорошенько, чтобы не убежал раньше времени. И сразу дайте знать мне. Я с ним побеседую без свидетелей.

— Слушаюсь,— отвечал привычно боцман, провоя взглядом стремительно падающую звезду.

Глава двенадцатая

стров вынырнул из тумана перед вечером, сразу большой и высокий, словно таился до последнего в глубине и теперь мигом поднялся оттуда. Он появился тяжелой громадой гранитного своего скелета, прикрытого невнятно-серым плащом, из складок коего, как будто и впрямь сквозь ветхую изношенную холстину, пробивался свет каких-то огней — недобрый и желтоватый, точно глаз хищника, с синим кругом-галом вокруг.

— Ойсин, что это за земля?

Конан уже собрался было укладываться спать близ кормы, завернувшись в шкуры, но видение загадочного берега, о коем спутники его не предупредили, своим призрачным дыханием мигом прогнало призраков сна.

Король вновь был бодр и вновь готов действовать.

— Земля? — с некоторым сомнением промолвил Ойсин.

— А что, разве это наваждение? — Конан на всякий случай протер глаза — остров остался на месте. Такой, как и был мгновение назад.

— Не помогло? — услышал он за спиной смехок Ллейра, сидевшего на руле. — Напрасный труд. Остров не исчезнет. Это не морок. Это Най-Брэнил, Блуждающий Остров.

— Какая мне разница, блуждающий он или бродячий. Потрогать-то его можно? — рассердился король.

— Самому не довелось, но, люди говорят, можно, — опять как-то неуверенно изрек Ойсин.

— Люди или саги? — уточнил Конан, уже уяснивший, что и для Ллейра, и в особенности для Ойсина разница между тем, что рассказали очевидцы, и тем, что рекут книги и предания, невелика.

— Ну, назвать их людьми, пожалуй, не будет неправильно, — согласился сам с собой Ллейр. — Некогда мой тезка достиг этого берега и высадился на него, о чем и повествует описание его плаванья.

— И что он там нашел? — Конан мимо ушей пропустил упоминание о том, кем был или кем можно считать тезку доблестного Ллейра.

— Нашел замок, полный всяких красивых вещей и доброй пищи... — начал Ллейр.

— Это неплохо, — прервал его король. — А что за пища?

— Много жареной баранины и свинины, а также искусно сваренное пиво, — вкусно живописал Ллейр. — И еще сторожа всего этого.

— Как всегда, — вздохнул киммериец. — Как только встретишь что-нибудь приятное, непременно объявится сторож. Наверное, это был уродливый великан с дубиной или старый колдунишка, выживший из ума?

— Отнюдь нет, — улыбнулся Ллейр. — Это был кот.

— Кто? Кот? — не понял король. — Гигантский кот?

— Почему гигантский? — Ллейр в свою очередь не уразумел, чему так дивится Конан. — Обыкновенный рыжий кот, весьма даже средних размеров. Он был в самой главной зале того замка и играл, перепрыгивая со столба на столб. А всего столбов было четыре.

— Должно быть, кот сторожил пищу от мышей? — сообразил король. — А кто был хозяином замка?

— Об этом рассказчик умалчивает, — не оправдал надежд киммерийца на сколь-нибудь человеческое повествование Ллейр. — Так вот. Путники утолили голод и жажду и собрались плыть дальше, но один из них — молочный брат моего тезки — решил прихватить с собой одно из дивной красоты ожерелий, что были развешаны по стенам.

— Я бы тоже прихватил, — пожал плечами Конан.

— И зря! — торжествующе возгласил Ллейр. — А ведь мой тезка предупреждал, что делать сего не следует! Не прошел похититель и половины пути до выхода из залы, как кот прыгнул на него, превратился в рыжую молнию и испепелил на

месте, после чего принял прежний кошачий облик и воротился на место. Тезка же мой повесил ожерелье туда, где ему и полагалось быть, успокоил кота ласковыми словами, и с тем продолжили они путь и вскоре достигли...

— Понятно,— перебил собеседника Конан. Ему вовсе не хотелось слушать, чего там еще достигли славные мореходы древности, поелику в устах умелого сказителя, какового Алейр, безусловно, собой представлял, сага могла продолжиться до утра.— А в саге не сказано часом, как подойти к острову и где причалить?

— Нет, конечно,— как само собой разумеющееся заявил Алейр.— Сага пишется вовсе не для того чтобы...

— Вечно у вас так,— посетовал Конан, опять прерывая повествование.— Что ни сага, то говорит не о том, что нужно, а если начнешь расспрашивать, то получается и того хуже, потому что, оказывается, и сочинялась она не для того, и не о том, и неизвестно когда, и вовсе не тем, кому ее приписывают...

— Не стоит так огорчаться,— подал наконец голос притихший было Ойсин.— Я знаю фарватер.

— Не хочешь ли ты сказать, Ойсин, что Блуждающий Остров таскает за собой рифы, скалы и мели? — удивился Алейр.

— Разумеется, как и всякий приличный остров,— невозмутимо отвечал Ойсин.

— Так ты что, был здесь? — снова озадачился Алейр.— Почему же ранее я об этом ничего не слышал?

— Нет, я здесь не был ни разу,— спокойно продолжал Ойсин, перебираясь к рулю и мягко отстраняя товарища.

— Ну и откуда же ты помнишь фарватер? — усмехнулся киммериец.— Или о нем написано в другой саге?

— Нет, не написано,— хладнокровно проговорил жрец-воитель.— Через четверть лиги, если я не ошибаюсь, появится гряда рифов, и нам следует взять немного к северу, на северо-северо-запад, дабы войти в проход.

— Посмотрим,— сдержанно проворчал Конан. Спорить с Ойсином было бесполезно — он принадлежал к той же породе книжников, что и Евсвий.— И я надеюсь, что ты не ошибаешься.

Ветер гнал легкую карру, надувая парус точно грудь силача, и вскоре расстояние, названное Ойсином, было преодолено. Над водой справа по борту торчал, будто голова крокодила, черно-зеленый от водорослей камень. Более никаких свидетельств наличия рифа на поверхности не было, но опытный глаз моряка не мог обмануться: и Конан, и Алейр заметили по цвету и характеру волн, что справа и слева по борту широкой — в пять локтей — стеной скрываются на небольшой глубине, такой, что даже карра вполне могла зацепиться дном, острые и твердые клыки рифов. А ширина прохода не превышала десяти локтей.

— Вот это да! — только и нашелся сказать Конан.— Так откуда же ты знаешь фарватер, Ойсин?

— Иногда следует читать не только книги, но и те знаки, что они оставляют,— не без гордости

произнес Ойсин загадочную фразу. Особенно непонятной она оказалась для Конана.

— Я читаю плохо,— не стесняясь, но и не хвалясь, отвечал Конан.— А писать умею только свое имя да еще «немного бесполезных слов», как говорит Хорса. Мне как-то все не до книг, тем паче не до их следов. Ты скажи яснее: это магические знаки?

— Нет, вовсе нет,— покачал головой Ойсин.— Просто жители наших островов, как ты, наверное, заметил,— подмигнул он Конану,— все немного сумасшедшие. Когда находишься среди людей и, гм... всяких прочих, кто работает с книгами, пишет книги, читает книги, хранит книги, живет книгами, среди книг и ради книг, приходится иной раз видеть, как книга перерастает самое себя, и дабы постичь то, что должно было бы отыскаться в книге, следует искать искомый текст в проявлениях деятельности этих людей и, гм...

— Всяких прочих,— подхватил Конан.— Все равно ничего не понятно. Можно попроще?

— Попытаюсь,— кивнул Ойсин. Он и сам старался придать неясным своим соображениям более определенную форму.— Дело в том, что некто посчитал путь на Най-Брэнил запретным для простых смертных, сиречь для не сведущих в книжном знании. И сведения о том, как проникнуть на остров, не попали в рукописи. Но ведь как-то надо было их сохранять, чтобы тайна не была утрачена вовсе.— Ойсин, видимо, не решил для себя до конца рассматриваемый вопрос, по-

сему последняя реплика прозвучала и как утверждение, и как сомнение одновременно.

— Стигийцы в таких случаях поступили бы просто: доверили бы секрет демону, да и дело с концом,— пояснил король.— Хотя они тоже книгочеи, вроде бы.

— Да, это было бы, конечно, проще простого,— пробормотал Ойсин, наклоняясь якобы затем, чтобы поправить обувь, а на деле пряча улыбку.— Но на Островах считают большим грехом общаться с демонами...

— И у нас тоже,— энергично поддержал Ойсина киммериец.

— А потому,— продолжил Ойсин,— иной раз полезно посмотреть на жизнь таких людей и на все, что они делают и творят, как на рукопись, поелику и основу деяний своих они черпают из рукописей.

— То есть...— Конан не мог обойтись без наводящих вопросов, иначе Ойсин завел бы разговор в такие дебри учености, что, пожалуй, и Евсевий сгинул бы в них вместе со всеми Палатами Мудрости.— То есть, если такой островитянин построил башню для наблюдений за светилами или, наоборот, проломил череп своему соседу, то все это неспроста, а потому, что он прочитал какую-нибудь ученую рукопись. А остальные вспоминают, где и когда они про это прочли, будто не расследуют преступление, а силятся разобрать тайнопись и получают от сего несказанное удовольствие, ровно как от приглянувшейся книги. А едва вспомнят, тут же рассказывают тем, кто не прочел, чтобы те не

мучились слишком. А потом собираются где-нибудь вроде тех же Палат Мудрости и соображают, хороша была та рукопись или дурна, и не стоит ли написать еще одну, вдобавок к первой. Так?

— Наподобие,— закашлялся Ойсин. Приведенный киммерийцем пример был весьма наглядной иллюстрацией к построенной жрецом философии, и Ойсину немедленно захотелось показать, что прочтение произведений ученых мужей прошлого и современности не всегда ведет к столь недвусмысленным поступкам.

— Например, вот как я дознался, что проход в гряде рифов точно здесь,— приступил к объяснению Ойсин...

— Посмотрим-посмотрим! — подначил приятеля Ллейр.

— Знаешь ли ты храм с библиотекой на острове Семи Городов? — спросил его жрец.

— Кто же не знает о нем! — воскликнул Ллейр.— Вот уж превеликое вместилище книг! Только проникнуть туда затруднительно, а уж найти что-либо в его списках, кои составлял или величайший из мудрецов давних времен, или сумасшедший,— занятие и вовсе пустое и безнадежное! А книжники? Про них говорят, что это отнюдь не те, кто призван нести слово истины, но будто псы цепные, хранящие брошенную кость! Легче уговорить стражей Стеклойной Башни отворить врата, чем тех гордецов упросить отыскать нужное сочинение! А сам механизм этой махины? Я слышал, что там можно заплутать, как в лабиринте, и некоторые так и пропали там...

— Все верно,— прервал излияние справедливого негодования друга Ойсин.— Хотя это лишь толика истины, при этом истины, переданной многократно из уст в уста, а засим ставшей уже не вовсе истиной. Когда-нибудь, коли нынешний наш поход не окончится плачевно, мы отправимся туда вместе. А два года назад я побывал там один.

— Побывал?! — изумился Ллейр.— Тебя допустили в хранилище?

— И да, и нет. Это иная история, не имеющая сходений с тем, о чем я ныне толкую,— уклонился от ответа Ойсин.— Так вот, в здании той библиотеки — а это даже и не здание, поелику книгохранилище занимает тело целой горы и постройки на оной горе — комнаты и целые анфилады комнат не покоятся на месте, но приведены тем самым механизмом, о котором уже сложились легенды, в таинственное движение, никогда не прекращающееся. Не знаю, известны ли законы перемещения книжникам, но мне удалось разгадать пусть не все, но некоторую часть их. Во всяком случае то, что касается острова Най-Брэнил.

— И что же? — Ллейр и не пытался скрыть терзавшее его любопытство.

Тем временем Ойсин, за разговором не забывая о руле, удерживал карру под углом к ходу волн и вел суденышко вдоль границы, за которой характер колебаний водной хляби странно менялся: накатистые валы переходили в мелкую частую рябь, а цвет воды из серо-стального становился серо-черным.

— Водоворот.— Ойсин показал как раз туда, где море переменяло цвет.— Анфилада, где собраны сочинения о Най-Брэнил, блуждает по библиотеке, равно как сам остров скитается по Океану. Но, как бы то ни было, в искомую анфиладу — а значит, и на остров — ведет единственный путь. Все галереи, все отделения библиотеки украшены надписями, и если собрать первые буквы их, то выйдет как раз название той страны, книги о коей в тех галереях собраны...

— Погоди немного,— остановил ход повествования Алейр.— А если бы кто захотел найти книги, допустим, о врачевании, а не о Зеленом острове, куда ему идти?

Вопрос показался резонным и Конану. Киммериец покуда мало прислушивался к речам Ойсина, но запоминал, как обычно, все.

«А все-таки о книгах стоит знать побольше,— подумал король.— Евсевий говорит, что за мое попечительство над библиотеками Тарантии меня будут помнить в веках. Может быть, но хорош же я окажусь, если сам не буду знать ничего о том, чему я способствую! Как видно, в этих пергаментях таится сила тысячи колдунов!»

— В этом еще одна хитрость строителей,— кивнул, точно сам с собой соглашаясь, Ойсин.— Они размещали книги согласно реалиям и символическому своему веку. Так, ежели тогдашний Ахерон славен был своими звездочетами, то и труды прочих звездочетов ставились в те же комнаты, что посвящены Ахерону. А поскольку символом Заката был прежде папоротник, то и сведения о

нем и сродных ему растениях поместили в закатном притине. Впрочем...

Тут Ойсин резко повернул лодку вправо, возвращая ее на курс северо-северо-запад. Полоса темной воды вскоре осталась за кормой. Остров приближался, и туманные его очертания приобретали весомость и облекались плотью.

— Впрочем, я ушел, кажется в сторону... В сторону от пути моего рассказа,— быстро добавил Ойсин.— В первой зале Най-Брэнил над первой дверью узрел я надпись, исполненную инкрустацией из опала: «Шестнадцатую часть отложи к прошлому и чрез четверть откроется десять».

— Что это еще за околесица? — не понял ничего Алейр.— И где же ключ к тайне фарватера?

— А ты посмотри! — довольно ухмыльнулся Ойсин.— Это же цитата из одного трактата по магии, весьма известного. Писан он был еще в Атлантиде, потому и система знаков в нем нам доступна. Сама эта фраза взята из описания «истинного пути», ритуала перехода в мир духов, но здесь я ее прочел по-иному. Сходство лишь в том, что и здесь, и там, в трактате, эта, как ты изволил выразиться, «околесица» есть указание маршрута. «Прошрое» — это Закат. Шестнадцатая часть, коли ее откуда-то отложили, да еще по направлению к Закату, должна быть отложена не иначе, как от полуночи. То есть направиться следует на северо-северо-запад. Бесспорно, что направиться следует вдоль первого барьера, вставшего на пути. Далее просто: четверть — это определенный час ночи, но так ее следует понимать в манускрипте мага, где веками

являются меты времени. На море же привычно пользоваться мерами расстояний, ибо у острова можно оказаться в любую часть суток. Посему четверть я понял как четверть лиги — иные промежутки не подходят. Ну а в конце совсем пустяк: важно, что нечто должно открыться, а в стене рифа ничего не может открыться опричь прохода. Едва я увидел его и прикинул ширину — десять локтей, — все сомнения отпали.

— А что означает «десять» на языке того мага? — спросил вдруг Конан.

— Десять миров. Вернее, двери к десяти мирам, — отвечал Ойсин. — А зачем тебе?

— Ты же сам сказал, что следует пытаться прочесть наяву то, что написано в книге, — усмехнулся киммериец. — Вот я и пытаюсь.

— А почему десять? Я знаю о Девятимирье, — возразил жрецу Алейр.

— Десятый мир — ты сам, и имя ему — твое имя, если только ты знаешь свое истинное имя, — рек Ойсин. — Так учит трактат, — промолвил он, давая понять, что не вполне согласен с древним автором.

Глава тринадцатая

Очевидно, Алейр хотел было спросить что-то еще — доискаться причины неприятия Ойсином космологии, предлагаемой атлантом, но Конан, занявший место на носу карры, о своих обязанностях не забывал.

— Прямо по курсу парус! — заявил он достаточно громко, чтобы его слышал на корме Ойсин, но не более того. — Кажется, нас почтили встречей, — пробормотал он значительно тише.

Но Алейр этих слов не пропустил:

— Еще бы, ведь среди нас король, — незлобиво усмехнулся он.

Челн, похожий на рыбацью лодку, влекомый треугольным парусом, приближался галсами, ибо для него ветер был противный. Очевидно, вода там, где бороздило море шедшее навстречу суденышко, была уже свободна от мелей и рифов, предоставляя возможность для маневра. Впрочем, Ойсин был иного мнения о свойствах фарватера, и Конану с Алейром вновь пришлось заняться вет-

рилом, в то время как Ойсин священнодействовал на руле, следуя остистой нити невидимых по стороннему глазу сентенций и смыслов неведомого текста.

Спрашивать далее о том, что еще сумел вычитывать в манускриптах давних и пыльных лет Ойсин, Конан не стал: если возникнет необходимость, жители Зеленого острова расскажут и сами. Гораздо более интересовал теперь короля морской патруль с Най-Брэнил. В лодчонке, кажется, находился только один человек, если, конечно, кто-нибудь не улегся на дно, спрятавшись за планширом. Он весьма проворно лавировал против довольно свежего встречного ветра, и челн быстро приближался к незванным, но, как казалось, ожидаемым гостям.

Челном управлял старик с густой и длинной, всклокоченной седой бородой. Хмурый, насупленный, морщинистый, словно кора старого дуба, с глубокой складкой от носа к губам, с обветренным и загорелым лицом, он все же не походил на моряка. Хламида из грубой льняной ткани без всякой вышивки и каймы, будто не боялся лодочник за свою душу, тоже была какая-то серо-седая, точно засыпанная солеными брызгами, кои, взметнувшись раз и опустившись на старика, так и замерли суровой и прочной тканью. Из-под лохматых бровей зорко смотрели блистающие странным огнем глаза, стараясь пронизать пришельцев до самых потаенных и укрожных уголков сознания.

Конану приходилось видеть всякие очи и выдерживать всякие взгляды. И никто не мог выиг-

рать этот безмолвный поединок у киммерийца: ни гигантский змей, ни великий черный дракон, ни колдуны и чернокнижники, ни призраки, ни томные красавицы. Не смог и старик, хотя и Конану ни на миг не удалось приподнять маску чужой воли.

Видимо, уяснив, что с королем у него ничего не выйдет, встречный обратился к Ойсину и Ллейру. Разгадать жреца оказалось старцу не по силам, а вот Ллейр быстро опустил взгляд, будто побоялся, что его глаза невольно выдадут некую тайну.

— Ойсин, кто это? — пробормотал Ллейр, несколько растерянно и даже боязливо глядя на своего высокоученого спутника.

— Очень занятный герой, — внимательно и как-то не без удовольствия рассматривая встречающего, отвечал жрец. — Есть там — сиречь, на острове Семи Городов — одна книга, как раз в галерее Най-Брэнил. Называется не знаю как, поскольку титул и первые листы утеряны, а суть касается исследования произведений разных современных автору сочинителей, писавших о путешествии. Так вот там говорится, что в пути непременно должна случиться встреча с проводником или перевозчиком. Вот он и явился перед нами.

— При чем тут эта книга? Ты ведь только что говорил об атлантском трактате по магии? — усомнился в верном ходе рассуждений Ойсина Ллейр.

— При том, что она находилась в галереях Най-Брэнил. И еще при том, что трактат по магии — не более чем тот же перевозчик, — сердито отве-

чал Ойсин, досадуя на внезапную непонятливость друга.

— Перевозчик куда? — опять ничего не понял Алейр.

— Во мнимый мир, — вздохнул Ойсин. — Приготовься к повороту на север.

— А еще чаще на Серые Равнины или в такую дыру, что и Серые Равнины покажутся страной блаженных, — пробурчал Конан.

— Весьма возможно, — с готовностью согласился с киммерийцем Ойсин.

Внезапно сильнейшее течение подхватило карру и понесло вперед столь стремительно, что Конан рванулся было снимать парус, дабы хоть немного сбавить гибельную в таком чреватом опасностями море скорость, но Ойсин остановил его:

— Не надо. Не стоит. Эта протока ведет напрямик к чистой воде. Посмотри, как выписывает там вензеля этот старец. Мы выполнили уже семь маневров. Надпись в седьмой комнате гласит: «Сделалось безмолвие, как бы на два фарсинта...»

— Что, по-твоему, значит «как бы»? — спросил Конан.

— Мыслью, что время здесь может течь не так, как везде. Мы ведь на Островах, — неуверенно произнес Ойсин. — Во всяком случае, более подходящего толкования я не нахожу. Все остальные требуют слишком многого для своего существования.

— Ну и что? — не согласился король.

Но в это время течение и вправду прекратилось так же неожиданно, как и возникло. Их кар-

ра оказалась в десяти локтях от лодки старика и остановилась, будто море оборотилось застывшим стеклом, хотя волны шли по его поверхности, как и допреж, а ветер продолжал надувать парус, пускай недостаточно туго для того, чтобы ткань звенела.

— Стекло море! — восхитился Алейр. — Как в саге!

— Как в саге, — подтвердил Ойсин. — Только это не стеклянное море. Это остров вращается.

И действительно, карра стояла теперь к берегу левым бортом, и, если остров, по словам Ойсина, вращался, увлекая за собой, слой за слоем, окружающие его массы воды, то корабль стоял носом как раз против сего вращения.

Тем временем старик также развернул свое суденышко левым бортом к острову и таким образом оказался в состоянии вести разговор с новоприбывшими, не утруждая себя сохранением удобного для этого расстояния.

— Добро пожаловать, достославные гости! Король ждет вас! Не угодно ли проследовать в замок?

Голос у старика был груб и резок, точно у большой морской птицы, с легкой хрипотцой, и вежливые слова, произнесенные им, прозвучали как-то неестественно, словно говорил старик одно, а в мыслях держал нечто совершенно иное.

— Король? На Най-Брэнил есть король? — тихо спросил Алейр, обернувшись к Ойсину.

— Отчего бы ему там не быть? — ответил вопросом на вопрос Ойсин.

— Я бы удивился, если б на таком приличном острове не отыскалось короля,— поддержал жреца Конан.— Нам стоит принять приглашение? Я бы принял, коли уж нас заметили.

— Думаю, стоит. Я же говорил, Най-Брэнил не показывается просто так... Благодарим твоего короля, любезный! — прокричал Ойсин в ответ.— Позволь спросить, откуда ему ведомо о нашем прибытии?

— О! Король давно ожидает вас! Весь замок и весь остров надеются, что ваше вмешательство в события будет плодотворно! Состояние принца по-прежнему тревожит всех благонамеренных жителей!

— Какого еще принца? Нас, видно, принимают не за тех, кто мы есть! — догадался Алейр.

— Скорее всего,— согласился Ойсин.— Вот тебе и два фарсинта безмолвия!

— А я бы не стал его разочаровывать,— предложил Конан.— И пусть принимают не за тех. Это даст нам возможность, как я считаю, бродить по острову как нам вздумается. А если объявятся те, кого они по-настоящему ожидали, мы легко сможем объявить их самозванцами.

— Об этом мы сможем толковать, только повстречавшись с королем,— заметил Ойсин.— Но сейчас я бы хотел использовать этого старика как лощмана. Поэтому... Мы приступим к делу немедленно, как только попадем на остров! — провозгласил Ойсин.— Но не поспособствуешь ли ты нашему скорейшему прибытию, ибо проход в гавань весьма затруднен?

— С превеликою охотою! — с готовностью прогорланил старик.— Я для того и послан вам на встречу! Сколь замечательно и удивительно, однако, то, что вы прошли с легкостью первые семь ворот, ведущие на остров, точно знали о них заранее!

— Нет-нет, мы вовсе не догадывались о них прежде! — открестился от таковых подозрений Ойсин.— Наше скромное умение делать выводы из наблюдаемого позволило нам преодолеть, хоть и не весьма скоро, эти неожиданные препятствия...

— Сколь велика ваша проницательность! — уважительно прокаркал седобородый, хотя на его птичьем говоре эта похвала прозвучала как издевка.— Следуйте за мной! Давно не встречал я кораблей!

Закончив этой зловещей фразой свой клетот, провожатый направил челн к острову, подразумевая, что карра пойдет у него в кильватере.

— Не навел бы на мель,— недоверчиво заметил Конан.

— Я буду следить за ним, поверяя его указания моими книжными изысканиями,— утешил его Ойсин.— Если что-либо покажется мне подозрительным, мы откажемся от услуг этого лощмана. Меня затрудняет ныне одно место в тексте, кое я не могу удовлетворительно истолковать никаким из четырех известных способов. Засим, я предпочту пока довериться, но не слишком, этому человеку.

Их проводник повел челн не прямо к берегу, а несколько под углом, дабы учесть тот снос, кой возникал от вращательного движения вод. У кар-

ры, как у большего судна, скорость была повыше, и Конан с Ллейром сократили площадь паруса, чтобы аккуратно следовать за лидером.

Най-Брэнил заметно приблизился. Теперь были уже видны его крутые скалистые берега, высокие откосы и просто голые отвесные стены. На внушительном основании, довольно низком и сравнительно плоском, вздымались вверх, взбираясь все выше и выше, семь ярусов каменных круч, прорезываемых винтовой дорогой и террасами. На террасах и уступах громоздились башни, грозно смотрели на море крысиные глазки бойниц, за которыми наверняка скрывались чудовищные, заклепанные в железо тела титанических метательных машин. Берег был защищен рavelинами и тяжкими глухими стенами с громовыми бастионами. Множество галерей, арок и мостов причудливо переплетались, восходя к вершине острова, будто наряжая его в праздничный шутовской наряд. Замки, окруженные зубчатыми стенами, возносили над пропастями гордые и надменные твердыни своих донжонов, каждый из коих мог поспорить в мощи с башней Тарантийского дворца. Венчалось все это грандиозное совместное творение природы и рук человека высоченной черной башней, являющей собой столп, поддерживаемый тремя сужающимися кверху контрфорсами. На вершине была оборудована круглая площадка, над коей вставала еще одна невысокая семигранная башенка с шатровой крышей. Все это оконечное сооружение вкупе достигало в вышину локтей четырехсот, а то и четырехсот пятидесяти.

— Каков же должен быть отряд в этой крепости! — воскликнул Ллейр.

— Чем больше войско, тем больше беспорядка, — со знанием дела заметил Конан.

— Не поручусь, что здесь проживает столько же... людей, — перед словом «людей» Ойсин зачем-то сделал паузу, — сколько и в былые годы. Черная башня на вершине воздвигнута три тысячи лет назад, а самые древние оборонительные постройки относятся, по некоторым сведениям, еще ко временам завоевания Островов воинами острова Стеклоанной Башни. Первые же поселенцы здесь и вовсе легендарны.

— Не удивляюсь ныне, что у них тут случилась какая-то нелепая история, — не замедлил прокомментировать слова жреца киммериец. — Чем древнее род, тем больше сокровищ он накопил. А чем больше сокровищ, тем больше вокруг них всяких распрей, призраков и прочей нечисти. Поэтому я не вижу ничего дурного в том, что тысячелетние династии время от времени пресекаются, иначе бы народами правили одни только вырождаки. Впрочем, за примерами далеко ходить не надо...

— Смотря что почитать сокровищем, — оборвал его Ойсин. — Много есть тому свидетельств, как в самую черную эру серебряной звездой приходили к нам короли из самых древних династий. Каждый век мнит себя последним, но, полагаю, если бы теперь вернулся истинный король, это стало бы великим благом.

— Это что за «истинный король»? — поинтересовался Конан. — А я, ты полагаешь, мнимый?

— Кто знает? — уйдя от прямого ответа, вздохнул Ойсин. — Времена меняются. Меняется, должно быть, и облик Королей, хотя мне бы это не понравилось. Есть одно очень длинное предание об истинных Королях. Как-нибудь я тебе его поведаю. Или Ллейр, он тоже знает.

— След династии Королей теряется где-то на Материке, — добавил Ллейр. — Так что да сопутствует тебе, Киммериец, удача! — усмехнулся он. — Кстати, Ойсин, — обратился он тут же к жрецу, — наши хронологи небрегут изучением Материка. Коль скоро там правят такие мужи, как король Конан, почему бы им не отправиться в путешествие хотя бы до Тарантии?

— Вряд ли они захотят, — покачал головой Ойсин. — Это тебе не были бы дни, когда не было утоллка в Океане, куда не добралась бы карра с Островов. Однако, поколе живы такие мужи, как Бейдиганд, я еще надеюсь на новый рассвет над Островами.

— Но это будет уже иной рассвет, — грустно возразил Ллейр.

Они машинально повторяли за лоцманом все его маневры, и остров-призрак, обретая материальность, все выше поднимался над ними. Закат, уже загоревшийся над океаном, был скрыт громадой Най-Брэнил, и оттого абрис горы причудливо подсвечивался розовым и золотым. По фиолетово-серым склонам, обращенным к мореплавателям, из ущелий, ложбин и складок горы уже разливался темно-лиловый сумрак, неотвратимо, как вода, заполняя каждую выемку. И тем ярче

светили из-под этого фиолетового покрывала желтые огни замков, фортов и пристани, то ли даря гостей приветливым домашним светом, то ли выдавая алчбу новой добычи недобрым хищным глазом.

Наконец из оловянных вод, в серебряной кайме прибоя, показались черные спины гигантских базальтовых молов, словно это были живые морские создания, размерами и древностью в тысячи раз превосходящие селиорона. Огромный зверь, сопровождавший карру до прохода в первом рифовом барьере, будучи не в силах протиснуться сквозь него да и не испытывая особой нужды приближаться к острову, выпустил на прощание фонтан воды и пара и скрылся в глубинах. Ллейр и Ойсин были уверены, что подводное чудо не преминет дожидаться, покуда они вернутся в море, на прежний курс.

— Погода начинает портиться! Мы вовремя успели, месьюры! Перенести шторм в лабиринте перед Най-Брэнил не удавалось еще никому! — вдруг заявил с лодки старик, когда они входили в проход меж двух волноломов, перекрывающих один другого, как акулы челюсти.

На внутреннем волноломе возвышался маяк, и яркое пламя на верхней площадке билось и трепетало: с океана шел ураган. Ветер, прилетая с северо-востока, перепрыгивал через каменный щит острова и падал сверху на противоположное побережье либо обтекал гору стремительным холодным потоком, и море на рифах и отмелях лабиринта превращалось в настоящую мельницу пре-

исподней, дробя о скалы и шхеры лабиринта все, что имело несчастье оказаться в эти часы в его власти. Тучи быстро обкладывали небо, закат гас, задыхаясь под их плотными слоями, будто костер, который забросали землей. Остров окутывала ненастная ночь. Маяк нарочно воздвигли на внутреннем волноломе, ибо на внешнем натиск волн был столь силен, что находящиеся на маяке могли быть надолго — к примеру, в дни продолжительных осенних штормов — отрезаны от острова, а всякого, рискнувшего появиться в такую пору на внешнем молу, немедленно смыло бы в пучину, и участь его была бы ужасной.

Глава четырнадцатая

Внутренний рейд Най-Брэнил был столь же внушительен, как и иные сооружения этой единой огромной крепости. Весь военный флот Зингары с легкостью уместился бы в этой наполовину искусственной бухте, защищенной с восхода высоким коренным берегом острова, делавшим здесь крутую излучину, а с полудня и заката — великанскими волноломами, дату постройки коих не брался назвать даже Ойсин.

Ныне рейд был пуст, лишь немногочисленные небольшие суда для прибрежного плавания жались к причалам, предчувствуя бурю, которая была довольно сильна даже в гавани. Среди них выделялся как размерами, так и красой корабль с двумя рядами весел, строить каковые на материке перестали уже давно.

— Не это ли королевская байрема? — поинтересовался у старика Ллейр, когда карра и челн поравнялись, подходя к причалу. Конан знал по

рассказам моряков, что такие корабли некогда плавали по Закатному Океану, но вот как они назывались, этого он никогда не слышал.

«Красивые были корабли,— подумал киммериец.— А слово надо запомнить. Таких кораблей тут, наверное, немало. На этих Островах столько всяких древностей, сколько нет и в лавке тарантийского старьевщика, где отыщется даже гвоздь, на который некогда Эпимитриус вешал перед сном свой плащ».

На причале стоял сурового вида стражник с фонарем, кой стражник ростом, фигурой, с позволения сказать, прической и выражением лица напоминал Бриана Майлдафа, встретившего на узкой тропке какого-нибудь Монграта, четвероюродный несколько раз прадедушка коего триста сорок шесть лет назад за успешную попытку совершить свою жену прирезал столь же отдаленного и весьма косвенного предка Бриана. Правда, на стражнике были обычные туника под кольчугой, шерстяной плащ и штаны, а не горский наряд.

— Ты никуда не годишься, Калаган,— заявил старику стражник.— Едва не утопил важных месьюров оттого, что полз по протокам как улитка. Королю я ничего не скажу, но ты выставишь мне за это две кружки вина.

— Выставляю, выставляю,— насмешливо прокаркал в ответ лощман.— Надеюсь, что после них ты напьешься, свалишься наконец с причала, и ржавые железяки, которые на тебя навешаны, утащат тебя на корм рыбам.

— Прекрасный край! — обрадовался Конан, хотя слова эти были сказаны обычным для киммерийца тоном пророчества о близком конце света.— Здесь тоже пьют вино!

Против такого вывода, извлеченного из разговора двух старых пьяниц, ни Ллейр, ни Ойсин ничего возразить не смогли.

Откуда-то из портовых строений вышли еще стражники, вооруженные мечами и луками. Они перебросили с берега сходни для гостей и помогли, по указанию Ойсина, вытащить карру на берег — в таком положении легкое судно находилось вне досягаемости яростных волн.

— Похоже, наши предположения о запустении здешней крепости не оправдываются,— шепнул Ллейр, когда наклонился вместе с Ойсином за каррой, втягивая ее на берег.

— Это остров-призрак,— так же тихо отозвался Ойсин.— Не верь ничему, что видишь здесь, иначе мы не уйдем отсюда. Во всяком случае, уйдем не вместе.

— Почему? — не понял Ллейр, стараясь ничем не выдать охватившей его при этих словах товарища тревоги.

— Это просто. Потом объясню, без свидетелей,— буркнул жрец.— Нам стоит держаться поближе к киммерийцу. Он мыслит не так, как мы, и вовсе не хуже нас. У него другие знаки. Остров, надеюсь, не сможет сбить его с толку. Но и сами не будем беспечны.

Ойсин изъяснялся чем дальше, тем более смутно, и Ллейру ничего не оставалось, как подождать,

пока им позволят остаться без надзора. Но такового не предвиделось. Откуда-то сверху по крутой лестнице уже спешил дородный, но крепкий мужчина средних лет в богатой парчовой одежде и подбитом собольим мехом плаще. На груди у него подпрыгивал в такт шагам массивный золотой орден, изукрашенный самоцветами. Бархатный красный с серебром берет красиво возлежал на черных кудрях. Вслед за вельможей ритмично топал по лестнице караул из четырех солдат.

— Приветствую вас, любезные! Сколь вы вовремя! — загудел царедворец. — Признаться, мы ждали вас не ранее чем завтра. Благодарение богам, вы успели раньше бури. Калаган, надеюсь, достойно проводил вас?

— Благодарим от души вашего короля, вас и вашего лощмана, а также этих добрых людей, — вежливо, но с достоинством поклонился мужчине Ойсин. — Нигде в иных краях не видел я столь доброго участия к смиренным странникам.

— О, вы добры безмерно, — отвечивал нобиль. — Признаться, остров наш уже не тот, что был когда-то. Все брэнно на земле, и меркнут блеск и слава, но давних правил, предками нам данных, король наш никогда не преступал.

Лицо у месьора было крупное, породистое: лоб широкий и высокий, виски слегка выпуклые, брови прямые, тонкие и пушистые, глаза голубые, чистые, излучающие мягкий свет, нос большой, прямой и немного крючковатый, щеки приятно округлые, губы подвижные, но не расслабленные, очерк подбородка величавый. Одет был вельмо-

жа в длинную, до колен, синюю тунику, подпоясанную широким ремнем с серебряными украшениями, и черный плащ с рукавами, кои до локтя были разрезаны и свисали вниз. Плащ был оторочен золотом. На ногах у мужчины были чулки, перевязанные ремнем, удерживавшим на стопе кожаную обувь, более всего напоминавшую сандалии, ибо носок оставался при этом открытым.

— Отселе прошу вас следовать за мной, — пригласил их мужчина, — и ни о чем более не беспокоиться, что касается вашего проживания и иных удобств. Оружие ваше да пребудет при вас, ибо король не усомнился в вашей, месьоры, честности. Соблюдайте лишь закон.

— Тот, кто обнажит оружие в доме короля, и паче того в его присутствии или в присутствии членов его фамилии или в присутствии его советников и старшин... — начал Ойсин.

— Да-да, именно это, — с довольной улыбкой кивнул месьор. — Надеюсь, без позволения на то короля подобного не случится.

«Как бы не так, — ухмыльнулся про себя Конан. — Коли на то нужно соизволение короля, то я соизволю без заминки».

— Как нам следует звать тебя, почтеннейший? — обратился к вельможе Лейр.

— Королевский уитан Мейлах, — с достоинством отвечивал придворный, склоняя голову в представительском поклоне. — А теперь пойдёмте. Их величества ожидают вас.

— Ступайте, месьоры, — нежданно заслышался опять голос лощмана — все уж думали, что он уда-

лился хлебать эль.— Погода портится. Как бы ливень не застиг вас по пути к королевским покоем. Да и холодно. Посмотрите, как ежятся ваши тени на этих стылых стенах! Поспешите, у нас добрый эль! До скорой встречи, месьоры! Да сопутствует вам удача!

Старик, по обыкновению резко выкрикнув это напутствие, последний раз насмешливо сверкнул очами в свете факелов и, запахнувшись в плащ, быстро и широко зашагал по причалу прочь и скрылся в одной из многочисленных арок выходивших на море портовых строений.

— Вот уж пожелал удачи, нечего сказать! — не сильно обрадовался таким речам Конан.

— Не обращайтесь на Калагана внимания, месьор,— поспешил успокоить киммерийца Мейлах.— Он уже стар, хоть и остается лучшим лоцманом на Най-Брэнил, и порой позволяет себе сболтнуть лишнее. Но мы его не корим, поелику он безвреден, пусть вид имеет несколько зловещий.

— Не стоит извинений, месьор,— неожиданно для себя Конан заговорил ритмизованной прозой.— Такое с каждым может приключиться, как старость палкой стукнет о порог. Но он и прав: не след здесь прохлаждаться. Король нас ждет, так поспешим к нему!

Алейр и Ойсин с удивлением воззрились на киммерийца: Конан, как и всякий варвар, сиречь тот, кто воспитывался в традиции древнейшего кланового уклада, умел говорить медленно и велемечиво. К тому следовало добавить влияние дворцовых этикетов разных стран материка, мно-

гие из коих отнюдь не отличались простотой. Но чтобы киммериец изъяснялся с такой непринужденностью — этого они и во сне предположить не могли! Не хватало только, чтобы аквилонский монарх вооружился арфой и принялся импровизировать в изящном стихосложении! Впрочем, до этого дело не дошло. Но — и это Алейр и Ойсин также заметили — в самом воздухе острова было будто растворено нечто, что побуждало язык сплетать именно такие словесные кружева. Сам Конан, однако, ничего необычного, казалось, не почувствовал.

— А не расспросить ли нам по дороге этого Мейлаха, зачем нас здесь ожидают? — едва слышно обратился он к спутникам, когда они уже начали подниматься вослед за месьором по длинной винтовой лестнице, то уходящей вглубь склона, то вновь выходящей к широким стрельчатым окнам, смотревшим на предночной бурный океан.— Вернее, расспрашивайте лучше вы, у вас это легче получится, а я запомню дорогу к причалам и вообще присмотрюсь.

— Так и сделаем,— согласился Ойсин.— Алейр, я поведу беседу, а ты следи, чтобы я по недосмотру не выдал нашего неведения. Думаю, исподволь мы кое-что из него вытянем. Похоже, он не прочь поговорить и блеснуть своей осведомленностью в делах королевства... Любезный Мейлах! — окликнул он величественно выступавшего впереди месьора, держащегося прямо, будто мраморный памятник самому себе.

Тот с готовностью обернулся.

— Любезный Мейлах.— Ойсин сделал два раз-
машистых шага и поравнялся с царедворцем. Жрец
был на полголовы ниже, но выглядел Ойсин столь
впечатляюще значительно, что разница в росте
становилась незаметной.— Ужели состояние прин-
ца столь скверно, что врачи отступились и воз-
никла нужда прибегнуть к нашим услугам? Ведь
для вас, как мужа осведомленного, должно быть,
не тайна, что наши методы не слишком мягки...

— О да, о да,— с пониманием закивал головой
Мейлах,— но такова планида у принца нашего. Он,
бедный, немало испытаний претерпел еще и в дет-
стве. Но возрос, однако, он быстро и надежды
подавал великие, и дел его начало было славным.
И тут, когда уж было уверовали все в грядущий
свет, опять туман сгустился; и в нем тот луч ума
и воли, что принц собой являл, ужасно прело-
мился, как в зеркале кривом. О, лекари пытались
вмешаться в ход недуга, но бессильны остались
все их травы и кудеси. Тогда-то один советник
мудрый короля худое заподозрил. Хоть и слеп он
по старости, но видит зорче прочих, коль речь
идет о тайных кознях зла. Вот он и заподозрил,
что демоны и прочие исчадья коварной тьмы тер-
зуют принцу душу, и доказательства тому явил
советник. И он же немедля дал монарху знать о
том, где отыскать того, кто ныне в силе такой
напасти противостоять. Гонцов послали тотчас,
безотложно. О!..

— Благодарю,— прервал очередное восклицание
Мейлаха Ойсин.— Чем же уязвило душу и разум
принца темное жало? Искушение ли это, вожде-

ление, гордыня или нечто иное? — добавил он, как
бы рассуждая сам с собой и приглашая собеседника
высказать свою точку зрения.

— О, да! — отозвался Мейлах.— Поначалу док-
тора, да и все окружение, предполагали безумие,
помрачение рассудка из-за навязчивой идеи. Но
старик Дубтах — впрочем, не столь уж он и стар,
просто труды состарили его облик до времени, но
духом он тверд и зрел — распознал истинную при-
чину случившегося. Принца обуял особый вид сла-
догострастия — сладострастие познания, а отсюда не-
далече и до гордыни, и до удовлетворения через
власть, данную познанием, иных видов похоти,
поощряемой неумной гордыней. Сам Дубтах, как
он говорит, прежде вышел бы на поединок с тьмой
и в одиночку, коль скоро этого требуют интересы
королевства. Но теперь силы его уж не те, пусть
прежде он и был не последним в сей науке и даже,
поговаривают, состоял в Ордене. Он опасается
ухудшить дело своим неосторожным выступлени-
ем, посему и было послано за вами. Надо сказать,
вы успели как нельзя вовремя еще и потому,
что принц не далее как вчера вечером изволил
начертать мелом на полу одного из залов некие
знаки и объявил их отрывком из той рукописи...

— Какой рукописи? — с неподдельным любо-
пытством спросил Ойсин, и тут же получил чув-
ствительный тычок череном меча от Алейра.— Из
той самой рукописи? — немедленно поправился
жрец.

— О, да! — не желал изменять привычке Мей-
лах.— Из того самого трактата, кой приписывают

еще тем временам, когда Материк простирался далеко на полночь и закат, и Острова были плотью его. Конечно, трудно вообразить, что ветхий пергамент прожил несколько тысячелетий, посему большинство ученых мужей относят его к эпохе могущества Атлантиды...

— Но откуда столь великая редкость у принца? — Ойсин, кажется, нашел ниточку, за которую можно было начинать распутывать хитрый узел, завязанный призрачным островом. — Неужто на Най-Брэнил сохранилась неизвестная копия?

— Этого никто не знает, — развел руками царедворец, когда они уже преодолели долгий подъем и следовали теперь по длинной просторной галерее, узкими и длинными бойницами глядевшей с крутого каменного откоса. Внизу, в десяти локтях, к стене лепился карниз, по коему взад-вперед расхаживали часовые с факелами. — Как известно, на Островах остались лишь два больших книгохранилища, и только на острове Семи Городов хранилище поддерживается в должном порядке...

— Ну, это вопрос спорный, — усмехнулся Ойсин.

— О, да, — с пониманием произнес Мейлах и посмотрел на Ойсина так, будто хотел сказать: «Ну да, уж мы-то с вами знаем про все эти порядки»

— Так вот, — продолжил он, — второе находится...

— Здесь, — подхватил Ойсин. — И с некоторыми пор ходить туда стало, хм... — Ойсин выдержал паузу, — небезопасно, отчего мало кто теперь знает, какие богатства оно скрывает. Посему сии

кладези мудрости пребывают в небрежении, и лишь немногие жители Най-Брэнил самых преклонных лет, да еще и имевшие при этом дело с книгохранилищем, что-то помнят о нем...

Мейлах на сей раз с изумлением воззрился на Ойсина, даже сбился со своего величавого шага.

— Я наслышан о проницательности мужей Ордена, — вымолвил он, и было заметно, что губы вельможа разлепляет с некоторым затруднением, будто какая-то сила стремится немедленно сомкнуть их. — Но ведь сего не говорилось в депеше!

— Вам, должно быть, известно, — скромно рек Ойсин, также учтиво замедляя шаг, — что не всякие сведения о жизни Островов могут быть выставлены на обозрение постороннему, в том числе и в книгах. А знать о них тем не менее необходимо. Видеть то, что писано невидимыми для многих буквами — это моя обязанность, досточтимый Мейлах. Что до депеши, то спешу вас успокоить: ее больше нет, и никому, будь этот кто-то в тысячи раз проницательнее меня, уже не откроется эта подробность.

— Благодарю вас, — отвесил Мейлах поклон, на что Ойсин ответил ему также поклоном.

Они вошли в дверь, возле которой стоял караул, и снова стали взбираться по винтовой лестнице, на этот раз целиком находившейся в теле горы и освещенной факелами. Лестница была столь узка, что пройти по ней мог только один человек. Алеяр дернул Ойсина за рукав, давая ему понять, чтобы тот немного отстал от шествующего первым Мейлаха.

— Вопросы у меня множатся, как пчелы в улье, и происходит сие тем быстрее, чем дольше длится этот разговор,— зашептал он.— Что все это значит? Какая депеша? Какой Орден? Какие силы?

— Позже,— не слишком вежественно оборвал его Ойсин.— Я и сам пока многого не понимаю. Наше счастье, что этот малый не так умен, как желает казаться...

Подъем закончился в новой галерее, освещенной куда лучше нижней. Мало того, здесь было приятно тепло от расставленных жаровен. Галерея выходила в портик, потолок коего поддерживали мощные колонны из темно-красного гранита, украшенные резьбой. Из портика доносились смех и звуки беседы, а также тихие переборы струн: кто-то играл на китаре.

— Сейчас вы будете представлены их величествам,— тихо и торжественно проговорил Мейлах, остановившись у выхода в портик.— Позвольте узнать ваши имена, дабы соблюсти все приличия.

— Ойсин,— ничтоже сумняшеся, высказался жрец. Ллейр и Коннахт, едва переглянувшись, назвали свои имена.

Тень удивления и, как показалось Конану, некоторого сомнения пробежала по лицу Мейлаха, но тут же сменилась выражением осознания.

— Если вам угодно,— опять поклонился Мейлах, и они, в сопровождении караула и возглавляемые своим предупредительным провожатым, последовали в глубину портика.

По всей видимости, они оказались на подветренном склоне Най-Брэнил, понеже в портике было

тепло, и пронизывающие порывы разыгравшейся бури не тревожили пламя шандалов и факелов, а жаровни не щерились время от времени красно-желтым хищным жаром.

Повсюду были расставлены скамьи из дорогих пород дерева, укрытые пушистыми звериными шкурами. Маленькие переносные столики ломились от изысканнейших яств и напитков. Одетые в тоги могучие рабы и полуобнаженные одалиски разносили новые блюда и кувшины с вином, прислуживали за столом и убирали остатки пищи. Кости зачастую бросали на пол, где большие мохнатые собаки, довольно урча, делили с хозяевами трапезу.

* * *

Королевская чета разместилась в самом центре портика, где колонны расступались, открывая вид на ночной Океан, прекрасный в своем грозном величии. Черная маслянистая поверхность, словно чешуя гигантского зверя, волновалась там, внизу, будто зверь играл чудовищными своими мускулами. С черно-лилового неприветливого неба хлестал, не переставая, дождь. Но громада Най-Брэнил уже которое тысячелетие невозмутимо дила свой замысловатый дрейф, и вся ярость волн с легкостью перемалывалась каменными челюстями рифов, рассыпаясь и дробясь на мириады невосомых соленых брызг.

Королевская чета являла собой образец мудрости, благородства, достоинства и величия. Монарх был высок ростом и сидел на троне прямо;

ни малейшего изъяна не сыскал бы самый придирчивый взгляд в его осанке, хотя владетель Най-Брэнил был уже не молод. Если бы не удивительное долголетие жителей Островов, Конан не дал бы королю более пятидесяти. На челе его, высоким и чистом, лежала печать многих забот и многих печалей, что присуще правителю справедливому и совестливому; но несомненно было и то, что это чело человека, привыкшего превозмогать трудности и способного противостоять превратностям судьбы. Брови короля были пушисты и прямые, и было заметно, что им не свойственно сходиться грозно, ибо редки те случаи, когда монарх гневается. Из-под густых длинных ресниц лучились мягким светом большие серо-синие глаза, глубоко запавшие и обрамленные едва заметными серыми кругами, свидетельствующими о бессонных ночах, кои проводил властитель в трудах и раздумьях. Тонкий, с небольшой горбинкой хищный нос, что было свойственно коренным жителям Островов, показывал древность королевского рода. Мягкий очерк подбородка, упрямо сжатые тонкие губы, узкие скулы и немного впалые щеки — таков был портрет короля. К этому нужно было добавить великолепные длинные усы, концы коих свисали вниз, едва не доставая подбородка, и густые вьющиеся волосы, торжественно седые. В своей красной с золотом длинной тунике и роскошной голубой с серебром мантии, в высоком венце, похожем на шлем с крыльями, загнутыми назад, король словно пришел из далеких прошлых времен, когда люди были горды и равны богам.

Супруга короля выглядела моложе: это была стройная, довольно высокая женщина с небольшой тугой грудью, длинными густыми черными волосами и не столько красивым, сколько одухотворенным лицом, что делало ее прекраснее холодных прелестниц хайборийских дворцов. Нос королева имела курносый, подбородок острый и гордо поднятый, рот маленький и нежный, слегка приоткрытый, губы розовые, а скулы высокие. Лоб ее величества украшен был серебряным обручем с подвесками, а волосы убраны в гладкую прическу с прямым пробором. Глаза же у королевы были теплые, карие, с золотистыми искорками в глубине, внимательные и понимающие. Чистая же и белая матовая кожа делала королеву — по крайней мере, по понятиям Островов — истинной красавицей. Облачена королева была в зеленое, цвета майской листвы, платье с тонким золотым пояском, а на плечи, для защиты от ночной прохлады и сырости, был наброшен заколотый алмазной фибулой синий плащ, подбитый горностаями.

Мейлах, а за ним трое путешественников, почтительно приблизились к монаршей чете. Впрочем, Конан, сознавая, что здесь о его титуле никто ничего не знает, а также и то, что объявлять о нем не следует, все же держал себя с достоинством, без тени подобострастия: во-первых, потому что подобострастия не было в самой его природе, а, во-вторых, потому что и Ойсин с Алеиром вели себя весьма свободно — как-никак, а здесь они были представителями некоего грозного Ордена, хотя только Ойсин знал, что это за Орден.

Однако от самого этого слова, по особенному произносимого тем же Мейлахом, веяло таинственностью и властностью, так что лица троих пришельцев невольно приобрели выражение суровости и значительности, а круглолицый Ойсин вдруг и вовсе показался воплощением суровости. Между тем, возможно, таков он и был — Конан покуда мало знал его.

— Достославные воины Ордена к его величеству! — возгласил слуга.

Трое — впереди невысокий плотный Ойсин, а за ним плечом к плечу громадного роста широкоплечие Конан и Алейр — предстали перед владыками Най-Брэнил.

— Это, ваше величество, Ойсин, это — Алейр, а это — Конан, — по очереди представил их Мейлах, и все трое по очереди поклонились владыке.

— Приветствую вас, месьюры, — обратился к ним король. Голос у него оказался звучный, низкий и приятный. — Меня зовут Бренн, я король Най-Брэнил. А это моя супруга, королева Ниам.

— Приветствую вас, доблестные воины, — сказала королева, и голос ее был подобен прохладному шелесту зеленой листвы под весенним ветром.

Преклонив колено, все трое, один за другим, поцеловали поданную им с изяществом руку королевы.

— Не будем сегодня говорить о том, что печалит сердце мое, — объявил король Бренн. — Ибо сегодня у нас праздник — Праздник Костров.

— Сегодня мы возжигаем священные огни, едим мед и фрукты и всякие сладости! — добави-

ла королева Ниам. — Сегодня в полях — а некогда, очень давно, остров наш окружали поля — начинается сев. Неприхотливый вереск и нежная яблоня — вот растения этого дня. Сегодня заклинают огонь, пируют и играют свадьбы.

Отблеск факела упал на лицо Ниам, и Конан заметил, как вспыхнули счастливым светом давнего воспоминания ее глаза.

— Впрочем, если строгий устав Ордена воспрещает вам... — осторожно продолжила Ниам.

— Нет, не воспрещает, — отвечал Ойсин. — Орден борется с тьмой. Огонь — наш символ, союзник и средство.

— В таком случае мы просим наших достославных гостей сопровождать нас в эту праздничную ночь, — произнесла королева и одарила Ойсина — а может, Конана или Алейра — в том и состояло ее женское искусство, что сего невозможно было определить с точностью, — одной из самых чарующих своих улыбок.

«Недурна, — подумал Конан, — и умеет пользоваться своим положением: на всю ночь поставила беспокойных гостей на якорь. Не всякий якорь, однако, сдержит бурю», — усмехнулся он про себя.

— С превеликою охотой, — учтиво поклонился королеве Ойсин. — Но и в эту радостную ночь зло не оставляет своих козней, понеже граница меж мирами особенно тонка; даже будучи с вами, мы не должны оставлять в небрежении нашу миссию, — и он улыбнулся в ответ не менее таинственно.

«А жрец-то не прост, — подумал Конан. — Если этот Праздник Костров похож на киммерийский —

а для него как раз самое время,— то с кознями зла очень даже можно побороться, притом не без приятности».

Надо заметить, что в Праздник Костров на родине Конана свадьбы, конечно, играли, но в общем отношения между мужчинами и женщинами именно в эту ночь дозволялись весьма свободные.

Очевидно, и Ллейру было кое-что известно об этой ночи, потому что Конан, обернувшись к нему, услышав о Празднике Костров, столкнулся со встречным взглядом Ллейра, и во взгляде этом прочел усмешку и некоторый намек не то на предвкушение чего-то запретного, но сладкого, не то на стыдливость, или на то и на другое вместе.

Ойсин же, казалось, оставался абсолютно невозмутим, словно перевидал столько Праздников Костров и еще чего иного, что ныне все это его не волновало ни в малейшей степени. Впрочем, может и действительно перевидал?..

— Позвольте мне осведомиться, когда же начнется карнавал? — обратился Ойсин к королевской чете.

— Любезный Мейлах, все ли готово? — Король переадресовал вопрос придворному.

— О, да! — с неизменной готовностью отвечал Мейлах, почтительно склоняя свою красивую голову. — Мы ожидали лишь прибытия наших гостей и королевского соизволения, ваше величество.

— Не желают ли гости чего-либо, допреж чем начнется торжество? — участливо осведомилась Ниям.

— Думаю, чаша хорошего вина и немного фруктов нам не повредит, — отвечал Ойсин. — Все же морские путешествия требуют немало усилий, — пояснил он свою просьбу.

Король кивнул, Мейлах хлопнул в ладоши, церемониймейстер кого-то кликнул, и мигом появились низкий круглый столик, три складных переносных стула, блюда с разнообразнейшими фруктами, орехами, свежим хлебом, медом и кубками с вином.

«Нашел, что попросить, — посетовал про себя Конан. — Я бы не отказался от доброго куска мяса!»

Король Бренн словно бы угадал мысли киммерийца.

— Не желают ли гости вкусить чего-либо более плотного? — спросил он, по-отечески наблюдая за тем, как трое здоровых, изрядного телосложения мужчин пытаются подкрепить силы столь легкомысленной трапезой.

— Нет-нет, — снова опередил всех с ответом Ойсин. — Мясная пища не способствует остроте мысли, а сие будет нам вскорости — а, как знать, может, и во время празднества — необходимо.

— Что ж, — не стал настаивать король, — вероятно, это так. Мне нужно будет учесть это: королям ведь тоже потребна острота мышления. — Он с улыбкой взглянул на Ниям.

— Конечно, самую малость, — лукаво взглянув на мужа, отвечала та.

Расправиться с фруктами и вином для троих весьма проголодавшихся мужчин не составило труда. Конан привык обходиться малым, поэто-

му не стал препираться с Ойсином, который, похоже, не только среди них троих, но и на всем острове оставался единственным, кто хоть что-то понимал в происходящем.

«У них какая-то напасть с наследником престола,— думал Конан о Бренне и Ниям,— при этом напасть, которая грозит целому королевству, а они веселятся!»

— Мы готовы, ваше величество,— объявил Ойсин, обстоятельно дожидаясь последнее яблоко.

Остатки трапезы незамедлительно исчезли, и церемониймейстер провозгласил:

— Праздник Костров начался!

Глава пятнадцатая

Вотт же миг музыканты заиграли очень старый мотив, подобие коего Конан слышал и в Темре, и в Киммерии. Обычно в этот момент появлялись жрецы. И точно: пир кончился, все рыцари и дамы привели себя в надлежащий порядок и были исполнены, казалось, вполне искреннего благоговения и торжественности. Со стороны площадки, выходящей на море, с двух сторон появились две колонны жрецов: справа — мужчины, слева — женщины. На них были широкие просторные одежды, напоминавшие мантии. Мужчины были в белом, женщины — в красном. Высокий седой старик с длинной бородой, шедший первым, нес в руках большой стеклянный шар, оплетенный сеткой. Изнутри шар светился, переливаясь, мягким голубым и синим светом. Остальные, идущие следом — среди них были и мужи зрелого возраста, и юноши — несли высоко поднятые горящие факелы. У верховной жрицы — высокой худощавой женщины с длинными, схвачен-

ными золотым обручем светлыми волосами — в левой руке была цветущая яблоневая ветвь, в правой — факел. Следующие за ней женщины и девушки, многие из коих были очень красивы, и у всех были золотые украшения, также несли факелы, ветви деревьев и колосья многообразных трав — преобладали же яблоня и вереск.

Процессия остановилась у заранее приготовленного слугами большого круглого очага, представлявшего собой выемку в полу. Обратившись друг к другу, старик и верховная жрица встали с противоположных сторон будущего костра. Старик торжественно нараспев начал произносить какие-то заклинания или молитвы, а все прочие жрецы и жрицы иногда подхватывали их. Язык не был новым для Конана, ибо это был язык атлантов. Киммериец не успел выучить его — да и не имел в этом большой надобности, — но по звучанию отличил бы его от любого иного.

Потом откуда-то сверху спустился на тонких, но прочных цепях медный обруч, в который жрец и поместил свой шар. Должно быть, это был какой-то очень знаменательный момент, поелику все жрецы и жрицы издали троекратное восклицание и пали на колени, склонившись. Засим старику передали факел и, стоя так, он и верховная жрица стали попеременно выпевать красивыми звучными голосами священные гимны. Голоса то звучали одиноко, то переплетались, иной раз споря, а иной раз дополняя друг друга. Наконец они слились воедино и, подхваченные голосами остальных, завершили богослужение. Факелы в руках

жреца и жрицы, скрестившись, погрузились в очаг. Дрова были достаточно сухими, чтобы загореться безо всякого масла, и вспыхнули мгновенно.

Порыв ветра, ворвавшегося в створ между рядами колонн, раздул огонь и бросил вверх его веселые жадные языки. Вот один из них лизнул шар, и Конан подумал, что стеклянный резервуар не выдержит и лопнет от жара, но тут случилось нечто чудесное. Шар, продолжая играть всеми оттенками голубого и синего, сам собой плавно взлетел над огнем и, увлекаемый малейшими колебаниями воздуха, поплыл по портику, словно сухой осенний лист, то поднимаясь немного, то вновь опускаясь.

Все, не исключая короля и королевы, внимательно следили за этим полетом, и Конан невольно поддался завораживающим переливам синевы, но тут почувствовал легкое прикосновение. Не поворачивая головы, киммериец посмотрел направо. Это был Ойсин. Почти неслышно, одними губами, жрец произнес:

— Сейчас начнется карнавал. Ты должен быть рядом с королевой.

Конан хотел было возмутиться, но решил, что сейчас не время. Ойсин, конечно, имел какой-то план, но не вредно было посвятить в него и Конана с Ллейром. К тому же еще неизвестно, верно ли истолковывал жрец свои книги, примеряя их к происходящему, то ли наоборот, примеряя происходящее к своим книгам.

Ухватив Ойсина крепче за рукав, словно тот хотел убежать куда-то, оставив спутников в пол-

ном неведении, Конан так же неслышно, но с недвусмысленным выражением лица, спросил:

— Я хочу знать, зачем все это!

Ответить Ойсин не успел. Синий летучий шар по неизвестно чьей прихоти, постепенно опускаясь, подплыл к гостям и завис прямо над Конаном и Ойсином. Киммериец не любил, когда у него над головой в непосредственной близости висели всякие странные предметы — и у него были на то свои резоны, — поэтому он инстинктивно, отпустив наконец рукав Ойсина, поднял руки и просто схватил шар, что при его росте не составляло труда. Шар оказался теплым, приятным на ощупь и по-прежнему переливался. Внутри там явно горел неизвестно как поддерживаемый огонь. Серебристая крупноячеистая сетка, в кою шар был помещен, была удивительно легка и тонка.

Сотни пар глаз, неотрывно следивших за полетом шара, обратились на Конана. Киммериец стоял, облапив непонятную реликвию. Недолго думая, киммериец просто вручил шар королеве, не найдя сказать ничего лучшего, чем:

— Воистину, о королева, вы должны быть королевой этого праздника.

К счастью, ничего предосудительного тем самым киммериец не совершил. Ниам, мило улыбаясь, привстала и приняла подношение, заметив при этом:

— Оказывается, воины Ордена не столь суровы, как о них говорят...

— Разумеется, ваше величество. Мы гораздо более суровы, чем о нас говорят, — вывернулся

Конан. — Иначе красота, — следуя, все же, совету Ойсина, он посмотрел прямо в глаза королеве, — останется без защиты.

— О, как вы любезны, — хохотнула Ниам, показав великолепные жемчужные зубы. — В таком случае, как провозглашенная вами же королева праздника, я приказываю вам сопровождать меня в течение этой ночи. Карнавал подобен бурному морю там, внизу, и мне необходим надежный спутник.

— Если его величество не будет возражать... — не то что опешив, но немного удивляясь такой откровенности в присутствии законного супруга, скромно заметил Конан.

— Я король над островом, я король в любой день и в любую ночь, — покровительственно улынувшись, провозгласил Бренн. — Но я не король сегодня, и не я король на карнавале. Карнавал — это король сам себе, и горе тому, кто смеет ему возразить! А сейчас...

Бренн сделал знак Конану немного отойти и подождать. Тем самым она дала понять, что надлежит соблюсти еще кое-какие правила Праздника Костров.

— Что скажут верховные жрецы? Какой знак дали нам боги? — пророкотал под высокими перекрытиями портика его мощный густой голос и укатился куда-то в лабиринт колонн.

Старик с бородой и женщина — верховная жрица почтительно приблизились к трону.

— Знак богов благоприятен, — начал старик, и только тут Конан заметил, что он слеп!

Зрачки старика безжизненно замерли, вперившись невидящим взором в пространство перед собой. Однако двигался верховный жрец — имя его было Дубтах, судя по речам Мейлаха, — будто бы видел все как днем.

— Пелен-тан, — так, очевидно, называли голубой шар, — не покинул пределов дворца. Он нашел верные руки — руки воинов Ордена. Ордену суждено одолеть зло, тень коего пала на Най-Брэнил. И мир, кой будет добыт в этой битве, будет вручен ныне правящей чете. Иного я не скажу, — заключил Дубтах.

— Промысел богов туманен, — заговорила жрица, и с первых слов стало ясно, что она возражает Дубтаху, хотя и старается скрыть сие сколь возможно. — Путь пелен-тана был долог и извилист, и — кто знает? — возможно, ему было суждено продлиться, если бы гость, не ведающий обычая Най-Брэнил, не прервал его. Воля богов была нарушена, но не жителями Най-Брэнил и не столь дерзко. Так или иначе, гнев богов падет не на Най-Брэнил. Но и участия богов в судьбе нашего острова ждать не следует. Эта судьба вручена женским рукам, и от женщин придет спасение, если ему суждено прийти!

Лицо верховной жрицы оставалось бесстрастным, но черные бездонные глаза ее пылали затаенным жаром.

Все замерли, ожидая слов короля.

— Я зрю во всем этом добрый знак, — рек Бренн, вставая во весь свой немалый рост. — Боги покровительствуют королеве Ниам и прибывшим к нам

воинам Ордена. И боги велют нам самим трудиться, не покладая рук и не полагаясь лишь на волю богов, на благо Най-Брэнил. И не должно нам противиться высшей воле. Пусть праздник, что начнем мы немедля, станет свидетельством нашего почитания богов и верности законам Королей. Я, Бренн, король Най-Брэнил, сказал так!

* * *

Карнавал начинается! — возгласили в портике в который уже раз. Теперь это, кажется, сделал церемониймейстер.

«Ну, коли челядь сказала, что карнавал начался, значит, он начался», — подумал Конан и досадливо прикусил губу. Нет, он ничего не имел против королевы Ниам: королева предстала женщиной привлекательной и полной всяких иных достоинств, но вот объясниться с Ойсином и Ллейром он так и не успел.

А карнавал и вправду начинался. В мгновение ока куда-то исчезли столики и лавки, пол был чист, собак увели. Пропали, словно в воздухе растаяли, жрецы и жрицы. Что самое удивительное, подевались неизвестно куда и многочисленные придворные, только что пировавшие здесь и внимавшие королю и жрецам. Впрочем, последний секрет раскрылся легко: в затемненном пространстве меж колоннами киммериец углядел что-то вроде ширмы или шатра. Должно быть, там и облачался для празднества местный высший свет.

А праздник грянул: мощный, как водоворот, захватывающий, яркий, как тысяча костров, сyp-

лющий искрами и брызгами веселья и неистовства, безудержный, как горный поток, лукавый, коварный и непредсказуемый, как странствие, и ослепительный в своей кричащей нелепости, как сон.

Из леса колонн в центральный проход выехала колесница, запряженная четверкой. Лошади были самые настоящие, и серебряный звон их подков рассыпался по портику, словно бы падали и звенели серебряные монеты. Возницей был ужасного вида огромный чернокожий в набедренной повязке с золотым кольцом в носу и грубыми, но опять-таки золотыми браслетами на запястьях, весь расписанный разноцветной краской. Ужасным делал его оскаленный рот, кой и ртом-то назвать было затруднительно, скорее это была пасть, как у гигантского нетопыря.

Рядом с возницей стоял величественный король в сияющей, украшенной самоцветами короне. Сей царственный муж ростом превосходил даже своего возницу и был, пожалуй, не ниже Конана или Алейра. Одет он был в шитую жемчугом и серебром парчу и шелк, и даже в черную смоляную бороду его были заплетены золотые нити. Густые черные брови владыки были сдвинуты грозно, а очи метали молнии. Но из огромного золотого рога, кой держал он в руке, сыпались золотые монеты, и согбенные, ряженные в лохмотья и отрепья косматые варвары с мечами и дубинами, с жадностью хватали золото и дрались из-за него, а потом падали подобострастно ниц, провожая монарха приветственными воплями. Внезапно король из-

влек откуда-то из складок роскошной своей мантии серебряную трубу, поднес ее к губам и протрубил. Звук при этом был такой, будто петух прокукарекал.

Моментально варвары перестали заниматься междоусобицей, но тут же выстроились ровными рядами и полезли на колесницу, стараясь стащить с нее короля. Из-за спины карнавального монарха вылезли двое стражников в блестящих латах и кольчугах с копьями и мечами, и между ними и нападающими началась схватка. Лошади были остановлены, дикари лезли и лезли на повозку, и хотя воины и сам король искусно отбивались, нападавших было много больше. В конце концов они выкинули из колесницы и короля и стражу, саму повозку разломали, а коней увели. Потом они сорвали с короля его одежды, обобрали воинов и сами нарядились в парчу и шелк, кои успели разорвать на части во время дележа. Вид у них в этих одеждах, которые они вдобавок ко всему совершенно не умели носить, был до того потешный и нелепый, что даже серьезный Ойсин не выдержал и прыснул со смеху. Король Бренн улыбался уголками рта, но улыбка эта показалась Конану горькой. И тут же Конан с неудовольствием заметил, что слишком увлекся лицезрением представления, и королевы Ниам на ее месте рядом с королем уже нет. Резонно предположив, впрочем, что так или иначе Ниам объявится на карнавале, Конан вернулся к созерцанию торжества.

А посмотреть было на что. Варвары продолжали свои буйные торжества и пляски, прыгали

через разоженные костры и пили из огромной бочки хмельной напиток, зачерпывая его гигантскими кружками и рогами, когда вдруг прямо с неба — а так можно было бы сказать, если бы Конан не знал, что над портиком есть мощные перекрытия, и еще далеко вверх уходят склоны Най-Брэнил, — спустились, скользя по невидимым нитям, создания ночи и луны с огненными или серебряными длинными растрепанными волосами, одетые в такие туники и юбки, что неизвестно, как эта одежда держалась на их молодых прекрасных телах, поддерживаемая немыслимым по тонкости переплетением ремешков, ленточек и шнурков. Это были колдуньи и ведьмы. Не долетев пару-тройку локтей до земли, они спрыгивали вниз с пронзительным визгом и вовлекали пирующих варваров в дикую и сумбурную пляску, чему дикари были весьма рады.

Музыка играла не переставая, и приобрела теперь быстрый, даже бешеный темп, наполнившись резкими, пронзительными нотами, каковые тем не менее слитно составляли зажигательную мелодию.

Инструменты играли звучно и четко, будто обещающая впереди нечто и вовсе невообразимое и мистическое, плели свое звенящее кружево, словно сужая круги к неведомому центру. Ритм же задавали глухо рокочущие ударные, и был он словно поступь рока, завораживающим и неотвратимым.

Тем временем игры и пляски дикарей с ведьмами обещали вот-вот превратиться в настоящую оргию, поелику разоженные хмелем и похотью

могучие воины принялись преследовать своих неожиданных подруг, но ведьмы, вроде и не сопротивляясь, в последний момент ловко уворачивались от жадных объятий и цепких рук, еще более распаляя тем самым своих обожателей. Когда, казалось, забавы эти достигли апогея, и один из мужчин, торжествуя, наконец схватил свою пассию и готов был уже овладеть ею, да и она нисколько не возражала против этого, музыка, завершив последний круг, рухнула в пропасть тревожным резким аккордом.

В полу разверзлись трещины, и оттуда полезли черные человекоподобные твари с когтями, кожистыми крыльями, в перьях и в чешуе, с шипами и гребнями, с волчьими и змеиными, а также и с человеческими головами, в масках и шлемах и без оных.

Это черное воинство, как саранча, рассыпалось по портику, и изрядно пьяные и застигнутые врасплох варвары оказались всюду тесными черными и падали, сраженные топорами, копьями и мечами. А черные, рассеяв и повергнув свирепых дикарей — только кое-где шла еще, затухая, битва, — приступили к тем же забавам, что и побежденные ими, сиречь затеяли недвусмысленные игры с колдуньями. Только вот хмельного черные не пили и бочку с напитком изрубили топорами, а содержимое вытекло, о чем Конан искренне сожалел.

Однако и черным не удалось побесчинствовать вволю — а были они куда грубее развеселых дикарей. Те плясали, пели и пили, затевали с ведьмами игры, а демоны оказались лишенными вся-

кой фантазии: просто ловили колдуний, будто охотники загоняли дичь, даже сетями накрывали, и потом пытались взять пойманных силой. Но на силу нашлась большая сила. Музыка, при появлении черных ставшая резкой, визгливой и жестокой, заиграла таинственно и зловеще. В воздухе слышалось слабое дуновение, и словно бы глухой шепот пополз из-за колонн, а тьма меж них сгустилась будто бы сильнее, и только темно-красные сполохи жаровен иногда разрывали ее. Черные почувствовали что-то, растерялись, оставили женщин и стали жаться к центру, боязливо озираясь.

И вот вдруг откуда-то слева и сзади выдвинулось нечто огромное, в пятнадцать локтей ростом, закутанное в непроницаемо-черного цвета балахон, но очертаниями все же сходное с человеческой фигурой. Одновременно в воздухе закружились серые дымы, поплыли легкие облака, повеяло неким почти неуловимым запахом, и то ли от музыки, то ли от запаха курений, то ли от картины вообще в душу закралась горькая безысходная тоска, будто происходящее было последним, что ждет мир, и будто бы целая стая невидимых и неслышимых, лишенных формы и цвета мерзких существ окружила киммерийца, следя за каждым движением, подслушивая каждое слово, каждый вздох и каждую мысль. И все нити от этих невидимых и от черных тянулись к Тому, Кто был одет в черную мантию.

Выдвинувшись в центр площадки, великан воздел вверх руку с плетью, и черные и ведьмы

пали ниц, корчась и раболепствуя. А колосс стал бесшумно разворачиваться, и вот-вот должен был открыться его ужасный лик...

В это время в музыку, ставшую громкой и торжественной, но пустой и замкнутой на самое себя, вплелась новая тема, постепенно прорастая, словно первая травинка пробивается сквозь мерзлую землю и лед. Сверху, пройдя прямо перед Ойсином, Алейром и Конаном, спустилась карра. На руле сидела прекрасная дева в шлеме, облаченная в легкую чешуйчатую броню, а лицо ее было скрыто позолоченной полумаской. На чем крепился небесный корабль — ведь должен же он был к чему-нибудь подвешиваться! — киммериец так и не заметил. Дева-воительница остановила челн подле троих гостей и рекла:

— Черный владыка пришел на землю. Разве не чувствуете вы его пагубную волю? Кто, если не доблестные воины, повергнет его?

Конан оглянулся назад, туда, где должен был стоять трон, где только что сидел, развлекаясь представлением, король Бренн... Ни трона, ни короля Бренна, ни колонн, ни портика не было. Черная, словно выжженная степь тянулась до самого горизонта, лишь кое-где гладкость ее возмущали силуэты курганов. Киммериец оглянулся, чтобы стряхнуть наваждение, но и впереди больше не было колонн, не было и выхода к морю, да и моря никакого не было. Та же черная степь убегала к близким горам, встававшим до небес. Медные горячие огни костров недобро сверкали с возвышенностей. Волчья пасть ущелья, скалясь,

точно клыками, белыми столбами, означавшими проход, пересекала склон центральной горы, окаймляющейся двумя огромными вершинами. Черная фигура надвигалась оттуда, но была она еще выше, нежели маскарадная.

Карра, ведомая серебристой небесной девой, плыла по воздуху напрямик на эту черную громадину, а великан двигался навстречу, и тьма, которой он был окутан, глотала пространство словно бездна. И тут Конан узрел наконец его лик. Был он невыразимо прекрасен и бледен, но в красоте этой крылось такое безобразие, что глубина его была сравнима разве с той бездной, кою являло его тело. Два черных зрака горели черным огнем, словно каленым жалом прожигая пространство и время, достигая вершин и недр естества, и то был не взор хозяина, но взор деспота, ибо требовал и жаждал обладания всем и вся.

Киммериец что есть силы ущипнул себя, но кошмар не сгинул. И летающая карра, и дева в латах, и черный гигант с бледным ликом — все было ощутимо и действительно.

«Похоже, что я не сплю,— рассудил про себя Конан.— Будь славен Кром, мой меч при мне!»

— Слушай, Ойсин.— Он тронул за плечо замершего Ойсина.— Это тоже из твоих книг? Или мы провалились куда-то еще на этом ненормальном острове?

— Похоже и на то, и на другое,— глухо отозвался жрец.— Два фарсинта тому назад я готов был объяснить тебе все до мелочи, а теперь и сам ничего не понимаю. Похоже, мы набрали на та-

кую диковину, коя давно уже позабыта всюду. Но она исчезла так давно, что я не верю, что она еще где-нибудь осталась...

— Да что же это за диковина? — прошелестел, не отрывая взора от приближающегося великана, Ллейр.

— Действо,— отозвался Ойсин.

— Как? — не понял Конан.— Ладно. Ты мне лучше скажи: мы должны драться с этим все-рьез? — Он кивнул в сторону гиганта.

— Не знаю... Трудно судить,— смешался Ойсин.— Если бы только это действо не было столь древним...

— По-моему, биться надо всерьез,— вмешался Ллейр.— От него исходит *такое*, что краген, с которым нам предстоит сразиться, просто собачонка по сравнению с ним. Если бы я не знал, что владыка тьмы уже был низвергнут некогда, я бы посчитал, что это — именно он.

— А это он и есть, если манускрипты не лгут. А манускрипты альвов вряд ли лгут,— рек Ойсин.

— Ну, тогда...— Глаза Ллейра полыхнули стальным блеском. Воин Зеленого острова потянулся к мечу, и тяжелый клинок заплясал у него в руках словно тросточка в пальцах жонглера.

— Он действительно что-то вроде Сета? — обратился Конан к Ойсину.

— Много хуже,— извлекая свой меч, отвечал жрец.

— Тогда и вправду дело плохо,— сказал киммериец, в свою очередь вытаскивая из ножен меч.—

Последнее время мне попадают какие-то необычные соперники. То ли людские воины измечали и боялись выходить против меня, то ли я кому-то сильно досадил, и на меня насылают всяких мерзких тварей, то ли Эпимитриус был прав, и мне теперь всю жизнь предстоит побеждать зло... И первое, и второе, и третье очень близко к истине. Хотя, если мне суждено побеждать, то я не против.

Воздушная карра и черный великан поравнялись. Конан, привыкший, что всяческие порождения мрака и бездны и обличья имеют мерзкие и ужасные, был несколько удивлен писаной красотой лика их противника — отца зла, как убеждал Ойсин. Удивлен, но не озадачен и уж тем паче не сбит с толку. В конце концов этот прекрасный бледный лик с пылающими глазами мог оказаться не более чем просто личиной, скрывающей пропасти похуже подземелий Тсота-Ланти.

Решив для себя все эти вопросы, кои могли отвлечь его от самой битвы, король Аквилонии успокоился и ныне был занят только одним вопросом: как победить черного великана?

Насколько разумел Конан о способностях подобных созданий, у них запросто могли обнаружиться хоботы, присоски, клешни, десять рук, когти, пятнадцать голов, рот где-нибудь пониже пупа, полный зубов и клыков, и иные прелести. Но у этого, пусть и был он могуч и чуть не всемогущ — отец зла, опять-таки! — было лишь две руки, вполне обыкновенные, насколько Конан успел заметить. Руки эти, однако, были подобны

двум крепким узловатым древесным стволам изрядной длины и хорошего обхвата — десяток лесорубов трудились бы над такими полдня, но это были две руки против восьми и руля. В одной руке гигант держал огромный молот, по всей видимости стальной, в другой — меч.

«У него даже щита нет! — не то что обрадовался, но как-то не без приятности подумал киммериец. — Окажись эта девица на руле поискуснее, я разрисую ему лицо так, что пикты испугаются», — продолжил он свои мимолетные размышления, в то время как карра сделала крутой вираж, уходя от удара молота. Пройдя в локте от лодки, которая накренилась при этом так, что трое стоящих в ней чудом не сорвались вниз, уцепившись за штаги, поддерживающие мачту, молот грянул по гранитной глыбе, подвернувшейся внизу. Гранит брызнул во все стороны мелкими осколками и пылью. Когда это облако рассеялось, глыбы больше не было, а в земле образовалась глубокая воронка правильной формы.

«Силен, — рассудил Конан. — А Митра, должно быть, посмеется, увидев, какие узоры я нарисую на этой маске. Пусть это будет не слишком тонко, зато выразительно — по крайней мере именно так Евсевий определяет киммерийское искусство», — размышлял Конан, завершая идеальную дугу, кою описал его меч, там, где под непроницаемо черным плащом темного бога — а, пожалуй, дух, наделенный такой мощью, был не слабее нордгеймского Имира, — должно было скрываться бедро. «Надеюсь, я не придумал ничего богохуль-

ного», — завершил он мысль, вытаскивая меч из удивительно плотной и вязкой субстанции, которой оказалась одежда великана и то, что было под ней или единым с нею.

Одновременно мечи Алейра и Ойсина обрушились на плоть великана где-то поблизости от места, задетого мечом аквилонского короля. Видимых изменений это не произвело, но низкий, вибрирующий, мощный звук, похожий не то на рев, не то на стон, изшел от гиганта. Он мог быть поражен! Он был ранен обыкновенными мечами!

— Слава великим воинам! — возгласила серебряная дева, и лик ее озарился радостью и праведным торжеством. Казалось, огонь и свет происходили от нее, и крылатая их ладья и они сами были освещены и освящены сим светом, и оным же поддерживалось на воздухах и судно. — Мало кто мог поразить это порождение мрака, вы же избраны для сего!..

Но договорить великан ей не позволил. Его огромное тело оказалось удивительно, колдовски проворным и разворотливым. И вот уж меч, тускло блещущий в сером свете далеких, засыпанных вселенской пылью звезд, чертя пламенеющую темным жаром линию, понесся встреч лодке, и столкновение мнилось неминуемым, но опытный в судовождении Ойсин не растерялся и бросился на помощь деве, словно всю жизнь управлял кораблями не только морскими, но и небесными. Карра, клюнув носом, увалилась вниз, и ужасное лезвие, пышущее подобно сотне жаровен, лишь срезало верхушку мачты, на коей крепился па-

рус, обдав огнем воздушных мореходов. Обломок мачты дымился, и сам ствол ее был горяч, но клинок и лодка уже неслись в противоположные стороны, стремительно удаляясь друг от друга.

Меч же по ходу удара, коего не могла остановить даже побудившая его рука, пройдя как горячий нож сквозь масло, разрезал вершину случившейся по соседству скалы, и этот обломок весом в мириады фунтов отлетел в сторону.

«Ну, камнями швыряться — дело не хитрое, — усмехнулся киммериец.

Лодка меж тем, потеряв высоту, теперь резко взмыла вверх и успела проскочить под мышкой у черного бога, покуда тот поворачивался, пытаясь настичь хитрых и назойливых противников мечом или молотом. Срубленное ветрило рухнуло вниз, мелькнув из темноты снежно-белым полотнищем, но это уже не заботило храбрый и воодушевленный экипаж. Алейр молниеносно вытянул вперед десницу, и меч его вошел острием как раз туда, в подмышечную впадину, где рука исполина соединялась с туловом. И новый тоскливый и яростный вой потряс воздух и твердь земную.

А карра мчалась все выше, по восходящей спирали, словно дорога взбирается на гору, огибая непомерного своего противника сзади, чтобы выскочить неожиданно у самого его лика. Так и получилось, но и черный колосс не дремал. Едва лишь лодка вывернула из-за скулы и очутилась в поле зрения его, как немедля встретили ее меч и молот. И се, стремясь скреститься, чудовищные орудия эти сближались, ровно две гнетущие скалы,

и чрез проход между оными пролегал единственный путь карры. Вихрь свистел в ушах и развевал светлые волосы Алейра, и топорщил жесткие непослушные черные волосы киммерийца. Лишенная мачты и паруса, карра, влекомая лишь силою светлого волшебства и воли, скользила туда, к роковому проходу, где героям и прекрасной их провожатой было суждено или сгинуть, или прорваться для решительного удара.

Меч и млат встретились с мерзким железным лязгом и скрежетом, точно сомкнулись клыки в пасти огромного волка, выбросив фонтан жалящих разноцветных полыхающих искр. Руль карры оказался меж лезвием и бойком и был срезан и смят, но лодка осталась невредимой. Лезвие меча прошло в сенне от рук девы, и так сотряслась их ладья, что Алейра и Ойсина бросило этим толчком на дно, однако Конан, устоял, и вот уже бездонный гибельно-черный глаз властелина тьмы неуклонно рос, приближаясь, словно бы втягивая Конана вместе с челном в свой омерзительный колодец.

Но киммериец был спокоен. Время для единственного удара пришло.

— Рази, герой! — выкрикнула небесная дева, и глас ее прекрасен был и подобен тысяче голосов, коими глаголют светлейшие среди богов.

«И без тебя знаю, когда разить и кого, — весьма нелицеприятно для посланницы небес помыслил Конан. — Пока мы долетим, если этот красавец не ухитрится как-нибудь перехватить нас — мечом ли, колдовством ли, — я успею добраться

до кормы и заткнуть тебе рот, благо руля у нас теперь все равно нет!»

Воплощать таковой замысел киммериец, однако, не стал, но, стараясь не обольститься противоестественной прелестью бледного лица и не смутиться колдовским взором пылающего ока, выждав до последнего, полоснул мечом крест-накрест, разрезая этот ненавистный глаз, будто перечеркивая его отточенным стилосом на свитке времени...

Ужасающий, громовой рев и вопль, полные безысходной тоски и бессильного злобного гнева, были ответом этому удару, но он быстро растаял где-то за кормой, и карра, неся свой доблестный экипаж, канула во тьму...

* * *

В сей же миг все исчезло. Конан, Алейр и Ойсина восседали все же в челне, но был то не настоящий челн, а лишь носилки, поддерживаемые дюжими рабами. На корме того же балаганного суденышка устроилась королева Ниям, облаченная, и вправду, в серебряный чешуйчатый доспех, но составлен сей доспех был из расшитой серебром ткани и мишуры. Вокруг бушевало празднество. Пылали костры, множество людей в одеяниях богов, героев и воинов, а равно и простолюдинов и рабов, а также ведьм, ведунов, колдуний и демонов, а еще в облачениях и личинах различных животных и птиц и иных ведомых и неведомых тварей плясали, пели, бродили, оживляя в подробностях — сообразно способностям — избранный

облик, предаваясь веселию и отдаваясь всецело стихии карнавала. Чучело пятнадцати локтей высотой, запеленутое в черную мантию, догорало посреди площадки.

Конан привстал, недоуменно озираясь. В руках у него был меч, кой он, выходя, обнажил в присутствии короля в чужом замке, что было недопустимо и каралось повсеместно строжайшим образом, от Ванахейма до Черных Королевств и от Зингары до Гиркании.

В том же положении оказались и Алейр с Ойсином, кои, отброшенные последним ударом на дно лодки, ныне изумленно выглядывали наружу. Король Бренн восседал на своем троне, благодушно и несколько рассеянно наблюдая за празднеством.

Искренний, заразительный и звонкий смех королевывернул Конану способность понимать окружающее.

Ниама в этом наряде, выгодно подчеркивающим достоинства ее фигуры и пленительность ее плеч, была чудо как хороша. Здоровый свежий румянец играл на ее щеках, волосы же несколько разметались и выбились из прически, так что дворцовой чопорности и холодности не осталось и следа, а о небесной деве-воительнице, лучезарно неприступной, напоминал только тонкий меч на поясе королевы. Меч, впрочем, был самый настоящий. Глаза же Ниама по-прежнему сияли огнем, но то был уже не огонь горней чистоты и горнего гнева, но таинственный огонь, дарованный дочерям земли.

Теперь перед Конаном была не царствующая особа и не посланница сонма божеств, но простая земная женщина, великая в своей простоте.

— Три удара! Они выдержали три удара и сами нанесли столько же, да еще и победили! — смеясь, радостно и задорно восклицала Ниама.

— Так это был обман? — серьезно и несколько мрачно спросил монарх аквилонский, отправляя меч туда, где в стенах замка ему было самое место — в ножны.

— И да, и нет! — продолжая смеяться, отвечала Ниама. — Вы же сами согласились на участие в празднестве! Но это же кар-на-вал! — раздельно произнесла она, словно разъясняла что-то непонятливому и смущенному тем самым ребенку. — На карнавале все реальное — обман, а все обманное — самая настоящая всамделишная действительность! Но три удара и победа — такого не было никогда! Орден может гордиться своими воинами, коль скоро они способны свершить такое!

— Весьма польщен, — только и вымолвил киммериец.

— Но праздник еще не кончился, — улыбаясь загадочно и обворожительно, продолжила Ниама. — У карнавала свои законы, и вступивший в его реку должен плыть до конца! Помогите мне сойти с сей удивительной лодки, рыцарь, — обратилась она к киммерийцу.

Помня наставления Ойсина, да и не испытывая ни малейшей охоты им противиться, Конан одним махом выпрыгнул из носилок на пол и, легко подхватив королеву Най-Брэнил, осторож-

но опустил ее рядом. Ниа́м тут же схватила киммерийца за руку и потащи́ла за собой в самую гущу разномастной пестрой толпы.

— За меч не беспокойся, это можно по законам игры! — громко шепнула она, приблизив свои теплые нежные губы к лицу Конана. — А на короля не обращай внимания...

О том, что призвана была означать последняя фраза, можно было рядить долго. Конан же, как обычно, решил, что королеве виднее. На то она, в конце концов, и королева!

Мрачная повозка, с коей сыпались во множестве бутафорские черепа людские, медленно следовала сквозь ликующую толпу. На повозке, хоть и приводилась она в движение лошадьё, было укреплено штурвальное колесо, на руле же стоял сам Эрлик — по крайней мере, за такового принял этого бога Конан — и возглашал обильно поношения и анафемы грешникам за их богохульство, невоздержанность и гордыню. Насчет богохульства киммериец еще бы согласился, но вот в том, что жадный до золота, скота и прочих богатств и услад тщеславный и властолюбивый гирканский бог — суровость Эрлика и его проповедь о совершенствовании души через лишения отнюдь не противоречила вышеозначенным доблестям — станет с отменным рвением жреца-митраиста отстаивать чистоту и смирение, у Конана имелись большие сомнения.

Впрочем, выглядел Эрлик в этой роли весьма потешно, хотя никто его пророчествам внимать не собирался.

Напротив, один торговец, тоже, как видно, из богов, сильно смахивающий на шемита, предлагал всем золотого павлина, коего здесь же прилюдно преискуснейшим образом ошипывал, а павлин верещал, ругался и немедля обрастал перьями вновь.

Митра Солнцезарный в высокой ослепительно золотой тиаре и безукоризненно белых одеждах расхаживал важно туда-сюда и таскал за хвост черного змия, объясняя всем, сколь полезны и умны ползучие гады, и философствуя о ядах змеиных и ядах вообще как элементах природного естества.

Змей, толщину и длину имевший весьма внушительные, поглядывал на своего мучителя лениво и с безразличием. Процедура, однако, пресмыкающемуся даже нравилась, ибо время от времени змей блаженно шипел и тянулся пощупать красным раздвоенным языком чьи-нибудь приглянувшиеся сапоги.

Распевая легкомысленного и даже фривольного содержания песни, Адонис и Иштар катили походную печку, из-под крышки кой то и дело высовывался Бел с одухотворенным лицом непорочного юноши, умоляя помочь ему спастись из плена огненного. Перед печкой шествовали рука об руку Ашторех и Деркэто, сплетничая, похихатывая и глумясь над всеми, как две закадычные подружки.

Было там еще множество всяческих богов, полубогов и героев, о роли и значении коих Конан просто ничего не знал, и потому не мог в полной мере оценить мастерство веселящихся здесь. Толь-

ко Эпимитриуса и Крома не нашел пока киммериец в этом безумном круговороте.

Мимо них, восседая на титанических размеров зелено-бурым монстре, проплыл снежный великан Имир, преисполненный достоинства и спокойствия, словно кхитайский созерцатель.

— А Кром себе новую девку завел,— сообщило нордхеймское чудище бесстрастным тоном проприцателя, даже не приподняв полусомкнутых век, уплывая прочь на не менее меланхоличном, нежели седок, погруженном в дремоту зубастом монстре.

Только когда Ниям в очередной раз прыснула со смеху, Конан уразумел, что Кромом назвали как раз его, ну а почетное звание «девки» досталось...

— Да я тебя...

Оскорбленный в лучших чувствах, обиженный за Крома и королеву Конан с легкостью нагнал совсем было скрывшегося за углом крокодила и с силой рубанул мечом по хвосту.

Хвост немедленно отвалился, и из разъятого тулова посыпались золотые монеты вперемешку со сладкими, сдобными, еще теплыми булками и соломой.

Крокодил же, не придав ни малейшего значения происшедшему, вдруг изник куда-то вместе со своим водителем, словно растаял.

— Пошли! — Ниям дернула опешившего киммерийца за рукав.— Ты, пожалуй, единственный настоящий в этом балагане. Настоящий Кром — суровый и бесстрашный! Еще один подвиг — по-

битие великого крокодила, мерзкого исчадия земель нордхеймских! — добавила она.— Ну а я... Ты понял, кто теперь я? Вот и подчиняйся!

И она опять потащила его за собой по каким-то переходам, галереям, лестницам и колоннадам, где они то и дело натыкались на очередную развеселую компанию. Конан, разумеется, успевал запомнить их маршрут, но, памятуя о предупреждении Ойсина, что вращается не только весь Най-Брэнил, но и комнаты и стены его постоянно меняют местоположение, не слишком уповал на истинность своих наблюдений.

«Кром, Имир и Эрлик! — подумал киммериец.— Здесь есть вообще что-нибудь настоящее?»

— А ты сама настоящая? Или тоже сейчас обернешься чудовищем или ароматом от благовоений? — спросил он у своей настойчивой и прекрасной провожатой.

— Самая что ни на есть,— шепнула Ниям и вдруг прижалась к киммерийцу всем телом.— Чувствуешь?

На это Конан не мог выразить ни малейшего сомнения.

Они свернули в короткий пустой коридор, оканчивающийся тупичком с низкой дверью. Ниям поспешно извлекала откуда-то из-под разреза лифа небольшой ключ и распахнула дверь, быстро захлопнув и заперев ее, когда они оба оказались внутри. Небольшой альков освещался единственной свечой. Этого, однако, доставало, чтобы увидеть роскошное ложе, столик и еще кое-какую обычную для таких помещений мебель.

— А теперь...— Ниям обвила руки вокруг шеи Конана, что могла сделать, учитывая рост киммерийца, не всякая женщина, и золотые искорки пуще заплясали в теплых карих глазах королевы.— А теперь я буду играть свою роль до конца. Девка! Ха-ха! Ну и пускай девка, зато чья!..

Глава шестнадцатая

Конан наконец очнулся от полузабытья — заснуть он так и не решился, готовый к любым подвохам со стороны колдовского острова. Очнулся и понял, что поступил все же неразумно: сном себя не освежил, а о времени и месте своего пребывания ни малейшего представления не составил.

Обыкновенно этот инстинкт, это шестое чувство времени и пространства, столь присущее здоровым крепким хищникам, будь они в зверином или человеческом облике, никогда ему не изменяло. Ныне же было иначе: остров, очевидно, и впрямь состоял из множества частей,двигающихся по непонятным непосвященному траекториям и законам, и где пребывает теперь это уютное убежище — на вершине горы или ниже уровня моря — Конан сказать не мог.

То же было и со временем, точнее, времени просто не было. Най-Брэнил, должно быть, находился в весьма причудливых отношениях с сей без-

жалостной к прочим субстанцией. Разумеется, остров старел, старели и его обитатели, но вот ощущения того, что время движется, здесь не создавалось. Скорее, это скалы Най-Брэнил плыли по времени, будто плоский отполированный камень, замысловато скользящий по льду что сухой лист по воздуху. Эта забава — пускать по льду в мишень тяжелые плоские камни, выбивая оттуда камни соперника — очень нравилась киммерийцам, да и в Асгарде тешились тем же. На вопрос, кто запустил плавать или скользить по времени сей остров, мог бы ответить разве что Ойсин. Возможно, здесь надлежало очень быстро бежать, чтобы остаться на месте и не провалиться куда-нибудь на эпоху назад или вперед. Но Ойсина рядом не было.

Свеча, которую они застали горящей при входе сюда, истаяла лишь наполовину, и Конан мог видеть, как рядом спит, улыбаясь во сне, Ниам. Королеву, похоже, нисколько не заботили взаимосвязи устоев мироздания: либо она о них все знала, либо не придавала им значения. По всей видимости, объектом ее интереса в настоящем был Конан, и исследованиями сегодняшней ночи Ниам осталась довольна. О себе, впрочем, киммериец мог сказать то же самое: Ниам оказалось королевой во всех смыслах и даже никуда не исчезла внезапно, как это было свойственно иным обитателям острова.

Однако обиженный непочтением к себе сон ушел прочь и возвращаться к королю Аквилонии не желал. Да и узнать, что там происходит за этой толстой дверью, тоже следовало бы. Едва Конан хо-

тел осторожно, сколь возможно тонко дать об этом понять королеве, как та, словно почувствовав его желание, открыла глаза, такие же внимательные и блестящие, как давеча, будто и не спала.

— Тебя ждут дела? — спросила она. — Не беспокойся, ты все успеешь. После карнавала все будут спать как убитые. За исключением очень немногих.

— А кто эти немногие? — заинтересовался Конан.

— У вас в Ордене всегда приступают к допросам, едва пробудившись? — хохотнула Ниам, томно потягиваясь и усаживаясь рядом с киммерийцем.

— Разумеется, моя прекрасная, — не спасовал Конан. — И еще меня интересует: а почему я не должен обращать внимания на короля?

— Ты боишься, что Бренна посетит припадок ревности? — засмеялась Ниам.

— Я предполагаю, что вся мощь этого припадка обрушится на тебя, — усмехнулся Конан, представляя себе короля Бренна, выходящего на поединок чести с ним или Алейром.

— Ладно. — Ниам принялась, не вставая с постели, расчесывать разметававшиеся волосы. — Если вы и вправду решили победить тут кого-то, хотя я не знаю, кто это...

Увидев во взгляде киммерийца немой вопрос, королева объяснила:

— Иной раз мне кажется, что это Дубтах и Медб...

— Это верховная жрица?

— Да. Иногда мне кажется, что это они просто враждуют друг с другом, а потому пугают всех своими пророчествами.

— А в другой раз? — допытывался Конан.

— А в другой раз мне думается, что некая древняя сила все же присутствует на Най-Брэнил, но вот чего она хочет и чем полезна или опасна мне — это тайна.

— А что думает король?

— Бренн вообще мало думает об этом. Он, говорят, потомок альвов, или в роду у него были альвы. Честно сказать, я не знаю, сколько ему лет и какая по счету я у него жена. Он числит время не годами, а как-то по-иному.

— А ты сама с Най-Брэнил? — вдруг спросил Конан.

— Нет, конечно, — даже как-то удивленно отвечала Ниам. — С таким-то именем? С тем же успехом можно было бы сказать, что ты или твои спутники родились здесь. Я из уладов, как и ты, хотя и принцесса. Короли Най-Брэнил уже давно женятся на принцессах из уладов, чтобы на Островах опять не разгорелась вражда.

— Так что думает Бренн? — не унимался Конан. Клубок загадок, кой и так представлял собой этот остров, все больше и больше толстел и запутывался. «Как Ойсин намерен отсюда улизнуть? — подумал киммериец. — Ведь нас же не отпустят, пока мы не поймаем того, кого здесь, возможно, и нет!»

— Бренн весь в прошлом или еще где-то, — неопределенно махнула рукой Ниам. — Нет-нет, он

добрый супруг, но я для него — лишь часть его королевского долга чести. Он следит за соблюдением традиций и древнего благочиния. А за всем остальным смотрят жрецы и Мейлах, ну и я тоже. Мейлах и я занимаемся хозяйством, военными делами и всем таким, а всем остальным — жрецы.

— Чем «остальным»? — не понял Конан. — Ну, то, что они молятся, гадают, приносят жертвы, ругаются меж собой из-за догматов веры или еще из-за какой-нибудь чепухи — это понятно, это всюду, — разговорился король. — Хозяйство ведешь ты, за законом присматривает Бренн, охраняет остров Мейлах — а что они?

— Вера, знания, библиотека... — начала Ниам.

— Постой, — прервал ее Конан, не удержавшись от того, чтобы поцеловать королеву в такое пленительное плечико. — Ойсин предполагал, что все дело как раз в библиотеке.

— Ойсин — это такой крепыш, лысоватый, да? — уточнила Ниам, отвечая на ласку.

— Да. Он прочел столько книг, что если их положить одну на другую, то, думаю, получится изрядная башня, — весьма образно охарактеризовал ученость спутника Конан. — Так вот он сразу стал выпрашивать Мейлаха про библиотеку, про принца... Кстати, а что твой сын не поделил с Дубтахом?

— Принц — не мой сын, — покачала головой Ниам. — Долголетие королей Най-Брэнил передается наследникам. Судя по внешности, принц немного младше меня, но как на самом деле... — Ниам с деланным безразличием пожала плечами.

— Ах, он равнодушен к мачехе? — догадался Конан.

— Ну... да, — изрекла королева после некоторого колебания. — Это выглядит довольно забавно: внимание со стороны трепетных юношей меня почему-то не прельщает. — И Конан был награжден очередным сладким лобзанием.

— Хорош юноша, коли он смеет перечить верховному жрецу, — заметил киммериец. — Так почему этот Дубтах так окрысился, что воззвал к помощи Ордена?

— Здесь я мало что знаю, — огорченно покачала головою королева. — Но все, что знаю, расскажу. И Мейлах знает не больше меня. Он умен, но не учен, и тоже уповал на ваш приезд. Когда в библиотеке опять обнаружили мертвого жреца, он поднял на ноги стражу, и они обшарили весь остров, но ничего не нашли. Принц потом долго смеялся и говорил, что всадник в ночи бессмертен, потому что невидим.

— И много убили жрецов? — полюбопытствовал Конан.

Загадки прилипали одна к другой так быстро, будто рос снежный ком. Киммериец вдруг понял, почему Ниам так равнодушна к происходящему: она перестала искать ответ. «А может, она права? — подумал Конан. — Что толку искать? Если ответ есть, он явится и сам».

— Это был седьмой. До этого погибли трое жрецов и трое жриц. Кого-то зарезали, кого-то отравили. Двух женщин задушили, а третья умерла от страха. И все в библиотеке.

— А ты не боишься туда ходить? — беспокоился Конан.

— Нет. Я никогда не бываю там одна. Да и вообще редко там бываю. Дубтах не любит, когда там появляется кто-нибудь помимо жрецов.

— Это он из-за всадника взъелся на принца? — уточнил Конан. Ночной Всадник издавна считался у северян Материка чем-то таинственным и страшным, пусть ничего определенного о нем и не рассказывали.

— Да, — кивнула королева. — И тут же решил, что мальчик якшается со злыми духами. Но он и действительно ведет себя странно: вдруг начинает говорить загадками, особенно с Дубтахом, да еще и высокомерно — такого даже Медб себе не позволяет. А ведь Дубтах — это великий муж, славный ученостью и подвигами. Некогда он сражался с флотом Стеклоанной Башни...

— Это не важно, — отрезал Конан. — Я тоже много где и с кем сражался — что ж теперь мне и слова поперек не скажи? А что это нам Мейлах говорил о гордыне знания... Или как там... — Киммериец постарался воспроизвести разговор, что вели по пути от пристани наверх Мейлах и Ойсин.

— Это, пожалуй, последнее, что я могу тебе сообщить, — вздохнула королева. — И это хорошо, — прибавила она, лукаво улыбаясь. — Так вот: принц якобы разыскал в библиотеке некую рукопись — очень древнюю, где есть сведения чуть ли не о том, как управлять самим Океаном. Дубтах всю жизнь охотился за этой книгой, да так и не на-

шел. А тут юнец сделал то, что не удалось ему, да еще имеет наглость смеяться над верховным жрецом и дразнить его «невеждой», а жрецов помладше — крысами. А Медб он и вовсе не замечает, проходит, как мимо пустого места. Только в отношении к принцу Дубтах и Медб и сходятся. Но слово Дубтах имеет больший вес: он решил послать за вами, и это было сделано. Медб была против — да она и сейчас против. Она считает, что Орден ни в коем случае нельзя пускать на Най-Брэнил, поелику это единственное место, где жрицы еще кое-что значат. В иных местах вся власть давно в руках мужчин, и Орден немало тому способствовал...

«Дело в принце. Надо до него добраться,— решил Конан.— Посмотрю я, как это он со мной поговорит загадками».

— Мне надо видеть принца,— твердо сказал он.— Ты мне поможешь? — Он коснулся губами шеи Ниам.

— Разумеется,— отвечала она.— Только не сейчас, иначе нам придется идти через весь остров. А если мы подождем некоторое время, Най-Брэнил сам отвезет нас к принцу. Думаю, это время мы проведем с пользой?

— Несомненно,— подтвердил киммериец...

Глава семнадцатая

Нроцесс подтверждения оказался весьма и весьма приятен им обоим, но размеренный, гармонично совершенный механизм Най-Брэнил, искусно скрытый под оболочкой невообразимой хаотичности, вписал и этот неожиданный вираж в судьбе двоих людей в свои грандиозные орбиты.

Най-Брэнил все сгладил, выровнял, взвесил, учел и с алмазной точностью скрестил пути королевы Ниам, короля Аквилонии и наследного принца острова, при этом вовсе не там, где ожидали этого принц и королева.

Ниам зажгла вторую свечу, не слишком торопясь, ибо по ее расчетам до прибытия комнаты в искомое место оставалось еще немало времени.

Вдруг за дверью, откуда доселе не проникло ни единого звука, послышалось звяканье и приглушенный невнятный шелест человеческой речи. Некто явно вел беседу.

— Кто это? — насторожился Конан.— Мы на месте?

— Не знаю,— несколько растерялась Ниям.— Впрочем, это неважно. Скоро я буду готова к выходу.

Искать обычное платье взамен бывшего на ней давеча карнавального королеве не пришлось: ларь с одеждой находился здесь же.

— Мне нужно еще меньше,— усмехнулся Конан.— А как ты объяснишь наше совместное здесь нахождение?

— Тебя это заботит? — Ресницы королевы удивленно вспорхнули.

— Настолько, насколько это заботит тебя,— пожал плечами киммериец, с любовной тщательностью устранив на поясе ножны с мечом.

— Я здесь пока что королева,— горделиво, но без тени неуверенности в сказанном провозгласила Ниям.— Только Бренн может требовать от меня объяснений, да и то не всегда.

Королева оглядела себя в зеркале, собирая волосы в прическу и еще надменнее вскидывая голову. «Хороша!» — одним взглядом сказала она себе.

— Ты хочешь сказать, что не нарушила сегодня никаких законов? — поинтересовался Конан.

— Если я это сделала, Бренн сообщит мне об этом,— засмеялась Ниям, заканчивая туалет.— А он сделает это, только если сочтет сие покушением на свою королевскую власть.

— Измена мужу — везде преступление,— несогласно покачал головой Конан.— И это право мужа...

— Я — не вещь, и сама распоряжаюсь собой,— резко сказала Ниям, моментально превращаясь из простой женщины, опьяненной страстью и кар-

навалом, в королеву.— Что же до измены, то определимся прежде о значении этого слова. Если речь о прелюбодеянии, то только боги мне судьи. Я не люблю Бренна при всем его благородстве и доблести. Если же о предательстве... Да если бы вы хотели убить короля, то все рыцари Мейлаха не остановили бы вас троих! А если у вас планы похитрее...— раздумчиво произнесла она и посмотрела на киммерийца так, что король Аквилонии понял: характер у Ниям подтверже меча Алейра.— Тогда я забуду все, что было сегодня ночью. И ты можешь забыть.

Последние слова были речены без вызова, но сомневаться в их истинности не приходилось.

— Я живу не затем, чтобы забывать,— отвечал Конан.— Если Бренн может спать спокойно... без тебя... пускай спит,— ухмыльнулся киммериец.— Лучшего сторожа, чем я, вряд ли найдешь. Хоть на Материке спроси.

— Пошли.— Ставшее жестким, словно прекрасная маска, лицо Ниям озарилось теплой улыбкой.— И приготовься к странностям. Судя по голосу, это принц.

Она без стеснения оперлась на предложенную руку киммерийца, повернула в замке ключ, и они вышли в помещение, вовсе не походившее на те коридоры и галереи, коими проникли сюда давеча.

Впрочем, странности сопровождали Конана всю жизнь, и к ним он был готов более, нежели к обыденности.

В просторной светлой комнате, выходившей тремя довольно широкими стрельчатыми окна-

ми на море, бывшее теперь лазурным и смирным, находились двое.

Один, пожилой жрец — не Дубтах, но лишь на ступень пониже верховного рангом, — восседал на крепком дубовом стуле, составленном из двух полуокружностей, напоминающих очерком песочные часы: нижняя концами дуги опиралась на пол, верхняя же напротив, разрезом была обращена вверх. Она была обита изнутри шелком и снабжена подушкой. Жрец был коротко стрижен, сед, грузен, лицом полон, но без болезненности, на лбу имел залысины, а облачен был в черные одежды.

Но сидеть спокойно почтенному старцу не позволяли, чем жрец был недоволен вельми. Помеха присутствовала в виде молодого человека — стройного, среднего роста, весьма крепко сложенного и очень недурного собой. Лицом принц походил на Бренна, но в чертах его было больше твердости, подчеркнутости и притягательности. Вьющиеся льняные волосы принца едва не достигали ему до плеч и были убраны простым ремешком. Но манерой держаться и выражением лица сын являлся в значительной степени противоположностью отцу. Весь он был выражением иронии, насмешливости и в то же время какой-то неопределенной рассеянности. Кроме того, принц беспрестанно перемещался по комнате самым непоседливым образом, и жрецу приходилось без конца оглядываться, выворачивая шею, или ерзать на стуле, чтобы хоть как-то видеть того, с кем он беседовал. Разумеется, старик нервничал и имел все основания для раздражения.

— Принц Кондла, — вызвал жрец, тщетно пытаясь уследить за пируэтками принца, кои тот выписывал за его спиной. — Еще раз смею указать вам и смею вас заверить, и это не только мое личное предостережение, но и настоятельная рекомендация иерарха Дубтах: вам не следует посещать библиотеку в одиночестве и в особенности ночью. Это не только противоречит вековым традициям Най-Брэнил, но и в свете последних трагических событий может навлечь...

— Ночью. Это когда луна? — вдруг спросил принц, на миг замерев и уставив на жреца пристальный, не то вопрошающий, не то смеющийся взгляд, а далее вновь продолжил свои хождения.

— Разумеется, принц, — пропыхтел в очередной, далеко не в первый, по всей видимости, раз сбитый с мысли старик. — Луна бывает ночью, пусть и не всег...

— Эта луна ночью не остановит меня, — не то изрек, не то пропел принц Кондла. Голос у него был звонок, но не тонок, и приятен, без металла. — Кто же прогонит крыс? — неожиданно резко бросил он прямо в лицо жрецу, очутившись внезапно прямо перед ним.

— Кого вы имеете в виду? Что за крысы? На острове нет крыс! В библиотеке, во всяком случае, — огрызнулся жрец, начиная терять терпение. — О каких, наконец, крысах вы все время изволите говорить?

— О, вы не знаете, каковы собой крысы? — удивился принц, и снова не понять было, издевается он, либо выражает себя самым искренним

образом.— Это весьма благочестивые твари: они едят себе подобных лишь в том случае, когда хотят есть, в отличие от прочих разумных существ. В ином случае они грызут книги. Беда лишь, что сии прилежные грызуны не обучены грамоте. Так какая польза от них библиотеке, особенно при северном ветре?

— При северном... Что за чушь? При чем здесь северный ветер, наконец? Еще раз вам повторяю: крыс в библиотеке нет. Если ж вы изволите выражаться аллегориями...

— Аллегориями? — словно мячик на лету подхватил реплику старика принц.— Вы правы: говорить, что в библиотеке нет крыс — это, пожалуй, и аллегория. Даже крысадохнет в такой библиотеке.

— Чем вам теперь библиотека-то наша не угодила? — Жрец еще пробовал уследить за казавшейся безумной мыслью принца.

— Наша? — переспросил принц, делая рукой изящнейший жест извиняющегося.— О, разумеется. Весь мир — библиотека, но наша — образцовая!

— Ну, раз образцовая, так не делайте все, чтобы сделать ее не образцовой! — рассердился вконец запутавшийся жрец.

— Помилуйте,— рассмеялся принц.— Я не смею допустить, чтобы такие благородные твари, как крысы, гибли лишь по слепому своему неведению, да еще в библиотеке, да ко всему и давась книгами. Этого нельзя! Или крысы, или библиотека...

— Как бы то ни было, право на вход в библиотеку имеют только лица, принадлежащие к

высшему жреческому сословию...— начал вещать жрец.

Но этим принца было не испугать!

— А крысы? — тут же осведомился он.— А они-то?

— В библиотеке нет крыс! — Жрец хлопнул ладонью по подлокотнику.

— Образцовая библиотека — и без крыс? — изумился принц.— Давеча мы ж выявили, что весь мир — библиотека; и крысы в нем, а, значит, и в ней, несомненно имеются. Коли так, то в образцовой библиотеке должно быть образцовым крысам. Ведь так, если следовать логике?

— Если следовать логике...— раздраженно и грозно начал жрец.

— А как же северный ветер? — грохнул Конан отменным киммерийским басом, никак не желавшим изнежиться и утончиться в Тарантийском дворце.

— Месьор, соблаговолите встать в присутствии дамы,— немедленно нашелся принц.

Он заметил Конана и королеву сразу же, как те вошли в комнату, но смотрел как бы сквозь них, даже когда его взгляд не мог их миновать. Жрец же уселся спиной к двери и в пылу полемики с принцем или по причине лет даже не услышал щелчка в замке и тонкого скрипа петель.

— Сидите, учитель,— жестом остановила старика королева.— Оставим этикет для приемов. Месьор Конан, рыцарь Ордена, пожелал увидеть вас, принц. Не откажите гостю. Я прошу вас об этом.

Принц замешкался всего лишь на миг, но Конан успел заметить, что в молодом человеке бо-ролись два желания: одно — играть далее, теперь уже с соперником посильнее старого жреца, дру-гое — угодить Ниам.

Принц Кондла прекрасно понял, что просьба королевы сделана именно с расчетом на то что он не откажет. Но наследник Най-Брэнил умел решать задачки моментально. Несмотря на то, что великанского роста и гладиаторского телосложе-ния пришелец, несомненно очень привлекатель-ный для женщин, появился под руку с Ниам — и это принца отнюдь не восхитило,— понял Кондла и другое: чужестранец ему не друг, но и не враг, и опасаться его сей же миг не следует, пусть за его крепкой спиной и встает до небес всесильная тень Ордена.

— Северный ветер? — переспросил Кондла.— Что может быть полезнее для здоровья! Север-ный ветер — это ко мне. Он хранит то, что со-крыто.

— Не Всадника ли в ночи, кой неистребим, оттого что невидим? — столь изощренной изобре-тательности от Конана ожидал, пожалуй, един-ственно старик жрец, который говорил и мыслил со слов Дубтах и веровал в чудодейственную силу воинов Ордена.

— Всадник уже за чертой,— усмехнулся принц.

— И вправе вершить все, что вздумается? — сказал киммериец полуутвердительно, не давая Кондле посмеяться вдоволь.— Да еще при север-ном ветре.

— В северном ветре нет ни зла, ни печали,— отпаривовал Кондла.

— Ни гордости, ни обиды? — неожиданно про-должила Ниам.

— Он только разгоняет тучи,— кивнул Кондла.

«Ага!»,— обрадовался про себя Конан.— Он впер-вые с кем-то согласился, а не ответил вопросом на вопрос! Но он и Ниам знают что-то, чего не знаю я. Жаль, что я не учен, как Ойсин! И тем не менее она мне помогла!»

— И очищает поле для Всадника? — не отсту-пал Конан.

— И будит меня,— покачал головой Кондла.

«С ним нельзя говорить напрямик,— лихора-дочно соображал король Аквилонии.— Он высо-комерен в своей учености, как Евсевий, и хоть не боится меня, но стеснен присутствием жреца. И нельзя делать утверждения — спрашивать, спра-шивать! Тогда он вынужден в конце концов отве-чать! Но нельзя спрашивать напрямую!»

— Если ветер разгонит тучи, то появятся звез-ды? — Киммериец слегка отошел от темы, словно повернул румпелем лодку.

— Я жду их,— отвечал принц.

— Всадник станет видим? — Конан вернулся на прежний курс.

— Всадник за чертой,— был ответ.

«Наконец-то повторяется! — обрадовался ким-мериец.— Ищем черту!»

— Кто сотрет черту? — спросил король.

— Время стирает все,— высказал Кондла про-стейшую из истин.

— И крыс? — вывернулся киммериец.

— Да,— вынужден был согласиться Кондла.

— И черту? Или прежде крыс? — Конан чувствовал, что лазеек у принца остается немного; что жрец слушает их, разинув рот и не понимает ни единого высказывания; что Кондла видит это и не видит за ним, Конаном, воли верховного жреца, оттого близок к тому, чтобы ему доверять. Но поставить жирную точку — знак доказательства, как объяснял Евсевий,— покуда не удавалось.

— Онидохнут на черте.— Принц сохранил мину, не ответив на вопрос, но и такой ответ вполне годился!

— Время сотрет ли библиотеку? — Гонка за невидимым Всадником продолжалась.

— Ту, что до черты? — наконец спросил Кондла, но Конан ловко отвел этот ложный выпад:

— Ту, куда вырвался Всадник,— это был вопрос.

И одновременно утверждение! Не дожидаясь ответа, Конан продолжил комбинацию: ответный ход в этой игре не был обязателен! Вернее, соперник имел право его не делать, и Конан заставил принца воспользоваться сим правом:

— Ту, откуда приходит северный ветер. Откуда взойдет звезда. Откуда ты ждешь пробуждения.

— И камень тонет в водах,— отвечал Кондла. Маска была прозрачна. Ответ откровенно сиял через нее.

— Сегодня северный ветер? — Конан был уверен в успехе. Но все же внутренне напрягся: этот

вопрос должен был стать последним. После была победа: в два ли, в пять ли шагов — она достигалась неотвратимо и безошибочно.

— Мы у него в ладонях.— Принц улыбнулся. И это не было игрой.

«Точка! — воскликнул про себя Конан.— Теперь надо выяснить время встречи. И место. И так, чтобы жрец не догадался».

Но говорить ничего не пришлось. Кондла так взглянул на Ниам, что стало понятно: «мы» относилось не только к принцу и воину Ордена.

«А это даже и лучше,— прикинул король.— Пожалуй, через Ниам я передам ему, что «Орден» для меня значит не более чем «северный ветер»».

— Покорнейше благодарю за насладительную беседу,— рисуясь, принц поклонился всем сразу и никому.— Будьте здоровы, учитель,— обратился он к жрецу.— И запомните,— это опять относилось ко всем,— при северном ветре я не так безумен, как при любом ином.

Не дожидаясь реакции присутствующих, принц Кондла скользнул в ту самую дверь, откуда совсем недавно вышли Конан и Ниам. Но ведь он не воспользовался ключом, а королева запирала дверь, и киммериец мог в том поклясться! Конан еще раз посмотрел на злополучную дверь и понял: она была из другого дерева, нежели давешняя! Най-Брэнил сделал свой ход, не пропуская очереди.

«Да не я ли безумен по-настоящему? — усомнился Конан.— Остров — вот мой противник! Ско-

рей бы уж северный ветер: при нем, наверное, легче...»

— Дозволено ли будет задать единственный вопрос солдату воину Ордена? — прервал размышления короля жрец.

— Вопросай, — снисходительно кивнул Конан. Старец встал и просительно поклонился:

— Если то не тайна следствия, что можно передать верховному жрецу Дубтаху об итогах сего допроса?

— Ты же сам слышал, — пожал могучими плечами киммериец, так что не маленький жрец сразу как-то прижух и съезжился. — Всадник, северный ветер, звезда грядущая и не освещающая — все суть символы воинства мрака, — вещал король, стараясь при этом воспроизвести манеры Евсевия. — И ты же слышал, как подвел я принца к черте: он ныне в сомнениях, но впереди еще работа, и мои спутники вскоре присоединятся ко мне. Дубтаху передай, чтобы он доверился нам. Первые оковы тьмы пали, и не так прочны они оказались, и ты свидетелем стал сему. Падут и прочие. Ступай, старик, и спасибо тебе за присутствие: оно помогло мне.

Конан простер вперед руку, так, чтобы направление, им указуемое, было возможно более неопределенным.

— Разрешите удалиться, ваше величество? — с должным почтением осведомился жрец у королевы.

— Благодарю вас, учитель. Удаляйтесь, — царственно кивнула Ниам.

Старик еще раз поклонился и с неожиданной для его возраста скоростью и проворством двинулся прочь по боковой галерее. Король и королева вновь остались вдвоем.

— Ты увидишься с ним, чтобы договориться о встрече? — тихо спросил Конан.

— Даже скорее, чем ты думаешь, — загадочно улыбнулась Ниам.

— А что это он говорил про зло и печаль? — решился осведомиться Конан.

— Гордость и обиду? — подхватила Ниам. — Это из его песни. Он пел мне ее как-то, довольно давно. Теперь кажется, что давно.

— Мне тоже так кажется, — понял ее Конан.

— Ужели? — притворно не поверила королева.

— Да. Я уже давно не обнимал тебя. Вот так...

* * *

Брайдиган, ты где? Ну и темень! Если бы у меня были глаза, как у кошки! Впрочем, даже кошка не видит ничего в полной тьме.

С этими словами, запнувшись о нечто тяжелое, угловатое и деревянное — должно быть, о набитый чем-то ящик, — Алейр не устоял и повалился вперед. Хорошо еще, что доблестный рыцарь успел выставить перед собой руки, не то Зеленый остров мог лишиться лучшего своего воина. Меч загремел оглушительно по каменным плитам пола, а сам Алейр, согнув руки в упоре и плавно затормозив падение, ощутил ладонями что-то мягкое, но не рыхлое, а довольно упругое и не шелестящее, более всего напоминающее кожаную подушку.

Ну конечно, это опять пергаменты, свернутые в трубки и поставленные вертикально, набитые в другой ящик так плотно, что всунуть в него еще одну подобную кожаную книгу было решительно невозможно.

— Ллейр,— прозвучал в двух шагах приглушенный голос Ойсина, в коем чувствовалось раздражение.— Во-первых, я тебе уже говорил: здесь не та библиотека, что в Гленнлане — здесь неизмеримо больше книг, а значит, теснее, поэтому ступай осторожнее. И, во-вторых, очень может статься, что мы тут не одни. Тебе сильно хочется сообщить о своем присутствии всем?

— Да уж никто не станет шастать тут без огня. Только такие... такие глупцы, как мы, способны на такое,— на сей раз Ллейр молчать не стал.— Говорил тебе, что надо взять фонарь.

— Чтобы нас сразу поймали? Или чтобы сжечь библиотеку? — возмутился Ойсин.

— Да зачем же непременно сжечь?! — оскорбился Ллейр.— Как-то ведь надо освещать дорогу? И как ты собираешься искать нужную книгу без света?

— Ну кто же ходит ночью в библиотеку? В библиотеке работают днем, когда солнце еще не скрылось за горизонтом.

— Особенно много света зимними вечерами или в бурю,— съязвил Ллейр.— И какие здесь окна, в этих подземельях?

— Значит, есть световоды,— убежденно вещал Ойсин.— Свежий воздух откуда-то проникает, значит, и свет может.

— Слушай, Ойсин,— вздохнул Ллейр.— Ты читаешь по ночам?

— Читаю,— отрывисто ответил Ойсин.— А здесь иное. Сюда ночью никто не ходит — из простых смертных то есть. Здесь этого нельзя. Разве этого не понять из того, что мы услышали, и по тому, как сюда пробрались?

— Ладно,— примирительно молвил Ллейр.— Здесь столько комнат, что нам еще долго бродить. Наверняка какие-то освещены, потому что там, куда нельзя ходить, обыкновенно есть сторожа. И фонарь у меня есть. Я тебя нарочно предупреждаю об этом. Чуть что, я его зажгу. Пока мы не знаем, что именно ищем, и мне все равно, куда идти и как действовать. Ночью все кошки черны, даже если их нет. Как только появится маяк... Не мне учить тебя навигации, Ойсин.

— Хорошо,— успокаиваясь, ответил Ойсин.— Маяки, как ты знаешь, тоже могут обманывать. Между прочим, ты не находишь, что чары библиотеки уже начали действовать?

— То есть?

— Мы повздорили из-за пустяка. Если где-нибудь на Касситеридах вдруг пойдет спор, выходить ли нам на битву в блестящем доспехе или же в вороненом, то участь наша будет плачевной.

— Значит, будем следить еще и за собой,— спокойно изрек Ллейр.— Пошли дальше.

Они двинулись, определив на ощупь дверной проем.

Комнаты следовали одна за другой, иной раз в них было по несколько выходов, а в другой раз

приходилось возвращаться назад по причине тупика. В книгохранилище царила непроглядная темнота, и было весьма удивительно, что Алейр споткнулся лишь однажды. Вел маленькую экспедицию Ойсин: именно ему принадлежала идея отыскать ключи к загадкам Най-Брэнил в библиотеке. Но на сей раз коса нашла на камень. До того, руководствуясь какими-то соображениями, выведенными из уймы прочитанных текстов, и впечатлениями от посещения еще более грандиозной книжницы в храме острова Семи Городов, полагая, что подобное познается подобным, и якоже все лабиринты схожи, Ойсин непостижимым образом открывал запертые двери, кои в изобилии являл пред ними Най-Брэнил. Теперь удача изменила ему. Гигантский текст, коим мыслился Ойсину остров, внезапно утратил смысл как раз там, где полагалось быть его средоточию. Помещение сменялось помещением, образуя замкнутое безвыходное пространство, полное единственно темнотой и тишиной. Ойсин ждал знака, а знака не было; простой же поиск — с фонарем, сиречь воспринимая виденное таким, как оно есть, — он изначально отверг как метод, предоставив этот путь Конану.

Глава восемнадцатая

ервый луч, увиденный ими, просачивался сквозь узенькую щелку между захлопнутой дверью и косяком. Это был тусклый красноватый отсвет, какой может дать неспешно горящий камин, полный угольев, но даже такой скудный источник позволил Ойсину и Алейру, чьи глаза привыкли к темноте еще до проникновения во мрак библиотеки, определить, куда они попали. Комната представляла собой трапецию с равными боковыми сторонами и плоским потолком на высоте около восьми локтей. Дверь, из-за которой являлся свет, находилась именно в боковой стене, ближе к углу между нею и меньшим основанием. Алейр же и Ойсин вошли со стороны большего основания. Все стены, до самого потолка, были закрыты книжными полками, и лишь над дверями оставалось свободное место, но было ли оно чем-нибудь занято, рассмотреть не удавалось. Не удавалось также разобрать, какие книги смотрели здесь с полок на двух ночных татей.

— Занятно,— прошептал ни с того ни с сего Ллейр.— А ведь книги, наверно, тоже видят нас и сияются прочесть. А некоторые, кои преуспели в науке чтения, еще и норовят понять. А иные, редкие, и вовсе зрят всю нашу грешную душу будто бы сквозь стекло...

— погоди,— остановил нечаянные философии друга Ойсин.— Эта мысль посетила тебя именно сейчас?

— Возможно,— в свою очередь подивился вниманию, оказанному его отвлеченным построениям, Ллейр,— я всегда так полагал, но до сего момента...

— До сего момента,— бесстрастно повторил Ойсин, будто додумывая про себя нечто.— Как ты назвал сии прозорливые книги? Редкими?

— Да, редкими. Сиречь исключительными,— уточнил Ллейр.

— Исключительность и редкость не равны друг другу, но равно усиливают друг друга, рождая высшую степень,— витиевато, но безусловно истинно высказался Ойсин.— Находясь в предмете совместно, исключительность и редкость являют редкость.

Ллейр не мог видеть, что делает Ойсин, но готов был биться об заклад, что жрец стоит, воздев перст, с видом первооткрывателя.

— Вот куда мы забрались,— возбужденно-обрадованно и быстро зашептал Ойсин.— Редкостные книги окружают нас семо, и свидетельствует это, что мы у некого притина, заключенного в книжнице сей,— объявил он.

— Да полноте.— Ллейру такое проявление радости показалось необоснованным.— Неужели помысел, представший мне — даже тень помысла, ибо помысел не был завершен,— столь смутили тебя, что делаешь подобное заключение?

— Раньше ведь он тебе не предстал — помысел,— спустился с высот на землю Ойсин.— Здесь ничего не говорится такого, что не есть знак.

— И то, что я высказал, растянувшись на полу, когда споткнулся о ящик с пергаментами,— тоже? — спросил Ллейр.

— И это,— убежденно изрек Ойсин.

— Хорошо,— поспешил согласиться Ллейр, дабы не тревожить ретивое бесполезным спором заново.— А что теперь? Мы добрались до последнего знака?

— Как ты сказал? До последнего?

Ойсин застыл в молчании, словно перенесся из этой комнаты куда-то в иное место, где мог бы в одиночестве неторопливо размышлять — домой, например.

Ллейр чувствовал это по тому, как стал недвижим воздух и как напряжение, порожденное сосредоточенным вниманием Ойсина, растворенное в том же воздухе и реально ощущаемое, пропало.

— Скажи, Ллейр.— Жрец очнулся столь же внезапно, сколь и погрузился в абстракцию.— Я похож на бессмертного бога?

— Сейчас — да,— ответил Ллейр.— Тебя не видно, а недавно было и не слышно, да и вообще ты будто бы исчезал отсюда напрочь, хотя и оста-

вался рядом — я тебя вовсе не ощущал. Такое обычно устраивают боги, кои бессмертны.

— Прекрасно. А ты? — пренебрег острословием спутника Ойсин. — Ты похож?

— Полагаю, что на Стеклойной Башне так думают. Да я и сам не прочь думать так: сражаться удобнее, — немного высокомерно, но честно ответил Ллейр, — хотя... Слушай, да ты о чем вообще?! Скажи лучше...

— Скажу, — просто и приподнято, без торжественности, ответил Ойсин. — Ты сам ответил: последний знак. Я говорил уже, что остров — это свиток, рукопись, текст. Рукопись эту можно читать саму по себе и шифровать множеством способов, а можно наоборот, почесть ее за тайнопись и отнюдь не меньшим множеством способов разгадать. Все условно, но что же остается неизменным?

— Сами знаки, разумеется, — сказал Ллейр.

— Верно, — кивнул жрец. — Итак, я — да и вы оба, прельстившись первым нашим успехом — прохождением рифа — почли остров за тайнопись и принялись за постижение ее... его. Но мы, и я тоже, до сего места не задумывались, а каким же ключом пользуемся! Но смотри, — продолжил Ойсин, хотя по-прежнему не было видно ни зги. — Сначала были ворота, открытые библиотекой храма на Семи Городах: первые врата лабиринта открыл другой лабиринт; селиорон же оставил нас, погрузившись в глубины. После мы прошли некие препоны, по ходу я обмолвился о десяти мирах, и в конце мы были вознаграждены, повстречав перевозчика.

— Калагана?

— Его. Затем мы оказались на тверди, и нас препровождали стражники во главе с полководцем Най-Брэнил — Мейлахом. После мы были представлены монаршей чете. Мы лицеизрели богослужение и камлание...

— И Конан изловил пелен-тан.

— Именно. После же грянул карнавал, и мы держали бой.

— Это было настоящее наваждение! — воспротивился Ллейр.

— Не важно, — урезонил его Ойсин. — Потом все закончилось...

— И тут наши пути разделились, — подвел черту Ллейр.

— Да. Конан — и я не просто так сказал ему быть с королевой — переменил путь. Он перестал разгадывать загадки, но, исходя из обстоятельств, предложенных островом, стал действовать.

— Разве мы занялись не тем же самым? — не ощутил разницы Ллейр.

— Нет. Разница существует. Мы нанизываем события на шнурок, будто бусы собираем. Мы следуем за событием. Мы их ищем. Мы читаем. Киммериец же отталкивается от события. Он сам творит события, сиречь, если придерживаться моей аллегории...

— Пишет, — подхватил Ллейр. — Понятно. Дальше я и сам могу продолжить: Конан с Ниами убежали, мы принялись изображать самих себя — мореплавателей. И нам это чудесно удалось. Ты, разумеется, прочел книг куда больше меня, но и

я владею не одним лишь мечом. Всякий эпизод нашего карнавального плавания так или иначе повторял знаменитое плавание-возвращение на родину короля Деала, кое совершил он после многолетней осады и падения Кортириона. Кстати: то, что я перебил стражу, изображавшую племена фир-болг — это тоже не важно? В смысле по-настоящему я это сделал или иллюзорно? Человек пятнадцать, как-никак. Впрочем, они напали первыми, и всерьез. В конце концов мы ускользнули от Призрака Стеклойной Башни — к слову, он здорово напомнил мне Дубтаха — и канули во чрево великой рыбы, в полный мрак, хотя и до того сильно светло не было. Чрево оказалось библиотекой. Ах, да: как и следовало по легенде, покуда ты наблюдал танец юной Эорунн пред королем Форгалом, я добыл у старухи Дехтире светоч, сиречь масляный фонарь. Потом плавание оборвалось. Мы бродим здесь как два крота, очутившиеся на поверхности в безоблачный летний полдень; по крайней мере, увидели мы столько же. И что теперь?

— Так вот. Все не случайно,— ответил Ойсин.— Лабиринт открыл лабиринт. Подобное и непостижимое дало начало подобному и непостижимому. Космос создал космос. Жизнь породила жизнь. Конан не случайно спросил о десятом мире: мы вошли в лабиринт — в жизнь! Мы родились. Селиорон — подспудное, то, что есть до нас и остается после нас, то, что бессознательно есть у всех,— отступил в пучины, но не покинул нас. Мы начали путь по морю, полному опасностей,— жизненный путь. После же осознали, что живем, и из-

брали путь в десятый мир, в себя — вот он, вопрос Конана!

Далее просто,— перевел дух Ойсин: постоянно говорить шепотом было затруднительно.— Старик-лодочник — провожатый душ.

— Неужели мы успели умереть? — выразил сомнение Лейр.

— Нет, конечно,— развеял сомнения Ойсин.— От путешествия тела мы перешли к путешествию духа — взошли на твердь острова. И сей же час стражи повели нас чрез очищение, а после мы предстали на суде Вечного Мужа и Вечной Жены.

— Это Ниям ты зовешь — Вечной Женой? — хотел Лейр.— Вот повезло Конану!

— Не ерничай,— вдруг оборвал его Ойсин.— Вечная Жена — это, как тебе должно быть известно, и Вечная Любовь. Во всех смыслах. И Вечная Чистота одновременно и совместно. Они присудили нам подвергнуться испытанию стихией — карнавалом, а также низойти, ибо тот, кто не нисходил, и не взойдет никогда. Полагаю, мы выстояли, ибо не утрастились мощи и воли Отца Зла, но и не пленились великой мудростью и прелестью его. И око его, ведущее в Бездну и нарушающее взором своим Космос, было закрыто.

— Конаном,— уточнил Лейр.

— Им,— охотно согласился Ойсин.— Понеже киммериец побеждает зло не думами, кои лукаво переплетаются, яко полутени и полусветы в зеркале, и подобны змее, кусающей себя за хвост, но бытием, коему противна Бездна. Потому и пленен он очутился у него в руках: он не толкует, но

действует. А следом нам было дано странствие, зане в странствии дух и душа растут и крепнут, проникаясь истой мудростью и смыслом естества.

— Хороша мудрость! Одни сплошь потемки,— заметил Ллейр.

— И странствие мы прошли.— Ойсин пропустил последнюю реплику мимо ушей.— И очутились во Тьме Первозданной, коя не пуста, как Бездна, но полна невидимых нерожденных сущностей и сутью. Вот тебе и библиотека, погруженная во тьму. Но здесь начало всему и всему конец — Последний Знак. Сознаешь, каков он?

— Кажется...— Ллейр был серьезен. Величие замысла Най-Брэнил, раскрытое Ойсином, восхитило его и тут же заставило трепетать.— Смерть?

— Да,— последовал ответ.— Вот отчего погибли те семеро жрецов. Они прошли, так или иначе, один путь с нами. Но они не поняли аллегории странствия. Остров чувствует, что мыслит человек и что он есть, поэтому ты и ощутил взгляд, устремленный на тебя книгами, на самом же деле — островом. Открыв Последний Знак и заглянув за Смерть, они открыли свое будущее и немедленно умерли, ибо подспудно предчувствовали, какой смертью умрут, и остров дал им просимое. Каждый умирает лишь той смертью, какую выберет сам!

— А мы? Или нам тоже такое предстоит? — с явным неудовольствием спросил Ллейр.

— Потому я и справился об ощущении бессмертия.— В голосе Ойсина проскочила усмешка довольства.— Мы постигли Последний Знак и не

страшимся его. И поскольку мы знаем, то воля наша свободна, ибо непредсказуема. Покуда же воля свободна, нет и смерти! Время для нас открыто во все концы. В отличие от умерших здесь, мы не переступаем черту Конца, за коей тьма и смерть, но открываем Начало — кое тоже конец, если рассудить — и свет безначальный!

— Так что, можно войти в ту комнату? — понял Ллейр.

— Да,— с совершенной уверенностью изрек Ойсин.

Проверив, удобно ли висит на поясе меч, Ллейр шагнул к светящемуся контуру двери.

— Не понравился мне тот Призрак Стекло-ной Башни,— пробормотал Ллейр.— Свобода свободой, но не загнал ли он нас сюда нарочно?

Однако отступать Ллейр не привык. Он толкнул дверь, и та распахнулась настежь, пусть и была тяжелой, с украшениями из серебряного литья. Перед ним в освещенной каминной комнате за большим круглым столом сидел Дубтах, верховный жрец.

* * *

Петли были смазаны на совесть, и дверь не скрипнула, но слепец моментально угадал, что происходит.

— Входите,— услышали они невозмутимый, глубокий голос верховного.— Я вас ждал.

Ллейр и следом Ойсин вошли в небольшую квадратную комнату. Здесь, в отличие от всех иных помещений, книг было очень мало, и все они вы-

строились на полках вдоль стены, противоположной камину. Стены были покрыты лепкой, фресками и мозаикой, равно как и потолок — мини-мум дерева. Только мебель была деревянной.

Алейр вопросительно взглянул на Ойсина: этого ли ты ждал? Ойсин, по всей видимости, затруднялся с ответом. Единственное, что Алейр понял по встречному взгляду жреца, так это решимость разгадать смутную историю на Най-Брэнил сейчас и здесь.

Ойсин не сомневался, что найдет Последний Знак, но никак не ожидал, что его хранителем окажется Дубтах.

Старик, хоть и не видел ничего, словно бы видел все, словно бы перехватил этот моментальный обмен взорами.

— Не удивляйтесь, — усмехнулся он. — Я стар, но еще не слаб.

— Знаю, — быстро оправился от первого изумления Ойсин. — И не только я.

— Это, должно быть, Мейлах вам рассказал? Похоже на него. Ничего не понимает, но тоже тянется причаститься тайны...

— Дубтах, зачем ты нас звал? — спросил вдруг Ойсин. — На Най-Брэнил нет зла. Нет в том виде, как это обрисовал ты. А то, что есть, вполне преодолимо не то что тобой, но даже и Мейлахом с его стражей, не говоря уж о Бренне или Медб.

— Нет? — засмеялся Дубтах. — Что же больше! Мальчишка возомнил себя богом — да что там, едва ни архонтом! Бренн? Да, он умеет любоваться красивыми переливами и сплетениями символов, но

не сознает, что се переливается и пестрит драконья чешуя! Сидит в алмазной башне и не понимает, что до алмазов падок всякий мимохожий вор. Кто из нас слепой — я или он? Медб? Да вы еще назовите Ниям! Одна помешана на ворожбе, как всякая деревенская знахарка, и боится, что ее волшебные гадальные кости назовут их настоящим именем: мусор. Другая превращает дерьмо в золото, сиречь совмещает разврат с супружеской верностью, в чем и преуспела — Бренн, как я вижу, доволен. Этого мало?!

— Ты хочешь сказать, мир рушится? А прежде было иначе? — заметил Ойсин.

— Прежде — да! — От недавней невозмутимости Дубтаха не осталось и следа. — Попустительство, благодушие, глупость, блуд — все это было и пребудет. Но! Когда сильнейший яд попадает не ко врачу-лечителю, но к одержимому — это не бедствие. Нет, это хуже! Это возвращение Отца зла!

— А если яд попадет к одержимому врачу-лечителю? — вставил слово Ойсин. — Тебе не дает покоя рукопись?

— Нет, не рукопись, — криво ухмыльнулся Дубтах, качая головой. Руки старика виделись блее белого, да и сам он, теперь не в белых одеждах, а в черной ризе, выглядел точно архонт на одной из мозаик. — Но место ее. То, что сокрыто и должно быть сокрыто. Письмена богов остаются богам. Мы лишь хранители их. Письмена подтверждают величие замысла богов своим существованием, и не дело смертных касаться основ, коих им постигнуть не суждено.

— Так тебя уязвило, что принц оказался умнее тебя? — усмехнулся Ойсин.

— Умнее? Как бы не так! Пусть мои очи не зрят солнца, но я чувствую, есть ли оно на небосводе! Мне ли не знать, какой ветер ловят паруса, что распустил Кондла!

— Да уж точно не северный, — заметил Ойсин.

— Еще бы! — воскликнул жрец. — Стеклянная Башня — воронье пугало. Ужели юнец сам мог додуматься, что искать в библиотеке и где?

— Почему бы и нет? — возразил Ойсин.

— Да потому, — прихлопнул Дубтах ладонью инкрустированную столешницу, изображавшую картину мира от крайнего Восхода до последнего Заката и от звездных сфер до глубей недр и пучин морских. И белая иссохшая длань архонта-Дубтаха возлежала на кольце Окружного Океана. — Потому что для открытия таких тайн нужно знать то, что знают немногие. Нужно знать то, что передается от посвященных посвящаемым из века в век. Долго искали они ходы сюда, но Най-Брэнил был закрыт для них, и я немало потрудился для этого. Увы, ищущий да обретет!

Только я оказался не так глуп, как думали они! — опять воскликнул жрец, не давая Ойсину вставить реплику в свой монолог. — Раз один нашел путь, то и другие, коли дать им ту же карту, повторят его. Мне ли не знать было, что прочел за свою жизнь принц Кондла, когда я был — и остаюсь, пусть это лишь видимость ныне — его наставником! Дай семерым те же книги и те же права, что имеет восьмой, да еще их

соотечественник и ровесник — и они пройдут его дорогой...

— Так это ты убил сих несчастных! — догадался Ойсин.

— Не страшно, — осклабился верховный. — Напротив, они, полагая, счастливы, поелику достигли вершины всех желаний — узнали час своей смерти и умерли так, как хотели. Что, нравится вам логика старого Дубтаха? — ехидно спросил он.

Если бы у жреца были живые глаза, он бы взглядом прожег дыру в сердце Ойсина.

— Нравится, — без вызова отвечал жрец. — И что, они открыли тебе тайну?

— Почти. Не хватало одного звена. Я знал уже, что искать, но не знал где.

— Теперь знаешь? — спросил Ойсин с некоторым даже любопытством.

— А тебе самому разве не интересно взглянуть на это? — странно хихикнул Дубтах. — Как видишь, не только ты умеешь читать символы.

— Охотно признаю сие искусство и за другими, — кивнул Ойсин. — Как ты следил за нами? Или откуда-то можно наблюдать за всей библиотекой?

— Нет, до такого даже создатели Най-Брэнил не додумались, — отказал предположению Ойсина жрец. — Сие нарушило бы замысел библиотеки как лабиринта. Нет. Я предвидел, что друг твой не откажется взять фонарь у Дехтире.

— И что фонарь? — быстро спросил Алеир, доселе молчавший, не вмешиваясь в словесный поединок Ойсина и Дубтаха. Да и кто был бы в

силах вмешаться? Разве третий равный им знаток лабиринтов, но сыщется ли такой в мире?

— Маленький осколок неизвестного мне металла помещается в его оправе, — начал Дубтах. — Дай мне фонарь, так будет проще, — попросил жрец.

Алейр отдал фонарь.

— Так вот. — Дубтах безошибочно указал на серебристо-белый металл, выделявшийся вкраплением на желтом ободке, поддерживающем камеру с маслом. — Фонарь — у вас, а это — у меня, — и он извлек из рукава нечто вроде плоского двустороннего зеркала, выполненного из голубоватого сияющего кристалла. Жрец развернул зеркало плоскостью к куску металла, и сейчас же треск, похожий на мурлыканье кошки или же на треск мелких искорок вокруг натертого шерстью янтаря, но треск гораздо более звучный и громкий, наполнил комнату. Дубтах оставил фонарь в одном углу, сам же с зеркалом отошел в противоположный. Треск стал тише, но совсем ненадолго. Тогда жрец повернул зеркало ребром по направлению на фонарь: треск исчез, будто то, что трещало, накрыли толстым гранитным колпаком.

— Теперь слушайте.

Дубтах принялся плавно разворачивать зеркало, и чем более оно обращалось к фонарю своей плоскостью, тем отчетливее слышался треск, достигнув своей наивысшей мощи при зеркале, открытом фонарю.

— Вот так я и следил за вами, — пояснил Дубтах. — Не спрашивайте меня, что это за чудесные материалы, и как получилось, что они столь див-

но взаимосвязаны, ибо секрет их утерян, а я не кузнец и не стекольщик, чтобы постигнуть эти законы самому. Мне повезло в том, что я выбрал эту комнату. Она мне всегда нравилась, и я не ошибся. Ваш путь окончился здесь. А то, что он закончился, — несомненно, понеже я слышал вашу беседу по ту сторону двери: зрения я лишился, зато слух мой обострился замечательно! — хихикнул старик.

— Замечательное изобретение, — похвалил зеркало и кусочек неизвестного металла Ойсин. — Итак, ты предлагаешь нам открыть тебе этот свиток — или книгу — к нашей общей выгоде. А почему нас? И кто такие «они», коих ты опасешься более тайных посланцев Стеклованной Башни?

— Вот уж не думал, что услышу этот вопрос, — с недоброй хитринкой улынулся Дубтах. — Я-то считал, что воины Ордена не будут лицемерить там, где это бесполезно. Что ж, я отвечу. Кто такие «они»? А кто век за веком оплетает мир сетью своего Плана? Кто шаг за шагом проникает к самым сокровенным тайнам древности и захватывает их одну за одной? Кому, наконец, нужно то, что мы теперь почти нашли?

— И кому же? — Алейр не понимал, знает ли Ойсин правду, говоря так, или же нет. Однако Дубтах, видимо, это мало интересовало.

— Орден, — был ответ. — Кто еще так уверен в себе, чтобы думать о бессмертии? Кто еще настолько могуч, чтобы одолеть лабиринт Най-Брэнил? Кто еще мог знать о том, что лежит в библиотеке, не входя в нее? Почему вы?! А кто же еще?

— Так зачем ты говоришь нам это? — вмешался Алейр. — Если мы воины Ордена, и ты не хочешь допустить, чтобы мы завладели рукописью — или чем там еще, — зачем говорить нам все это?

— Затем, — на сей раз совершенно хладнокровно, безо всяких гримас, изрек верховный, — что вы не принадлежите Ордену.

— Ты ошибаешься... — начал было Ойсин.

— Нет, — сказал Дубтах, так будто железный браслет наручника захлопнул на запястье у Ойсина, да и у Алейра заодно. — Кто же сунулся бы в библиотеку, зная, что я здесь хозяин? Да еще и на моих глазах? Зачем тогда было дурачить принца? Зачем вообще было искать книгу, когда Кондла вынес бы ее вам на серебряном блюде? Когда Орден действовал своими руками? Этого не было. Наконец, что вы знаете об Ордене? Кто-нибудь из вас слышал о нем до того, как вышел на берег Най-Брэнил?

— Орден не может ошибаться, — возразил Ойсин. — Или мы, или принц Кондла. Кто-то должен был взять книгу первым и наверняка.

— Чушь, — покачал головой Дубтах. — Вы не знали, что ищите. Еще раз повторяю: я слышал, что вы говорили в соседней комнате. Итак: вы находите книгу — и можете забирать ее. Лишь бы она не попала к Ордену. Я отпускаю вас с острова, а уж с принцем справлюсь сам.

— Зачем же ты посылал за рыцарями Ордена? — насмешливо сказал Алейр. — Ты сам запутался, Дубтах. Сначала ты говоришь, что мы — из Ордена, и потому нашли книгу. Потом — что мы

понятия об Ордене не имеем. Потом отдаешь нам книгу, не зная, что с нами станет. И при этом ждешь гостей от Ордена. Не слишком ли?

— Нет, — все так же твердо и уверенно рек слепой. — Я вызвал рыцарей, чтобы они отыскиали мне книгу, и дабы при этом схватить их. Но это была бы слишком опасная игра. Орден силен, и все войско Най-Брэнил может не устоять, если рыцари Ордена возьмутся за дело. Можно убить принца, но книга останется. И здесь попадаетесь вы. Кто будет искать в Океане двух мореходов-бродяг? Кто станет думать, что Дубтах вручил книгу им? Остров останется цел, Орден не получит книги.

— А ты останешься при власти? — попытался поддеть жреца Алейр.

Разговор теперь вел Алейр, Ойсин же странно замолчал. Он снова что-то обдумывал.

— Останусь, ибо моя власть праведна, — нимало не смутился Дубтах.

— Не проще ли уничтожить книгу? — осведомился Алейр.

— Тогда надо жечь всю библиотеку. Я не знаю, где книга. Вы можете найти ее. И еще: ни одна книга Най-Брэнил не будет уничтожена. И ни одна не покинет остров, кроме этой единственной. Нет ничего глупее, чем пытаться уничтожить то, что было написано, ибо сие — то же самое, что пытаться воспротивиться промыслу богов: от его полноты не убудет, и жгущий книгу заслуживает осмеяния и порицания. Но столь же глупо искать в книгах новое откровение, либо норовить вывести новое на основании книг: все сказано, и мож-

но лишь хранить сказанное, поступая угодно богам, ибо свидетельствуя тем самым их истинность. Орден возомнил, будто его План пересоздаст мир лучше, нежели создали боги. Орден неустанно расследует, измышляет, толкует. Ордену нужно бессмертие, дабы постигнуть пределы бесконечного, как то могут боги. «Нет»,— говорю я. Орден не получит вождя. Вы же... Что ж, пробуйте! Но говорю: ни силы вашей, ни многих других не достанет, чтобы понять смысл того, в чем спрессованы тысячелетия. Ничего не уразумеете вы, и никого не вразумите, и останетесь, как прежде, нищи. А Орден пускай рыщет по всему Океану! Поймать ли ему тех, кто сумел во тьме незнания одолеть барьеры Най-Брэнил, и во тьме бессветия пройти лабиринт его библиотеки, да еще знает при этом, что за ними охотятся? Нет, вечными призраками будете скитаться вы с этой книгой, не в силах ни постигнуть ее, ни расстаться с нею, тем самым еще раз утверждая истинность речей богов и слабость человека.

— Доводы твои, конечно, блестящи,— не уступал Ллейр.— Только у меня есть вещь посильнее слов — мой меч. Те полтора десятка стражников — уж не ты ли их подослал, чтобы проверить нас на крепость?

— Я,— бесстрастно кивнул Дубтах.— Они сами жаждали потехи, а войны я им предоставить не мог. Чем рубить друг друга во хмелю или на боготворном ристалище, лучше пускай умрут в честном бою и твердой памяти. Что и случилось. Я их не убивал, я был лишь средством.

— А сам ты не боишься? Меч ведь при мне,— Ллейр потянулся к черену, чтобы вытащить клинок и продемонстрировать Дубтаху шипение меча, выходящего из ножен.

— Не тянись за мечом. Я верю, что он при тебе,— остановил Дубтах.— Меня ты убить можешь, но тогда вы не сумеете выйти отсюда. Та комната — с «редкостными» книгами — откуда вы давеча вошли сюда, ныне далеко. Только я знаю механизм библиотеки. Войти в лабиринт — это полдела. Попробуй выйти! — Старик тихо засмеялся.— Это действительно смешно, понеже парадоксально, хотя я и не люблю парадоксов,— пояснил он.— Прямой путь — путь символа...

— Прямее некуда,— проворчал неслышно себе под нос Ллейр, но слепец уловил все!

— Ага, ты понял! — воскликнул он.— Именно! Прямой путь, или путь «туда», если угодно,— путь символа, погоня за смыслом неясного. Обратный путь — путь веса и числа, путь расчета и механики. Ты и твой спутник мыслите текстами, но не числами, и владеете пером и мечом, но не рычагами! Символ не даст вам ничего, и вы пропадете здесь, что не нужно ни вам, ни мне.

— Но довольно препираться,— резко заключил тут Дубтах.— Если я вас не убедил, вам же хуже: я не отпущу вас с острова, и Бренн решит все по-моему.

— А существует ли книга? — прибег к последнему доводу Ллейр. Ойсин продолжал молчать.— Может, ее и нет, и она лишь плод больной фантазии, уж не знаю, чьей прежде: твоей или принца?

— Книга есть,— был ответ. Отвечал Ойсин.— Дубтах, я согласен: мы отыщем книгу. Только ты ошибаешься, и ошибаешься в нескольких вещах. Первое: если и есть горстка дураков, назвавших себя Орденом, то у них нет никакого Плана. Второе: если План и есть, то он не План, а обычный бессмысленный лепет. Третье: Стекланная Башня сильна, как не была уж давно — опасайся ее, коли желаешь добра острову. И последнее: люди — не черви, и я в том числе. Превратиться в Призрак Книги, в раба Книги? Нет, этого бояться не мне. Я как раз из тех, кто расчленяет, соединяет и лепит — я изыскатель, а не хранитель. И я покуда не разучился смеяться, в том числе и над собой.

Но все пустое,— заключил теперь Ойсин.— Я убедил тебя ровно настолько, насколько ты меня. Я открою, где лежит книга. И мне действительно страшно любопытно взглянуть на нее.

— Где же? — Голос жреца оставался ровным, но мышцы лица его напряглись так, будто он старался не глазами, так кожей воспринять порядок книг, находящихся в комнате.

— Не спеши,— лукаво улыбнулся Ойсин.— На полках нет этой книги: такое было бы слишком просто. Вспомни, что ты сказал давеча: «нужно бессмертие, дабы постигнуть пределы бесконечного». Бесконечного! Где лежат твои руки?

— На столе.— Вот теперь Дубтах оказался сбит с толку.

— Где «на столе»? — настойчиво продолжал уточнять Ойсин.

— По всей видимости, на Кольцевом Океане,— в раздумье выговорил слепец, и можно было поразиться его осязательной памяти.

— Кольцевом! — провозгласил Ойсин.— Нет ничего бесконечнее кольца! Вот он, последний шаг по пути символа! Пусти...

С этими словами жрец бесцеремонно сдвинул руки старика к краю столешницы и следом нажал на кольцо окраинного Океана в местах выходов наружу остий земной оси — на полюсах...

О чудо! Часть столешницы — сиречь круг, заключенный в кольцо Океана,— поднялась на мягких пружинах вверх, открыв изрядную выемку в толстом дереве. В тайнике, выложенном изнутри пластинами, вытесанными из драгоценных камней, так что получался ящик самоцветного стекла, покоился, заключенный в тисненую кожу, изукрашенную золотом и камнями, древний фолиант.

Дубтах, опередив Ойсина, схватил книгу и подтащил к себе. Ойсин не стал мешать жрецу. Верховный тщательно ощупал переплет и обложку, проделав сие с таким вниманием и лаской, будто был отцом, который гладит по голове маленького ребенка. Затем он аккуратно положил книгу перед собой и развернул ее. Ойсин и Алеир, встав по обе стороны от старца, заглянули в эти пожелтевшие листы тончайшего пергамента, хранившие память тысячелетий.

Язык был незнакомый. Буквы, писанные четким ровным почерком, казались даже не написанными, не нарисованными, но вырезанными скульптором на каменной плите, либо выгравиро-

рованными на бронзовых пластинах. Замечательная буква в виде огромной рыбины, причудливо изогнувшейся, украшала первую строку, весь же текст обрамлял витиеватый и тонкий орнамент из растений и сплетений всяческих узоров и фигур. На соседней странице, слева, красовался подобный орнамент, но другой, а обрамлением он служил некой схеме о десяти вершинах, связанных меж собой несколькими линиями. Вершины и линии все были означены буквами либо надписями. Прямо по схеме, то разрываясь, чтобы пропустить сквозь себя ее линии, то перевиваясь с ними, шли буквы заглавия. Было оно длинным, что, впрочем, часто случается в старинных книгах, и занимало весь лист.

Дубтах ощупывал листы так, будто мог кончиками пальцев распознать написанное. Но, увы, слепота положила предел и его почти нечеловеческой проницательности.

— Что гласит книга? — спросил он.

— Язык мне непонятен. Должно быть, сие либо тайнопись, либо некий древний язык, ныне умерший. Но схема о десяти вершинах, приведенная здесь вместе с заглавием, наводит меня на мысль о десяти мирах.

— Всякая книга есть тайнопись; всякая тайнопись — сама по себе книга, — изрек старик. — Буду листать далее, вы же смотрите, не встретится ли нечто знакомое.

И листы потекли один за другим, открывая тексты, и буквы, и орнаменты, и рисунки, но язык всюду был тот же, непонятный. Рисунки являли

самые разные предметы и сюжеты: то было изображено некое устройство, то вид природы, то здания или внутреннее их убранство, то растения и животные многообразных видов — попадались и вовсе фантастические существа, — то простые люди всех сословий, то богоподобные мужи и девы. Были здесь и карты земных пределов и звездных небес. Время от времени Ойсин рассказывал Дубтаху, что он видит. Старик в ответ кивал головой, иногда задавал вопросы и запоминал. Последний рисунок изображал мужа и жену столь собой дивных и прекрасных, вечно юных и в то же время мудрых, что было несомненно: это — люди, и они бессмертны. Затем, и далее до конца книги, почерк сменился — должно быть, дописывал эти страницы кто-то иной, ибо буквы оставались столь же безукоризненными, но все ж характер их стал другим.

— Наверняка в конце книги приведены схолии, — догадался Ойсин. — Почерк меняется, а рисунки исчезают. Да и пергамент выглядит менее древним.

— Что ж, — заключил Дубтах. — Полагаю, найти тех, кто говорил бы ныне на таком языке, будет трудно, но вот тех, кто может прочесть, — возможно. Если у вас хватит смелости, плывите на Семь Городов. Вот где умеют стеречь библиотеку в строгости! Не то, что здесь. Кондла прав: Най-Брэнил изрыт крысиными норами, и крыс тут полно, даже в библиотеке. Так вот, — вернулся он к книге. — На Семи Городах еще хранят язык Пришедших Первыми, они должны прочесть. Могли еще

альвы, жившие некогда на Островах, — из тех альвов, что помнят еще Отца зла, а то и более давнее время — но таких давно уж нет. Оставшиеся здесь либо куда моложе, либо несведущи в Предании. Что же до Семи Городов, то я не поручусь, что после визита туда вы оставите книгу при себе. Да и за головы ваши не поручусь, — мерзко хохотнул Дубтах. — А посему... Мейлах! — крикнул он вдруг громко, быстро вскочил, схватив книгу, и метнулся как кошка к двери в дальней стене.

Алейр, выхватывая меч, бросился за ним, но тут та дверь распахнулась, и в комнату вбежали, закрыв собой Дубтах, несколько воинов в блестящих доспехах со щитами. Вел их не кто иной, как Мейлах.

— Стойте! — закричал он на Алейра. — Или сейчас будете мертвы!

А за распахнутой дверью в коридоре виднелись еще шлемы новых воинов. Открылась и задняя дверь, в которую Алейр и Ойсин недавно вошли. Там тоже маячили стражники.

Алейр, разумеется, мог довольно просто расправиться с несколькими противниками, но в такой тесной комнате против такого количества врагов и он был бессилен. Оставалось держать на расстоянии Мейлаха. Командор Най-Брэнил все же не желал так скоро расстаться с жизнью.

— А посему пусть ваши головы останутся на вас и здесь! — все так же невозмутимо, без ликования или возбуждения рек Дубтах из-за спин рыцарей. — До времени, конечно, — не преминул присовокупить он. — Орден не получит этой кни-

ги, инда если вы семижды семь раз отречетесь от своей принадлежности к нему. А до вашего третьего я еще доберусь: принц теперь не нужен мне. Книга у меня!

* * *

— А вот это мы еще посмотрим! — Голос, сказавший это, грянул столь неожиданно, что даже Алейр вздрогнул, не понимая, что случилось. Голос раздался будто из-под земли. В нем звучали металлические ноты, да такие, будто это пела большая труба. Но нечто знакомое в нем все же было...

Камин внезапно изверг тучу сажи, пепла, искр и угольев — хорошо еще, что не были задеты книги, — а следом в комнату прямо из широкого печного зева ворвался некто огромный и с оружием. За ним кто-то гораздо ниже, но тоже крепкий и вооруженный, а потом еще фигура — высокая и стройная, и еще двое или трое в кольчугах.

Алейр в первый миг растерялся, конечно, но долго гадать не пришлось. Конан — а это был именно он — предпринял с ходу такую атаку на стражников, что лучшему воину Зеленого острова отставать не пристало. Принц Кондла и трое верных его людей — старых товарищей по обучению, присоединившихся к Алейру, Конану и Ойсину, составили такой железный кулак, что попавшим под него уйти не удалось. Поначалу разобрать что-либо было невозможно: лязгали мечи, звенели щиты, все что-то кричали. Но преимущество Конана и Алейра в мечном бое было столь неоспоримо, что вскоре, завалив проем телами убитых

и раненых стражников, им удалось захлопнуть и заклинить чьим-то мечом заднюю дверь. Принц держал в руках вожденную книгу. Двое его друзей держали Дубтаха, угрожая ему мечами. Алейр, без особой, впрочем, кровожадности и без видимого удовольствия прижал острием меча к стене Мейлаха, так что вывернуться тот не мог. Конан в дверях устрасал столпившихся дальше воинов. Королева Ниям — а здесь была и она — держала речь.

— Дубтах, и ты, Мейлах! Вы посмели напасть на гостей. Вы пошли на это, не испросив позволения короля Бренна или моего.

— Они посягнули на библиотеку, королева, — нисколько не страшась, отвечивал Дубтах. — Орден не получит книги.

— Зачем же ты звал сюда Орден? Это ведь было твое настояние.

— Чтобы они нашли книгу.

— Зачем?

— Чтобы ею не воспользовался принц.

— В чем опасность сего? Принц — наследник Бренна. Он вправе читать все, что хранит библиотека.

— И вас, королева, совсем не волнует безумие принца?

— Принц в здравом уме и твердой памяти, в отличие от вас, — жестко сказала Ниям. — Мне надоели эти препирательства. Мейлах, командуйте вашим воинам сложить оружие.

— Не смей, — рек в ответ Дубтах. — Если они убьют меня, их самих убьют, — обратился он к

стражникам. — А если они меня не тронут, мы будем стоять здесь долго. Я стар, но терпелив.

Королева, конечно, обладала властью на острове, но слова Дубтаха слушались больше, чем слова короля. Никто не пошевелился.

Выход предложил Конан.

— Нет, любезный. Стоять мы не будем, — отвечал он жрецу. — Ты проводишь нас к выходу, а мы сопроводим тебя. И Мейлаха заодно.

— Я никуда вас не поведу, — холодно сказал жрец.

— Я поведу, — усмехнулся принц Кондла.

— Пусть оставит книгу здесь, — не уступал Дубтах.

— Чтобы ты похоронил ее навеки? — огрызнулся Кондла. — Нет.

— Идем, — скомандовала Ниям. — Разочтемся, когда выберемся из этого крысиного гнезда. Я укажу королю Бренну на то, что происходит вокруг библиотеки. И мне не понадобится ни Орден, ни жрецы, ни жрицы... Ни воины... — добавила она, бросив на Мейлаха уничтожающий взгляд. — Вперед!

Процессия двинулась. Впереди шагали принц и Конан. Замыкал шествие Ойсин. Воины Мейлаха оружия не опустили, но и подступиться к пришельцам не могли: мечи Конана и Алейра внушали им почти сверхъестественный страх.

Но освещенные комнаты быстро кончились.

— Где наш фонарь? — спросил Конан.

— Разбился в схватке, — отвечал один из друзей принца.

— У меня есть,— заметил Ллейр.— Возьмите и зажгите.— Ллейр по-прежнему сопровождал Мейлаха.— Будем надеяться, что твоим, Дубтах, зеркалом никто не воспользуется.

Книгохранилище было воистину огромно, но вот и полки пропали. Выйдя через какую-то низкую железную дверь, они оказались в сводчатом по-прежнему темном тоннеле. Слабый свет фонаря едва достигал потолка. Здесь было сыро и явно пахло морем.

— Куда это ты нас вывел, Кондла? — спросила Ниам.

— Сейчас будет лестница вверх,— пообещал принц, и голос его показался странно напряженным. Это не укрылось от Дубтах.

— Спросите хоть, зачем ему книга,— предостерег жрец.— Из Ордена вы, или нет, но вы ничего не понимаете в том, что здесь происходит. Вы нашли книгу, но вы ни на сенм не распутали узел, который здесь завязан. А ведь вы приплыли именно за этим...

И тут речь его была прервана. В сторону действительно уходила сквозь довольно узкую щель лестница. Едва Конан шагнул к ней, как навстречу ударил резкий свет, ослепивший всех. На самом деле это были всего лишь несколько факелов, но после тусклого масляного фонаря и факельный огонь казался ослепительным.

Какие-то люди в черном, числом около двадцати, крича на непонятном для киммерийца языке, атаковали колонну. Самое удивительное было то, что принц Кондла моментально, словно кош-

ка, юркнул в проход, и то же сделал один из его друзей, а еще один упал мертвым, убитый самим принцем.

Конан прежде всего бросился защитить Ниам. Его, так же как и Ллейра и Ойсина, не убили в первой же атаке лишь благодаря их воинскому умению.

Теперь было не до сопровождения Мейлаха и Дубтах, ибо нужно было защищаться. Впрочем, жрец оценил обстановку молниеносно.

— Книга! — закричал он так, будто украли по меньшей мере пол-острова.— Им нужна книга! Догоните их!

Но подгонять Ллейра и Ойсина не пришлось: им-то язык нападавших оказался знаком куда как близко!

— Стеклянная Башня! — с ненавистью прошипел Ллейр.— Вот тебе и северный ветер!

А воинам в черном, видимо, оказался памятен голос Ллейра. По крайней мере в рядах их тут же поселилось смятение, чем Ллейр и воспользовался. Без труда проломив оборону двоих, ставших у лестницы, он метнулся туда. Конан и Ойсин вместе с оставшимся в живых сотоварищем Кондлы, который, должно быть, испытывал ныне разочарование в старой дружбе, должны были отбиваться от несколько утративших пыл, но вовсе не собиравшихся сдаваться или бежать врагов. Мейлах был ранен, и приходилось еще закрывать от клинков его, Ниам и Дубтах.

К счастью, Ллейр в своей погоне преуспел. Прошло совсем немного времени — Конану с Ойси-

ном показалось, что изрядно, — как Алейр снова появился в проеме, волоча за шиворот упирающегося Кондлу. Увидев, что схватка при свете упавших на пол, но не погасших факелов в полном разгаре, Алейр, прикрываясь принцем как щитом, решительно вмешался. Искусство воина, помноженное на ненависть к заклятым врагам, имело ошеломляющую силу. Черные, несмотря на численное превосходство, стали отступать в глубину тоннеля.

Весы удачи уже стали было склоняться в пользу Конана и его спутников, когда сзади в тоннеле раздались крики. Неизвестно уж как, но стража Най-Брэнил отыскала-таки беглецов. Бежать было некуда, и все три отряда перемешались в невообразимой каше. Обхватив рукой Ниам, Конан продвинулся вперед, туда, откуда веяло соленым морским ветром.

— Алейр! Ойсин! Скорее сюда! — крикнул киммериец.

Ойсин и Алейр, вняв зову, вскоре оказались рядом с Конаном. Тут же, откуда ни возьмись, очутился и Дубтах.

— Книга! — вскричал он. — Где она?

— Да заberi ее! — В сердцах Алейр, отобравший книгу у Кондлы, сунул ее в руки старцу. Тот прижал заветный том к груди, как мать младенца, но в следующий миг некто в черном плаще с надвинутым капюшоном — судя по доспеху, все же воин острова — вынырнул из-за спины жреца, схватил книгу и опрометью бросился вперед по коридору, растаяв во тьме. Правда, он выро-

нил что-то на бегу, и это что-то зазвенело, как стекло, но не разбилось. Ойсин поднял предмет.

— Зеркало Дубтаха! Он воспользовался им!

— Книга! Они похитили книгу! — опять загремел голос верховного, не разобравшего, кто же отобрал у него рукопись. — Хватайте их!

Стражники, также не уразумевшие, кого должно хватать, увидев Дубтаха в окружении троих пришельцев, бросились на них. Вперед выскочила Ниам.

— Стойте! — Она подняла руку вверх, выставив вперед открытую ладонь. — Не трогайте этих людей, иначе вам придется убить меня! Бегите! — Это относилось уже к Конану, Алейру и Ойсину. — Там море!

— А дальше? — спросил киммериец. — Мы не знаем пути!

— Я покажу, — прозвучал сзади легко узнаваемый голос, похожий на крик альбатроса. Это был Калаган.

— Пошли, месьюры, и побыстрее. Ваша карра уже на воде.

— Идите с ним! — приказала Ниам. — Их я задержу настолько, насколько это надо, — добавила она, не обращая внимания на отчаянные призывы Дубтаха.

— Не извольте беспокоиться, моя госпожа, — ответил лощман. — Най-Брэнил был столь любезным, что подогнал причал с корабликом этих месьюров как раз сюда.

Понимая, что проститься с Ниам хотя бы поцелуем не удастся — их просто схватили бы, вос-

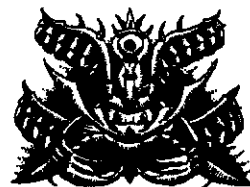

пользовавшись заминкой,— Конан отцепил с пояса серебряный амулет и вложил в другую, ничем не занятую ладонь королевы.

— Прощай,— твердо сказала Ниам, не оборачиваясь.— И поспеши.

Глава девятнадцатая

алаган не обманул. Не прошло и двух фарсинтов, как они, влекомые исходящим от острова течением, все дальше уходили в океан. Самая сложная часть пути была пройдена, и только скрипучий лоцман в своей лодчонке оставался теперь рядом с ними.

Ночное небо, полное звезд, покачивалось над головой в такт волнам.

— Все, месьоры,— вымолвил он наконец.— Дальше открытый Океан.

— Благодарим тебя, Калаган,— отвечал Ойсин.— Ты очень помог нам.

— Не стоит,— усмехнулся старик.— Ну как вам Най-Брэнил? Понравился ли вам наш театр? — неожиданно спросил он.— К тому же не всякому доведется самому играть в представлении.

— Действо? — ахнул Ойсин.— Так я был прав, когда мы бились с Отцом Зла! Великое Действо альвов? Да?

— Оно самое,— не разочаровал Ойсина старик.— Древнее искусство, почти забытое.

— Так значит...— Киммериец не знал, кто такие альвы, но слово «действие» в сознании Конана было накрепко связано с понятием «надувательство», хотя надувательство потешное и не очень обидное.— Значит, все было обманом, старик? И Отец Зла, и карнавал, и книга, и королева Ниям, что ли?

— Не спеши.— Голос Калагана зазвучал лукаво.— Действо — действием, да только ты воспринимал все, с тобой происшедшее, как реальность. Ведь верно? Значит, и верил во все это, как в реальность. Чего же тебе более настоящего, киммериец? Но не думай плохо о нас. Королева Ниям — самая настоящая королева, таких еще поискать! Разве ты не согласен?

Едва Конан открыл рот, чтобы ответить, как старик исчез вместе с челноком, будто растаял. Громада Най-Брэнил, светившаяся кое-где огнями, подернулась вдруг туманом, поблекла... и канула в никуда, будто ее и не было. Остров пропал так же внезапно, как и появился.

Некоторое время все трое молчали. Слов не отыскивалось. Ошарашенные, оглушенные и несколько разочарованные и подавленные, шли они под парусом вперед, в ночь, слушая песню снастей. Все вокруг казалось призрачным, прозрачным и ненадежным.

Внезапно слева по борту вода вспучилась и опала, пошли круговые волны, и широкая чешуйчатая спина с гребнем, показавшись над водой,

снова ушла в глубину, а над волнами взлетел фонтан, и брызги его мелкой пылью коснулись лиц мореходов.

— Селиорон! — радостно произнес Алейр.— Вот вам свидетельство незыблемости бытия!

— И его непостижимости вместе с тем,— заметил Ойсин.— Думайте, как хотите, но я приемлю все, что случилось с нами. И еще: тот, кто уволок-таки у Дубтах книгу... Я знаю, откуда он: у него капюшон такой, какой разве что сам Дубтах опознал бы в том переполохе, да он слепой, бедняга. Ну и я догадался, поелику видел этих капюшонов множество.

— И откуда же? — поинтересовался Конан, хотя это вовсе не занимало его.

— С острова Семи Городов — жрец-книжник. Если захочешь стать бессмертным, киммериец, плыви туда.

— А ты? — лениво спросил Конан.

— Мне не нужно,— отвечал Ойсин.

— Мне тоже,— сказал Конан.— Я и так король, чего же еще? Править Аквилонией всю жизнь и знать, что это бесконечно? Да я же умру от скуки, и бессмертие не поможет!

Разговор затих. Океан, спокойный и мощный, бережно держал карру на своей груди, равномерно дыша волной. Звезды над горизонтом медленно приближались, чтобы к утру растаять, а следующим вечером снова убежать в бесконечную даль.

«А ты сама настоящая? Или тоже сейчас обернешься чудовищем или ароматом благовоний? —

Конан вдруг ясно услышал свой собственный вопрос, что он задал Ниам.

«Самая что ни на есть. Чувствуешь?» — так же ясно прозвучал над Океаном голос Ниам.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	35
Глава третья	61
Глава четвертая	83
Глава пятая	111
Глава шестая	137
Глава седьмая	171
Глава восьмая	203
Глава девятая	235
Глава десятая	295
Глава одиннадцатая	315
Глава двенадцатая	343
Глава тринадцатая	355
Глава четырнадцатая	367
Глава пятнадцатая	387
Глава шестнадцатая	415
Глава семнадцатая	423
Глава восемнадцатая	439
Глава девятнадцатая	471

Литературно-художественное издание

КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.09.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 11 000 экз. Заказ 941.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

«Северо-Запад»®

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии

•Северо-Запад®

26. Конан и Рыжий Ястреб
27. Конан и пленники бездны
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копьё Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь
50. Конан и мятеж четырех
51. Конан и клеймо Змея
52. Конан и Хозяин Океана

•Северо-Запад®

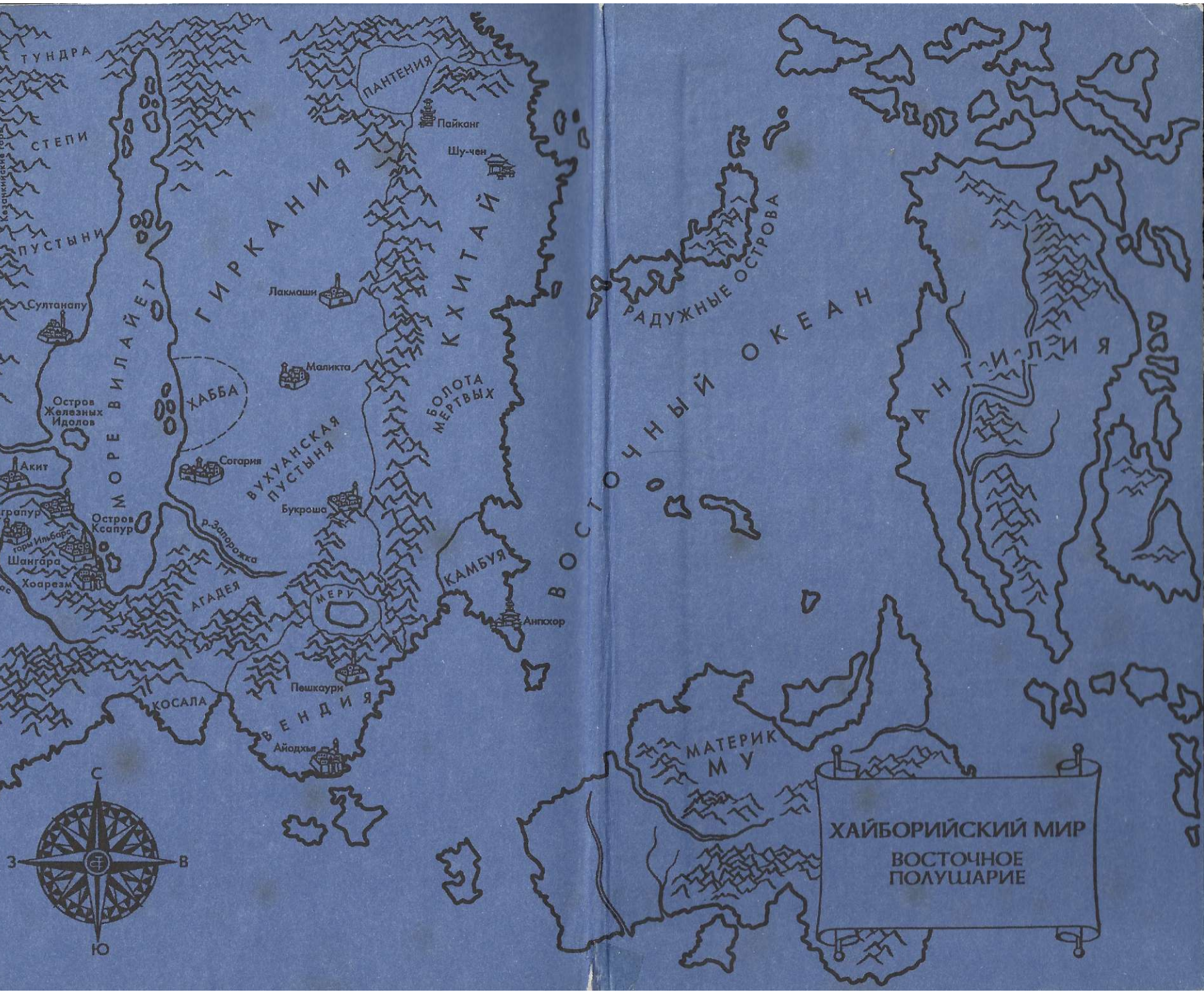
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

KOLAH

ISBN 5-87365-057-8

9 785873 650576